

Том 43, № 3
Сентябрь 2018

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель

НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 73518 от 31 августа 2018 г.
Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский, доктор философских наук,
Профессор (НИУ «БелГУ», БГИИК)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев, доктор философских наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков, доктор юридических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

Выпускающий редактор

С.С. Почепцов, кандидат философских наук,
доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

А.Е. Новикова, кандидат юридических наук,
доцент (НИУ «БелГУ»)

С.А. Вангородская, кандидат социологических наук,
доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Борисов С.Н., доктор философских наук,
профессор (БГИИК)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
(Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук,
профессор (Университета Северной Каролины,
США)

Власенко Н.А., доктор юридических наук,
профессор (Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ)

Волкова О.А., доктор социологических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Философия. Социология. Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy. Sociology. Law

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

А.И. Бобков, В.С. Федчин
Славянофильство как трансгрессия 401

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

М.А. Игнатов
Понятие «сеть» в современной науке и философии 408

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В.П. Бабинцев, А.Э. Ушамирский
Концепция субъектности молодежи как симулякр социологической науки 414

В.Г. Погосян
Критический анализ исследовательских подходов к изучению социальных систем 421

О.В. Сорокин
Изменяющаяся социальная реальность в регуляции девиантного поведения российской молодежи 429

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Р.Г. Аббасов, В.П. Римский
1968 год: первая субкультурная революция 437

С.Н. Борисов, К.И. Черкесова
Социокоды и технологии хранения информации в первобытной культуре 443

А.М. Давлетшина
Правовой опыт еврейской интеллигенции межвоенного периода (Первая Австрийская Республика и Советская Россия) 449

М.Н. Киреев
Правовая культура в контексте духовных ценностей русской философии 457

М.В. Ковалева, А.А. Телегин
Н.А. Бердяев: феномен творчества в культуре 465

Т.В. Мордовцева, С.А. Петрушенко
Социально-философская интерпретация роли образования в экономике знаний 470

А.В. Прокофьев
Договорная этика в межвидовом контексте 477

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук,
профессор (Варминско-Мазурского
университета, Польша)

Драч Г.В., доктор философских наук,
профессор (Южный федеральный университет)

Никольский С.А., доктор философских наук,
профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук,
профессор (Институтасоциально-политических
исследований РАН)

Климова С.М., доктор философских наук,
профессор (НИУ Высшая школа экономики)

Королева Л.Г., доктор философских наук,
профессор (Курский государственный
университет)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук,
профессор (Воронежский государственный
университет)

Майданский А.Д., доктор философских наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

Малько А.В., доктор юридических наук,
профессор (Саратовский филиал ИГП РАН)

Мархгейм М.В., доктор юридических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

Назаров В.Н., доктор философских наук,
Профессор (Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук,
профессор (Софийский университет
имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Ушамирская Г.Ф., доктор социологических
наук, профессор (Волжский институт экономи-
ки, педагогики и права)

Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*
Корректура, компьютерная верстка
А.Н. Оберемок
Оригинал-макет: *С.С. Почепцов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
rocheptsov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 28.09.2018
Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman, Impact
Усл. п. л. 25,0
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Заказ 266
Дата выхода журнала 30.09.2018

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 81462

Оригинал-макет подготовлен
и тиражирован в издательском доме
«Белгород» НИУ «БелГУ»

Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

И.И. Булычев, Ю.А. Иванов

Этика гонителей: провинциальный социум и антицерковная практика (1918–1941) 485

С.В. Васильева, О.В. Доржигушаева

Подходы к реализации религиозного образования в местах компактного проживания старообрядцев в условиях поликонфессионального региона 491

С.В. Резник

Концепты насилия и ненасилия в идеологии и культурных практиках мировых религий (к постановке проблемы) 498

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.Н. Александров, И.Н. Архипцев

Особенности субъективной стороны преступлений, совершенных несовершеннолетними в Белгородской области 504

Е.В. Аристов

Концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации 509

Г.Г. Загайнова

Особая экономическая зона как правовой эксперимент развития территорий в Российской Федерации 519

М.Е. Игнатъев

Некоторые историко-правовые аспекты причинной связи в отечественном уголовном праве 525

М.В. Мархгейм, Л.И. Никонова

Предвыборная агитация в сети интернет: версии доктрины и динамика практики 532

Е.В. Сафронова, В.Н. Струков

История зарождения советской модели прокуратуры (1917–1922 гг.) 539

Е.Е. Тонков, Л.А. Пожарова, С.С. Захаров

Конституционно-правовые гарантии достоинства личности в созидаемом государстве 545

А.П. Тресков

Третейское разбирательство как альтернативный способ разрешения споров 553

Е.И. Ян

Судебное разбирательство и его криминалистическая характеристика 558

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Т.Ю. Денисова

Человек как существо, пролагающее границы 566

К.В. Кравец

Взаимосвязь права и нравственности в философии В.С. Соловьева 571

С.Г. Стенюшкина

Применение социальных технологий в практике управления рисками предприятий индустрии туризма 575

С.С. Черных

Магистральные теоретико-методологические подходы понимания власти: метафизика versus диалектика 582

С.М. Шарабарин

Книга как предмет философско-культурологического исследования 587

Сведения об авторах 594

Volume 43, № 3

September 2018

SCIENTIFIC REVIEWING JOURNAL

Belgorod State University
Scientific bulletin

Philosophy. Sociology. Law

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Философия. Социология. Право

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher,
letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015,
Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77 - 73518 dd 31.08.2018
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor

V.P. Rimskiy, Doctor of philosophy, professor
(Belgorod State National Research University,
Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev, Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

E.E. Tonkov, Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

S.S. Pocheptsov, Candidate of philosophy
(Belgorod State National Research University)

Responsible secretaries

A.E. Novikova, Candidate of law (Belgorod State National Research University)

S.A. Vangorodskaya, Candidate of sociology
(Belgorod State National Research University)

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

S.N. Borisov, Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod State institute of arts and culture)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

M.F. Bykova, Doctor of philosophy, Professor
(North Carolina State University, USA)

N.A. Vlasenko, Doctor of law, Professor
(The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russia)

O.A. Volkova, Doctor of sociology, Professor
(Belgorod State National Research University)

Dariusz Shpopper, Doctor of law, Professor
(University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

A.I. Bobkov, V.S. Fedchin
Slavophilism as transgression 401

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

M.A. Ignatov
The concept of «network» in modern science and philosophy 408

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

V.P. Babintsev, A.E. Ushamirsky
The concept of youth subjectivity as simulacrum of sociological science 414

V.G. Pogosyan
Critical analysis of research approaches to the study of social systems 421

O.V. Sorokin
Changing social reality in the process of regulation of deviant behavior of the russian youth 429

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

R.G. Abbasov, V.P. Rimskiy
1968: the first subcultural revolution 437

S.N. Borisov, K.I. Cherkessova
Sociocode and technologies of information storage in primitive cultures 443

A.M. Davletshina
Judicial experience of the interbellum Jewish intellectuals (the First Austrian Republic and Soviet Russia) 449

M.N. Kireev
Legal culture in the context of spiritual values of russian philosophy 457

M.V. Kovaleva, A.A. Telegin
N.A. Berdyaev: the phenomenon of creativity in culture 465

T.V. Mordovtseva, S.A. Petrushenko
Socio-philosophical interpretation of the role of education in knowledge economy 470

A.V. Prokofyev
Contractualist ethics in an interspecies context 477

G.V. Drach, Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

S.A. Nikol'skiy, Doctor of philosophy, Professor
(Institute of Philosophy, Russian Academy of
Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor
(Institute of Social and Political Research,
Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor
(Kursk State University)

Y.N. Starilov, Doctor of law, Professor (Voronezh
State University)

A.D. Maydanskiy, Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

A.V. Malko, Doctor of law, Professor
(The Institute of State and Law of The Russian
Academy of Sciences)

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor
(Belgorod State National Research University)

V.N. Nazarov, Doctor of philosophy, Professor
(Tula State Pedagogical University of
L.N. Tolstoy)

C.G. Sivkov, Doctor of law, Professor (University
of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

G.F. Ushomirsky, Doctor of sociology, Professor
(Volzhsk Institute of Economics, Pedagogy and
Law)

The articles are given in authors' editing

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*
Proofreading, computer imposition *A.N. Oberemok*

Dummy layout by *S.S. Pocheptsov*

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
pocheptsov@bsu.edu.ru

Passed for printing 28.09.2018
Format 60×84/8
Typeface Times New Roman, Impact
Printer's sheets 25,0

Order 266
Price free
Circulation 1000 copies

Date of publishing 30.09.2018

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 81462

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"

Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

I.I. Bulychev, Yu.A. Ivanov

The ethics of persecutors: the provincial socium and anti-church
practice (1918–1941) 485

S.V. Vasilyeva, O.V. Dorjigushaeva

Approaches to the implementation of religious education in places
of compact residence of old believers in a multi-confessional
region 491

S.V. Reznik

The concepts of violence and nonviolence in ideology and cultural
practices of world religions (problem statement) 498

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

A.N. Aleksandrov, I.N. Arhptsev

Features of the subjective side of crimes committed by minors in
the Belgorod region 504

E.V. Aristov

The concept of the project social code of the Russian Federation 509

G.G. Zagaynova

Special economic zone as a legal experiment in the development of
territories in Russian Federation 519

M.E. Ignatiev

Some historical and legal aspects of causation in domestic criminal
law 525

M.V. Markhgeym, L.I. Nikonova

Campaigning on the internet: Version of the doctrine and
dynamism of practice 532

E.V. Safronova, V.N. Strukov

History of the creation of the Soviet model of the public
Prosecutor's Office (1917–1922) 539

E.E. Tonkov, L.A. Pozharova, S.S. Zakharov

Constitutional-legal guarantees of the dignity of the individual
in the creative state 545

A.P. Treskov

Arbitration as an alternative method of dispute resolution 553

E.I. Jan

Trial and criminological characteristics 558

THESIS

T.Y. Denisova

Man as a creature establishing the boundaries 566

K.V. Kravets

Relation between law and morality in the solovyovsvision 571

S.G. Stenyushkina

The use of social technologies in the risk management practice
of tourism industry enterprises 575

S.S. Chernykh

Main theoretical and methodological approaches to understanding
power: dialectics versus metaphysics 582

S.M. Sharabarin

The book as a subject of philosophy and cultural studies 587

About authors 594

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.3

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-401-407

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО КАК ТРАНСГРЕССИЯ

SLAVOPHILISM AS TRANSGRESSION

А.И. Бобков, В.С. Федчин**A.I. Bobkov, V.S. Fedchin**

Иркутский государственный университет,
Россия, 664000, Иркутск, ул. К.Маркса, 1

Irkutsk State University,
1 K. Marx St, Irkutsk, 664000, Russia

E-mail: iab71@inbox.ru

Аннотация

Взгляд на славянофильство как трансгрессию есть парадокс. Его традиционно рассматривают как консервативное возвращение к традиции, а значит, ставящего предел. Вместе с тем необходимо заметить, что этот предел более мягок, нежели категоричный предел западников. Именно эта степень мягкости и выдает славянофильство как трансгрессию, следующую за предугадыванием тупика прогресса, начатого с установления конечной границы роста православной цивилизации. Размывание славянофилами экстатического утверждения внеисторического бытия новой России, угадывание в ней не остановленного роста старой России свидетельствует о том, что Гегель был прочитан славянофилами пристально и критически. Через самостоятельный философско-религиозный опыт путем трансгрессивного понимания истории была учреждена экзистенциальная социальная философия, перешедшая через А. Кожева к французам (Ж. Батаю, М. Фуко, М. Бланшо). Поворот к «философии для людей» от «философии для себя» также свидетельствует о трансгрессивной сущности славянофильской философии. Вводя понятие трансгрессии в анализ философии ранних славянофилов, мы, с одной стороны, обозначаем его методологическую необходимость в анализе любой философии истории, а с другой стороны, выявляем иной, на наш взгляд, более эвристичный и актуальный уровень анализа философской мысли России. Наряду с этим мы несколько иначе трактуем трансгрессию, нежели М. Фуко, полагающий ее через спасение конкретного индивида от стандартизации социокультурного бытия. Наша трактовка заключается в определении трансгрессии через возвращение этносу этнической субъектности и выявление народа как главного защитника от разрыва социального и культурного бытия.

Abstract

Slavophilism one of the most difficult directions of the Russian philosophical thinking in the conditions of search of sociocultural identity of the Russian society becomes one of necessary components of phenomena of fundamental character. Its specifics are that disagreement with designation of the Russian sociocultural organism as a secondary historical object has led to revision of limits of identity of the Russian outlook. It allows to make the assumption that it should be considered sociocultural transgression of the designated border of original subjectivity of the Russian society in the history. At the same time it should be noted that these lines are drawn in such a way that on the one hand ruptures of the Russian history are liquidated, and with another cultural injuries as an alternative to gaps are shown.



Specifics of transgressing gesture of Slavophilism consist in the subject integrity of ethnos assuming elimination of self-traumatizing intellectual elite and ethnic objectivization. The organic unity of the Russian history was forbidden both by the western thought of the age of Enlightenment, and ideology of the European empire. From here an exit out of the limit made by Slavophiles. Such polaganie of sense of their philosophy focuses attention to need of their new philosophical reading.

At the same time, transgression of Slavophiles designates also leaving from the idea of the nation as way of removal of the dominating beginning of the bourgeois in the society of bezetnichesky character. Lack of ethnic subjectivity as a natsiyestroitelstvo basis transgressing gesture of Slavophilism stops by designation of her presence. Assuming organic integrity of the Russian history Slavophiles point to other understanding of nature of social changes and elimination of practice of national exclusiveness, destructive for ethnos.

Ключевые слова: религиозный опыт, трансгрессия, славянофилы, предел, коллективный субъект, исторические разрывы, культурная травма.

Keywords: religious experience, transgression, Slavophiles, limit, collective subject, historical gaps, cultural injuries

Введение

Поставив в заглавие статьи сочетание до сих пор не сочетавшегося, мы обнаруживаем и актуализацию самобытного русского философствования, и наличие феномена трансгрессии в конкретной исторической эпохе, воплощенной в философском творчестве славянофилов. Здесь уместно согласиться с точкой зрения С.М. Каштановой, поясняющей, что социальное рождается тогда, когда природный порядок вещей, а значит, его предел, нарушается человеком. «И именно нарушение этого животного еще порядка вещей, собственно, проложило, осуществило ту границу, которая сейчас разделяет недозволенное и законное. До тех пор первый прачеловек, еще не знавший ничего о своей человечности, не знал также и о существовании границы, пока сам ее не нарушил, тем сам создав. По ту сторону этого предела началась социальная жизнь», – полагает она [Каштанова, 2014, 95]. В данном случае животное состояние стоит рассмотреть как невозможность сосредоточения на самом себе. Это важно, ибо собственное самосознание есть не что иное, как отражение чего-то запредельного, того, чего «нет» для сознания, но оно влияет на потребность в установлении справедливых границ человеческого для начала и сохранения общества.

Возможно нарушение тотемных запретов, когда святым признавалось животное происхождение человека, и стало поводом для того, чтобы понять тот факт, что данная профанация задала иные границы между сакральным и профанным, позволяющим создать более культурную форму социальности – общину, скорее всего, духовную общину. Человеческий предок породил желание подражать себе как отрекшемуся от животного начала. Именно это отречение по сути и создает то, что образует взаимное духовное единение как необходимую форму человеческого общежития.

В связи с этим вполне очевидным становится акт трансгрессии, который М.Фуко и определял как акт безобъектной профанации – «... пустой и замкнувшейся на самое себя, той профанации, инструменты которой направлены не на что иное, как на самих себя» [Фуко, 1994, 114]. Далее М. Фуко высказывает мысль о духовном пути расколдованного мира в индивидуализированное общество: «Но в мире, который не признает более позитивного смысла за областью святого, не станет ли профанация как раз тем, что можно было бы назвать трансгрессией?» [Фуко, 1994: 114].

Была ли мыслительная альтернатива профанации, приводящей к нарциссизму общества индивидуализации? Скорее всего, была и шла от индивидуализирующегося субъекта к коллективному сакральному субъекту. В этом следует усматривать трансгрессирующий жест направленности на себя коллективного, сакрального, а не профанного. И такой трансгрессией необходимо, на наш взгляд, считать мысль ранних славянофилов.

Славянофильство как ответ на предел развития коллективного субъекта

Что же является главным связующим звеном между славянофильством и трансгрессией? На наш взгляд, связующим звеном является их трансгрессивное нарушение запрета на то, что западный социальный порядок признается единственно правильным отрывом социального от природного, а все остальные порядки объективно природны, а значит, могут быть преодолены. Считать их природными и есть запрет мягкого насилия европейского типа. Здесь необходимо обратиться к важному замечанию В.А. Подороги: «Европейская культура в течение последних трех столетий достигла высокого искусства создавать все более гибкие и точные системы пределов-запретов, действующих превентивно, с учетом будущего возможного эксцесса и его интенсивности; она больше не отторгает от себя трансгрессивные состояния, но впитывает их, как губка, „размягчая“, перенаправляя их разрушительную энергию в уже готовые полифункциональные (капиллярные) системы запретов» [Подорога, 2010, www]. Именно на этот запрет – считать наличие человеческого только в западной культуре – и вышли славянофилы с их антропологическими идеями органичности истории и целостности человека. В их понимании трансгрессия Запада с ее секулярной направленностью назад к природе и выстраиванием социобиологической модели власти (М. Фуко, 1994) превращала человека в орудие. Это превращение, по мнению И.В. Киреевского, выглядело как результат трансгрессивного преодоления религиозных запретов, не отражающих некие социальные закономерности.

Предел органичного развития человеческого общества, где человек лишь тогда человек, когда он с другими образует «мы», был нарушен личностью одинокой и свободной в этом одиночестве и соединяющейся с другими лишь благодаря инстинкту самосохранения. Поэтому и трансгрессия Запада у И.В. Киреевского выглядит как обращение человека в «...“орудие чуждых сил“ под “насильственной властью естественного, расстроенного порядка вещей“» [Судаков, 2011, 91]. Как видим, здесь выступает на первый план разрушение естественного «религиозно-общинного» порядка вещей. Война с духовной общиной есть трансгрессия западной культуры, ее жертва – духовная община и замещение ее священной иерархией. Трансгрессия же русская, наоборот, стремится принести в жертву священную иерархию во имя торжества духовной общины и соборности.

Если в первом случае человек начинается тогда, когда он нарушает запреты «мы», но не в игровой форме, а в полном механическом насилии и запрете раз и навсегда возрождения этого мы, то во втором случае трансгрессия выглядит наоборот. Русская религиозная философия в славянофильской трансгрессии стремится поставить запрет на социальный эгоизм и социальную инженерию как искажающие начала человека. Мы уже отмечали ранее, что мировоззренческая позиция И.В. Киреевского складывалась «...под влиянием господствовавшего тогда в Европе романтизма, явившегося реакцией европейской общественной мысли на идеи просвещения и политические результаты Французской буржуазной революции» [Федчин, 1993, 69–70]. Влияние романтизма очевидно, но, скорее всего, и романтизм следует понимать как акт трансгрессии, вводящий вновь запрет на жертву человеком в интересах массового помешательства рационального толка. В связи с этим далее нами было отмечено, что «...главные мировоззренческие моменты этого движения заключались в иррационализме и идеализме, доведенном до религиозного мирозерцания...» [Федчин, 1993, 70].

Разрывы истории как трансгрессивные культурные травмы

Если же признать разрывы трансгрессивными культурными травмами, нанесенными этнической субъектности носителями искаженной идеи истории, тогда органичность и целостность станут более очевидными, а значит, волей-неволей придется увидеть наличие этнической субъектности. Откуда берутся разрывы и их непонимание как культурных травм? Скорее всего, от увлеченности социальными изменениями как некими необрати-



мыми процессами, несущими прелесть истории и дающими право говорить о том, «чего еще нет» (Б. Рассел). Социальные изменения, понимаемые как разрывы, порождают иную философию истории, нежели их трактовка как элементов органичного развития этнической субъектности. Можно сказать, что признание разрывов влечет за собой утверждение конца истории, конца сопротивляющейся этнической субъектности.

В подтверждение данного тезиса приведем черты культурной травмы, обозначенные П. Штомпкой: «Социальное изменение, связанное с травматическими событиями, имеет четыре характеристики:

1. Оно обладает временной характеристикой в виде неожиданности и быстроты.
2. Оно обладает определенным содержанием и размахом – радикальное, глубокое, всестороннее, затрагивающее основы.
3. У него есть истоки – воспринимается как экзогенное, пришедшее извне, как нечто, на что мы сами не влияли, а если и влияли, то неосознанно (мы «страдаем» от травм, травмы «происходят с нами», мы «сталкиваемся» с травмами).
4. Оно воспринимается в определенном мыслительном контексте как нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее» [Штомпка, 2001, 8].

Следует заметить, что само определение данного хода событий как травмы есть косвенное указание на наличие некоего организма, трансгрессивно ускользнувшего от травмы или переживающего травму, но отнюдь не прервавшего свое собственное развитие. Он и в травматическом событии присутствует, сознает себя. Только при этом ищет возможность преодоления запрета введения в историю этнической субъектности. И он понимает суть того, что произошло из-за действия замены органического социального порядка механическим инокультурным суррогатом социального. Самое главное заключается для него в том, что он мыслит так, как будто в истории нет разрывов. Для него характерно вопрошание о том, почему изменилось знание и средства селективного отбора, приведшие к механизмам учреждающего насилия тех, кто стремится «прервать» историю? И что делать тем, кто не согласен с политикой игнорирования органичности? Органичность, по всей видимости, требует иного познающего субъекта, того субъекта, который, заботясь о себе, заботится о других – обладает практиками преобразования себя, если пользоваться терминологией М. Фуко. Через это преобразование себя он иначе смотрит на историю, обнаруживая истину там, где было обозначено заблуждение, и борьба с ним привела к культурной травме. Для него травма нанесена изнутри путем незнания управляющим самого себя. Однако он не требует смены управляющего в силу того, что не видит более способного к управлению. Вот поэтому он и предлагает для проведения нормальных изменений обозначить органичность истории как преграду для тех, кто полагает, что «...все, удовлетворяющее условиям будущего развития, – хорошо» [Штомпка, 1996, 232].

Разрыв и полагает, что развитие возможно только в будущем, а не в настоящем и, тем более, в прошлом. Но до настоящего ведь тоже что-то развивалось.

Прошлому поставлен предел, разрыв считается непреодолимым. Его наличие и есть та черта, которая отделяет один миропорядок от другого. Признавший эту черту в качестве непреодолимого предела уже не уповаet на этническую субъектность, для него история народа закончилась, пришла масса. С ней бороться бессмысленно, человек как вещь, как орудие уже состоялся, и в этом – окончательный смысл истории. История, обретая такой смысл, уже достигает предела и прекращается. Органичность истории превращается в избыток, принесенный в жертву.

Разрывы русской истории как основа непонимания славянофильской трансгрессии

Проследим осмысление разрывов русской истории в философии Н.А. Бердяева и истории богословия Г.В. Флоровского. Их позиции однозначно утверждают, что событийный ряд прерывается в силу несопротивления народа катастрофическим событиям. Н.А. Бердяев в своей «Русской идее» констатировал: «Для русской истории характерна прерывистость» [Маслин, 1990, 45]. С ним согласен Г.В. Флоровский, поясняющий: «История русской культуры, вся она в перебоях, в приступах, в отречениях или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. Русская историческая ткань так странно спутана, и вся точно перемята и оборвана» [Флоровский, 1991, 500]. Вместе они и констатируют факт, что полагать органичность русской истории является заблуждением, методологическим тупиком. Позиция Н.А. Бердяева: «В противоположность мнению славянофилов она менее всего органична. В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы» [Маслин, 1990, 45].

Дящееся самобытие и преемственность традиции духовного свойства при таком взгляде на вещи и субъекта представляется невозможным. Лишенный родины и дома, Н.А. Бердяев лишает права на продолжение исторического процесса и целый народ, хотя и надеется на возрождение. В этом и есть непонимание славянофильской органичности как трансгрессии. Наиболее полно это объяснил Ф.И. Гиренок на примере понимания философии И.В. Киреевского М.О. Гершензоном. Его важное замечание заключается в следующем: «...Гершензон посчитал ошибкой то, что было существом философии И.В. Киреевского. Гершензон почему-то был уверен, что история куда-то идет. К какому-то идеалу» [Гиренок, 1998, 111]. Как видим, и здесь есть цель, предел и запрет на иное понимание истории. История в таком ракурсе измерима, разорвана, упорядочена. Смыслом наделяется одно, бессмысленным объявляется другое. Научное видение истории нуждается в целеположении и разрывах, она не органична. Иное дело – взгляд И.В. Киреевского, полагающего цикличность и возможность возвращения, а значит, органичность. «У Киреевского история никуда не идет. Что и выражено в понятии сердечного человека. То есть история пульсирует вокруг душевной цельности человека. Она то заполняет ее, то опустошает» [Гиренок, 1998, 112].

Если Европа позволила себе принести в жертву органичность истории, то она опустошила историю, а если русская мысль позволила себе в жертву принести неорганичность истории, то она породила историческую субъектность как преодоление орудийного статуса исторического субъекта. Квазисоциальный субъект, вырвавшийся наружу в эпоху революции, не являлся историческим народом. Это была масса рассудочно бессердечного свойства, порожденная тем, что интеллигенция вновь определила не жизнь в прошлом и разрыв с ним во имя жизни в будущем. Предел, поставленный животному началу религии, и был преодолен во время Французской революции. Экстатически предложенный в результате революционного насилия порядок без этноса, но с нацией, озаботил славянофилов и вызвал их культурную трансгрессию. С ними произошло то, что позже выразил Ж. Батай: «Далее понятно, что человечество в своей массе *совершенно право*: в сравнении с бурным развитием промышленности все остальное выглядит крайне незначительным. Нет никакого сомнения и в том, что эта самая масса позволила *низвести себя до положения вещей*. Но подобная всеобщая приниженность, столь наглядное воплощение вещиизма служит необходимой предпосылкой для осознания и всесторонней проработки проблемы низведения человека до положения вещи» [Батай, 2000, 95]. Желание догнать более передовых вызывает предательство элиты и революционный накал тех, кто отвергает самобытность. Миф об отсталости есть самый главный миф технократического насилия и омассовления социальной субъектности. Именно с ним вынуждена бороться любая философия, утверждающая, что истину можно открыть только самобытием, но никак не заим-



ствованием истины у других. Заимствование возможно, но только как отправная точка для открытия собственным умом актуальной истины. Если событие открытия истины было в прошлом, то потребность в ней в настоящем утверждает ее отсутствие, а значит, предполагает ее открытие в будущем.

Другой, как открывший истину, лишь отправная точка, а не конец или цель истории. Конец этот – ты сам и твой социокультурный мир, наметивший путь к истине иначе, чем аналогичный, но чужой мир. Для Г. Флоровского все истины открыты святыми отцами и не отменены. Однако дело в том, что он, находясь в «священном» времени, не стремится узреть это священное время здесь и сейчас. Для него это время – время конца, а славянофилы стремились именно в этом времени обнаружить его священное состояние, чтобы открыть истину истории. Для них, если нет разрыва, значит, есть вечное, то есть неприкосновенное в повседневности, а если есть разрыв, то священное время осталось в прошлом и необходимо ждать апокалипсиса, как для Г. Флоровского. Это тот средний уровень культуры, столь необходимый в истории и философии. По всей видимости, его смысл состоит в том, чтобы не искать виновных в социальных бедствиях вне народа или внутри его, а разобраться в том, что меняется в тебе самом, что есть то самое само, которое позволяет определить меру недостаточности осмысления социального бытия.

Заключение

Применение понятия трансгрессии есть, на наш взгляд, технология иной методологической актуализации славянофильства в контексте современной социальной философии и философии истории прежде всего. Ее задача как раз и заключается в том, чтобы разрывы истории, столь лелеемые привычной доктриной исторической отсталости России, пересмотреть путем диалога с этнической субъектностью в самом себе. Для этого необходимо понять, что тотальная материализация исторического процесса, не дающая культуре места, конструирует социальную реальность, творимую только принуждающей и принуждаемой к несвободе личностью, и не предполагает бытия коллективного исторического субъекта – народа. Именно альтернативное утверждение «народа в силе» и было трансгрессией славянофильства, ведущей к целостности русской истории.

Список литературы References

1. Батай Ж. Теория религии / Жорж Батай; пер. с фр. Ж. Гайковой, Г. Михалковича. Минск: Современный литератор. 2000. 352 с.
Batay Zh. Teoriya religii [Theory of religion] / Zhorzh Batay ; per. s fr. Zh. Gaykovoy, G. Mihalkovicha. Minsk: Sovremennyiy literator. 2000. 352 s.
2. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности. М.: Аграф. 1998. 416 с.
Girenok F.I. Patologiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti. [Pathology of the Russian mind. Literality cartography]. M.: Agraf. 1998. 416 s.
3. Каштанова С.М. Трансгрессия социальная и культурная. // Грамота. 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 95–97.
Kashtanova S.M. Transgressiya sotsialnaya i kulturnaya [Transgression social and cultural]// Gramota [Diploma]. 2014. № 11 (49): v 2-h ch. Ch. II. S. 95–97.
4. Маслин М.А. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Москва: Наука. 1990. 528 с.
Maslin M.A. O Rossii i russkoy filosofskoy kulture. Filosofyi russkogo posleoktyabrskogo zarubezhya [About Russia and the Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian postoctober abroad] . Moskva: Nauka. 1990. 528 s.
5. Подорога В.А. Трансгрессия и предел //Новая философская энциклопедия.2010. URL: <http://iph.gas.m/elib/3049.html> (дата обращения: 12.05.2016 г).

Podoroga V.A. Transgressiya i predel [Transgression and limit] //Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopedia].2010. URL: <http://iph.gas.m/elib/3049.html> (data obrascheniya: 12.05.2016g).

6. Судаков А.К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И.В.Киреевского / А.К. Судаков. Рос. акад. Наук. Ин-т философии. М.: ИФРАН. 2011.191 с.

Sudakov A.K. Tselnost byitiya. Religiozno-filosofskaya myisl I.V.Kireevskogo [Integrity of life. Religious philosophical thought of I. V. Kireevsky] / A.K. Sudakov. Ros. akad. Nauk. In-t filosofii. M. : IFRAN. 2011.191 s.

7. Федчин В.С. Проблема человека в русской общественной мысли (XIX – начало XX вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1993. 208 с.

Fedchin V.C. Problema cheloveka v russkoy obschestvennoy myisli (XIX – nachalo XX vv.) [Problem of the person in the Russian social thought (19-the beginning of the 20th centuries)]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta. 1993. 208 s.

8. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс: «Вильгис».1991.601 с.

Frolovskiy G.V. Puti russkogo bogosloviya [Ways of the Russian divinity]. Vilnyus: «Vilgis».1991.601 s.

9. Фуко М. О трансгрессии. / Мишель Фуко. Пер. с фр. С.Л. Фокина. // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил. 1994. С. 112–131.

Fuko M. O transgressii [About transgression] / Mishel Fuko. Per. s fr. S.L. Fokina. // Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya myisl seredinyi XX veka [Tanatografiya Erosa: Georges Bataille and French thought of the middle of the 20th century]. SPb.: Mifril. 1994. S. 112–131.

10. Штомпка П. Социальное изменение как травма. / Петр Штомпка. Пер. с англ. А.Ю. Моисеевой и Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Shtompka P. Sotsialnoe izmenenie kak travma [Social change as trauma]. / Petr Shtompka. Per. s angl. A.Yu. Moiseevoy i N.V. Romanovskogo // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological researches]. 2001. № 1. S. 6–16.

11. Штомпка П. Социология социальных изменений. / Петр Штомпка. Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Shtompka P. Sotsiologiya sotsialnyih izmeneniy [Sociology of social changes]. / Petr Shtompka. Per. s angl. pod red. V.A. Yadova. M.: Aspekt Press, 1996. 416 s.



ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1 (075.8)

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-408-413

ПОНЯТИЕ «СЕТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ

THE CONCEPT OF «NETWORK» IN MODERN SCIENCE AND PHILOSOPHY

М.А. Игнатов

M.A. Ignatov

Белгородский государственный институт искусств и культуры
308024, Россия, Белгород, ул. Королева, 7

Belgorod State Institute of Art and Culture,
7, Koroleva st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: ignatovmikle@gmail.com

Аннотация

В данной статье мы рассматриваем ряд узловых аспектов сетевого феномена, претендующего на новые мировоззренческие и эпистемологические перспективы, что позволит нам, во-первых, осмыслить основания для видения современного общества и культуры как «сетевых» и, во-вторых, разобраться, почему именно метафора сети была выбрана для репрезентации нового формирующегося мира и усиления его легитимности. Обоснуем положение о том, что сегодня правомерно говорить о новом сетевом типе общества как о «нормальной» (Тоффлер), но «другой» модели мироустройства, социально организованного по сетевому принципу, и о становлении информационно-медийной сетевой культуры.

Abstract

This problematic field we otreflektiruem number of nodal network aspects of the phenomenon of a claim to new ideological and epistemological perspectives that will allow us to firstly understand the grounds for the vision of modern society and culture " network, and, secondly, also understand why network metaphor was chosen for representation of the new emerging world and enhance its legitimacy. Explain the situation that it is legitimate to speak of a new network type of society as "normal" (Toffler), but other models of the world, organized by social network and information about becoming a display network culture.

If we explicate the concept of "network" in modern philosophy and theories of post – industrial/information society and rationalize it, we will see that, on the one hand, "network" is a modern world order with a new "network" logic, where there are processes of devaluation of traditional discourses, forms of communication and mental activity in favor of virtual and globally " network " models.

Ключевые слова: сеть, сетевая парадигма, сетевое общество, сетевые коммуникации, сетевое мышление, сетевая логика, сетевой миропорядок.

Key words: network, network, network paradigm society, network communication, network thinking, network logic, networking.

На наш взгляд, разумно предварительно определиться с собственной позицией, сказав, что мы признаем концепт «сети», сетевой дискурс симптоматично значимым для понимания глобальной связности объективного мира и социокультурных «сетевых» изменений, в которых современный человек с неизбежностью делает осознанный выбор си-

стемы отсчета для конструирования своей собственной системы ценностей. Как, собственно, для любого общества, в котором живут и действуют люди, осваивающие рационально рефлексивную культуру. Если эксплицитировать концепт «сеть» в современной философии и теориях постиндустриального/информационного общества и произвести его рационализацию, то мы увидим, что, с одной стороны, «сеть» – это современный миропорядок с новой «сетевой» логикой, где идут процессы девальвации традиционных дискурсов, форм общения и мыследеятельности в пользу виртуальных и глобально «сетевых» моделей. А с другой стороны, «новая суперсеть» – это, образно говоря, «стоячая волна перемен» (Кевин Келли), в которой будущее остается принципиально непредсказуемым, предполагая новое отношение к миру в границах личной ответственности и автономии. То есть во многом сетевые феномены и «сетевые эффекты» не осознанны и не артикулированы в полной мере, что позволяет нам, прибегнув к терминологии И. Канта, сравнить «сеть» с «вещью в себе», которая нуждается в дополнительных глубоких интенциях.

В плане понимания смысловой эволюции термина «сеть», его трансформаций в системах знания следует отметить тенденцию последнего периода. Она такова, что меняется, расширяется смысловое наполнение и трактовка «сети» в качестве оптимально справедливой, более качественно приемлемой в новых мировых условиях социальной формы, априори предполагающей постепенное, относительно гибкое и договорное приобщение к работе. Прежде всего, в сравнении с заорганизовано-формальными общественными отношениями, исчерпавшими свою эффективность на данном культурно-историческом этапе развития отношенческой модели в современном социальном пространстве.

Вышеизложенный контекст позволяет нам обозначить ряд важных моментов. Во-первых, изменения в смысловом употреблении «сетей» идут «в ногу» с процессами, которые можно назвать «делегитимацией условностей» и которые, со своей стороны, зиждутся на компромиссе между «гражданским и промышленным» градами, заметно повышая легитимность именно «проектного града» (в терминологии Болтански и Кьяпелло), в ходе чего меняется само существо глобальной сетевой логики. Во-вторых, понятие «сеть», эволюционируя от нелегитимности к легитимности и претерпевая смысловые метаморфозы, меняет свою социальную и культурную миссию: от восприятия «сетей» исключительно в его технических значениях (электрическая или телефонная сеть) до Интернет-сетей и сетей коммуникаций с доминирующей идеей преодоления любых границ.

Помимо этого, повышенный интерес к «сетевой парадигме» и «сетям» вообще сопрягается с аналитикой «общества знаний» или, как иногда употребляют в словообороте во множественном числе, «обществ, основанных на знаниях», что, собственно, одно и то же. Постепенно складывается понимание того, что «сетевое общество» – это определенный переходной период этап европейской культуры к развитой системе духовного производства индустриальной цивилизации, притом, однако, что данный этап сопряжен с рисками, зазорами и неизведанными лакунами, когда будущее видится одновременно многообещающим и вызывающим известное беспокойство. Аналитика сетей, утверждая стратегическую роль знаниевого ресурса и безусловную ценность информационного взаимодействия всех участников процесса, показывает, что в лоне постиндустриальных культурно-цивилизационных систем, эти процессы несут в себе риски и угрозы, повышая степень напряженности и отчуждения в обществе. Парадокс здесь в том, что природной сущности человека в его отчаянных попытках «гуманизировать» природный и социальный мир противостоит другая «проектно-ориентированная» логика (Люк Болтански) с доминированием экономических и политических ценностей, что, конечно же, вызывает обоснованную тревогу.

При том, что сегодня налицо высокий интерес к сетевой проблематике, к исследованию современного общества как « сетевого », основные концептуализации «сетей» идут по нескольким линиям и схемам, которые можно отследить. На сегодняшний день достаточно очевидно: как правило, «сеть» и сетевые феномены исследовательской мыслью свя-



зываются (и надо сказать, на достаточных на то основаниях) с достижениями в области естественно-научных дисциплин. А более конкретно – с технаукой и с информационным характером изменений, основательно меняющих самую структуру общества, буквально «опутанного» глобальной сетью Internet уже на данный момент. Складывается (и, можно говорить, практически уже оформилась) специфическая сеть взаимодействия и коммуникативных связей, где человек, одной стороны, ощущает себя относительно автономным и свободным индивидуумом, а с другой стороны, он попадает в зависимость от новых культурных смыслов, которые генерируются на границах сегодняшней сетевой культуры. И поскольку «мы живем во времена великого уравнивания, которое несет нам сеть, постольку что из этого получится, к счастью, в наших руках» [6, с. 28]. Именно так прокомментировал современную ситуацию «расширения свободы» и ответственности человека, носителя «сетевой ментальности», Чарльз Лидбитер, один из ведущих мировых специалистов в области управления инновационной деятельностью. Но, к сожалению, следует признать: в современной культуре, в обществе знания продолжает существовать противоречие между процессами наращиваемости научных технологий и отставанием процессов нравственного созревания человечества как потребителя знаниевого ресурса, в связи с чем нам представляется, что без снятия этого противоречия остановить так называемую «деятельность» по саморазрушению человека, вооруженного интеллектом, окажется невозможно.

Исследуя генеалогию сетевой парадигмы, В.П. Римский проводит параллели образов-персонажей: сеть – многоликий Протей, герой древней мифологии, и отмечает, что «сама направленность нашего сознания высвечивает реальную феноменологию сети и возможную идеальную представленность сети в нашем мышлении, в том числе и своей предметностью для философского созерцания и понимания. Задача последних – попытаться уловить сеть. Не совсем так, как мы опутываем сетями своего обаяния людей, ловим в сети рыбу или сети сотовой связи в свои телефоны... Феноменология сети предполагает сопряжение с методологией уловления этого не просто двуликого Януса, но многоликого Протея» [9, с.269]. Наряду с этим мы не в силах избежать также и «сетей повседневности». Сегодня общение на расстоянии в реальном времени в большей степени, чем развитие транспорта, приводит к уменьшению значимости ближайших, соседских связей в сравнении со связями внепространственной близости: возьмем, например, парадигму исследователя, общающегося с людьми, которые разделяют его интересы, находясь при этом в разных частях света, но не поддерживающего никаких отношений с теми из своих коллег, кто находится в соседних кабинетах. В общем, развитие средств массовой информации и особенно использование средств информатики на рабочих местах сделали вполне конкретным для значительного числа людей абстрактное понятие сети. Накопление собственно технических нововведений, сопряженное со значительным и регулярным уменьшением стоимости их эксплуатации, не могло не способствовать стиранию границ между отдельными мирами.

Иными словами, в зачаточных формах дискурс «сети» и культурных сетевых парадигм не возникает «здесь и сейчас»: с той или иной долей очевидности он обнаруживается на всех этапах длительной человеческой эволюции. Правомерно говорить, что «сеть – это «... и способ бытия человека, и способ самопорождения человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях, а само понятие «сеть» обретает методологическое звучание вне связи с информационно-технологическими процессами» [10, с. 45]. С одной стороны, сеть – это ячеисто структурированная данность, а с другой стороны, сеть – новая смысловая логика современного миропорядка. К этим подходам примыкает обобщающая трактовка «сети» как антропного феномена, в рамках которого дается достаточно емкое определение «сети», которое в целом разделяется нами. Сказанное нами подчеркивает специфику сетевого общества как общества, в котором «по мере роста инновационного сегмента размываются границы и «демаркационные линии» между наукой и технологиями, об-

ществом и культурой, пронизанных рациональным знанием» [11, с. 9], «сеть» – это новый образ мира и человека в нем, создавшего образ-сеть, новый сетевой мир и одновременно ставшего «заложником «сетей».

Примечательно, что исследователи говорят о принципиальной невозможности вычленения каких-либо основных критериев-признаков порядка, основанного на сетевой конструкции, в единую систему по причине отсутствия основополагающего труда, нацеленного на утверждение возможности существования гармоничного и справедливого мира, основанного на принципе сети. Ведь по сути, сетуют Болтански и Кьяпелло, «Отношенческий порядок никогда не являлся объектом (как это было, например, с порядком домашним, гражданским или рыночным) систематических аналитических построений в рамках традиционной политической философии. Причина этого в том, что современные течения, в которых разрабатывалось понятие сети, складывались в противовес всякого рода метафизическим конструкциям, на которые опирались политические философии общего блага» [3, с. 272]. Отсюда следует, что всякие «попытки совмещения сетевых представлений с моральной проблематикой, «подразумевающей отношение к справедливости, выстраивались путем присоединения к сетевой топике различных элементов, восходящих к самым разнообразным течениям мысли» [3, с. 272].

Зададимся вопросом: каким образом происходят процессы ассимиляции сетей в социальных науках, которые участвуют в описании отношенческого мира, обладающего когерентностью и природной непосредственностью, в котором действие может быть оправдано, если оно является составляющей проекта, направлено на развитие их возможностей ассимиляции в рамках принятой в них концепции науки. Основной тезис здесь – «Сказать, из чего, в конце концов, состоит мир, – значит придать ему некое свойство, природу» [3, с.223]. Преимущества сетевого анализа можно постараться описать посредством краткого сравнения способов описания мира и общественных феноменов. Стремление создать по-настоящему научную социологию на базе сетевого анализа заявило о себе двумя разными способами. Первый можно схематически определить как исторический, а второй – как натуралистический. Согласно первому, историческому, сетевой анализ является наиболее адекватным для описания современных обществ, поскольку их отличительной чертой является развитие разных видов деятельности по развитию сетей. Она делает упор на новизне сетевого мира и точное соответствие описаний сетей современному миру, тому, в котором мы живем и который пытаемся понять, и прекрасно согласуется с утверждением, сопровождающим описание отношенческого мира, согласно которому эта форма характеризует мир, рождающийся у нас на глазах.

Второй, натуралистический, отдает предпочтение описанию исторических изменений исключительно через сетевую структуру, откуда следует ее преимущество: «она придает сетевой форме более прочное основание, укореняя ее в самом естестве, в самой природе мира» [3, с. 273]. Преодоление разрыва между этими позициями: исторической, согласно которой сеть – это форма, которая подходит нашему времени, и натуралистической, утверждающей, что сеть – это конститутивная основа любой природы и социального мира, возможно при допущении, что в плане познания сетевая организация представляет собой наиболее приемлемую форму глобального видения мира, основанного на *отношенческой (коммуникативной) логике*. Л. Болтански и Э. Кьяпелло пишут: если и произошло что-то новое в интересующем нас здесь отношении, так это формирование способа суждения, в рамках которого принимается как непреложная данность, что мир – это сеть (а не система, не структура, не рынок, не сообщество), что дает определенные точки опоры, для того чтобы оценить и упорядочить относительную ценность людей в этом новом мире» [3, с. 275].

Осмысливая концепт «сети» и сетевой парадигмы в российской философии начала XXI столетия, мы сталкиваемся с рядом проблемных вопросов, в ряду основных – правомерность констатации сетевой «парадигмы», которая вроде бы есть... Ведь можно указать по первой прикидке, что отнюдь немало авторов присутствует в этом проблемном поле,



что и проделано выше. Но является ли она («сетевая парадигма») новой? И, что особенно важно, ломает ли она «нормативную науку»? В этом плане интересна сетевая методология в свете сравнительного анализа идей М.К. Петрова и Б. Латура, основателя «сетевой методологии» в социально-гуманитарном знании, показавшего, «как собирается «социальное» в сетях в «коллективы» и «ассоциации», «парламенты» и «ассамблеи» причудливых гибридов: человек и нечеловек, вездесущих «актеров», активных «актантов» и представительных «агентов» – этих лейбницевских монад нашего единого, гармоничного и лучшего из миров, возросших в хайдеггеровском стоическом *dasein* и сбежавших в ландшафты латуровских сетей повседневности» [9, с. 270].

Во-первых, это относится к петровскому дискурсу в исследовании науки: не только «сетей цитирования» как механизма получения нового знания, но и к неформальной, неиерархической и «горизонтальной» организации науки как «невидимого колледжа», который стремится постоянно стать институализированной, почти всегда иерархичной и «вертикальной» куновской «парадигмой». Во-вторых, сами необычные концепты М.К. Петрова введены им в контекст собственного философско-культурологического науковедения ещё в 60–70-е годы прошлого века, когда он занимался социологией науки в лаборатории «социологии науки» параллельно Б. Латуре, создавшему в это же время свои лабораторные институты «исследования науки и технологии» (STS). Мы имеем в виду такие концепты, как «фрагмент знания» и «интерьер», «трансляция» и «трансмутация», «общение индивидов и поколений». Разумеется, и М.К. Петров, и Б. Латур отталкивались от идей Мертона, но очевидно, что актуальны и латуровские, и петровские идеи о необходимости исследовать «социальные интерьеры», в том числе и «социальный интерьер науки», методами «полевых исследований», как изучают этнологи «остывшие» архаические культуры. В-третьих, петровская концепция тезаурусной динамики развития научного знания несомненно относится к «сетевой парадигме» мышления и применима не только в науковедении, социологии и философии науки [4, с. 14], но и гораздо шире – в культурологии.

Таким образом, на общем фоне динамики роста работ, посвященных сетям, обозначается тенденция широкого распространения « сетевого » видения мира. Постепенно приходит понимание того, что по большому счету «... споры по поводу сетей относятся не к миру как таковому, а к способам его описания» [3, с. 275]. Принимая эту интерпретацию сети с некоторой коррекцией, мы обосновываем сеть в качестве новой парадигмы и новой культурной реальности, которая восходит к аналогам в природно-материальной действительности, и которая сегодня связана с заметным доминированием различного рода сетей и сетевых структур, с необходимостью меняющихся (можно говорить, трансформирующих) роль человека в культуре. Происходит качественный сдвиг в понимании значимости и ценности человеческого фактора как движущей силы сетевых процессов в глобализующемся мире. Внимание правомерно отдается человеку, владеющему новейшими методами, методиками и технологиями грамотного обращения с базой знания и информации, включая ресурс «медиа».

Иными словами, характеризуя сетевую парадигму и сетевые феномены в культуре, можно говорить о том, что сеть представляет собой культурно-исторически обусловленную форму системной, сетевой связи, особый (основанный на информационных технологиях) способ производства и трансляции знаний, с присущей ей системой типических признаков, специфической сетевой ментальностью и «нет-мышлением», подвижными текучими границами, которые устанавливаются и меняются самой «сетью» и деятелями-интеллектуалами. По сути, «сеть» представляет собой новый современный миропорядок, где идут процессы девальвации традиционных дискурсов, форм общения и мыследеятельности в пользу виртуальных и глобально «сетевых» моделей. В целом обращение к концепту «сеть» (и производных от него: «сетевое общество», «сетевые коммуникации», «сетевое мышление» и пр.) иллюстрирует его скорее не как инновацию, а в большей мере как

новомодную научную и философскую парадигму, существо которой во многом все еще остается «вещью в себе», требуя целостной аналитики и артикуляции (не исключая собственностноличностных философских интуиций).

Список литературы

References

1. Белоненко Е.О., Римский В.П. Время в самоидентификации модерна // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2 (199). Вып. 31. Белгород, 2015. С. 65–80.
Belonenko E.O., Roman V.P. Time self-identification Nouveau/scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea ". N. 2 (199). ISS. 31. Belgorod, 2015. P. 65–80.
2. Белоненко Е.О., Римский В.П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. Рецензируемый научный журнал БГИИК. №1 (5). Белгород, 2015. С. 5–24;
Belonenko E.O., Roman V.P. Capitalization time in civilisation Moderne/science. Art. Culture. Peer-reviewed scientific journal BGIK. N. 1 (5). Belgorod, 2015. P. 5–24.
3. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 274–295.
Boltanski L., Kjapello Ev. The new spirit of capitalism. M.: new literary review, 2011. P. 274–295.
4. Игнатов М.А. Сетевая парадигма (философская рефлексия) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (266). Вып. 41. Белгород, 2017. С. 49–55.
Ignatov M.A. Network paradigm (philosophical reflection)/scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea ". № 17 (266). ISS. 41. Belgorod, 2017. P. 49–55.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура (http://ww.gumcr.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php).
Castells M. information era: economy, society and culture (http://ww.gumcr.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php).
6. Лидбитер Ч. Мы - думаем: массовые инновации, не массовое производство / Ч. Лидбитер; пер. с англ. А.В. Захаров. М.: Акварина, 2009. 262 с.
Leadbeater H. We think: mass innovation, not mass production/h. Leadbeater; Lane. with engl. A.V. Zakharov. PM: Aqua book, 2009. 262 p.
7. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
Nazarchuk A.V. networked society and his philosophical understanding // Questions of philosophy. 2008. N 7. P. 61–75.
8. Римский В.П. Эссе о свободной философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 8 (205). Вып. 32. Белгород, 2015. С. 193–198.
Rimskiy V.P. Free essays on philosophy/scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea". № 8 (205). ISS. 32. Belgorod, 2015. P. 193–198.
9. Римский В.П. Генеалогия сетевой парадигмы. Часть I. Аналогия и феноменология // Наука. Искусство. Культура / Научный журнал БГИИК. – № 2 (6). – Белгород, 2015. С. 267–282.
Rimskiy V.P. Genealogy network paradigm. Part i. Analogy and phenomenology/science. Culture. Art/Journal BGIK. -№ 2 (6). -Belgorod, 2015. P. 267–282.
10. Шенцева Е.А. Сетевой подход в контексте философского дискурса // Вопросы философии. № 8. 2012. С. 42–49.
Shenceva E.A. The network approach in the context of the philosophical discourse//voprosy filosofii. N. 8. 2012 . P. 42–49
11. Шамардин Н.Н. Общество «ознаний»: философско-методологический и науковедческий анализ. Дис. к. филос. н. 09.00.08 – Философия науки и техники. Белгород, 2016. 160 с.
Shamardin N.N. Society «oznaniy»: naukovedcheskij and philosophic-methodological analysis. Dees. the doctor 09.00.08-philosophy of science and technology. Belgorod, 2016. 160 p.



СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.35

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-414-420

КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК СИМУЛЯКР СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

THE CONCEPT OF YOUTH SUBJECTIVITY AS SIMULACRUM OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

В.П. Бабинцев¹, А.Э. Ушамирский²
V.P. Babintsev¹, A.E. Ushamirsky²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

² Волжский институт экономики, педагогики и права,
Россия, 404111, г. Волжский, ул. Советская, 6

¹ Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

² Volzhsk Institute of Economics, Pedagogy and Law Formation strategy,
6 Sovetskaya St., Volzskij, 404111, Russia

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru; viepp@list.ru

Аннотация

Рассматривается проблема возникновения и распространения симулякров в социологической науке. Их популярность обосновывается как общими тенденциями развития общества в период так называемого «постмодерна», так и спецификой социологического знания, особенностью которого является высокая степень свободы ученого при конструировании предмета исследования. Обосновывается, что симулятивные концепции в социологической науке представляют собой «умопостроения» авторов, адекватно не отражающие социальную реальность и являющиеся примером «игры незамутненного разума». Подчеркивается, что не соотносящиеся с реальностью симулякры в социологии могут выполнять и эвристическую функцию, поскольку позволяют отказаться от устаревших теорий. Рассмотрена концепция субъектности молодежи как типичный пример социологического симулякра. Определены причины ее возникновения и факторы, способствующие сохранению в научном дискурсе.

Abstract

The article deals with the problem of simulacrum occurrence and spread it in sociological science. It should be stressed that its popularity is justified by the general tendencies of the society development in the period of the so-called "postmodern", and by the specificity of sociological knowledge, the feature of which is the high degree of the scientist freedom in constructing of the research subject. It is substantiated that the deceptive concepts in social science are "imaginary exercises" of author, which don't adequately reflect the social reality and constitute the examples of "the game of an open mind". Also it is emphasized that the simulacrums, which don't relate to reality, can perform a heuristic function in sociology, since they allow us to abandon obsolete theories. In present article, we consider the concept of youth subjectivity as a typical example of a sociological simulacrum. In addition, the reasons for its occurrence and factors contributing to conservation in scientific discourse are determined.

Ключевые слова: молодежь, социология молодежи, симулякр, субъектность молодежи, конфликт поколений, социализация молодежи.

Keywords: youth, sociology of youth, simulacrum, youth subjectivity, generation gap, socialization of youth.

Введение

Социология молодежи в течение нескольких десятилетий была (и в значительной мере остается) одной из наиболее привлекательных для исследователей отраслей социологической науки. В качестве ее предмета обычно определяется «изучение молодежи как социально-демографической группы, ее роли в общественном воспроизводстве, положения в социальной структуре и взаимодействия с другими общественными группами, особенностей ее сознания и поведения» [16, с. 461]. В настоящее время социология молодежи представлена широким набором концепций, многие из которых (социализации молодежи, жизнедеятельности молодежи в условиях риска, субкультурного многообразия молодежи и др.) довольно релевантно отражают специфику развития молодого поколения.

Однако наряду с ними в молодежной социологии имеют место симулятивные концепции, представляющие собой «умопостроения» авторов, адекватно не отражающие социальную реальность и являющиеся примером «игры незамутненного разума» («игры в бисер» – Г. Гессе). Эти концепции вполне могут быть определены как концепции-симулякры, имея в виду, что симулякры, согласно Ж. Бодрийяру, – это знаки, «которые больше не обмениваются на «означающее», «замкнуты в себе» [18].

Целью настоящей статьи является объяснение причин и следствий распространения симулякров социологии молодежи на основе реконструкции концепции субъектности молодежи.

Методология и методика исследования

В основу исследования положены концептуальные идеи понимающей социологии М. Вебера, применяемые автором к анализу массовых действий людей. К ним относятся требования в ходе исследования отвечать на вопросы: а) при помощи каких осмысленных действий люди пытаются реализовать свои намерения; б) какие следствия имеет практическая реализация человеческих намерений; в) как эти стремления связаны с ценностными ориентациями субъекта социального действия (2, с. 499). По нашему мнению, эти вопросы заключают в себе эвристический потенциал, необходимый для понимания генезиса социологических симулякров в целом и тех, что популярны в социологии молодежи, в частности.

В эмпирическом отношении работа опирается на ряд социологических исследований, проведенных А.Э. Ушамирским в российских регионах. В их числе: «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год), осуществленное в Белгородской и Волгоградской областях методом анкетного опроса молодых людей в возрасте 14 – 30 лет ($n = 1500$) и работников органов государственного и муниципального управления, СМИ, руководителей общественных организаций, депутатов различных уровней ($n = 500$); «Молодежные конфликты в обществе риска», осуществленное методом анкетного опроса молодежи ($n = 502$) в Волгоградской области; «Интересы современной молодежи», реализованное методом анкетного опроса молодежи в Волгоградской области ($n = 501$), а также глубинного интервью молодых людей ($n = 30$) и работников органов государственной власти ($n = 25$) в 2016 году.

Результаты исследования и обсуждение

Рассматривая проблему симулякров в социологии молодежи, необходимо, прежде всего, ответить на вопрос: каковы общие причины «симулякризации» социологической науки, проявляющиеся в ее конкретных отраслях, среди которых социология молодежи не составляет исключения. Это тем более важно, что, казалось бы, конструирование симулякров противоречит самой сущности научного познания, ориентированного на установление истины, выявление закономерностей и существенных тенденций объекта.

По нашему мнению, понять и объяснить сущность возникающего парадокса позволяет учет двух обстоятельств. Во-первых, этому способствует общая логика развития общества в эпоху так называемого постмодерна, характерной интенцией которого является



отказ от идеи установления истины. В интерпретации его идеологов случайность оппонирует закономерности, что, по их мнению, позволяет описать и легитимировать хаос посредством фрагментации неопределенности и отказа от использования «обобщающих» категорий», полностью устранив при этом ценностную иерархию [14, с.11].

Во-вторых, симулякризация в определенной степени стимулируется спецификой социологического исследования, ориентированного на общественное сознание, которое, в качестве объекта анализа, характеризуется сочетанием многообразия форм (как реальных, так и фантомных) с высоким уровнем их социальной динамики. Данное обстоятельство предоставляет социологу широкие возможности для конструирования предмета анализа и выбора применяемых методов. И этот выбор носит в значительной степени ценностный характер, что усиливает субъективный аспект научных исследований.

Следствием данного обстоятельства является не только опасность вырвать из общего контекста социальной реальности всего лишь один «кусочек», что, как подчеркивает О.Н. Яницкий, нередко и происходит [18, с. 8], и на его примере построить обобщающую теорию, но и возможность стать «творцом» исследовательского фантома. При этом доказать фантомность предложенного и выброшенного в социологический дискурс симулякра впоследствии бывает крайне сложно, особенно если за ними стоит уже признанный авторитет автора. Тем более, что несовпадения и противоречия его результатам, полученным другими исследователями, всегда могут быть объяснены изменением ситуации.

Безусловно, сказанное не означает, что все социологические симулякры следует рассматривать в качестве фальсеоинтеракций, представляющих собой особую форму социального взаимодействия, «в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [7, с. 14]. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что для современной России характерна существенная деградация профессиональной этики исследователей. Так В.В. Миронов обращает внимание на рост числа «фактов прямой имитации научной деятельности, что проявляется в увеличении доли недобросовестности» [10, с. 226].

Но все же значительная часть симулякров – следствие либо отмеченной выше необоснованной фрагментации предмета исследования, не учитывающей всей полноты социальных связей и отношений, либо использования неадекватных реальности исследовательских технологий. В частности, сегодня уже довольно очевидно, что применение исключительно количественных методов социологического исследования не позволяет выявить глубинные установки и ценностно-целевые ориентации респондентов, поскольку они чаще всего дают одномоментный «снимок» следа, оставленного в сознании участников исследования средствами массовой информации и социальными сетями в данной конкретной ситуации.

Наконец, нельзя не учитывать и того, что симулякр в социологии может создаваться как реакция исследователей на исчерпанность традиционных для науки представлений, не способных объяснить новые социальные реалии. Конструирование его в данном случае означает своеобразную попытку интеллектуального прорыва и, в рассматриваемом контексте первоначально такие симулякры несут в себе значительный эвристический потенциал, который, впрочем, постепенно исчерпывается, и симулякр становится барьером в исследовательском процессе.

Очевидно, социологическим симулякрам не следует придавать большого значения в широком общественном контексте, поскольку в современной России выводы социологов крайне незначительно используются при разработке и реализации управленческих решений. Однако если они будут доминировать в научном дискурсе, это станет барьером, препятствующим включению социологической науки в процесс управления. К тому же, распространение симулякров ведет к деградации научного поиска. Прежде всего, потому что со временем любой симулякр превращается в табуированный постулат, закрытый для критики и поддерживаемый многочисленными эпигонами, в качестве которых обычно выступают люди, случайные для науки, пришедшие в данную сферу либо в поисках ученых степеней и званий, либо в силу не востребоваемости на ином поприще.

Все это в полной мере можно отнести к социологии молодежи, для которой характерно большое число защищенных диссертаций, следовательно, масса проведенных исследований. Но эти исследования оказали мало влияния на разработку и реализацию молодежной политики, которая характеризуется множеством проблем уже на уровне определения ее целей, задач и принципов, определению которых и должны были бы способствовать социологи. Однако, как довольно обоснованно пишут Е. Андрюшина и Е. Панова, несмотря на довольно длительное время институционализации, ключевыми направлениями молодежной политики по-прежнему «являются довольно эфемерные и абстрактные цели по воспитанию патриотов и эрудитов с прочным нравственным стержнем, восприимчивым к новым созидательным идеям» [1, с. 62].

В довольно очевидном разрыве между социологией молодежи и реализуемой в Российской Федерации государственной молодежной политикой, очевидно, «виновны» не только ученые. В значительно большей степени он определяется позицией органов по молодежной политике на всех уровнях государственного и муниципального управления, которые, будучи встроенными в систему административного управления, болеют теми же болезнями, что и вся чиновничья корпорация. В их числе: установка на монополизацию истины, презумпция простых решений, формализация деятельности, сочетающаяся с широким распространением имитационных практик, превратившихся, по мнению исследователей, в системообразующий фактор российского социума [4].

Тем не менее даже в условиях скептического отношения к выводам социологии молодежи в целом работники органов по молодежной политике, да другие чиновники в ходе публичного дискурса не отказываются воспроизводить некоторые симулятивные конструкции, созданные в свое время учеными. Во многом потому, что они характеризуются достаточной для чиновничьего понимания простотой и кажущейся очевидностью.

К числу таких симулякров относится вывод о субъектности молодежи, согласно которой молодежь способна выступать в качестве «активного начала (деятеля, творца социальной реальности)» [16, с. 500]. Суть концепции субъектности И.М. Ильинский в свое время свел к нескольким положениям:

- молодежь представляет собой объективное общественное явление, выступающее в качестве специфической возрастной подгруппы;
- одновременно с этим молодежь представляет собой синтез биологического и социального, что детерминирует взаимосвязанность ее психофизиологического и социального развития;
- молодежь является носителем уникального интеллектуального потенциала, направленного на будущее преобразование действительности;
- специфика социального статуса молодых людей заключается в его двойственности: молодежь выступает одновременно объектом и субъектом социализации, по мере самоидентификации и самоосознания появляется еще одно ключевое свойство молодежи – ее субъектность [6, с. 109–120].

Более того, согласно Вал.А. Лукову, «в современных условиях вопрос состоит не в том, чтобы поделить субъектностью с молодежью, но опереться на субъектность молодежи, чтобы вытянуть целое – все общество, его настоящее и будущее» [9, с. 54].

Идея субъектности приписывает молодежи три характеристики: самостоятельность (суверенность), функциональность и творческую активность. При этом последняя нередко рассматривается как определяющая [11, с. 20]. Формирование концепции субъектности вполне объяснимо – она представляла своеобразную реакцию на длительное время преобладающий (но не абсолютный) подход к молодежи как к объекту воздействия различных социальных институтов [16, с. 500], наиболее ярко проявлявшийся в сфере образования.

Однако при этом фактически игнорировалось несколько обстоятельств.

Во-первых, маргинальность молодежи, выражающаяся в том числе в ее транзитивности, что в лучшем случае позволяет говорить лишь о стремлении молодежи к обретению субъектности, то есть о процессе, который не может быть завершен в рамках сохранения мо-



лодежной идентичности. Более того, процесс взросления молодежи фактически означает постепенное нивелирование стремления к обретению субъектности, даже если оно изначально и имело место. Во-вторых, существенная субкультурная дифференциация молодежи, которую характеризует разнообразие «духовных миров». Их особенности детерминированы сложными комбинациями демографических, профессиональных, этнических, социокультурных, эко-социальных и политических факторов. В силу такого многообразия различные группы молодежи выбирают нередко существенно отличающиеся друг от друга жизненные стратегии, формулируют не совпадающие жизненные цели. Проведенное нами в 2014 году социологическое исследование «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» показало, что только достижение семейного счастья является целью, общей для большинства (54%) молодых людей. Исследование «Интересы современной молодежи» выявило существенную дифференциацию молодых людей в отношении представления о жизненном успехе. Так, с семейным счастьем его связывают 23% респондентов, с богатством – 21%, свободой – 15%, властью – 9%, самореализацией – 8%, славой – 8%, карьерой – 8% (остальные варианты выбрало незначительное количество опрошенных).

Среди стратегий, избираемых молодежью, присутствуют как стратегии наращивания субъектности, так и стратегии «сознательной десубъективизации», в том числе и посредством исключения из числа активных участников социального процесса. Ю.А. Зубок отмечает, что такое исключение «представляет собой отторжение различных групп молодежи, во-первых, от средств жизнеобеспечения; ... во-вторых, от политических и социальных прав... Как статусная характеристика социальное исключение символизирует положение отторгнутой, исключенной социальной группы [5, с. 212–213].

В-третьих, нельзя не принимать во внимание, что векторы субъектности молодежи могут быть противоположными по своей направленности: как просоциальными, так и антисоциальными. Подчеркивая, что второй вариант наиболее характерен для России, Т.И. Морозова пишет: «Безусловно, молодежь стала в целом более субъектной, то есть способной самостоятельно выстраивать свою жизнь, обеспечивать реализацию жизненных планов. Однако субъектность молодежи в большинстве случаев оказалась односторонней, квазисоциальной, то есть замкнутой исключительно на себя, без обращения к общественному контексту» [12, с. 40].

В-четвертых, представление о молодежной субъектности не подкрепляется данными, характеризующими социальную активность молодежи. В частности, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги отмечают, что «активность большей части молодежи реализуется вне общественно значимых сфер» [3, с.136].

Особое внимание в рассматриваемом контексте приобретают попытки жестко увязать субъектность молодежи с несомненной способностью многих ее представителей к творчеству. В сущности, она противоречит его классическому пониманию субъекта как человека, способного быть познавательным и действующим существом [15, с. 611]. Но проблема заключается даже не в наличии этого противоречия. В конечном итоге любые, ставшие классическими, положения могут подвергаться сомнению.

Ограничение субъектности способностью к творчеству исключает из числа социальных субъектов (акторов) всех, кто не создает новое, но тем не менее способен принимать самостоятельные решения и реализовать их на практике. В этом смысле если рассматривать чисто социальное значение данного понятия, субъект – автор выбора, если учитывать организационное – субъектность представляет собой способность к целеполаганию и целеосуществлению [13].

Следовательно, молодежь субъектна в той мере, в какой она способна к социальному выбору, самостоятельному целеполаганию и целеосуществлению. Однако это крайне проблематично в современной России, с одной стороны, потому что большинство молодых людей обладают недостаточными для такого выбора ресурсами; с другой стороны, в силу высокого уровня социального контроля и социальных манипуляций практикуемых в отношении молодежи социальными институтами, прежде всего государством.

Возникает вполне естественный вопрос: чем же сегодня поддерживается симулякр молодежной субъектности. Скорее всего, здесь имеет место комбинация нескольких факторов:

- увлеченность некоторых исследователей субъект-субъектной парадигмой социального управления, в рамках которой оно рассматривается как совместная деятельность участников (в прежней трактовке – субъекта и объекта), направленная на достижение солидарно поставленных целей. Несомненно, эта парадигма весьма привлекательна и отражает социальную перспективу, но вряд ли можно утверждать, что она реально реализуется в современной России;

- неадекватное распространение оптимистической оценки тенденций развития молодежи в конце 90-х – начале 2000-х годов, на основе которых была сформулирована концепция молодежи как лидирующей группы общества. Ее довольно последовательно отстаивал А.А. Козлов. Еще в 1998 году он утверждал, что «наша молодежь – поколение будущего. Правда, что все более очевидно, весьма далекого от тех благостных картинок, которые рисовали в общественном сознании (и не только на обыденном уровне, но и на профессиональном) в начале пути десятилетие назад» [8, с. 238–239]. Однако, как нам представляется, последующее развитие в полной мере не подтвердило эти ожидания. Молодежь в целом не стала (и не могла стать) общественным лидером, то есть группой, которая ведет за собой других участников общественного процесса, формулируя стратегические цели и определяя способы их достижения, но сохранилась инерция воспроизводства стереотипа, тем более что он формально подкреплялся авторитетом автора;

- стремление руководителей, реализующих молодежную политику в России повысить свой социальный статус, равно как и статус возглавляемых ими структур. В данном контексте концепция субъектности молодежи имеет чисто имиджевый статус, точно так же как в советскую эпоху имела концепция комсомола как авангарда молодежи, – изначально релевантная реалиям, но утратившая объективное содержание уже в семидесятые годы прошлого века.

Заключение

Таким образом, концепция субъектности молодежи сформировалась как один из социологических симулякров, наряду с другими (конфликт поколения, молодежь – лидирующая сила общества). Однако изначально она, несомненно, несла в себе существенное позитивное начало, поскольку позволяла критически оценить традиционный взгляд на молодежь исключительно как на объект воздействия (воспитания). Но, выполнив свою эвристическую функцию, симулякр превратился в фантом социологического знания, неадекватный как реальности, так и теоретическим положениям социологической науки. Вполне естественно, что в настоящее время он нуждается, по меньшей мере, в корректировке, суть которой связана с исследованием потенциальной возможности формирования субъектности у отдельных групп молодежи и барьеров, препятствующих этому как в самой молодежной среде, так и во внешнем окружении.

Список литературы

References

1. Андрияшина Е., Панова Е. 2017. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики. Власть. 2017. 7. С. 60–65.
Andrjushina E. and Panova E. 2017. Sovremennaja rossijskaja gosudarstvennaja molodezhnaja politika: jevoljucija, osnovnye napravlenija, praktiki. Vlast', 2017, 7, pp.60–65. (In Russian).
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. 1990. М., Прогресс, 804.
Veber M. Izbrannye proizvedenija: per. s nem. 1990. Moscow, Progress, 804 p. (In Russian).
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2010. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ. 592.
Gorshkov M.K. and Sheregi F.Je. 2010. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret. Moscow, CSPiM. 592 p. (In Russian).



4. Закирова Т.В. 2016. Социальная имитация как системообразующий признак современного российского общества // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 3. С.92–95.
Zakirova T.V. 2016. Social'naja imitacija kak sistemoobrazujushhij priznak sovremennogo rossijskogo obshhestva. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 3, pp.92–95. (In Russian).
5. Зубок Ю.А. 2007. Феномен риска в социологии. Опыт исследования. М., Мысль. 285 с.
Zubok Ju.A. 2007. Fenomen riska v sociologii. *Opyt issledovanija*. Moscow, Point. 285 p. (In Russian).
6. Ильинский И.М. 2001. Молодежь и молодежная политика. М., Голос. 696 с.
Il'inskij I.M. 2001. *Molodezh' i molodezhnaja politika*. Moscow, Vote. 696 p. (In Russian).
7. Каширина М.В. 2013. Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия // Социум и власть. 6 (44). С.11–16.
Kashirina M.V. 2013. Fal'seointerakcija kak osobaja forma social'nogo vzaimodejstvija. *Society and Power*, 6 (44), pp.11–16. (In Russian).
8. Козлов А.А. 1998. Только поколение надежды! // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века? СПб., Изд-во СПГУТД. Ч. 1. С. 237–240.
Kozlov A.A. 1998. Tol'ko pokolenie nadezhdy! *Molodezh' Rossii: poterjannoe pokolenie ili nadezhda XXI veka?* Saint-Petersburg, Izd-vo SPGUTD. Ch. 1. pp. 237–240. (In Russian).
9. Луков Вал.А. 2006. Ильинский: гуманистическая концепция молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2. С.48–59.
Lukov Val.A. 2006. Il'inskij: gumanisticheskaja koncepcija molodezhi. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, pp. 48–59. (In Russian).
10. Миронов В.В. 2011. Поп-культура как продукт глобального информационного пространства // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М., Изд-во Моск. ун-та. С. 216–230.
Mironov V.V. 2011. Pop-kul'tura kak produkt global'nogo informacionnogo prostranstva. *Chelovek kak subekt i obekt mediapsihologii*. Moscow, Publishing house of Moscow University. pp. 216–230. (In Russian).
11. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии: моногр. 2007. Белгород, Изд-во БелГУ. 276 с.
Molodezh' rossijskogo regiona: duhovnye miry i zhiznennye strategii: monogr. 2007. Belgorod. 276 p. (In Russian).
12. Морозова Т.И. 2012. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Белгород, ИД «Белгород», 360 с.
Morozova T.I. 2012. *Regulirovanie processov samoorganizacii molodezhi v sociokul'turnom prostranstve regiona*. Belgorod, ID «Belgorod», 360 p. (In Russian).
13. Пригожин А.И. 1992. Проблема субъекта – в центре процесса приватизации // СОЦИС. 4. С.22–32.
Prigozhin A.I. 1992. Problema subekta – v centre processa privatizacii. *SOCIS*, 4, pp.22–32. (In Russian).
14. Римский В.П. 1998. Тоталитарный космос и человек. Монография. Белгород, Изд-во Белгородского университета. 125 с.
Rimskij V.P. 1998. *Totalitarnyj kosmos i chelovek*. Monografija. Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo universiteta. 125 p. (In Russian).
15. Социологическая энциклопедия. В 2 т. 2003. М., Мысль. 2. 456 с.
Sociologičeskaja jenciklopedija. V 2 t. 2003. Moscow, Point, 2, 456 p. (In Russian).
16. Социология молодежи: энцикл. сл. / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. 2008. М., Academia. 608 с.
Sociologija molodezhi: jencikl. sl. / Otv. red. Ju. A. Zubok, V. I. Chuprov. 2008. Moscow, Academia. 608 p. (In Russian).
17. Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 6. 1 (21). С. 7–22.
Janickij O.N. 2018. K probleme modernizacii gumanitarnogo znanija // *Sociologičeskaja nauka i social'naja praktika*, 6, 1 (21), pp. 7–22. (In Russian).
18. Baudrillard J. 1994. *Simulacra and simulation*; translated by S. F. Glaser. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press. 164 p.

УДК 303.1

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-421-428

**КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ
К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ****CRITICAL ANALYSIS OF RESEARCH APPROACHES
TO THE STUDY OF SOCIAL SYSTEMS****В.Г. Погосян
V.G. Pogosyan**Российский государственный социальный университет,
Россия, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр. 1Russian State Social University,
Wilhelm Pieck street, 4, build.1, Moscow, 129226, Russia

E-mail: vardgues@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены эвристические и дескриптивные возможности методологических подходов в интерпретации функционирования социальных систем. Выявлены имманентные проблемы теоретических конструктов линейного паттерна мейнстрима. Обоснована необходимость комбинирования познавательных возможностей методологии цивилизационного паттерна с дискурсом теории хаоса в отношении социальных изменений: ограничения амплитуды возможных вариантов в точках бифуркации задаются алгоритмами коэволюционного развития. Полученные результаты исследования актуализируют поддержание системных параметров порядка в процессе модернизационных реформ с соответствующими ограничениями в ходе институциональной перестройки.

Abstract

The paper research heuristic and descriptive possibilities of methodological approaches in the interpretation of the functioning of social systems are considered. Audit of main approaches are due to both radical global changes and the need for a regular review of theoretical and philosophical grounds for their relevance to reality. The use of inadequate scientific grounds for the implementation of reform programs leads to a violation of the sustainability of social systems and is fraught with catastrophic scenarios. The immanent problems of the theoretical constructs of the mainstream linear pattern of the are revealed. The necessity of combining the cognitive possibilities of the methodology of the civilization pattern with the discourse of chaos theory with respect to social changes is substantiated: limitations of the amplitude of possible variants at bifurcation points are given by algorithms of co-evolutionary development. The obtained results of the research actualize the maintenance of systemic order parameters in the process of modernization reforms with corresponding restrictions in the course of institutional restructuring.

Ключевые слова: социальная система, самоорганизация, параметры порядка, институциональные основы, методологический подход, цивилизация, коэволюция, социальные нормы, имманентные свойства, бифуркация.

Keywords: social system, self-organization, order parameters, institutional bases, methodological approach, civilization, co-evolution, social norms, immanent properties, bifurcation.

Введение

Необходимым условием развития науки является регулярное исследование содержания объяснительных моделей на предмет установления валидности



аккумуляции знания, оперативной рефлексии и внедрения теоретических инноваций. Разрешение конкретных проблем зависит от базовых предположений, семантики понятий и логико-методологических норм применяемой методологии. Казалось бы, доказанный практикой жизни (объективное существование многообразных форм общественных образований) и утвердившийся в науке [Huntington, S. 1996] постулат о поливариантности социально-исторического процесса и существовании феномена цивилизации является, однако, предметом активных дискуссий в российском социуме в ходе общественной полемики о путях институциональной перестройки возникшего и функционирующего на коммунитарных основаниях общества на субсидиарный лад, с игнорированием имманентных свойств саморазвития и саморегуляции. Непрекращающиеся попытки в сферах государственного строительства, экономике, медицине, образовании и т. д. интериоризировать либерально-рыночную парадигму в российскую действительность, выстроенную на совершенно иных аксиологических основаниях, актуализирует необходимость очередной ревизии методологических подходов к проблеме саморегуляции общества, поддержания его функциональности и сохранения интегральной целостности в условиях происходящих социальных изменений, связанных со сменой технологического уклада и разнонаправленных глобальных тенденций.

Объекты и методы исследования

Приведенный мета-социологический анализ нацелен на установление степени соответствия концептуальных возможностей существующих теорий реалиям окружающего мира, поскольку использование неадекватных действительности научных оснований имплементируемых программ преобразований приводит к нарушению устойчивости социальных систем. Проблема связана с активизацией в современной социальной динамике информационных потоков и возрастанием роли фактора инноваций, теснящих традиции, нарушающих стабильность систем и актуализирующих вопросы адаптации обществ к непрерывным изменениям социальной реальности вкупе с возможностями управления механизмами социального развития, и состоит в разрешении противоречия между усиливающейся необходимостью модернизации находящихся в состоянии системного кризиса обществ и отсутствием адекватной объяснительной теории вместе с методологией, позволяющей выработать пути не катастрофического выхода из кризисной ситуации. Объектом исследования выступают существующие в социологической науке методологические подходы как принципиальные исследовательские ориентации и способы определения объекта изучения. Предметный интерес представляют эвристические и дескриптивные возможности подобных теоретических конструктов как линейного, так и цивилизационного паттернов, в части способности последних служить адекватным исследовательским инструментарием в изучении социальных систем и интерпретации происходящих в них изменений. Парадигмальная состоятельность конкретного методологического подхода рассматривается через призму отношения к феномену социальных изменений, а критерием адекватности подхода определяется его соответствие действительному функционированию социальных систем с использованием научного потенциала теории для обеспечения их устойчивости и безопасности.

Исследование выполнено с привлечением принципа социально-исторического детерминизма, выражающего всеобщую взаимосвязь и взаимообусловленность социальных явлений, и идеи о коэволюционной природе социального порядка каждого конкретного общества, коррелирующей с традицией Path Dependence с инкрементным характером социальных изменений и институциональной устойчивостью обществ. В качестве основных методов исследования применены абстрактно-аналитический и компаративный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Основной посылкой социологического анализа является то, что причины социальных изменений кроются в характере социального устройства. В центре внимания оказываются

анализ условий и механизмов социального порядка, поддерживающих его элементов, происходящих в нём изменений, типологизация разновидностей такого порядка. Отправной точкой в понимании механизмов социального порядка служит положение о том, что социальный беспорядок не отличается по сути и природе от порядка и не первичен по отношению к нему, но проистекает из того же порядка, характеризуясь иным набором и соотношением условий и элементов. Предполагается, что социальная дезорганизация может быть системообразующим фактором, устанавливающим социальный порядок, и может послужить отправным моментом в исследовании социальных изменений. Выделяют два основных направления, в соответствии с которыми осуществляются исследования социальных изменений: линейный и цивилизационный паттерны развития. Линейный подход состоит в одномерном прогрессистско-поступательном развитии человечества, в рамках которого социальные изменения происходят либо путём эволюции, либо путём революции. В первом случае социальные изменения стадийны, поступательны, общества видоизменяются от простых к сложно дифференцированным, от военно-аграрных к индустриально-урбанистическим (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Эволюционистские традиции определённым образом сохраняет в себе функционализм (Т. Парсонс, Б. Малиновский, А. Редклифф-Браун). Революционные же теории выводят приоритетным фактором столкновение политических интересов различных классов, а сами социальные изменения фундаментального характера являются следствием их конфликта, результатом борьбы при этом становится появление принципиально новых социальных систем (К. Маркс, И. Валлерстайн, С. Амин, П. Боде).

Структурно-функциональная социология исходит из попытки объяснения функционирования социальной системы. Согласно разработанному Т. Парсонсом подходу, главными основаниями изменений в социальных системах могут быть: нарушающие равновесие тенденции, которые всегда наличествуют в отношениях между социальной системой и её окружением; напряжённость, существующая между нормативными и структурными элементами любой социальной системы. Система гомеостатична, равновесна или находится в состоянии относительной стабильности, стабильна или находится в относительном равновесии, если в результате взаимодействия с внешней средой её имманентные свойства остаются неизменными [Parsons, 1964]. В результате без должного внимания остается отношение между конфликтами вокруг власти и внутренними противоречиями, с одной стороны, и созданием новых уровней ресурсов, благодаря которым могли происходить системные изменения, – с другой. Сам факт игнорирования конфликта как фактора общественного развития делает такой подход несостоятельным. Поэтому либеральная идеология, основанная на весьма уязвимой с точки зрения критики теории с присущей претензией на линейность и универсализм, распространяется на практике по миру не в виде учения, а насаждается компрадорскими элитами стран путем манипуляции общественным сознанием в виде норм поведения.

Конфликтный подход (Л. Козер, Р. Дарендорф, Р. Бендикс, Р. Коллинз) подчёркивает прежде всего, что главным источником изменений в обществе является конфликт между группами, отстаивающими свои материальные или идеальные интересы. Так, Р. Бендикс построил свою критику структурного функционализма и системного подхода в целом на том, что теория модернизации является фактически продолжением эволюционистских теорий, отмечая чрезвычайный уровень абстракции и несостоятельность в объяснении причин происходящих исторических процессов. Критически анализируя исторический материализм, автор отвергает идею о том, что процесс модернизации поступенчато-стадиален и обязателен для всех обществ [Bendix, 1973], оспаривает определяющую роль экономического императива в формировании идей, и, опираясь на выделенные М. Вебером культурные факторы, настаивает на важности их воздействия в социально-экономическом развитии [Bendix, 1974]. Но конфликтному подходу с его сильным антисистемным уклоном не удаётся объяснить ни возникающие тенденции к системообразованию, ни механизмы интеграции и солидарности.

С упором на роль органических противоречий в трансформации культурных и социальных моделей и порядков связан центральный тезис в символично-структуралистском подходе К. Леви-Стросса [Levi-Strauss, 1958]. В соответствии с этим подходом символические



трансформации объясняют и переход социальных порядков; структура социальной организации выводится из символической (культурной) сферы человеческой деятельности. В аргументации этого подхода слабым пунктом является неспособность определить природу институциональных механизмов, через которые символистские характеристики человеческой деятельности воздействуют на институциональную жизнь.

Культуроцентристский подход [Eisenstadt, 1978] придает особое значение присущим системе внутренним противоречиям, уровню институционализации, взаимодействию внешних и внутренних факторов. Принимая в целом парсоновскую теорию, Ш. Эйзенштадт ввёл элиминирующие универсализацию переходного процесса ряд переменных состояний и факторов, что обуславливает иные типы общественных изменений и объясняет многочисленные варианты социального устройства и динамики. Однако подход европоцентричен и рассматривает объективную вариативность лишь как деривации образца-эталона.

Обстоятельная критика моделей социальных преобразований (Г. Алмонд, П. Аптер, К. Керр, М. Леви, Д. Лернер, Х. Либенштейн, С. Липсет, Р. Нурксе, П. Розенштайн-Родан, У. Ростоу, Э. Хаген и др.), выстроенных на основе вышеупомянутых методологических подходов в русле линейного паттерна, в научной литературе достаточно многочисленна и детализирована со времен «депендентистов» (Т. Досантос, Ф. Кардозо, А. Монтеверде, О. Сункель, Е. Фалетто, С. Фуртадо) [Погосян, 2006]. Познавательная ценность исследуемых подходов поддерживается содержащимися в них элементами рационального знания, однако стремление к универсализму, тотальности и игнорирование социокультурной специфики выявляет их определенную ангажированность и предопределяет несостоятельность в качестве полноценного методологического инструмента в исследовании функционирования конкретных обществ.

Качественно иное прочтение всемирной истории человечества и социальных преобразований предлагает цивилизационный паттерн (Н. Данилевский, М. Вебер, О. Шпенглер, А. Тойнби). В его рамках социальные изменения (трансформации) считаются нормой системы и источником её динамики (П. Сорокин), но абсолютизация социальных изменений имеет следствием нарушение сложившихся общественных отношений, ввергая общество как систему в состояние дезинтеграции, и приводят к революциям и войнам, которые априорно предполагают человеческие жертвы [Sorokin, 1959]. В ситуации кризиса интегративных норм и распада основных систем жизнеобеспечения общества начинает преобладать негативная поляризация, которая проявляется в падении нравов, росте различных форм девиантного поведения, преступности. Процесс социокультурных изменений нарушает сложившуюся систему отношений и обуславливает вступление общества в период дезинтеграции, который сопровождается социальными конфликтами. Опыт либеральных реформ 90-х годов XX века на постсоветском пространстве подтвердил отмеченные П. Сорокиным закономерности развития общества в период трансформации. Дезинтеграция нормативных систем поставила большинство граждан перед необходимостью выживания за счёт нарушения закона и пренебрежения системой моральных норм. С начала XXI века начала стабилизироваться социально-экономическая ситуация, в ряде постсоветских стран наметился возврат государства в социальную сферу, на смену либеральным ценностям постепенно приходит система традиционных. Подобный переход объясняется действием сил, заинтересованных в стабильности и выходе из кризиса, а источником нормализации социального поведения людей выступает традиционная система ценностей, консерватизм социального сознания людей. Эмпирически в целом подтверждающиеся выводы П. Сорокина относительно системы ценностей общества в период трансформации и выявленные им закономерности динамики составляют обоснованный закон социальной поляризации [Яковец, 1998].

Теория хаоса (И. Пригожин, Г. Хакен, Г. Николис, И. Стенгерс) обращается к исследованию нестабильности систем, их динамики, положив начало изучению явления энтропии и функционирования диссипативных структур в открытых системах. В центре внимания оказываются наиболее существенные характеристики: устройство системы; её состав (подсистемы, элементы); текущее глобального состояния системной обусловленности; среда, в преде-

лах которой происходят процессы самоорганизации, характеризующиеся хаотичностью и ограниченной предсказуемостью.

Представляется принципиально важным различать детерминизм и предсказуемость. Мы настаиваем на неприменимости индетерминистских положений постмодернизма, нивелирующих причинно-следственные связи, сводящих на нет познавательную и прогностическую функции науки и опровергающих постулат «мудрость есть знание принципов и причин». Рассмотрим пример действия закона, который наряду с другими причинами объясняет феномен поливариантности. Например, две системы, в которых действуют одинаковые законы, в определённый момент времени будут находиться в не абсолютно тождественном, но относительно схожем состоянии, однако через сравнительно короткий промежуток времени в силу различия действующих факторов станут весьма сильно различаться по своему состоянию. Здесь наблюдается явление аберрации, или иначе, нарушения гомоцентричности по отношению к идеальному состоянию. Заимствуемая из физики теория аберрации применима и в социогуманитарных науках, в частности, одно из её положений: факторы, действующие в одной системе, под воздействием ряда обстоятельств не действуют в иной. Это теоретическое положение сводит к нулю попытки неконструктивной волонтаристской социальной инженерии (идущей в разрез с конструктивной, основанной на эндогенном социальном творчестве) универсализировать и унифицировать общества по единому образцу, обосновывает вероятность действия социальных законов, объясняя существующее многообразие обществ и различные пути их развития. Исторически сложившиеся общества не тождественны и различаются социокультурными основаниями со своеобразием коэволюционной самоорганизации, а параметры порядка имеют привязку к конкретному обществу, то есть не являются универсальными. В части описания долговременных устойчивых состояний, относительного динамического гомеостаза системы, дескриптивные возможности теории хаоса, лишь схематически обозначая важность в этих относительно стабильных состояниях общественных систем действия обратных связей и упоминая параметры порядка (которые, как и социальные нормативные и ценностные регуляторы различны в каждом обществе, а набор их уникален в каждом конкретном случае), нам представляются недостаточными. Теория хаоса вполне адекватно исследует состояние объекта в переходные моменты, энтропию, флуктуационные колебания, но недостаточна в исследовании стабильного состояния социума периоды его относительной гомеостатичности, не прослеживает трансисторическую устойчивость социальных структур [Ельчанинов, 2005], что актуализирует привлечение дополнительного методологического инструментария.

Поддержание устойчивости, динамической стабильности системы, её гомеостатическое функционирование с одновременным задействованием адаптивных свойств основывается на получении обратных сигналов и последующей корректировке к исходному состоянию исполнительными механизмами. Основным вопросом самоорганизации остаётся проблема выявления закономерностей, которые управляют функционированием систем. Уравновешивая крайности миро-системного анализа И. Валлерстайна, который свёл национальные социумы к эманациям мировой системы [Wallerstein, 2004], В. Каволис высказал идею о порождении мироцелостности совокупностью различающихся цивилизаций [Kavolis, 2006]. Р. Бендикс отмечал способность сохранения в каждом обществе исторически сложившихся социальных структур, которые во многих случаях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению [Bendix, 1974]. К этой идее примыкает подход Н. Лумана, рассматривающий частные социальные системы как аутопойетичные (самовоспроизводящиеся, самореферентные) [Luhmann, 2012].

Такая постановка вопроса органически связана со специфическим объектом социального знания, изучением множества конкретных обществ, которые реально сосуществовали в историческом пространстве, и подводит к проблеме изучения социокультурных кодов, генетических оснований (цивилизационных матриц) формирования локальных обществ [Kirdina, 2017], типов устойчивых состояний социальных систем, возникших в результате социальной самоорганизации в различающихся условиях [Малков, 2009], необходимости рассмотрения



устойчивых институциональных структур, с трудом поддающихся изменениям и определяющих специфику и разнообразие существующих обществ, со способностью к самовоспроизведению по своим имманентным законам.

Пути развития самоорганизующихся систем характеризуются определённым числом степеней свободы, которые в свою очередь обусловлены параметрами порядка. Попытку разработать комплексную систему социального знания, в которой общество представало как спонтанный порядок, без накладываемых социокультурным компонентом ограничений степеней свободы, предпринял Ф. Хайек [Hayek, 1988]. Сложный спонтанный порядок рассматривается им на примере рыночной экономики. Идея автора относительно эволюции социальных норм и институтов заключается в том, что существующие правила и обычаи, институты собственности и даже денежная система установились сами, а не благодаря сознательным усилиям людей.

В главе третьей «Эволюция рынка: торговля и цивилизация» в разделе «Слепота философа» Ф. Хайек осуждает Аристотеля за то, что тот не знаком с некоторыми различиями самоорганизующихся порядков, за то, что он является противником идеи эволюции в любом её виде, не принимая идею о происхождении высших организмов от начальных низших. При этом очевидно, что высший организм и последняя стадия возможного развития для автора – это капиталистическое общества с рыночной экономикой. Отвергается существование социокультурных различий, сам факт того, что у индивидов, групп и целых обществ могут превалировать или быть в принципе иные жизненные установки и ценностные ориентации, противоречащие моральному кодексу «строителя капитализма» с единственной доминантной интенцией – извлечением максимальной прибыли. Ф. Хайек считает, что в основу социалистических теорий, которые появились и заняли свою нишу в социальной теории в XIX–XX вв., легли наивные представления Аристотеля о мире. Существование в течение тысячелетий могущественных социалистических империй Востока, созданных без участия афинского философа и основанных на ином, условно «не западном» способе производства, для некоторых западных исследователей, видимо, прошло незамеченным. Согласно Ф. Хайеку, все, что минимизирует или пытается устранить разницу в доходах, подлежит определению «социальный» (термин этот у автора носит негативную окраску), а призыв к «распределительной справедливости» несовместим с конкурентным рыночным порядком, при этом разом перечёркивается весь опыт и уникальные наработки западных обществ в создании мощных нерыночных аппаратов социального обеспечения и социальной поддержки как результата крупномасштабных социальных катаклизмов XX века.

Любой уровень бытия представляет собой удалённую от равновесия структуру, которая существует за счёт рассеивания вещества, энергии и информации. Однако эти диссипативные структуры существуют устойчиво, что актуализирует вопрос о поддержании порядка. Важную роль в обеспечении поддержания порядка, самоорганизации системы, определения её контуров играет наличие прямой и обратной связи. Управляющее динамической системой воздействие корректируется круговой обратной связью, сигнализирующей о достигнутом приспособительном результате. Нарушение механизмов этого вида связи приводит к уменьшению адаптивных свойств системы, количество поступившей информации, оставленной без соответствующей реакции, без должного реагирования в виде модернизационных действий, возрастает, растёт и степень возмущения системы, что, по нашему мнению, и приводит к катастрофическим социальным последствиям: задержкам в общественном развитии, технологическому отставанию, как следствие – к экономической несостоятельности, проигрышу в войне, революциям, гуманитарным катастрофам.

Ключевая роль в открытых системах принадлежит, согласно подходу теории хаоса, флуктуациям, колебаниям, отклонениям, присущим динамике системы. Сильные флуктуационные отклонения, превышающие возможную амплитуду присущих средних величин параметров, могут разрушить систему. Здесь нам видится строжайшая необходимость взвешенного подхода в социальном управлении к институциональному переустройству: разрушение выполняющих роль регуляторов социальных институтов без полноценного замещения

предыдущих социальных регуляторов чревато катастрофическими последствиями [Погосян, 2017]. Равно как и игнорирование увеличения амплитуды колебаний ряда параметров (резкий рост безработицы, снижение продовольственной самодостаточности и т. д.) может привести в действие негативные сценарии.

Другой важный момент связан с прохождением точек выбора, бифуркации, когда перед системой встаёт ряд альтернатив дальнейшего движения. В этот период усиливаются нестабильность системы, флуктуационные колебания, возрастает роль аттракторов и случайно возникающих факторов. По нашему мнению, выбор сценария дальнейшей эволюции, выход из создавшейся ситуации осуществляется с помощью социокультурного компонента общественной системы. В случае необходимости адекватной реакции, если задействуется адаптивное свойство системы, последняя может выйти из бифуркационного состояния видоизменённой, поглотившей и усвоившей из среды часть воздействующей информации или энергии. Согласно М. Сетрову, в случае адаптации поглощаемой информации актуализируется «принцип совместимости» [Сетров, 1972], совместимости отдельно взятого элемента со всеми другими элементами целого, т. е. элемента и системы, в которую он входит.

Положение это представляется весьма важным, так как условием не деструктивного взаимодействия в ходе модернизационного заимствования между привносимой новацией и реформируемым объектом является наличие у них относительного совместимости, в противном случае реципируемое новшество будет отторгнуто. Актуализируется проблема аттракторов: заимствования, вызывающие сами по себе дестабилизирующие систему возмущения информационного поля, не делаются на досуге и по прихоти действующих волонтаристски реформаторов, но подобная селективная абсорбция новации обществом является мерой вынужденной, адаптивной, выводящей систему из кризисной точки ветвления. Поскольку диффузийные рецепции как результат межцивилизационных взаимодействий формируют будущее развитие общества, уникальный социокультурный компонент конкретного общества, стремясь к самосохранению и гомеостатичности, определяет объем абсорбции новой информации, пути её использования или полного неприятия и отторжения [Погосян, 2009].

Заключение

Проведенный анализ эвристических и дескриптивных возможностей методологических подходов в интерпретации функционирования социальных систем выявил имманентные проблемы теоретических конструктов линейного паттерна, который основан на принципе онтологического монизма всемирной истории. Подходы мейнстрима в части социальных изменений не в состоянии адекватно объяснить частые неудачи процессов модернизаций по западному образцу, разнообразие трансформирующихся («переходных») обществ, присущую им внутреннюю динамику. Применение цивилизационного подхода в качестве основного методологического инструмента в купе с дескриптивными возможностями теории хаоса не только открывает исследовательские перспективы в изучении конкретных обществ, в особенности присущих им систем ценностей как основы социальной самоорганизации и стратегий взаимодействия всех элементов общественной системы, с соответствующими компаративными сопоставлениями. Использование подобного методологического инструмента для анализа происходящих в обществе социальных изменений сможет также предостеречь от радикализации институциональной перестройки с привнесением недееспособных в данной среде инокультурных институций, насильственного внедрения в массовое сознание чуждых ему стереотипов, деструкции параметров порядка, поддерживающих единство системы, неизбежными последствиями чего будут потеря обществом регулятивной функции, рост социальной напряженности, дезинтеграция социума, катастрофические сценарии развития, и послужить отправной точкой для выработки осмысленной и научно обоснованной государственной стратегии развития.



Список литературы References

1. Ельчанинов М.С. 2005. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М., Комкнига, 240.
Yelchaninov M.S. 2005. Socialnaja sinergetika i katastrofy Rossii v epohu moderna. M., Komkniga, 240. (in Russian)
2. Малков С.Ю. 2009. Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования. М., Либроком, 240.
Malkov S.Yu. 2009. Socialnaja samoorganizacija i istoricheskij process: Vozmozhnosti matematicheskogo modelirovaniya. M.: Librokom, 240. (in Russian)
3. Погосян В.Г. 2006. Критика западнцентристской модели социально-экономической модернизации. Экономический журнал. (3 (13)): 171–184.
Pogosyan V.G. Kritika zapadnocentristskoj modeli socialno-economicheskoy modernizacii. Economicheskij jurnal. 2006, (3 (13)): 171–184. (in Russian)
4. Погосян В.Г. 2009. Модернизация в дискурсе исторической социологии. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. (4): 81–96.
Pogosyan V.G. Modernizacija v diskurse istoricheskoy sociologii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2009, (4): 81–96. (in Russian)
5. Погосян В.Г. 2017. Инвариантные компоненты социальных систем как естественное ограничение институционального творчества. Социальная политика и социология. 16 (2 (121)): 147–154.
Pogosyan V.G. 2017. Invariantniye komponenti socialnih system kak estestvennoye ogranicheniye institucionalnogo tvorchestva. Socialnaya politika i sociologiya. 16 (2 (121)): 147–154. (in Russian)
6. Сетров М.И. 1972. Основы функциональной теории организации. Ленинград, Наука, 164.
Setrov M.I. 1972. Osnovy funkcionalnoj teorii organizacii. Leningrad: Nauka, 164. (in Russian)
7. Яковец Ю.В. 1998. Великие прозрения Питирима Сорокина и глобальные тенденции XXI века. М., МФК, 40.
Yakovec Yu.V. 1998. Velikiye prozreniya Pitirima Sorokina i globalnyye tendencii XXI veka. M., MFK, 40. (in Russian)
8. Bendix, R. 1973. State and Society: A Reader in Comparative Political Sociology. Berkeley, University of California Press, 648.
9. Bendix, R. 1974. Work and Authority in Industry: Managerial Ideologies in the Course of Industrialization. 1st California ed. Berkeley, University of California Press, 464.
10. Eisenstadt S.N. 1978. Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. New York, Free Press, 348.
11. F.A. Hayek 1988. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism. In: The collected works of F.A. Hayek, Volume I. Edited by W.W. Bartley III. Chicago, University of Chicago Press, 194.
12. Huntington, S. 1996. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY, Simon & Schuster, 367.
13. Kavolis, V. 2006. Civilization theory and collective identity in the postmodern-globalized era. Kulturos barai, Vol. 7. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2006-07-24-kavolis-en.html> (accessed 12 July 2018).
14. Kirdina, S. 2017. The Emergency of Evolutionary-Institutional Thought in Russia. In: Theory and Method of Evolutionary Political Economy: A Cyprus Symposium, edited by H. Hanappi, S. Katsikides and M. Scholz-Wäckerle, New York, Routledge:100–114.
15. Levi-Strauss C. 1958. Anthropologie structurale, Paris, Plon, 452.
16. Luhmann, N. 2012. Theory of Society. Volume 1. Stanford, CA, Stanford University Press, 488.
17. Parsons T. 1964. Functional theory of change. In: Social Change: Source, Pattern and Consequence. Ed. by Etzioni A. New York, The Free Press: 83–97.
18. Rueschmeyer, D. 2000. Theoretical generalization and historical particularity in the comparative sociology of Reinhard Bendix. In: Vision and method in historical sociology. Ed. by T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 410: 135–138.
19. Sorokin P.A. 1959. Social and Cultural Mobility. London, The Free Press, 645.
20. Wallerstein, I. 2004. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC, Duke University Press, 128.

УДК 316.35

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-429-436

**ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РЕГУЛЯЦИИ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ****CHANGING SOCIAL REALITY IN THE PROCESS OF REGULATION OF DEVIANT
BEHAVIOR OF THE RUSSIAN YOUTH****О.В. Сорокин****O.V. Sorokin**Институт социально-политических исследований РАН,
Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1Institute of Socio-Political Research (Russian Academy of Sciences),
1, building 6, Fotiyeva St, Moscow, 119333, Russia

E-mail: ov.sorokin@gmail.com

Аннотация

Рассматривается процесс саморегуляции девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности. Выделяется саморегуляционная функция социальной реальности с позиции феноменологического подхода. Рассматриваются причины изменения оснований социальных норм в современном обществе: реформирование социальных институтов, распространение ускоренных практик, усиление влияния «значимых других», глобализация и сопутствующие ей изменения, усиливающаяся дифференциация населения. Отмечается, что в основе изменения механизма регуляции девиантного поведения молодежи в переходном обществе лежат процессы, связанные с изменениями в социальной реальности молодежи.

Abstract

The article reveals the process of self-regulation of the deviant behavior of the Russian youth in a changing social reality. The self-regulatory function of social reality is distinguished from the position of the phenomenological approach. Self-regulatory function of social reality is the result of a young man reflection of accumulated knowledge and experience about the surrounding reality in the form of installations. The article defines the term "social reality of the young people". It describes the reasons for changing the bases of social norms in modern society: the reform of social institutions, the dissemination of accelerated practices, the strengthening of the influence of "significant others", globalization and the accompanying changes, the increasing diversity of the population. Normative uncertainty is justified as a phenomenon of social reality. It is noted, that on the base of the change in the mechanism of regulation of deviant behavior of young people in the transform society lies processes associated with changes in the social reality.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение молодежи, социальная реальность, изменяющаяся социальная реальность.

Keywords: youth, deviant behavior of the youth, social reality, changing social reality.

В современном российском обществе актуализируется проблема регуляции девиантного поведения молодежи. Так, согласно данным Росстата, прирост численности несовершеннолетних лиц, совершивших правонарушения, в течение января – апреля 2018 г. составил 0,9% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. [Росстат, 2018]. При этом если в 2010 году было выявлено 559,1 тыс. человек в возрасте от 14 до 29 лет, совершивших преступления, то в 2015 г. данная цифра составила 461,1 тыс. человек, что свидетельствует, с одной стороны, о положительной динамике уменьшения численности молодых



правонарушителей в нашем обществе, и при этом – о сохранении высокого уровня правонарушений среди представителей данной возрастной группы [Росстат, 2017, с. 251]. Высокий уровень правонарушений в молодежной среде и насилия в подростковой среде, появление новых форм негативных девиаций, в том числе и в интернет-пространстве, свидетельствуют о существенных изменениях в социокультурном механизме регуляции поведения молодежи [Сорокин, 2014, 146]. Социокультурный механизм определяет общую направленность мотивационной сферы сознания молодежи в процессе социального развития данной социально-демографической группы. В данной статье предпринимается попытка изучения саморегуляции девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности.

Под социальной реальностью человека А. Шютц понимал социальный мир, который «...воспринимается им как прочное переплетение социальных отношений, систем знаков и символов с их особой смысловой структурой, институционализированных форм социальной организации, систем статуса, престижа и т. д.» [Шютц, 2003, с. 265]. Важную роль в регуляции процессов в молодежной среде играют социальные институты, которые направляют потребности, интересы, установки, ценности молодежи в организованные, предсказуемые, контролируемые формы поведения, согласующиеся с общественными ожиданиями [Зубок, Сорокин, 2010, 16].

Установки, интересы, потребности отражаются в социальных практиках как формы социальных взаимодействий. В роли таких практик в современном динамичном, переходном российском обществе наряду с традиционными зачастую выступают макдональдизированные практики, игризированные стратегии, имитационные стратегии, риск-стратегии, симулякры [Чупров, Осипова, 2011, с. 124]. Таким образом, социальная регуляция в молодежной среде разворачивается в двух формах: в форме целеориентированного регулирования и саморегулирования. В первом случае поведение молодежи направляется в сторону выполнения значимых общественных задач, например, сформулированных в рамках государственной молодежной политики, в случае саморегуляции выбор приемлемых форм поведения осуществляется в процессе конструирования реальности самой молодежью. Так, к примеру, в молодежной среде регулируются выборы стилей одежды, статусные различия, стратегии поведения, построения карьеры, получения образования и т. д.

Рассмотрим, какую роль играют изменения в социальной реальности в регуляции социального поведения молодежи. С одной стороны, реальность выступает как объективно заданная, институционально определенная реальность, с другой – как субъективная реальность, «уловленная индивидуальным сознанием» [Шютц, 2003, с. 96]. Субъективная реальность индивида может находиться во взаимосвязи с социально определенной объективной реальностью. Это важно, поскольку в противном случае складываются препятствия для включения индивида в общественные процессы. Согласованность объективной и субъективной реальностей определяется степенью успешности социализации. Осознание компонентов обобщенной социальной реальности (объективной и субъективной) происходит в процессе познания и осознания ее субъектом как пространства собственного выбора в ходе социализации. Знания о социальной реальности в сознании молодежи определяют общее отношение данной социально-демографической группы и ее представителей к объектам социальной реальности. По мнению Зубок Ю.А., знания в сознании молодежи представлены в форме взглядов и убеждений, «определяющих выбор и самих целей, и путей их достижения» [Зубок, 2015, с. 175]. Изучение субъективного мира раскрывается с позиции феноменологического подхода. В феноменологической методологии социальная реальность познающего субъекта интересна, т. е. определяется как мир общий для всех нас [Бергер, Лукман, 1995, с. 87]. Таким образом, под *социальной реальностью молодежи в данном исследовании понимается система накопленных знаний и представлений молодых людей об условиях бытия, которая представлена в молодежном сознании в форме установок.*

Социальная реальность обладает саморегуляционной функцией. *Саморегуляционная функция социальной реальности проявляется вследствие рефлексии молодым человеком накопленных знаний и опыта об окружающей действительности в форме установок на общественные признанные и реально конструируемые представления о нормах взаимодействия в пространстве реальности.*

Из данного определения следует, что социальная реальность проявляется в уверенности молодого человека или молодежной группы в достоверности собственных знаний о наблюдаемых объектах [Чупров, 2015, с. 15]. К примеру, если молодой человек или группа молодых людей вкладывают в правонарушение иной, отличный от общепринятого в группе или в обществе смысл, оправдывая для себя данный проступок как должный, справедливый, нормальный, то в этом случае в социальной реальности данного конкретного молодого человека или молодых людей образец негативного девиантного поведения воспринимается как одобряемый. Конечно, с точки зрения общества подобное оправдание девиантного поведения свидетельствует о деформации правового сознания индивида или группы. Для субъекта девиаций (молодого человека или группы молодых людей) в рассмотренном выше примере отношение к образцу негативного девиантного поведения будет нейтральным или одобрительным, соответственно и совершаемые субъектом действия будут трактоваться им как «нейтральные» или «нормальные» с позиции его социального окружения, по сути, социальной реальности данного субъекта [Heckert A., Heckert, D. 2002, p. 449]. В этой связи важно изучить аспект, который раскрывает ответ на следующий вопрос: с чем может быть связана столь отличная от общепринятой трактовка образа социальной нормы и образа отклоняющегося поведения в социальной реальности групп молодежи с преимущественно негативным отклоняющимся поведением в современном российском обществе?

Чтобы ответить на это вопрос, рассмотрим социокультурные факторы, которые определяют существенные изменения в отношении к объектам социальной реальности в сознании молодежи в современном российском обществе. Конструирование социальной реальности в молодежном сознании связано с процессом интернализации и экстерниоризации социальных знаний и социального опыта, в процессе которых складывается идентичность личности молодого человека с нормативной системой, с соответствующими моделями поведения, транслируемыми социальными институтами. Тем самым социальная реальность выступает основанием для интеграции индивида в социальные процессы. В понимании П. Бергера и Н. Лукмана социальная реальность в сознании индивида двухслойная. Базовый слой – первая реальность, усвоенная в раннем детстве в родительской семье. Вторым слоем образуют искусственные реальности, которые накладываются на первую в процессе вторичной социализации [Бергер, Лукман, 1995, с. 87]. Поэтому к основным факторам, определяющим формирование отношения к объектам социальной реальности в сознании молодежи, следует отнести особенности социализации, социальное положение субъекта, сферу его доминирующих интересов, особенности сознания. В соответствии с социальной реальностью индивид выстраивает модели поведения, в том числе и модели девиантного поведения.

Объективная социальная реальность в отличие от субъективной представлена в сознании индивида в форме образцов поведения, социальных ролей, статусов и способов их достижения как заданных социальными институтами, должных, одобряемых обществом. В стабильно развивающемся обществе модели поведения, которые транслируются социальными институтами, согласуются с представлениями индивида о должном, «нормальном» поведении, поскольку эффективно функционируют целеориентированные механизмы социальной регуляции в форме социальных институтов. Тем самым в процессе социализации личность молодого человека усваивает социально одобряемые качества, принимает модели поведения, транслируемые социальными институтами. В классической социологии данный феномен согласования описан в концепции Э. Дюркгейма о механиче-



ской солидарности [Дюркгейм, 1991]. В условиях традиционного общества индивиды принимают систему норм и требований, не испытывая острых, болезненных расхождений с данной системой.

В современном обществе процессы институционализации и социализации переживают серьезные изменения [Зубок, Чупров, 2016, с. 23]. Социология все больше обращает внимание на нелинейность, непредсказуемость данных социальных процессов. В переходном обществе претерпевают существенные изменения основания социальных норм, которые в прежних типах обществ долгое время для разных поколений оставались неизменными и неизменными. Каковы же причины изменения оснований социальных норм в современном обществе?

Во-первых, в таком обществе социальные институты находятся в постоянном реформировании (например, система права, система образования и науки в современном российском обществе), что затрудняет эффективное выполнение данными институтами своих функций. Вследствие этого социальные институты перестают вырабатывать непротиворечивые, однозначно трактуемые социальные нормы. А это ведет к отсутствию четко заданных эталонов социализированности, исчезновению унифицированных моделей социального развития индивидов и групп, способов их интеграции и самореализации. Так ценностно-нормативная неопределенность стимулирует конструирование в молодежной среде новых нормативных структур. Институты воспитания перестают осуществлять эффективно функции социального контроля, государственные институты (система образования, правоохранительные структуры) не ведут эффективную работу по профилактике правонарушений, наказанию виновных, они борются в большей степени со следствиями, чем с причинами негативных девиаций. Государство все больше самоустраивается из сферы регулирования духовной жизни, перекладывая ответственность за последствия принимаемых решений индивидом на него самого [Бауман, 2005]. Деформация функций социального контроля государственных институтов ведет к усилению влияния неформальных институтов регуляции отношений в молодежной среде. В роли данных неформальных институтов выступают мода, эталоны успешности, субкультурные основания и т. д.). По мнению С.А. Кравченко, «после достижения социумом некоего порога сложности нельзя вернуться к долгоживущим референтам, которые обеспечивают стабильный порядок традиционного типа. Ныне в реальной жизни доминируют короткоживущие, зачастую социально и культурно сконструированные референты, которым адекватен «порядок из хаоса» [Кравченко, 2014, с. 5].

Дисфункция социального института проявляется в неэффективном выполнении или полном невыполнении данным институтом общественных функций [Кудрявцев, 2014, 5]. Дисфункция социальных институтов также проявляется «... в релятивизме и необязательности, а также в размывании социальных ожиданий как основы ролевых моделей, в эрозии регулятивного механизма, неопределенности санкций, в сбое селективной функции. Селективная функция все больше утрачивает меритократические основания... Все это меняет формы отражения действительности в сознании молодых людей, делая их противоречивыми, способы конструирования собственной реальности тоже становятся противоречивыми. Это становится причиной разветвления «социализационных траекторий молодежи» [Зубок, Чупров 2017, с. 28]. Когда в обществе четко не заданы траектории социализации молодежи актуализируется проблема отклоняющейся социализации.

В современном российском обществе фактами, свидетельствующими о распространении данного явления, выступают проявление коррупции в правоохранительных структурах, что свидетельствует о глубокой эрозии сферы профилактики правонарушений, в сфере образования – превращение знания в рыночную услугу, что тоже может стать причиной дисфункции данного института, поскольку приводит к формированию преимущественно инструментального отношения к знанию и к системе образования в целом в

молодежной среде. Чрезмерная занятость родителей по месту работы приводит к частичному отчуждению родителей по выполнению ими функции воспитания детей.

Если формальные социальные институты не выполняют эффективно общественные функции по выработке непротиворечивых, однозначно трактуемых социальных норм, по контролю за соблюдением требований норм, то данные функции начинают выполнять неформальные социальные институты (стихийные механизмы социализации). При этом в условиях социальной неопределенности складываются социальные организации, которые сознательно отрицают и или нарушают официальные нормы (например, экстремистские, террористические организации) [Кудрявцев, 2017, с. 37].

Таким образом, в социализации как механизме интеграции молодежи в социально значимые сферы современного общества наблюдаются изменения, связанные с усилением стихийных, а не целенаправленных процессов, соответственно в поведении выбор все чаще делается в пользу девиантного, а не нормативного поведения [Зубок, Чупров, 2017, 28].

Вторая причина изменения оснований социальных норм в социальной реальности молодежи связана с распространением в современном обществе ускоренных практик. Данные практики отражают быстро сменяющиеся, короткоживущие жизненные проекты, способы освоения реальности. С точки зрения З. Баумана ускорение темпов жизни – свойство современной, «текучей» социальной реальности. В социологии социальные практики ускорения связаны с инстант-культурой, идеология которой строится по принципу «все и сейчас!» По мнению Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, постоянный поиск новых социокультурных образцов отражает стремление индивида оставаться современным, адекватным жизненным вызовам, следовательно, чувствовать себя уверенно в условиях постоянно меняющейся социальной реальности [Социология молодежи, 2011]. Включение в интернет-среду подавляющей доли молодежи выступает еще одним основанием для включения в инстант-культуру. В интернет-сообществах мгновенно распространяются ускоренные практики в форме «лайфхаков», способов обхода социальных запретов и т. д.

Стремительное распространение ускоренных практик становится серьезной проблемой для «тяжеловесных», медленно изменяющихся социальных институтов. Социальные институты отстают от данных практик, тем самым нормы, продуцируемые данными институтами, вступают в противоречия с быстроизменяющимися реалиями. Так, государственные органы пытаются путем санкций запретить использование тех или иных электронных мессенджеров, однако не могут сделать это, поскольку ответом на каждую санкцию становится распространение в молодежной среде новых способов обходов блокировки и распространения инновационных практик в этой области.

Как было отмечено выше, в современном обществе взамен тяжеловесных социальных структур в процессе социализации все чаще значимую роль играют субъективные факторы, отражающие активизацию саморегуляционных процессов в молодежной среде. Поэтому *третья причина с влиянием «значимых других»*, а именно интернет-блогеров, лидеров мнений в виртуальных социальных сетях и т. д. В этом случае активизируются механизмы саморегуляции духовной жизни субъекта в форме конструирования новой социальной реальности либо ее элементов. Значимые другие, которые транслируют негативные социальные практики, встраиваются в механизм регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде [Сорокин, 2017, с. 65]. Данные процессы могут быть связаны с ресоциализацией, когда субъект осваивает социальные нормы и культурные ценности, ассоциированные с обновлением общественного развития, либо они могут протекать в рамках десоциализации. В случае десоциализации, по мнению Ковалевой А.И., социализация индивида приобретает фрагментарный характер, асоциальную или антисоциальную направленность [Ковалева, 2012, с. 61]. При этом следует заметить, изменения в ценностных ориентациях групп людей, потребности которых регулируют социальные институты, могут привести к изменению самих институтов. То есть институты продуцируют нормы,



данные нормы отражаются в массовом сознании, в дальнейшем образ нормы трансформируются в общественном сознании. Трансформирующийся образ изменяет социальный институт, если институт не меняется, не «синхронизируется» с трансформирующимся образцами в общественном сознании, то он в дальнейшем деформируется.

В-четвертых, изменению оснований социальных норм в современном обществе способствует глобализация и сопутствующие ей социальные изменения. Глобализация несет за собой распространение новых социокультурных образцов, которые могут существенно отличаться от культурных, нормативных эталонов, принятых в обществе, интегрирующийся в глобальное сообщество. По мнению Ковалева А.И., «глобализационные образцы размывают воспроизводство социально-типического в обществе». Под социально-типическим в личности Ковалева А.И. понимает совокупность типичных черт членов общества, представителей той или иной социальной группы, общности, является динамичным образованием, которое, сохраняя устойчивость и консерватизм основных своих элементов, изменяется под воздействием объективных и субъективных факторов» [Ковалева, 2012, с. 61]. В этих условиях социальные требования к индивиду становятся все более неустойчивыми, вследствие чего для значительной части молодежи снижаются возможности для успешной социализации.

Кравченко С.А. полагает, что «...безнормие стало нормой современной жизни...», а это стало возможным только в условиях глобализации. Развивая данную мысль, исследователь отмечает, что «сегодня мир становится все более глобальным, риск, уязвимости тоже становятся глобальными. При этом новые глобальные уязвимости строятся на новой социальной и культурной основе ... сегодня только в религиозных и этнических общностях могут сохраняться относительно долгоживущие нормы» [Кравченко, 2014, с. 5].

Пятая причина изменения оснований социальных норм в современном обществе обусловлена усиливающейся дифференциацией населения по различным основаниям. В молодежной среде линии раздела проходят, в первую очередь, по материальным основаниям, субкультурным, региональным, связанным с местом проживания, и т. д. Молодым представителям обеспеченных слоев населения часто удается уклоняться от ответственности, избегать наказания за совершенные правонарушения в силу возможности так называемой «уплаты штрафа на месте», в то время как для выходцев из малообеспеченных слоев населения схожее правонарушение может обернуться серьезным наказанием в виде лишения свободы. Уровень жизни в регионах в современном российском обществе различается порою очень сильно. Согласно данным Ростата, в 2016 г. уровень официально зарегистрированной безработицы в регионах Российской Федерации различался заметно: в г. Москва он составлял 1,8%, в Ивановской области – 5,6%, в Иркутской области – 8,8%, а в Республике Дагестан – 10,9%. Дифференциация регионов России по экономическим основаниям свидетельствует о различиях в возможностях для самореализации, построения карьеры молодых людей, проживающих в данных регионах.

В некоторых молодежных субкультурах (в субкультурах панков, фанатских сообществах) одобрительное отношение к противоправному поведению связано со смыслами, которые представители данных субкультур вкладывают в отношение к социальным нормам. Так молодой человек, вовлекаясь в практики употребления наркотиков, изначально вкладывает отличный от общепринятого смысл в понятие «наркотики», он их употребляет, поскольку с его точки зрения это повышает его социальный статус среди сверстников, он приобщается к чему-то сакральному, не доступному для большинства других, и это повышает его значимость в молодежном субкультурном сообществе. Очень часто употребление легких наркотиков служит своего рода вратами для входа в субкультурный мир молодежи. Молодые люди, принимая наркотики, изначально не видят в этом опасности, поскольку в некоторых субкультурах данные практики выступают нормой. Соответственно, в этом случае молодой человек, пробуя наркотик, становится «своим» в мире, где наркотик – это всего лишь сопутствующий фактор «успешной, правильной» жизни. Если

окружение молодого человека принимает реальность, в которой наркотики, алкоголь – это символы успеха и процветания, тогда данная реальность становится значимой и для молодого человека, и он принимает ее такой, какая она есть. Процесс осознания и принятия молодым человеком реальности мира своих сверстников (субъективной реальности) и превращение его в объективную реальность П. Бергер и Т. Лукман определили как объективацию.

Таким образом, вследствие дифференциации в молодежной среде, усиливающейся в переходный период развития современного российского обществе, представления о дозволенном у молодых людей заметно различаются, так как находятся во взаимосвязи с материальными, субкультурными, социальными основаниями. Универсальные основания социальных норм в молодежной среде размываются под влиянием данных факторов.

Рассмотренные причины изменения оснований социальных норм свидетельствуют о становлении нового феномена социальной реальности – нормативной неопределенности. Под нормативной неопределенностью мы понимаем *состояние переходного, трансформирующегося общества, в котором вследствие дисфункции социальных институтов, изменения регуляционных оснований социальных норм, продуцируемых данными институтами, в социальной реальности субъекта начинают доминировать неустойчивые, антиномичные, гибридные формы шаблонов и стандартов поведения, социальных ролей и социальных ожиданий, что отражается на поведении индивидов, социальных групп, в данном поведении начинают преобладать инновационные, отклоняющиеся формы.*

С точки зрения феноменологической социологии, «отклонение от институционально «запрограммированного» образа действий оказывается вероятным, как только институты становятся реальностями, оторванными от первоначальных конкретных социальных процессов, в контексте которых они возникают» [Бергер, Лукман, 1995, с. 43]. В современном российском обществе постоянно реформируемые социальные институты утрачивают функцию по производству однозначно трактуемых, непротиворечивых социальных норм. Вследствие этого в молодежной среде формируется запрос на необязательное следование заданным обществом образцам поведения. В этих условиях молодежь конструирует собственную социальную реальность. Однако при этом «ее жизненные траектории находятся под влиянием изменяющейся реальности и каждого этапа развития общества» [Зубок, Чупров, 2017, с. 12]. Следовательно, в основе изменения механизма регуляции девиантного поведения молодежи сегодня лежат глубинные процессы, связанные с изменениями в социальной реальности молодежи. В условиях трансформации структурно-функциональных основ общества, распространения ускоренных практик инстант-культуры, усложнения механизмов функционирования общественных систем, усиливающейся дифференциации в молодежной среде возникают новые потребности, новые идентичности, новые культурные практики, мотивации и формы поведения. Данные процессы связаны с изменением и объективной социальной действительности, и субъективной действительности. Таким образом, в переходном обществе в молодежной среде формируется особый тип культуры, в которой девиация становится нормой. Вследствие этого меняются смыслы, которыми молодые люди наделяют социальные нормы.

Список литературы

References

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. – М.: «Логос», 2005. 390 с.
2. Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. 576 с.
4. Зубок Ю.А. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора. В кн.: Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, реше-



ния. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 27–28 октября 2015 г.). – М.: «Изд-во Научная мысль», 2015. С. 174–188.

5. Зубок Ю.А., Сорокин О.В. Институциональные и саморегуляционные механизмы формирования политического сознания молодежи // Наука. Культура. Общество. № 1. 2010. С. 16–29.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Рискогенность изменяющейся социальной реальности как фактор развития молодежи. В кн.: Социологический альманах // Материалы VII Орловских социологических чтений (Орел, 18–20 декабря 2016 г.). – Орел: «Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС», 2016. С. 22–26.

7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 10(1). 2017. С. 41–57.

8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. № 15. 2017. С. 12–48.

9. Ковалева, А. И. Траектории социализации. – М.: «Изд-во Моск. гуманит. ун-та», 2012. 184 с.

10. Кравченко С.А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования, № 8(364). 2014. С. 3–10.

11. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления): монография. – М.: «Норма : Инфра-М», 2017. 136 с.

12. Правонарушения в январе-апреле 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction (дата обращения: 2.09.2018).

Российский статистический ежегодник. – М.: «Росстат», 2017. 686 с.

14. Сорокин О.В. Социокультурные основания девиаций в молодежной среде // Мир образования – образование в мире. № 3. 2014. С. 145–151.

15. Сорокин О.В. Социальная регуляция девиаций в молодежной среде // Известия Российской академии образования. № 1(41). 2017. С. 65–71.

16. Социология молодежи: Учебник / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М.: «Норма, ИНФРА-М», 2001. 336 с.

17. Чупров В.И. Феноменологический подход к исследованию молодежного экстремизма. В кн.: Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 6 ноября 2015 г.). – Краснодар: «Изд-во Краснодарский университет МВД России», 2015. С. 15–21.

18. Чупров В.И., Осипова М.А. Социология управления. Теоретические основы. – М.: «РУДН», 2011. 172 с.

19. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М.: «Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

20. Heckert A., Heckert, D. A new typology of deviance: integrating normative and reactivist definitions of deviance // Deviant Behavior: An Interdisciplinary Journal, N 23: 2002. p. 449–479.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 323.22

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-437-442

1968 ГОД: ПЕРВАЯ СУБКУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1968: THE FIRST SUBCULTURAL REVOLUTION

Р.Г. Аббасов¹, В.П. Римский^{1,2}
R.G. Abbasov¹, V.P. Rimskiy^{1,2}

¹Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

¹State Institute of arts and culture, 7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

²Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: rasmichik93@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен «революции 1968 года», которая в действительности была сложным и длительным процессом (на протяжении почти десяти лет – с середины шестидесятых до середины семидесятых годов XX века), сложилась из многообразных событий на большом пространстве Америки и Европы, включая и периферийные «социалистические страны». 1968 год и события «студенческой весны» в Париже стали символом этой революции, которую авторы рассматривают в качестве субкультурной.

Abstract

The youth movement of the 60s–70s in Western Europe and the USA, the "cultural revolution" in China directly addressed the ideas, images and symbols of revolutionary Soviet mythology. Mass culture, Soviet practices of direct participation in politics and youth subcultures, probably, are not accidentally linked in one spatio-temporal and active field.

The article deals with the phenomenon of the «revolution of 1968», which was in fact a complex and long process (for almost ten years – from the mid-sixties to mid-seventies of the twentieth century), has developed from a variety of events in a large area of America and Europe, including the peripheral «socialist countries». 1968 and the events of the «student spring» in Paris became a symbol of this revolution, which the authors consider to be subcultural. This revolution, like the subsequent ones, which in many respects continued it, has an ambivalent character, generates dichotomies that require a practical withdrawal and theoretical explanation.

Ключевые слова: «студенческая революция 1968 года», субъект революций, контркультура, субкультуры, субкультурные революции.

Keywords: «student revolution of 1968», the subject of revolutions, counterculture, subcultures, subcultural revolutions.



На фоне столетнего юбилея Великой Русской революции ушла в день не менее символическая дата – пятьдесят лет со дня «студенческой революции 1968 года», которую связывают по преимуществу с символическими событиями «молодёжного бунта» в Париже. Поэтому у нас есть все основания обратиться к событиям 1968 года, «одной из самых мифологически нагруженных дат XX столетия» [6], которые в научной и философской литературе имеют самые различные трактовки. А.С. Кустарёв пишет: «Одни горюют по *сорвавшейся революции*, другие насмеваются над ее *ребяческой наивностью* и называют ее «начитанной (angelesene: Гюнтер Грасс) революцией»; третьи считают ее *карнавальным бунтом*; четвертые с искренним сожалением или со злорадством замечают, что ничего, кроме *контрреволюции*, этот всплеск не принес, и глубокомысленно добавляют, что так, дескать, бывает всегда; пятые уверяют, что революция на самом деле победила как «*культурная революция*», и считают это большим достижением; наконец, шестые, наоборот, сожалеют о том же, поскольку ничего, кроме *распущенности*, это, дескать, не принесло, и так далее – каталог открыт для дополнений (курсив везде наш – авт.)» [7]. Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн, Теренс Хопкинс [3] называли эту революцию, вызванную конфликтом *системных* (официальные институты капитализма) и *антисистемных* сил и движений (старые и новые социалистические, левые и прочие антикапиталистические формальные и неформальные структуры), «мировой революцией».

Уже здесь очевидно, что эта революция, как и последующие, во многом продолжившие её, носит *амбивалентный характер*, порождает дихотомии, требующие практического снятия и теоретического объяснения. Вот эти самые приблизительные дихотомии: сорвавшаяся революция – карнавальная революция; наивная революция – культурная революция; всемирная революция – контрреволюция; и т. п. Такая поверхностная культурная феноменология легко реконструируется по описаниям их событийности в многочисленных исследованиях и на основе документов эпохи.

Субкультурные стили, символы и мифы проявились в массовых революционных событиях и в деятельности революционных субъектов уже в начале нашего, XXI века, определив их неповторимую «карнавальную» феноменологию. Нам могут возразить, что все революции амбиваленты, так как в кризисных, революционных трансформациях обнажаются как глубинные, так и внешние противоречия социокультурных систем, которые и «снимаются» в революциях. В.И. Ленин писал: «Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции» [8, с. 103]. Амбивалентность всегда рассматривали как характеристику праздников и карнавалов, что ещё раз говорит о *субкультурности всех революций* (и особенно порубежных).

Это определяется особой системной характеристикой радикальных социокультурных трансформаций, каковыми являются революции. Ж. Делёз и Ф. Гваттари, ссылаясь на идеи синергетики, писали о специфике революционного детерминизма: «В исторических феноменах, подобных Революции 1789 года, Коммуне, Революции 1917 года, всегда есть что-то от события, несводимого к социальному детерминизму и причинным рядам. Историков не устраивает это обстоятельство: они восстанавливают причинность задним числом. Но событие само по себе состоит в обособлении или в разрыве с различными видами причинности: это бифуркация, отклонение от законов, нестабильное состояние, которое открывает новый спектр возможностей... В этом смысле событие может быть оспорено, пресечено, воспроизведено заново, предано: оно не содержит в себе чего-то непреодолимого. Только ренегаты говорят: это пройденный этап» [5, с. 69]. Таким образом, в революциях открываются самые *многообразные возможности* и пути их реализации: от победы до контрреволюции. Но другие альтернативы никогда не устраняются до конца и всегда могут возобновиться в других условиях.

При всей пестроте интерпретаций «события 1968 года», так или иначе, получают статус революционных, и от них протягиваются смысловые и процессуальные цепочки к

«событиям 1989 года» – к «бархатным» революциям в СССР и Восточной Европе и далее, к революционным, «цветным революциям» начала нового тысячелетия. Как писали Ж. Делёз и Ф. Гваттари: «Детей 68-го можно найти повсюду, хотя они сами этого не осознают, и каждая страна порождает их на свой манер... И сохраняют какую-то открытость, нечто возможное». Они приводят меткую характеристику актёра Микки Рурка, который характеризует революционных шестидесятников: «В нем сочетается уличная и университетская культура. И именно это сочетание сводит его с ума» [5, с. 71, 72]. Вот эта амбивалентность субкультурных революционеров (университетских студентов и уличных хулиганов), объединённых в сообщества, определила и события всех рассматриваемых социокультурных трансформаций последних десятилетий.

Наиболее интересной и одновременно противоречивой, доступной фальсифицирующей критике, является трактовка этих революционных событий И. Валлерстайном с коллегами. Так, Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн, Теренс Хопкинс в этой связи писали: «Если верить сообщениям прессы, участники массовых акций, прокатившихся в 1989 году по Восточной Европе, любили переворачивать «89», превращая это число в «68». Тем, кто придаёт политическое значение этой символической игре цифр, интересным покажется и вопрос о противоположных идеологических репрезентациях двух великих дат, ибо, в то время как 1968-й был «антикапиталистическим», 1989-й оказался в той же мере «капиталистическим» [3]. Интересно, что театральная перформанс здесь прямо указывает на субкультурный и эстетический характер этих революционных событий.

Можно привести и понимание самим И. Валлерстайном места и роли 1968 года в сети революционных событий последних пятидесяти лет, который интерпретирует революции в терминах синергетики (как бифуркации): «Конкретным символом первой бифуркации можно считать результат мировой революции 1968 г., продолжавшейся до так называемого падения коммунистических порядков в 1989 г., которые можно считать второй бифуркацией. В многочисленных локальных проявлениях мировая революция 1968 г. была, конечно же, восстанием против капиталистической цивилизации и её непосредственной главной опорной структуры – Соединённых Штатов, с которыми СССР, считалось, вступил в тайный сговор» [4, с. 171]. Разделяя его критический пафос в отношении капитализма, отметим, что сама такая трактовка революций носит уязвимый и противоречивый характер. Противоречивая теория революций И. Валлерстайна, одного из именитых западных «шестидесятников», развитая им в контексте мир-системного анализа и опровергающая все выше приведённые нами типологии революций заслуживает более пристального рассмотрения.

А.И. Фурсов называет его трактовку «мировой революции» 1968 года «священным мифом мир-системного анализа». Он так её характеризует: «Революция 1968 г., под которой в МСА понимается взрыв, происшедший спонтанно и почти одновременно в Нью-Йорке, Париже, Нью-Мехико, Праге, Италии, Дакаре, Калькутте и Пекине, занимает особое место как в валлерстайновской схеме развития мира после 1968 г., так и в его подходе к революциям вообще. Согласно Валлерстайну, в истории были только две мировые революции, одна – в 1848 г., вторая – в 1968 г. ... Валлерстайн считает 1989–1991 гг. поворотным пунктом современной эпохи... Отсюда – задача: решить, каким конъюнктурам и структурам соответствуют эти два события. Например, конец коммунизма как конец эры. Какой эры? 1945–1989 гг.? 1917–1989 гг.? 1789–1989 гг. или 1459–1989 гг.? Валлерстайн выбирает период 1789–1848–1989 гг.» [11, с. 55, 64]. Мы не будем приводить все критические аргументы А.И. Фурсова, но уже сам выбор И. Валлерстайном основных революционных вех в «историческом капитализме» говорит о том, что это были всё те же «модернизации модерна», о которых мы писали в предыдущей статье [1]. При этом модерн как цивилизация в нашей трактовке оказывается гораздо объёмнее и глубже валлерстайновских понятий «исторический капитализм» или «капиталистическая мир-экономика». Он и



в своей популярной книге, процитированной нами, пишет о «капиталистической цивилизации», но цивилизация модерна не сводится к «капитализму», что часто демонстрирует мир-системный анализ.

Для нас более приемлема трактовка типологической специфики революционных событий 60–70-х годов, данная А.С. Кустарёвым, нашим отечественным «шестидесятником» и диссидентом: «Чем дальше мы удаляемся от этой эпохи, тем лучше видно, что по своей сущности и смысловому (хотя, может быть, и не энергетическому, во всяком случае, в Европе) масштабу эта коллизия сопоставима с несколькими всемирно-историческими коллизиями прошлого: революциями начала XX века (символическая дата 1917), революциями середины XIX (символическая дата 1848), революциями конца XVIII века – французской и американской (1789). А также и более ранней протестантской революцией, наиболее ярко обозначенной политическими событиями в Англии середины XVII века» [7]. Но что всё же отличает все эти революции модерна? Почему субкультурность, по нашему мнению, является специфическим маркером именно для революций 60–90-х годов XX века и рубежа тысячелетий?

В марксистской теории таким специфицирующим инструментом служили «классы» и «классовый подход», который требовал указания на «субъект революции»: отсюда и происходили номинации «буржуазных», «буржуазно-демократических», «пролетарских», «национально-освободительных» и т. п. революций. Революционные, консервативные (неоконсервативные), реакционные и фундаменталистские «волны» в культурно-цивилизационных процессах определяются не столько некими устойчивыми социальными структурами типа «классов», а субкультурами и субкультурными стратификациями, «задаются» ими. Субъект революций, на наш взгляд, всегда связан не столько с «классами» и «социальными группами», как это утверждается в марксистской и немарксистской социально-политической методологии, а именно с *субкультурными сообществами*, в которых объединение людей проходит не на основе «социально-экономических», «идеологических» или «политических» интересов, но вовлечение в революционные события и процессы реализуется по ментальным сопричастиям и культурно-антропологическим сопряжениям. Всё это наиболее полно проявляется в революциях второй половины XX века и рубежа тысячелетий, охвативших все основные регионы мира, что и позволяет нам говорить об их субкультурной природе. И когда мы именуем рассматриваемые здесь революции в качестве «субкультурных», то предполагаем, что их субъектом и были многообразные «субкультурные сообщества» (прежде всего, молодёжные). И действительно, во всех революциях не весь целиком «класс», а лишь его определённые сообщества и страты, связанные общими ментальными установками, образом и стилем жизни, культурными практиками, выполняют эту революционную миссию.

Можно привести пример, как в событиях затянувшейся «весны 1968 года» в Польше таким субъектом стали польские рабочие и служащие верфи в Гданьске, создавшие профсоюз «Солидарность», а в СССР – шахтёры, стучавшие касками на «горбом мосту». При этом другие представители «самого передового класса» оставались пассивными. Когда И. Валлерстайн в качестве социальной базы революции 1968 года рассматривает новый «интеллектуальный рабочий класс» Европы и США (инженеров, управленцев, исследователей), то почему-то не объясняет того факта, что именно студенческие сообщества, первичный субстрат воспроизводства «интеллектуального рабочего класса», составили костяк революционного субъекта в этих революционных событиях.

Да, во всех этих революциях огромную *основную субъектную роль* играла молодёжь, прежде всего, студенческая. Именно в студенческой революции 60–70-х годов XX века родился феномен молодёжной контркультуры [10], позже быстро присвоенный капитализмом и распавшийся в условиях коммерческой и медийной адаптации на множество «молодёжных субкультур» [9]. Здесь надо иметь в виду не только молодёжные контркультуры и субкультуры повседневности и массовой культуры, которые на рубеже столетий существенно трансформировались по сравнению с 70–80-ми годами XX века, но и

большой спектр политических, религиозных, художественных и т. п. субкультур, возникновение которых было реакцией на «оранжевые революции» на посттоталитарном пространстве Восточной Европы и бывшего СССР.

Но и с молодёжью и студентами не всё так просто: исследователи отмечают, что молодёжь всегда была и будет основным субъектом во всех революционных событиях (теории «молодёжного бугра»). Тогда почему именно эти революции мы рассматриваем в качестве субкультурных?

Во-первых, потому, что именно на рубеже 50-х и 60-х годов XX века окончательно оформился тот феномен «массового общества» и «массовой культуры», о котором философы писали ещё в начале века, так как *массофикация общества и культуры* началась ещё в XIX столетии.

Эти революции не ограничивались участием в них «старых» антикапиталистических субъектов революционного действия, представленных социал-демократами и коммунистами всех оттенков (от поклонников КПСС до сторонников Мао и Че Гевары), но здесь впервые появляются *новые субкультурные субъекты*, объединённые не в традиционные «партии» на основе «классовых стратификаций», а в *массовые движения*. «Событие порождает новый образ жизни, оно производит новую субъективность (новое отношение к телу, времени, сексуальности, среде, культуре, работе...)... Общество должно быть способно создать новые коллективные устройства (*agencements*), соответствующие новой субъективности, оно должно желать, чтобы этот сдвиг произошёл. Именно в этом заключается настоящее «преобразование»» [5, с. 70], – писали Ж. Делёз и Ф. Гваттари. Феминистское, антирасистское, гомосексуальное, экологическое движения – это всё оттуда, из революций рубежа 60–70-х.

Но что тогда подвигло самые широкие протестные движения 60–70-х годов прошлого века на новую, «внеклассовую» субкультурную революцию массового общества?

Синергичность революционных процессов, когда в условиях революционных возмущений открывается самый широкий спектр возможностей, определяет и *множественность аттракторов*, направлений революционных процессов в открытых нелинейных системах и *многообразие субкультурных акторов*. Амбивалентность революционных флуктуаций определила и *ситуативность* (случайность, анархичность) субкультурных революций, и одновременно их *проективность* (заданность, лабораторность, искусственность, технологизация).

Но тогда какова была скрытая телеология субкультурных революций поздней современности, определяющая их явную феноменологию?

Ответ, на наш взгляд, кроется в том анализе, который представлен Х. Арндт сразу же после рассматриваемых нами событий (частично мы об этом упоминали выше, сейчас вынуждены немного повториться). Характеризуя студенческие бунты как глобальный феномен, она писала о субкультурных практиках и лозунгах этих революционеров: «Новых воинствующих активистов клеймили как анархистов, нигилистов, красных фашистов, нацистов и (намного более обоснованно) как «луддитов», а студенты отвечали столь же бессодержательными ярлыками – «полицейское государство» или «скрытый фашизм позднего капитализма» и (намного более обоснованно) «общество потребления»... Единственный позитивный политический лозунг, выдвинутый новым движением, – призыв к «демократии участия», нашедший отклик по всей планете и составляющий самый важный общий знаменатель бунтов на Востоке и на Западе, – происходит из *лучшего, что есть в революционной традиции*, – из системы *Советов* (выделено нами – авт.), вечно терпящего поражение, но единственного подлинного результата всех революций начиная с XVIII века. Но никакой отсылки к этой цели ни на словах, ни по существу нельзя найти в учениях Маркса и Ленина, которые оба, напротив, стремились к обществу, в котором необходимость в *публичном действии* и в участии в *публичных делах* «отмерла бы» вместе с государством (выделено нами, но здесь она абсолютно неправа – авт.)» [2, с. 20, 29–30]. Здесь



речь идёт о том, что в робкой, зачаточной форме идея прямого публичного действия и участия в публичных делах, практики самоорганизации, родившиеся в большевистских Советах, вновь были заявлены как *цель новых революций* именно в событиях 1968 года.

Молодежное движение 60–70-х годов в Западной Европе и США, «культурная революция» в Китае прямо обращались к идеям, образам и символам революционной советской мифологии. Массовая культура, советские практики прямого участия в политике и молодежные субкультуры, вероятно, неслучайно увязываются в одном пространственно-временном и деятельном поле. Куда же исчезли эти робкие практики демократии прямого участия и ненасильственного действия?

Список литературы

References

1. Аббасов Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. Великая Русская революция: модернизация Модерна? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 24 (273). – Вып. 42. – Белгород, 2017. – С. 78–87.

Abbasov R.G., Borisova O.S., Rimsky V.P. the Great Russian revolution: modernization of Modernity? // Scientific statement BSU. Series «Philosophy. Sociology. Right». – № 24 (273). – Issue. 42. – Belgorod, 2017. – P. 78–87.

2. Арндт Х. О насилии. – М., 2014.

Arendt H. On violence. – М., 2014.

3. Арриги Дж., Валлерстайн И., Хопкинс Т. 1989-й как продолжение 1968-го // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/arr2.html>.

Arrighi George., Wallerstein, I., Hopkins, T. 1989 as a continuation of 1968 // neprikosnovennyi zasap. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/arr2.html>.

4. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М., 2008.

Wallerstein I., Historical capitalism. Capitalist civilization. – М., 2008.

5. Делёз Ж. Мая 68-го не было. – М., 2016.

Deleuze G. May' 68 was not. – М., 2016.

6. Калинин И.А. Неслучившаяся революция или революция non-stop? // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4>.

Kalinin I. A. non-Incident revolution or non-stop revolution? // Emergency ration. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4>.

7. Кустарёв А.С. Сорок лет спустя // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ku3.html>.

Kustarev A.S. Forty years later // Emergency ration. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ku3.html>.

8. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – Т. 1. – М., 1960. – С. 1–131.

Lenin V.I. Two tactics of social-democracy in the democratic revolution // Lenin V. I. Poln. Coll. Op. Ed. 5. – Т. 1. – М., 1960. – Pp. 1–131.

9. Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 20 (91). – Вып. 14. – Белгород, 2010. – С. 70–78.

Rimskaya O.N., Rimskiy V.P. methodology of research of subcultures in social Sciences and Humanities. Article 4. Configurations of youth subcultures in the space of the Russian region // Scientific Bulletin of BelSU. Series "Philosophy. Sociology. Right". – № 20 (91). – Issue. 14. – Belgorod, 2010. – P. 70–78.

10. Рошак Т. Истоки контркультуры. – М., 2014.

Roszak T. The Origins of the counterculture. – М., 2014.

11. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануэля Валлерстайна и мир-системном анализе) // Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М., 2008. – С. 6–72.

Fursov A.I. Capitalism through the prism of world-systems analysis (Imanila on the works of Wallerstein and world-system analysis) // Wallerstein I. Historical capitalism. Capitalist civilization. – М., 2008. – P. 6–72.

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-443-448

**СОЦИОКОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ
В ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЕ****SOCIOCODE AND TECHNOLOGIES OF INFORMATION STORAGE
IN PRIMITIVE CULTURES****С.Н. Борисов¹, К.И. Черкесова²
S.N. Borisov, K.I. Cherkessova**¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85²Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Королева, 7¹Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia²Belgorod State Institute of Art and Culture, 7, Koroleva st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: snborisov31@gmail.com; fin@bgiik.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема передачи и сохранения информации в первобытной культуре. Авторами выявляется противоречие между механизмом подражания и механизмом речевого кодирования знания. Подражание успешно справлялось с задачей наследования и передачи простых орудийных навыков. Речь возникает как дополнительная система наследования знания, которая через механизм инициации и именное кодирование несла исключительно «человеческую» нагрузку и была ответственна за возникновение человека. При этом речь-миф включил в себя противоречие имитационных механизмов и речевого кодирования, ставшее противоречием между ограниченным во времени телесным автоматизмом и вневременным знаком.

Abstract

The article deals with the problem of transmission and preservation of information in primitive culture. The authors reveal a contradiction between the imitation mechanism and the mechanism of speech coding knowledge. Imitation successfully coped with the task of inheritance and transfer of simple gun skills. Speech arises as an additional system of inheritance of knowledge, which through the mechanism of initiation and nominal coding carried exclusively "human" load and was responsible for the emergence of man. At the same time, the speech-myth included the contradiction of imitation mechanisms and speech coding, which became a contradiction between the limited in time bodily automatism and the timeless sign. The main contradiction unfolds between knowledge and activity, which dialectically interact with each other in mutual transformation. Activity through the personal experience of the name bearer corrects knowledge, which, in turn, allows you to inherit the accumulated experience of activity for the next generation. The head of a concrete person, the immediate bearer of a name and an agent, as well as the bearer of cumulative knowledge - the elders, is the bearer.

Ключевые слова: миф, знание, деятельность, речь.**Key-words:** myth, knowledge, activity, speech.

Само использование понятия М.К. Петрова «социокод» в названии нашей статьи обязывает к культурно-исторической трактовке проблемы знания, а также вниманию к проблеме его сохранения и передачи. При этом отметим, что знание и информация отличаются личностной и культурной обусловленностью первого и отчужденным характером второго. Говорить об информации стоит тогда, когда речь идет о том, что уже подверглось кодированию. Знание же является извлеченной информацией в голове человека, информацией присвоенной,



соединенной с опытом и культурой, контекстом жизни и деятельности. Любая экстериоризация знания и деятельности связана с кодированием и такой первичной системой является естественный язык, речь человека. И здесь нам необходимо обратиться к ранней истории человечества и проблеме возникновения человека в контексте появления и развития речи.

Сразу отметим, что большинство теорий происхождения человека не относят указанную выше связь между появлением человека и возникновением речи как определяющую. По большей части приоритетным является деятельность. В.П. Римский так выделяет сущностное ядро эволюционных теорий: «Исходная позиция, которая объединяет почти все эволюционистские концепции антропосоциогенеза в западной или отечественной науке (в том числе и богословские теории «направленной эволюции») без исключения, следующая: возникновение человека и человеческого общества можно объяснить на основе исследования процессов трансформации биологических предпосылок в специфические формы человеческой деятельности, в которой сознательный коллективный труд выступает субстанцией новой антропологической формы жизни...» – и далее на этой основе возникают вариации теорий происхождения человека, выстраивающиеся вокруг соотношения и различия между инстинктивной деятельностью предков человека и сознательным человеческим трудом – «Проблемой, конституирующей альтернативы, является различие «первых живоотнообразных инстинктивных форм труда» (Маркс) и сознательного, общественного труда, конкретно-исторических, в которых становится возможным человеческий труд» [Римский, 2003, с.55].

А в некоторых теориях даже и не труд, а стратегии размножения, запускающие более продвинутые комплексы выживания, объединяющие в единую систему способ размножения, среду обитания, способ передвижения (прямохождение у гоминид), объем головного мозга (соответствующий стратегии размножения) и, наконец, необходимость сообщества для трансляции навыков и орудийная деятельность. Такую взаимосвязь описывают Д. Джохансон и М. Иди, излагая теорию О. Лавджоя [Джохансон, 1984, с. 227–253]. Как подчиненные социальным стратегиям рассматривает репродуктивные модели поведения гоминид М.Л. Бутовская, которая пишет: «Уже на ранних этапах эволюции гоминид половое поведение перестало ограничиваться только репродуктивной функцией. Роль сексуального поведения существенно возросла (отчетливые предпосылки к этому явлению наметились уже у приматов)... Половое поведение у гоминид тесно переплетается с их ежедневной социальной активностью, а элементы полового поведения могут применяться для предотвращения и торможения агрессии, установления и налаживания дружелюбных отношений» [Бутовская, 1993, с.128].

Вместе с тем вопрос о человеческом (появлении человека) остается открытым вне антропологического дискурса или при переходе к дискурсу философскому и культурологическому, которые не ограничиваются аспектами прямохождения, объема мозга, строением тела и прочими физиологическими маркерами homo. Более важным и бесспорным является наличие культуры, которая отражается в соответствующих артефактах (наскальных изображениях и предметах культа) и, что важно, ясно говорит о наличии развитых систем коммуникации. А.В. Марков берет в кавычки фразу в названии раздела «Три дырявые ракушки и начало «подлинно человеческой» культуры» [Марков, 2011, с. 238–239], говоря о перенесении датировки такого начала с верхнепалеолитической революции, датируемой 45–35 тыс. лет назад, отодвигая появление человека гораздо ранее, около 200 тыс. лет назад. И первыми найденными свидетельствами культуры, а значит, и человека, являются перфорированные ракушки, найденные археологами в погребениях.

Во многом о том же пишет и Б.Ф. Поршнев во введении к своей работе «О начале человеческой истории». Отталкиваясь от материалистического понимания исторического процесса, основным принципом которого является ускорение развития, Б.Ф. Поршнев четко ставит вопрос начала человеческой истории, отвечая на него предельно конкретно. Началом человеческой истории следует считать прекращение действия закона естественного отбора: «У человека процесс морфогенеза со времени оформления Homo sapiens в общем прекратился. При этом законы биологической изменчивости и наследственности, конечно, сохраняются, но отключено действие внутривидовой борьбы за существование и тем самым отбора... Иначе говоря, почему забота о нетрудоспособных, посылная защита их от смерти стали отличии-

тельным признаком данного вида? Ответ гласит: вследствие развития труда. Взаимосвязь, как видим, не простая, а диалектическая – труд спасает нетрудоспособных. Мостом служит сложнейшее понятие общества» [Поршнева, 2007, с. 29]. Отличительными признаками человека становятся труд, мышление, социальность и речь. При всех критических выпадах о наличии «почти того же самого» в животном мире эти признаки позволяют определить человека как человека в толще истории, как и само ускорение этого развития. Убегания от этого самого начала. Эта идея весьма интересна, поскольку также позволяет выявить различия между миром животных и человека, которые будут связаны с темпом изменений в обоих мирах.

При этом Б.Ф. Поршнева критически оценивает такие отличительные признаки человека как прямохождение (предок человека, ходящий прямо, еще не человек), а также производство орудий (здесь вообще возможны параллели с животными, использующими предметы для своих нужд). Все они скрывают то, что ученые пытаются найти и обосновать, мышление человека: «Итак, все попытки добиться от палеолитических каменных орудий ответа на вопрос об основном отличии человека от животных построены на желании видеть в древних каменных орудиях своего рода скорлупу, раздавив которую мы найдем понятие «труд», которое в свою очередь – скорлупа, скрывающая суть дела, ум, психику человека» [Поршнева, 2007, с. 35]. Неоднозначность этой связи и представляет проблему нахождения человеческого.

Более очевидный признак – речь. Именно она с полной очевидностью свидетельствует о существовании человека. Б.В. Поршнева указывает на необходимость принципиального различия сигнальной системы животных и человека. Она заключается в том, что сигналы животных жестко привязаны к тому, о чем они сигнализируют. Так крик об опасности говорит об опасности. Человеческая коммуникация опирается на знак, который не связан с тем, что он означает. Эта произвольность была определена Ф. де Соссюром в «Курсе общей лингвистики» как произвольность между означающим и означаемым [Соссюр, 2004]. Знаки не соотносятся с тем, что они означают, но также могут заменять друг друга или отрицать. Возникает автономная сфера значений, которые хоть и обусловлены объективной реальностью, но непосредственно с ней не связаны, образуя символическое как сугубо человеческое. С тем уточнением, что первичной для этой сферы является именно речь. Этот вывод Б.Ф. Поршнева позволяет сделать обращение к работам Л.С. Выготского и продолжение его идей в трудах А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина и Д.Б. Эльконина. Вначале речь, а потом мышление как интериоризированная и присвоенная речь: «Мышление, сознание, воля, личность – это не другие наименования речевой функции, но это ее сложные производные. Без речи нет и не могло бы быть мышления, сознания, воли, личности» [Поршнева, 2007, с. 104].

Разрабатывая далее вопрос соотношения речи и мышления, Б.Ф. Поршнева отмечает различие между первой и второй сигнальными системами. Отмечая тормозящий характер последней, выражающийся в суггестии и контрсуггестии: «Внушение и есть явление принудительной силы слова. Слова, произносимые одним, неотвратимым, «роковым» образом предопределяют поведение другого, если только не наталкиваются на отрицательную индукцию, контрсуггестию...» [Поршнева, 2007, с. 131]. Поскольку одна из функций знака – побуждать к действию, за его озвучиванием следует его декодирование, и далее возникает дилемма исполнения или запрета на исполнение. Причем обращение к психологии показывает, что первичен как раз отказ, запрет на выполнение внушаемого, и только потом, через его преодоление внушение осуществляется. Таков механизм реализации второй сигнальной системы. Вот вывод, к которому приходит Б.Ф. Поршнева: «... второсигнальное взаимодействие людей складывается из двух главных уровней – инфлюативного и информативного, причем первый в свою очередь делится на первичную фазу – интердиктивную и вторичную – суггестивную» [Поршнева, 2007, с. 136].

Ключом к пониманию проблемы языка и действия (деятельности) оказывается механизм подражания, который Б.Ф. Поршнева определяет так: «... подражание или имитация, если и безусловный рефлекс, то особого рода, эволюционно очень древний, т. е. присущий уже относительно низким этапам развития головного мозга и животного царства. Однако в восходящем ряду животных этот древний инстинкт в некоторых случаях обновлялся и изменялся. Его можно разделить на зрительно-двигательную имитацию и слухо-вокативную имитацию. Обе формы основаны на одинаковом принципе: зрительное или слуховое восприятие



двигательного или голосового поведения другой особи непосредственно порождает у данной особи такой же поведенческий акт» [Поршнева, 2007, с. 211].

Сегодня о подражании известно больше, современные исследования позволили выявить физиологическую основу подражания [Rifkin, 2009]. Подражание также на вне языковом уровне служит для передачи навыков, научению молодых поколений старшими. Анализ феномена имитативности позволил сделать вывод о том, что ископаемые троглодиты были максимально имитативны. Эта имитация носила автоматический характер, о чем свидетельствуют находки древних орудий труда, и мало чем отличалась от деятельности животных, которые также научаются преобразованию внешнего мира. Отгалкиваясь от примера производства орудий труда, Б.Ф. Поршнева пишет: «Следует, напротив, полагать, что количественные пропорции вариантов воспроизводились более или менее одинаково при смене поколений, вернее, в непрерывной цепи стареющих и подрастающих, с такой же бессознательностью, с такой же автоматичностью, с какой в живой природе воспроизводятся многие сложные акты поведения и материальные предметы (норы, гнезда, межевые признаки, делящие охотничьи угодья, плотины), но с неизменно возросшей ролью фактора прямого имитативного контакта» [Поршнева, 2007, с. 224–225]. Сама возможность подражания была обусловлена и ограничена одновременно непосредственным зрительным контактом производящего и обучаемого.

Чрезвычайно развитая имитативность сочеталась с не менее развитой стереотипностью. Б.Ф. Поршнева приводит расчеты по изменениям в производстве орудий на численность поколений. Так в нижнем палеолите изменения затягиваются на 50000 поколений, в среднем палеолите изменения происходят быстрее, и на долю даже небольших изменений приходится 200–300 поколений. При этом природа этих изменений не связана с работой сознания, творчества, мышления. Они могли быть связаны с изменениями среды обитания, случайными сбоями в трансляции шаблона и прочим, достаточно близким к изменениям, происходящим в мире животных. При этом сама интердикция как ключевой феномен для возникновения языка является таким сбоем, вернее, реакцией на сбой: «... при стечении благоприятных биологических условий, неадекватный рефлекс одного организма может провоцировать имитативный рефлекс у другого организма, тем самым отгесняя иные реакции и действия этого последнего. Соответственно мы и называем этот «нерациональный» физиологический акт интердикцией... Эта специфическая форма торможения образует фундамент, на основе которого возможен переход от первой сигнальной системы (безусловные и условные рефлексy) ко второй – к человеческой речи» [Поршнева, 2007, с. 231–232].

Оставляя в стороне столь интересующие Б.Ф. Поршневу аспекты языковой суггестии ранних людей, отметим весьма незначительный характер трансформации имеющегося знания и его первую модель трансляции, опирающуюся на механизм подражания. Можно с уверенностью также утверждать, что далее темп изменений возрастает, что подтверждают данные, приводимые Б.Ф. Поршневым, и с появлением собственно речи, а следовательно и знака как способа экстерииоризации мысли и знания за пределы сознания, возникает возможность не только трансляции, но и трансмутации знания. И здесь мы позволим себе отойти от логики Б.Ф. Поршневу, чтобы сделать уточнение о том, что бинарная логика имитации – интердикции реализовывалась не столько на уровне взаимодействия отдельных людей или их предков, сколько на уровне коллективов. Имитативно-интердиктивные комплексы трансформируются в дуально-этнические отношения и речь как речь-миф: «... речь-миф выступает регулятором дуальноэтнического отношения... Речь-миф как исходная форма первобытного сознания и мышления выполняла регулятивную функцию (императивно-коммуникативную) в структурах дуальных организмов в форме индивидуальной и коллективной суггестии и запрета-пресечения» [Римский, 2003, с.79].

И именно в контексте такого понимания возникающей речи как речи-мифа, регулирующего коллективные отношения родов-этносов, раскрывается значение речи как способа трансляции знания и деятельности. Он не был уже столь жестко завязан на непосредственное наблюдение, но все еще основывается на имитации. Автоматизм соседствует с ритмичностью и сериацией, повторение уже известного и закрепленного в деятельности, но теперь отражающегося в речи-мифе. И если ранее «ошибка», приводящая к трансмутации знания-

деятельности, происходила на индивидуальном уровне, то теперь речь-миф с одной стороны страшит от этого, но с другой – возводит возможную «ошибку» на уровень коллектива. Но не стоит это понимать как «ошибки» в трансляции идеального или духовного, «ошибки» интерпретации или как герменевтические ошибки. Речь стоит вести скорее об умножении той телесности, которая смотрит, запоминает, воспроизводит, делает и в силу этого умножения возрастает возможность ошибки. Э. Кассирер пишет о множестве, заключенном в единичности мифологического сознания: «И снова миф демонстрирует, что ему чуждо как раз это разграничение, это разделение «индивидуума», «вида» и «рода» в смысле логической иерархии, «абстракции» и детерминации. Подобно тому, как в каждой части для него заключено целое, так и в каждом «экземпляре» рода перед ним непосредственно предстает сам род со всей совокупностью его мифологических признаков, т. е. его мифологических сил» [Кассирер, 2011, с.84]. Умножения как самих повторов, так и воспроизводящих, связанных телесностью мифа еще не идеального характера, но содержащего возможность такой идеальности. А.Ф. Лосев еще более усиливает момент такой телесности, говоря о животной телесности мифа: «Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» [Лосев, 2001, с. 40–41].

Вопрос в том, как трансформируется миф и во что. Для ответа на этот вопрос обратимся к пониманию мифа у Р. Барта, который говорит о мифе сегодня, давая ему краткое определение: миф – это слово. И позволим себе привести его слова: «... поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциальных...» – и далее еще один признак, который сближает понимание мифа у Р. Барта с его пониманием у Б.Ф. Поршнева – «Значит, мифом может быть все? Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнутого-немного существования перейти в речевое состояние...» [Барт, 2008, с.265]. То есть современный миф по Р. Барту – это слово, и в отличие от мифа в его доисторическом варианте – только слово, обладающее суггестивностью. Причем наше временное определение мифа исходного как доисторического также не лишено определенного смысла, поскольку история – это также слово. Что вычитается из исходного мифа? Очевидно, прежде всего – действие. Действие, сериальность навыка, требующая непосредственного наблюдения. Это уходит. Оно становится лишним, поскольку действие кодируется словом. Возникает то, что М.К. Петров называл рецептурным знанием. Знание, которое указывает, как делать. И телесность уходит также в этом смысле. Пронизанность общим и единым автоматизмом также утрачивается. Возникает действительно речь-миф, вместо и на месте действия речи-мифа.

Речь-миф по М.К. Петрову вмещает в себя идущие из архаики ситуативные технологии, которые основываются на имитации и автоматизме, но также и существенно новое – профессионально-именной социокод. Последний уже имеет иную основу – практики инициации, которые кодируют и программируют человека в зависимости от его возраста, статуса в сообществе и деятельностной специализации. М.К. Петров описывает механизм этого накопления и изменения знания-деятельности следующим образом: «Имя выступает вневременной непрерывностью, концентратором и контейнером информации об обязанностях и поступках всех предшествующих носителей имени в различном комплексе ситуаций, т. е. чем-то очень близким к современному пониманию текста – к инструкции, например, или книге. В момент посвящения текст этот отчужден в память старейшин и уже на этом этапе неизбежно испытывает ряд трансформаций, обеспечивающих более или менее конъюнктурную переоценку имени от нужд момента и от наличных обстоятельств жизни племени... В момент передачи имени новому носителю возникает переоценка и трансформация текста имени, т. е. сдвиг значений и акцентов, который всегда направлен к более полному учету конкретной обстановки» [Петров, 1992, с. 19].

Главное противоречие разворачивается между знанием и деятельностью, которые диалектически взаимодействуют друг с другом по взаимной трансформации. Деятельность через личный опыт носителя имени корректирует знание, которое, в свою очередь, позволяет наследовать накопленный опыт деятельности следующим поколениям. Носителем выступает



голова конкретного человека, непосредственного носителя имени и деятеля, а также носителя совокупного знания – старейшины. Через наделение именем знание сегментируется и вновь собирается в мифе. И вслед за авторами монографии «Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова» [Римский, 2017, с. 100] зададимся вопросом о необходимости столь сложной схемы для трансляции ситуативных технологий. Подражание вполне справлялось с задачей наследования и справляется до сих пор в передаче простых орудийных навыков, необходимых в повседневной жизни. Получается, что дополнительная и гораздо более сложная система наследования знания через механизм инициации и именное кодирование несла исключительно «человеческую» нагрузку и была ответственна за ту «ошибку» (Б.Ф. Поршнев), которая привела к возникновению человека.

Но также можно отметить, что миф вмещает в себя и имитационные механизмы, и именное кодирование. Речь-миф тем самым оказывается внутренне противоречивым, содержит в себе еще одно диалектическое противоречие. Противоречие между телесным автоматизмом, ограниченным во времени и вневременным знаком в своем пределе священным [Борисов, 2016, с. 38–42]. Противоречие мифа (в собственном или исходном его значении) и речи (отметим отдельно, что еще не письма). Последнее хоть и существует всегда «здесь и теперь», в перманентном актуальном, но носителем всегда выступает живое и смертное тело членов сообщества. В речи уже присутствует необходимость другого, речь есть отчужденная мысль и переживание.

Список литературы

References

1. Барт Р. Мифологии. М., 2008.
Bart R. Mifologii. M., 2008. (in Russian)
2. Борисов С.Н., Осыка Я.М. Сакральное в современной культуре: подходы к определению и границы понимания // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2 (61). С. 38–43.
Borisov S.N., Osyka YA.M. Sakral'noe v sovremennoj kul'ture: podkhody k opredeleniyu i granitsy ponimaniya // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. 2016. № 2 (61). S. 38–43. (in Russian)
3. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). М., 1993.
Butovskaya M.L., Fajnberg L.A. U istokov chelovecheskogo obshhestva (Povedencheskie aspekty ehvolyutsii cheloveka). M., 1993. (in Russian)
4. Джохансон Д., Иди М. Люси. Истоки рода человеческого. М., 1984.
Dzhokhanson D., Idi M. Lyusi. Istoki roda chelovecheskogo. M., 1984. (in Russian)
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II.: Мифологическое мышление. М., 2011.
Kassirer E.H. Filosofiya simvolicheskikh form. T. II.: Mifologicheskoe myshlenie. M., 2011. (in Russian)
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001.
Losev A.F. Dialektika mifa. M., 2001. (in Russian)
7. Марков А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М., 2011.
Markov A. Ehvolyutsiya cheloveka. V 2 kn. Kn. 1. Obez'yany, kosti i geny. M., 2011. (in Russian)
8. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов на Дону, 1992.
Petrov M.K. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo. Rostov na Donu, 1992. (in Russian)
9. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. СПб., 2007.
Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. SPb., 2007. (in Russian)
10. Римский В.П. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003.
Rimskij V.P. Mif i religiya: k probleme kul'turno-istoricheskoy spetsifiki arkhaischikh religij. Belgorod, 2003. (in Russian)
11. Римский В.П. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. М., 2017.
Rimskij V.P. Uchrezhdayushhaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: intellektual v inter'ere kul'turnogo kapitala. M., 2017. (in Russian)
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2004.
Sossyur F. de. Kurs obshhej lingvistiki. M., 2004. (in Russian)
13. Rifkin J. The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis. NY. 2009. (in Russian)

УДК 34.096+159.955.4+172.1+172.4
DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-449-456

ПРАВОВОЙ ОПЫТ ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА (ПЕРВАЯ АВСТРИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ)¹

JUDICIAL EXPERIENCE OF THE INTERBELLUM JEWISH INTELLECTUALS (THE FIRST AUSTRIAN REPUBLIC AND SOVIET RUSSIA)

А.М. Давлетшина
A.M. Davletshina

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St, Yekaterinburg, 620002, Russia

Аннотация

В статье рассматривается рефлексия над правовым опытом еврейской интеллигенции межвоенного периода, проживавшей в Первой австрийской республике и Советской России, а также эмигрировавшей в другие государства. Показано, что правовой статус еврейских граждан в рассматриваемых государствах претерпел значительную трансформацию в первой половине XX в., что привело к изменениям в политической, культурной и экономической сферах. Еврейские интеллектуалы остро переживали происходящие изменения и пытались осмыслить происходящие в правовой реальности изменения. В итоге правовые переживания «советской еврейской интеллигенции» и «австрийской еврейской интеллигенции» повлияли на переосмысление и конструирование идентичности.

Abstract

The paper considers the judicial experience introspection of the interbellum Jewish intellectuals, who lived in the First Austrian Republic and Soviet Russia or migrated to other countries. The author shows that in the first half of 20th century the legal status of Jewish citizens in the First Austrian Republic and Soviet Russia was critically transformed and this led to changes in political, cultural and economic spheres. It is also shown that Austrian and Soviet Jewish citizens were in complicated two-way situation and this fact was reflected in the judicial and cultural reality. Jewish intellectuals struggled to pass through and tried to comprehend current changes. The author underlines that assimilated Austrian Jews had the strongest intellectual introspection. Moreover, the judicial experience of the Soviet Jewish intellectuals and the Austrian Jewish intellectuals influenced on the reinterpretation and the constructing of identity. Finally, the Jewish people collided with the great problem – they couldn't totally disregard their Jewish origin.

Ключевые слова: межвоенный период, интеллектуальная рефлексия, правовой опыт, правовые переживания, правовая реальность, советская еврейская интеллигенция, австрийская еврейская интеллигенция, имперское/постимперское.

Keywords: interbellum, intellectual introspection, judicial experience, judicial reality, Soviet Jewish intellectuals, Austrian Jewish intellectuals, imperial/post-imperial.

Правовой статус еврейских граждан претерпел значительные изменения в XIX–XX вв. Трансформация прав привела не только к изменениям в правовой жизни, но и достаточно сильным изменениям в политической, культурной и экономической сферах. В этом плане ин-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).



тересной оказывается рефлексия правового опыта в двух достаточно разных государствах – по истории развития своих прав, признанию в обществе, менталитету. Интерес представляет то, как оценивались происходящие в правовом поле изменения еврейскими интеллектуалами Первой австрийской республики и Советской России в период с 1918 по 1938 гг.

Именно еврейские интеллектуалы, являясь непосредственными участниками событий, пытались осмыслить происходящее с ними, пытались решить для себя, какую позицию им занимать. В их мемуарах, письмах, выступлениях и художественных произведениях часто можно наблюдать появление вопроса – «что значит быть евреем сегодня?». Еврейское население в Австрии, Германии, России находилось в двойственном положении, что нашло отражение в правовой и культурной реальности. Эта двойственность проявлялось во всем – в отношении к евреям и в отношении евреев к самим себе. Принять «еврейское» или отказаться от «еврейского»? Именно поиск ответа на этот вопрос объединил таких разных мыслителей, как З. Фрейд, Й. Рот, С. Цвейг, Т. Герцль, Ф. Кафка, К. Краус и т. д. в Австрии, С.Г. Слиозберг, Л. Гроссман, С.М. Дубнов и т. д. в России. Во многом на развитие полемики вокруг этого вопроса повлияли изменения, произошедшие в правовой реальности межвоенного периода, но начавшиеся еще до Первой мировой войны – в имперский период.

Говоря о ситуации в европейских странах межвоенного периода, можно наблюдать общие тенденции и явления: изменения правовой и социальной реальности, появление новых государств после Первой мировой войны, развитие антисемитизма, возникновение сионизма – все это оказало значительное влияние на формирование новой правовой реальности и приобретение нового правового опыта, что повлияло на конструирование «еврейской идентичности». В частности, в этот период равенство в гражданских правах еврейского населения было «формальным», что остро переживалось в правовом опыте еврейскими интеллектуалами.

Если говорить о Вене перед Первой мировой войной, то Э. Кантерян описывает ее следующим образом: «В последние десятилетия перед Первой мировой войной Вена находилась в зените имперского величия: это была столица обширной многонациональной империи, один из крупнейших центров мира, плавильный котел новаторских художественных и интеллектуальных течений. Здесь жесточайший консерватизм сталкивался с самым радикальным модернизмом, здесь острее всего чувствовался упадок старого мира и надежда на новое возрождение; здесь было полно противоречий, маний и гениев» [Кантерян, 2016 с. 11]. Австрия в конце XIX – начале XX вв. подобно немецким государствам избрала для себя путь постепенной интеграции евреев в гражданское общество и осуществляла ее под контролем государственной власти. Выбор этого пути объяснялся тем, что к немедленной интеграции не готовы как еврейские граждане, так и само общество не может принять эту идею. Эмансипация в Австрии отличалась своей направленностью – ее главной задачей являлась аккультурация евреев к немецкой культуре, что означало отказ от иудаизма. Но в реальности еврейские граждане многонациональной империи должны были ответить для себя более широко на этот вопрос – не ассимилировать и оставаться евреем, которого не принимает общество, или ассимилировать и стать немцем, венгром, чехом и т. д. и, возможно, быть частично принятым в обществе.

Одним из первых шагов ассимиляционной политики, предпринятых в XIX веке, стала Конституция Австрийской империи. После ее принятия произошел резкий рост еврейского населения за счет эмигрантов из граничащих с Австрией стран, а также увеличилось количество еврейских граждан в Вене за счет внутренней эмиграции. Но при номинальном гарантировании гражданских прав австрийские евреи не ощущали защиты своих прав. Одним из основных достижений эмансипации еврейского населения можно считать возможность получения образования в школах и университетах. Многие исследователи австрийской культуры отмечают, что австрийских евреев, и в еще большей степени евреев Вены, отличал высокий уровень образованности [Wien und die jüdische Erfahrung

1900–1938..., 2009; Джонстон, 2004; Ле Ридер, 2009; Хаманн, 2016]. Уравнение в гражданских правах дало им возможность учиться в школах, поступать в университеты, участвовать в культурной жизни столицы. В связи с этим многие австрийские еврейские интеллектуалы считали это время золотым веком. Так С. Цвейг (1881–1942) описывал это время как эпоху надежности: «права, которые оно обеспечивало своим гражданам, было закреплено парламентом, этим свободно избранным представителем народа, а каждая обязанность строго регламентирована» [Цвейг, 2016, с. 42].

В поздней имперской России этого периода также, как и в Австро-Венгерской империи, Германии, был сильно развит антисемитизм и юдофобия. Но в отличие от этих государств, ассимиляционная политика не проводилась, более того, еврейских граждан селили в так называемую «черту постоянной еврейской оседлости» на западных границах Российской империи. Лишь определенные категории евреев пользовались «правожительством» вне черты оседлости, а именно лица с высшим образованием, купцы первой гильдии, а также «николаевские» солдаты (и их потомки), призванные в армию до введения закона о всеобщей повинности в 1874 г. Вне черты также могли жить еврейские ремесленники, но лишь при условии, что они занимаются своим ремеслом.

В Российской империи был принят целый ряд правовых законов о еврейском населении, ограничивающих выбор профессии, возможность владения собственностью и т. д. Все это привело как обычных граждан еврейского происхождения, так и представителей еврейской интеллигенции к проявлению недовольства по отношению к правительству и к выбору к одному из двух путей – эмиграция (в довоенный период очень много эмигрантов из России переехало в Австро-Венгерскую империю) или поддержка революционных движений. Конечно, не вся русская еврейская интеллигенция поддерживала революционные движения. В частности, известный русский юрист Г. Слиозберг считал, что евреи России должны быть истинными гражданами Российской империи и поддерживать государственный строй.

Нужно признать, что российское правительство понимало, что достаточно опасно нахождение и сдерживание большой группы в одном месте, поэтому все-таки в имперский период предпринимались попытки решения этого вопроса. Например, был создан «еврейский комитет», который должен был заниматься вопросом интеграции еврейского населения и аккультурацией по отношению к русской культуре. Для этого были использованы такие инструменты, как служба в армии и образование. Но в полной мере это не помогло в процессе ассимиляции еврейского народа. К концу XIX в. стало ясно, что эти инструменты ассимиляции не смогут вырвать еврейских граждан из их изоляции. Как бы ни пытались изменить российское законодательство, общество отказывалось принимать евреев. Например, несмотря на то, что с 1804 г. евреи могли учиться в российских учебных заведениях, в некоторых районах черты оседлости местные гимназии были закрыты по «частному распоряжению». То же самое наблюдалось при приеме на государственную службу еврейских граждан, получивших медицинское образование. Двойственность в отношении к еврейским гражданам, в том числе еврейской интеллигенции, была продемонстрирована в том числе русской интеллигенцией. И.В. Земцова описывает ее следующим образом: «её гражданская позиция пришла в противоречие как с глубоко укоренившимися этническими и религиозными предрассудками, так и с неоднозначно воспринимаемым опытом близкого контакта с представителями другой культуры» [Земцова, 2012, с. 57].

Правовая ситуация мало изменилась в лучшую сторону в рассматриваемых странах и после Первой мировой войны – еврейские граждане Первой австрийской республики и Советской России оказались вновь в двойственной ситуации.

В Первой австрийской республике еврейские граждане столкнулись с новыми и пугающими правовыми порядками в процессе получения гражданства, которые к тому же были национально окрашены. Г. Бюргер отмечает, что для «евреев и еврейских женщин путь к получению нового гражданства в одном из государств-правопреемников стал дли-



тельным и сложным процессом. Нередко он заканчивался отказом в гражданстве. Монархический закон о гражданстве отличался принципом надэтнической нейтральности, в то время как законы о гражданстве новых республик в значительной степени следовал национально-государственной, этнической логике» [Burger, 2014, s.132–133]. Равенство в гражданских правах еврейского населения с австрийскими немцами было «формальным», на что постоянно указывалось как «просвещенной» интеллигенцией, так и простыми жителями Австро-Венгрии. В письме к Й.М. Кейнесу 18 марта 1938 г. Л. Витгенштейн так описывает ситуацию с получением гражданства в Австрийской республике, в которой оказалась его семья и он: «Ты, вероятно, знаешь, что теперь, после аннексирования Австрии, я стал немецким гражданином и считаюсь в соответствии с немецкими законами немецким евреем (поскольку мои бабушка и дедушка крестились уже во взрослом возрасте). <...> Если бы я решил теперь поехать в Вену, то это привело бы к следующим последствиям: во-первых, у меня отберут паспорт, поскольку немецким евреям паспорт выдается лишь в крайних случаях. Отсюда следовало бы, что я не смогу выехать из Австрии и никогда не получу места. <...> Должен признаться, что мысль о том, что я стану (или уже являюсь) немецким подданным, вызывает во мне УЖАС, не говоря о всех тех последствиях, которые проистекают из этого. <...> Я уже раньше подумывал о том, чтобы получить себе английское гражданство, но я отказывался от этой затеи, потому что не хотел становится псевдоангличанином. <...> Теперь же мое положение кардинальным образом изменилось. Я вынужден выбирать между двумя гражданствами, одно из которых грозит мне потерей всего, другое же по крайней мере даст мне возможность работать в другой стране...» [Ботстайн, 2003, с. 26].

После окончания войны в Вену двинулся поток еврейских эмигрантов из окружающих ее государств, что в период с 1918 по 1920 гг. сыграло большую роль в формировании правовой реальности новой республики. По воспоминанию Й. Рота (1894–1939), в Вене в этот период было много евреев, которые вынуждены были покинуть свою родину из-за того, что она была занята неприятелем. Единственное, что им оставалось – заниматься контрабандой, привозить из Венгрии продукты, что было чревато тюрьмой. Сложной была и правовая ситуация по наблюдениям писателя: «После войны их подвергли отчасти насильственной репатриации. Некий глава земельного правительства велел высылать их на родину. Для членов Христианско-социальной партии они евреи. Для членов Немецкой национальной партии они антисемиты. Для социал-демократов они непродуманные элементы. А они всего-навсего безработный пролетариат. И коробейник – тоже пролетариат» [Рот, 2011, с. 86–87]. Здесь Рот описывает ситуацию, когда в сентябре 1919 г. Альберт Север, председатель правительства Нижней Австрии, в состав которой входила и Вена, издал указ, который обязывал беженцев получить для дальнейшего пребывания в Вене специальное разрешение. Получить эту бумагу было практически невозможно [Рот, 2011, с. 86–87].

В Австрийской республике под давлением общества представители всех политических сил, включая социал-демократов, вскоре согласились с тем, что необходимо найти способ в отказе на гражданство в Вене еврейским иммигрантам. Был принят проект немецко-австрийского закона о гражданстве от 27 ноября 1918 г., который должен был сделать процесс получения гражданства зависимым от признания немецким государством [Burger, 2014, s. 136]. Этот закон вызвал огромное возмущение со стороны прессы в связи с нарушением прав меньшинств и не был официально принят. В итоге какое-то время возможность получения гражданства регламентировалась статьей 80 Сен-Жерменского мирного договора, в соответствии с которым в течение шести месяцев бывшие граждане Австро-Венгерской империи могли выбрать для себя гражданство по принципу «расы и языка» (*nach Rasse und Sprache*) [Burger, 2014, s. 137]. Но опять же, по этому договору еврейскому населению проблематично было получить гражданство. Только в исключительных случаях бывшим гражданам Австро-Венгрии еврейского происхождения давали

гражданство. Например, его смог получить Й. Рот [Burger, 2014, s. 138]. Одновременно с нараставшим антисемитским настроением усложнялось и правовое положение еврейского населения. С 1921 г. процесс получения гражданства стал еще более сложным, т. к. Австрийским национальным правительством было разрешено руководствоваться не только Сен-Жерменским договором, но и «учитывать требование расовой принадлежности большинству австрийского населения» [Burger, 2014, s. 138].

С каждым годом пребывание еврейского населения в Австрийской республике становилось все проблематичнее. С. Цвейг, вспоминая это время, пишет: «Сначала у евреев отняли их профессии, им запретили посещать театры, кино, музеи, а ученым – пользоваться библиотеками: они оставались из верности или из-за инертности, из-за трусости или из-за гордости. <...> Затем у них отобрали прислугу и радио и телефоны из квартир, затем сами квартиры, затем им насильно приколотили звезду Давида. <...> Они были лишены всякого права, над ними чинилось всякое душевное, всякое телесное насилие с азартным вождением, и для каждого еврея старая русская пословица стала ужасной правдой: "От сумы да от тюрьмы не зарекайся"» [Цвейг, 2016, с. 465–466]. В независимости от своего положения в обществе все еврейское население оказалось объединено вопросом – «почему я страдаю?»: «Только теперь, когда их сгоняли всех вместе и подметали, словно мусор на улицах, – директоров банков из берлинских дворцов и синагогальных служек из ортодоксальных общин, парижских профессоров философии и румынских извозчиков, обывателей покойников и лауреатов Нобелевской премии, концертных певиц и плакальщиц на похоронах, писателей и винокуров, владельцев и неимущих, великих и маленьких, верующих и свободомыслящих, ростовщиков и мудрецов, сионистов и ассимилировавшихся, ашкенази и сефардов, праведников и грешников, а позади них еще оробевшую толпу тех, кто полагал, что давно уже избежал проклятия, крещеных и смешанных, – теперь вот впервые за сотни лет евреям снова навязывали общность, которой они уже не чувствовали <...> общность изгнания» [Цвейг, 2016, с. 469]. В Вене было запрещено практически все – сидеть на скамейках в городе, находиться в одной комнате с немецкими женщинами до 50 лет [Цвейг, 2016, с. 446–447].

В этот период в среде австрийских еврейских интеллектуалов наблюдается пессимистичность взглядов на свое настоящее положение и свое будущее. В 1937 г. Й. Рот пишет: «Хотел бы я обладать даром и проницательностью, чтобы хоть приблизительно обозначить направление выхода. Честность – одна из непризнанных, скромных писательских муз, заставляет меня прийти <...> к неутешительным выводам: 1. Сионизм является лишь частичным решением еврейского вопроса. 2. Подлинное равноправие и достоинство, которое дается внешней свободой, евреи обретут только в том случае, если "титulyные нации" обретут внутреннюю свободу – и внутреннее достоинство, наделяющее способностью к состраданию. 3. Едва ли можно предположить – если не случится чуда Господня – что "титulyные нации" придут к этой свободе и к этому достоинству. Правоверным евреям остается небесное утешение. Всем остальным – "Vae victis!"» [Рот, 2011, с. 153].

В России в начале XX в. было, конечно, некоторое улучшение в гражданских правах. В результате революции 1905 года еврейские граждане получили возможность участвовать в выборах в Государственную думу. В итоге они принимали самое активное участие в выборах и голосовали достаточно массово. Однако в 1912 году, накануне выборов в Четвертую думу, Сенат постановил, что евреи, имеющие условное право жительства вне черты оседлости, не имеют права голоса.

Гражданская война в период с 1918 по 1920 гг. обернулась для еврейства – прежде всего местечкового, не принимавшего участие в политике – погромами. Спасаясь от погромов, многие евреи бежали за границу. Именно в этот период за пределы Российской Империи выехала почти полностью еврейская интеллигенция (М. Винавер, Я. Тейтель, О. Грузенберг, Г. Слиозберг, С.М. Дубнов и т. д.).



В итоге в состоянии постоянной дискриминации, антисемитских настроений и проявления юдофобии неудивительно, что многие еврейские интеллигенты примкнули к революционному движению. К тому же среди революционных деятелей они нашли поддержку и надежду на равенство в гражданских правах: «Не евреи враги трудящихся. Враги рабочих – капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие, труженики – их большинство. Они – наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм» [Ленин, 1924, с. 73]. После революции 1917 г. еврейское население стало восприниматься «в качестве подлинных сторонников и опоры молодого Советского государства» [Натанс, 2007, с. 11], стало активно занимать высокие должности в коммунистической партии, Красной Армии. В 1920–30-х гг. еврейские интеллектуалы оказались включенными в советскую культурную элиту: они занимали заметные места в экономической, культурной, управленческой сфере, среди них было много врачей, писателей, инженеров, артистов и т. д. (поэты «Культур-лиги») [История еврейского народа в России..., 2017, с. 72]. Но несмотря на улучшение правового статуса еврейского населения в межвоенный период, советская еврейская интеллигенция ставила перед собой вопросы о персональной идентичности и своего пути (особенно в связи с тем, что на бытовом уровне антисемитские настроения сохранялись): остаться верными своему традиционному образу жизни и развиваться как культурная национальная автономия (идиш был признан языком), отказаться от своей религиозной идентичности, чтобы стать настоящим советским гражданином или эмигрировать и присоединиться к европейским поискам еврейской идентичности и т. д. Ведь, еврейским гражданам не давали забыть об их происхождении даже в советский период. Аркадий Зельцер пишет, что в соблюдении новых правил жизни, которые диктовала советская действительность, наблюдался «дуализм» в среде еврейских граждан. Например: «Приверженность русскому языку или русской культуре сама по себе не означала отказа от еврейской традиции. В провинции сложился новый тип еврея, адаптированного к советским условиям. С одной стороны, он осваивал знания, необходимые для успешной карьеры, с другой – сохранял национально-религиозные ценности, связывавшие его со старшим поколением». [История еврейского народа в России..., 2017, с. 101].

Не все интеллигенты еврейского происхождения положительно смотрели на происходящее в России. С.М. Дубнов (1860–1941) в 1918 году написал «Нам (евреям) не забудут участия евреев-революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и др. заслонят его самого. Смольный называют втихомолку "Центрожид". Позднее об этом будут говорить громко, и юдофобия во всех слоях русского общества глубоко укоренится... Не простят. Почва для антисемитизма готова» [Дубнов, 1998, с. 397].

Интересен взгляд Й. Рота на положение евреев в Советской России. Он пишет, что «национальным меньшинством» евреи были в старой России всегда – но меньшинством обездоленным. «Клеймо принадлежности к особой нации на них выжигали презрением, угнетением и погромами» [Рот, 2011, с. 125]. Их даже не пытались ассимилировать, от них лишь всеми силами пытались отгородиться – антисемитизм стал методом государственного управления. Но сегодня наблюдается иная ситуация: «Сегодня Советская Россия – единственная в Европе страна, где антисемитизм, может, и не ушел в прошлое, но считается чем-то предосудительным. Евреи здесь совершенно свободные граждане – пусть даже их свобода и не означает того, что еврейский вопрос решен. Как индивидуумы они свободны от ненависти и травли. Как народ – имеют все права «национального меньшинства» [Рот, 2011, с. 127–128].

В принципе, Рот демонстрирует веру в то, что происходит в Советской России: «Решить еврейский вопрос в России – значит наполовину решить его во всем мире. <...> Религиозность широких масс стремительно убывает, мощные религиозные преграды падают, а национальные более слабы, не могут с ними соперничать. Если так будет продолжаться и дальше, то когда-нибудь уйдет в прошлое и сионизм, и антисемитизм – а может

быть, и само еврейство. Кого-то это обрадует, кого-то опечалит. Но всякий с почтительным вниманием будет следить за тем, как один народ освобождается от позора страдания, а другой – от позора палачества; как побиваемый избавляется от своей муки, а побивающий – от проклятия, которое хуже муки. В этом великое достижение русской революции» [Рот, 2011, с. 128].

Равенство в правах как в Первой Австрийской Республике, так и в Советской России еврейских граждан с остальным населением было «формальным», что приводило, в том числе, к проявлению двойственности в обычной жизни. Они столкнулись с тем, что в правовом поле «евреями» назывались лица еврейского происхождения, то есть те, у кого хотя бы один из родителей был евреем. Особенно сильной была рефлексия об этой новой правовой реальности у австрийских еврейских интеллектуалов, многие из которых отказались от своих еврейских корней в пользу аккультурации к немецкой культуре. Но и бывшие граждане Российской империи, которые были включены в интеллектуальное общество (например, отказываясь от своей веры), столкнулись с тем, что несмотря на признание равенства в гражданских правах граждане нового государства – молодой Советской России – не готовы принять евреев как советских граждан. В результате независимо от того, в какой степени еврейский интеллектуал Первой Австрийской Республики или Советской России признавал свою еврейскую идентичность, он не мог полностью ее игнорировать.

Список литературы References

1. Burger H. 2014. Heimatrecht und Staatsbürgerschaft österreichischer Juden. Wien ; Köln ; Weimar, 290 s.
2. Wien und die jüdische Erfahrung 1900–1938. Akkulturation – Antisemitismus – Zionismus / F. Stern, B. Eichinger. Wien ; Köln ; Weimar, 2009. 557 s.
3. Ботстайн Л. 2003. Евреи и Новое время: О роли евреев в немецкой и австрийской культурах (1848–1938): Очерки. СПб. : Изд-во «Бельведер», 464 с.
Botstein, L. 2003. Evrei i Novoe vremya_ O roli evreev v nemeckoi i avstriiskoi kulturah (1848–1938): Ocherki. [Jews and Modern times: on the role of Jews in German and Austrian cultures (1848–1938): Essays]. SPb. Izd-vo «Belveder». 464 p. (In Russian)
4. Гроссман Л. 1999. Исповедь одного еврея. М. : Деконт+, Подкова, 192 с.
Grossman, L. 1999. Ispoved odnogo evreya. [Confession of one Jew]. Moscow. Dekont+. Podkova. 192 s. (In Russian)
5. Джонстон У. 2004. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. М. : Московская школа политических исследований, 640 с.
Johnston, W. 2004. The Austrian Mind. An Intellectual and Social History 1848–1938. Moscow. Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 640 p. (In Russian)
6. Дубнов С.М. 1998. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб. : «Петербургское востоковедение», 672 с.
Dubnov, S.M. 1998. Kniga jizni: Vospominaniya i razmishleniya: Materiali dlya istorii moego vremeni. [Book of life: Memories and reflections: Materials for the history of my time]. Saint-Petersburg. «Peterburgskoe vostokovedenie». 672 p. (In Russian)
7. Земцова И.В. 2012. Отношение русской интеллигенции к еврейской интеграции в русскую культуру (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 57–62.
Zemcova, I.V. 2012. Otnoshenie russkoi intelligencii k evreiskoi integracii v russkuyu kulturu (2-ya polovina XIX – nachalo HH vv.) [The attitude of Russian intellectuals to Jewish integration into Russian culture (2nd half of XIX – early XX centuries.)]. Obschestvo. Sreda. Razvitie. [Society. Environment. Development.]. № 2. pp. 57–62. (In Russian)
8. История еврейского народа в России. От революции 1917 года до распада Советского Союза / Под ред. М. Бейзера. Том 3. М. : Мосты культуры/Гешарим, 2017. 480 с.



Beizer, M. 2017. Istoriya evreiskogo naroda v Rossii. Ot revolyucii 1917 goda do raspada Sovetskogo Soyuza. [History of the Jewish people in Russia. From the revolution of 1917 to the collapse of the Soviet Union]. Tom 3. Moscow. Mosti kulturi/Gesharim. 480 p. (In Russian)

9. Кантерян Э. 2016. Людвиг Витгенштейн. – М. : Ад Маргинем Пресс, 248 с.

Kanterian, E. 2016. Lyudvig Vitgenshtein. [Ludwig Wittgenstein]. Moscow. Ad Marginem Press. 248 p. (In Russian)

10. Ле Ридер Ж. 2009. Венский модерн и кризис идентичности / Пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 720 с.

Le Rider, J. 2009. Venskii modern i krizis identichnosti. [Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in Fin-De-Siecle Vienna]. Saint-Petersburg. Izd-vo im. N. I. Novikova. 720 p. (In Russian)

11. Ленин В.И. 1924. О еврейском вопросе в России. Запорожье : Кооперативное издательство «Пролетарий», 95 с.

Lenin, V.I. 1924. O evreiskom voprose v Rossii. Zaporoje. [On the Jewish question in Russia]. Kooperativnoe izdatelstvo «Proletarii». 95 p. (In Russian)

12. Натанс Б. 2007. За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 463 с.

Nathans, B. 2007. Za chertoi: evrei vstrechayutsya s pozdneimperskoj Rossiei. [Beyond the pale : the Jewish encounter with late imperial Russia]. Moscow. Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 463 p. (In Russian)

13. Рот Й. 2011. Дороги еврейских скитаний; Пер. с нем., вступ. статья и примеч. А. Шибаровой. – М. : Текст, Книжники, 156 с.

Rot, I. 2011. Dorigi evreiskih skitanii. [The road of Jewish wandering]. Moscow. Tekst, Knijniki. 156 p. (In Russian)

14. Хаманн Б. 2016. Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности. М. : Ад Маргинем Пресс, 568 с.

Hamann, B. 2016. Gitler v Vene. Portret diktatora v yunosti. [Hitler's Vienna. Portrait of a dictator in his youth.]. Moscow. Ad Marginem Press. 568 p. (In Russian)

15. Цвейг С. 2016. Вчерашний мир : воспоминания европейца / С. Цвейг ; пер. с нем. Г. Кагана. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 480 с.

Zweig, S. 2016. Vchershni mir: vospominaniya evropeica. [The World of Yesterday: Memories of a European]. Saint-Petersburg. Azbuka. Azbuka-Attikus. 480 s. (In Russian)

УДК 340.12

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-457-464

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ****LEGAL CULTURE IN THE CONTEXT
OF SPIRITUAL VALUES OF RUSSIAN PHILOSOPHY****М.Н. Киреев**
M.N. KireevБелгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

Belgorod State Institute of Art and Culture, 7, Koroleva st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: korenevaen@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрываются некоторые особенности русского отношения к праву. Показывается неправомерность радикальных трактовок отечественного правосознания в терминах правового нигилизма. В этом контексте раскрывается глубокая связь правовых и нравственных категорий, которая является определяющей в иерархии духовных ценностей русской философии. Обосновывается приоритетность понятий правда, совесть и благодать перед истиной, справедливостью и законом. Это отличает русское право, основанное на нравственном понимании бытия, от западноевропейского, основанного на формальных принципах. В заключении анализируется «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона, которое является источником нравственно-правовых идей, актуальных до нынешнего времени.

Abstract

In the reflections of contemporary authors reflecting on the issues of social and political arrangement of Russia, one of the most important places is the problems connected with the level of legal awareness of both individual citizens and the entire state-management system.

The article reveals some features of the Russian attitude to law. The illegitimacy of radical interpretations of the Russian sense of justice in terms of legal nihilism is shown. In this context, a deep connection between legal and moral categories is revealed, which is the determining factor in the hierarchy of spiritual values of Russian philosophy. The priority of concepts of truth, conscience and grace before truth, justice and law is justified. This distinguishes Russian law, based on the moral understanding of being, from the West European, based on formal principles. In conclusion, the "Word of law and grace" of Metropolitan Hilarion of Kiev is analyzed, which is the source of moral and legal ideas that are relevant up to the present time.

Ключевые слова: русская философия, мораль, право, правда, истина, справедливость, правосознание, правовой нигилизм, закон, благодать.

Keywords: Russian philosophy, morality, legal law, truth, fact, justice, sense of justice, legal nihilism, law, grace.

В размышлениях современных авторов, рефлексирующих над вопросами социально-политического обустройства России, одно из важнейших мест занимает проблематика, связанная с уровнем правосознания как отдельных граждан, так и всей государственно-управленческой системы. Здесь, как правило, преобладают пессимистические оценки. Известный исследователь С.С. Неретина отмечает, что: «...проблемы права сейчас столь же насущны, как и проблемы собственности, поскольку собственности в России не было, да и ныне появившаяся все равно зависима от начальственной власти, которая отнимает ее, используя для оправ-



дания в глазах народа те самые камуфляжные правовые институты, то есть слова-заместители, слова-тропы (метафоры), которые подменяют собственно право» [Неретина, с. 135].

В этих словах содержится большая доля справедливости, показывающая актуальность обращения к вопросам права. Можно говорить о *симулякрах права* в современной социальной реальности, поскольку такие понятия как «правовая культура», «правовой идеал», «правосознание» традиционно не составляют аксиологического ядра отечественной культуры. Поэтому при характеристике отечественной правовой ментальности вместо этих позитивных понятий чаще приходится слышать о правовом нигилизме, правовом идеализме, правовой инфантилизме и т. д. Низкий уровень правосознания российской ментальности часто трактуется чуть ли не в терминах национального архетипа. В своем радикальном варианте такая точка зрения, конечно же, несправедлива, поскольку не учитывает духовной специфики отечественной культуры, в которой есть собственное отношение к правовой действительности, отличное от западноевропейских канонов. Однако значительная доля правды в этом есть, и для объективного анализа культурно-политических процессов в современной России необходимо рассматривать данный аспект с максимальной тщательностью и объективностью.

Действительно, если рассмотреть сегодняшний исследовательский срез состояния правосознания в России, то по-прежнему авторы говорят о «правовом нигилизме, выражающемся в отрицании или принижении роли права как основного регулятора общественной жизни» [Фролов, с. 151]. В проекции на социальную практику имеет место крайней негативная оценка низкого правосознания: «мы можем говорить о наличии в правовом сознании россиян в современных условиях тенденции дальнейшего развития незаконных практик через укоренение их алгоритмов в правосознании. ...получив представление об основных тенденциях развития правосознания россиян, следует отметить их общую негативную направленность, что непременно ведет к росту криминогенности общественных отношений, к снижению общей атмосферы правопорядка и законности» [Гирько].

Более того, имеют место достаточно серьезные неправовые технологии уголовного преследования. Заслуженный юрист Российской Федерации С.А. Пашин пишет, что «Существующие в России технологии уголовного преследования по-прежнему носят неоинквизиционный характер. В современных условиях неправовые технологии уголовного преследования, поддерживающие притязания государства, достаточно многочисленны, но среди всего их многообразия выделяются по своей значимости следующие: навыки работников силовых структур; пытка; огосударствление экспертных подразделений» [Пашин, с. 306].

То, что и сегодня нарушаются азбучные истины права в различных областях жизни, далеко не случайно. Здесь мы сталкиваемся с некоторой закономерностью, которая определяет характер культурной и социальной жизни, которую можно охарактеризовать не столько в терминах правового нигилизма, сколько в терминах «бесправия». Кажется, что именно об этом говорил Ф.И. Тютчев, сопоставляя культуры Запада и России. В письме Э.Ф. Тютчевой в 1854 году он писал: «И пройдет время, – пожалуй, много времени, – прежде чем несчастная Россия, – та Россия, какую ее сделали, – осмелится позволить себе более живое сознание своего Я и своего Права, чем может иметь хорошо расположенный к ней иностранец» [Тютчев, с. 164].

Это «бесправие» обусловлено особыми условиями жизни, которые в России были во многих отношениях иными, нежели на Западе. То, что исследователи, настроенные недоброжелательно по отношению к России, называют правовым нигилизмом, Ф.И. Тютчев выражает словами «несчастная Россия». Здесь также важно учесть, что правовая культура западных стран предполагала изначально высокий уровень самосознания, развитости личного начала. Это отвечало *индивидуализму западной культуры*, который в России отсутствовал. Во многом культурный индивидуализм и правовая культура для западного сознания – тождественные феномены. Индивидуализм как культурный принцип ни в каком виде (политическом, экономическом, юридическом) не имел в России той ценности, которую он имел на Западе. Как отмечают В.В. Сербиненко и И.В. Гребешев: «Русская культурная традиция всегда отличалась подлинным духовным демократизмом. Идеи индивидуализма и кастовой элитарности не имели глубоких корней в русской мысли» [Сербиненко, с. 783].

Здесь один из источников того «бесправия», которое является характеристикой не столько юридической и правовой, сколько нравственной. Ослабленность индивидуалистического начала формирует устремленность к соборным началам бытия, в которых не так важны частнособственнические интересы, охраняемые строгим правовым нормами. Это, мы полагаем, одна из причин традиционной недооценки юридической области в сознании российских граждан. Понимание этих духовно-культурных реалий будет способствовать грамотному правотворчеству, которое сегодня по большей мере имеет заимствованный характер.

Кризис правового просвещения, о котором говорят современные авторы, во многом обусловлен непониманием важных реалий отечественной духовной культуры, которые часто трактуются в терминах «правового нигилизма». Исследование отечественной правовой культуры в контексте духовных ценностей русской философии, с нашей точки зрения, будет способствовать преодолению кризиса правового просвещения. Аксиоматичным для данного контекста является тезис философа А.А. Королькова, согласно которому: «...правовая культура не может развиваться обособленно от духовной культуры в целом, которая пронизывает все сферы деятельности русского человека» [Корольков 2011, с. 77]. Иными словами, необходимо определить *философско-правовую топику отечественной культуры*. Рассмотрим ее основные контуры.

Взаимодействие нравственности и права является отличительной чертой европейской христианской культуры, имеющей исток в греческой философии и римском праве. Однако в контексте русской философии и культуры это взаимодействие носит принципиально иной характер, нежели тот, который имеет место в контексте западноевропейской философии. Для выявления этих отличий коснемся некоторых идей западных авторов. Известный английский философ, основатель аналитической философии права Г. Харт трактует соотношение морального и правового дискурса в контексте «ограничения свободы». Он пишет в работе «Существуют ли естественные права» следующее: «Полагаю, ясно, что до тех пор пока не было признано, что ограничение свободы другого требует морального обоснования, понятие права не могло иметь места в сфере морали, так как заявлять о наличии права – означает заявлять о наличии такого обоснования» [Харт, с. 132].

Очевидно, что это аналитическая традиция, которая отличается высокой степенью формализации к вопросам, идущим под рубрикой «метафизики» и «этики». При этом необходимо отметить, что в логике западной философии такие понятия как *свобода, мораль, право* образуют естественную причинно-следственную связь. Б. Кроче пишет: «Понимание истории как истории свободы имело свое необходимое практическое дополнение – свобода как моральный идеал. Созревая, этот идеал как комплекс привилегий обрел черты свободы естественных прав. Затем абстрактный смысл естественно-правовой теории перерос в идеал духовной свободы конкретно исторической персональности» [Кроче, с. 249].

В целом западноевропейской традиции свойственно противопоставление понятий морали и права и стоящих за ними нравственной и юридической областей. В XVIII веке произошло концептуальное обоснование данного противопоставления. Разграничение этих сфер носит довольно жесткий характер, поскольку, так или иначе, они относятся к идее сохранения личностных свобод, что предполагает их рассматривать как политические реалии. В этом контексте интересна трактовка несовпадения областей морали и права, которую можно найти у видного немецкого ученого-правоведа Г. Радбруха [См.: Фролова, с. 14; Радбрух, с. 49].

Современный российский дискурс права по преимуществу разворачивается в ценностно-смысловых координатах, определенных западноевропейской философско-правовой традиции. Прежде всего сказывается *принцип формализации* при определении сущности и области действия морали и права. Приведем несколько примеров. «Право (в объективном смысле), – пишет А. В. Полушкин, – является регулятором общественных отношений. Это сложная структура, отражающая, помимо всего прочего, представления людей о справедливости, мере дозволенного поведения отдельных субъектов, ответственности и иных социально значимых предметах, процессах, явлениях и их состояниях. Мораль – тоже структурно сложное явление, ориентированное на формирование внутренних побуждений личности к определенному рода поведению, являющемуся справедливым, честным и приемлемым в дан-



ной общности» [Полушкин, с. 68]. Анализируя связь закона, права и прав человека, Л.А. Богодельникова приходит к выводу, что «...права человека в современном обществе существуют в форме этических высказываний, своеобразных императивов, указывающих на то, что необходимо сделать для реализации признанных свобод, которые необходимо уважать, поддерживать и укреплять» [Богодельникова, с. 23].

Русской философской традиции свойственны иные приоритеты, которые проистекают из основополагающего характера нравственности в системе духовных ценностей культуры, в которой право занимает не столько *подчиненное* положение, сколько *преобразенное* светом духовной истины. Исследователь Е.В. Караваев, рассматривая взгляды В.С. Соловьева и Е.Н. Трубецкого как сторонников идей *нравственного идеализма*, так характеризует соотношение морали и права в их воззрениях: «...мораль в праве представлялась как особый способ регуляции общественных отношений, основанный на христианско-религиозном идеале Добра и Любви. В то же время мораль как фактор справедливого и целостного общежития выступала как средство, укрепляющее эту систему и контролирующее право» [Караваев, с. 47].

Если для западного философского мышления, решающего вопрос о соотношении морали и права, важнейшей категорией является *свобода*, то у русских философов в качестве таковых выступает *добро и любовь*. Здесь очевидно отличие самих подходов к проблематике. Если понятие свобода, безусловно, представляющее высочайшую духовную ценность, в контексте соположения права и морали приобретает политическую окраску, то добро и любовь имеют исключительно нравственный характер, характеризующих внутреннее состояние личности. И, соответственно, право, приобретая подчиненный от нравственности характер, имеет другой смысл, нежели в контексте западноевропейского философского дискурса.

Важными для раскрытия особенностей отечественной правовой культуры в системе духовных ценностей русской философии являются исследования современных авторов, известных своей углубленной аналитикой духовных начал философии и культуры. Работы А.А. Королькова, М.Н. Громова, М.А. Маслина, Б.Н. Тарасова, А.Г. Гачевой и др. представляются важными в понимании аксиологии духовной культуры. Коснемся некоторых из них.

В работах А.А. Королькова «Философия права как компонент русской культуры», «Одухотворенная наука о праве», «Правда есть истина в действии» раскрывается «органическое родство правовых и нравственно-религиозных исканий русских философов» [Корольков 1997, с. 5]. Взаимное проникновение правовых и философских начал является такой же типологической особенностью русской философской культуры, как и взаимопроникновение литературы и философии. И здесь важно не только то, что многие русские философы, такие как П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев и др., были юристами по своему университетскому образованию. Речь идет о чем-то большем, а именно о «склонности именно юристов к прояснению тайн русской души, к философичности в русском понимании этого слова» [Корольков, с. 5].

Это далеко не случайный факт, но глубинная закономерность, раскрывающая органику культуры. Особая близость права к нравственной сфере свидетельствует о неустранимом нравственном начале в самом праве. Это начало коренится в слове «правда», которое объединяет обе сферы (юридическую и моральную) в высшем духовном единстве. А.А. Корольков делает следующие наблюдения над этической природой русского права и вообще русской правовой культуры: «Специфичность русской национальной правовой культуры сказалась даже в названии свода правовых установлений – Русская Правда. Единство правового и нравственного начал заложено в самом слове „правда“» [Корольков 2011, с. 71].

Далее исследователь раскрывает глубинную нравственную природу права: «Право в русском сознании становилось синонимом правоты, правды, а подчас и праведности; в западном же сознании право сближалось с законностью, формальными требованиями, упорядоченностью. В России правда была большим, чем справедливость, правда – это истина в действии, она пронизана светом совести» [Корольков 2011, с. 71]. По сути дела, здесь выявлен круг базовых понятий русской правовой культуры; это – правда, праведность, истина, совесть, справедливость. Правда в некотором смысле выше истины и справедливости, понятий, в которых все же сказывается рационалистический элемент, необходимый для правовой

культуры Запада. В русском самосознании правда «пронизана светом совести». Можно сказать, что под влиянием совести правда становится *праведностью*.

Исследователь раскрывает различные грани и контексты, в которых выявляется духовно-нравственный смысл правды. В работе «Правда есть истина в действии» он пишет: «В слове «правда» спрятана загадка, не поддающаяся привычному для науки анализу, рассудочному уяснению однозначного или многозначного смысла. Правда – издавна дело жизни, дело духовных исканий, дело художественной литературы... Лишь человек, страдающий о подлинных ценностях души, способен сказать весомые слова о Правде, ибо Правда и Совесть – это не просто однопорядковые слова, а это однопорядковые явления жизни, неразрывные состояния беспокойной души. Правда – не только антипод лжи. Правда – категория духовности, категория эстетическая и нравственно-практическая» [Корольков 1998, с. 215–216].

Эта связанность *права и совести* на онтологическом уровне является типологической, если не архетипической чертой русской правовой культуры, которая проявила себя в далеком историческом прошлом. Анализируя исследование Н.И. Костомарова «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада», А.А. Корольков отмечает, что «современный читатель с удивлением обнаружит высочайшие для столь древней государственной истории достижения правовой культуры, поучительную гармонию княжеской и вечевой власти. ... Право оказывалось одухотворенным; высший свет религиозности, а стало быть, и нравственности, незримо пронизывал всякое правовое действие» [Корольков 2011, с. 69].

Отстоять правду, исходя из велений совести – таков был нравственно-правовой канон, присущий отечественной духовности изначально. Собственно говоря, «отстаивание правды» составляет духовную топику отечественной правовой культуры, которая вызрела в контексте православной традиции, существенно отличающейся от западных ветвей христианства. А.А. Корольков отмечает данный факт, усматривая в нем, можно сказать, исторические основы духовности или духовные основы истории: «Чисто формальное, рассудочное отношение к правовым законам, столь свойственное народам протестантской и католической ветвей христианства, чуждо исторической культуре русского народа. Еще в XI в. митрополит Киевский Иларион в «Слове о законе и благодати» с величайшей психологической точностью раскрыл пропасть между формальным законом (тенью) и благодатью (истиной), данной отзывчивой и просветленной душе. В русской литературе издревле писали о душе, о воспитании сердца; православие определяло весь ритм жизни человека, направляло его от рождения до смерти» [Корольков 1997, с. 6].

Акцент на известном памятнике древнерусской книжности XI века «Слове о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона является весьма существенным для понимания глубинных особенностей отечественной правовой культуры. Дихотомия *закон/благодати* представляет собой важнейший элемент духовной топики русской правовой культуры, имеющий христианский исток. Здесь необходимо отметить, что противостояние закона и благодати есть коренная антиномия христианства, во многом определяющая его высший смысл. Как пишет русский философ Б.П. Вышеславцев: «Противопоставление закона и благодати, закона и любви, закона и Царства Божия проходит через все Евангелия и точно формулируется как основной принцип христианства в Прологе Ев. Иоанна: «закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» (Ин. 1:16, 17)» [Вышеславцев, с. 17].

Если говорить о традициях отечественной духовной культуры, то первоначально эта оппозиция как раз встречается в «Слове и законе и благодати» Киевского митрополита Илариона. Этот удивительный памятник русской духовной и книжной культуры прошел сквозь века, сохранив мощную культуротворческую энергию до нашего времени. Известный исследователь отечественной философии М.Н. Громов говорит о том, что произведения Илариона – это одно из лучших творений раннего Средневековья не только в отечественной, но и мировой литературе. «„Слово“ преисполнено жизнеутверждающего пафоса и веры в грядущее процветание Русской земли, – пишет исследователь, – в нем утверждается равенство русского народа среди ранее цивилизованных». И кроме того, это «...глубокое историческое произведение» [Громов, с. 70–71].



Историософия – ключевое понятие, с помощью которого раскрывается вся глубина и своеобразие этого произведения, в котором обнаруживается единство духовных, нравственных и правовых идей. Речь здесь идет о *смысле мировой истории*, заключающийся в переходе от языческого царства, ограниченного и духовно, и пространственно, к вселенскому типу мировоззрения. Осмысление мировой и отечественной истории происходит в рамках христианского универсализма, нашедшего затем очень глубокое воплощение в русской историософии. Уже в самых первых строках «Слова» звучит эта идея: «О законе, Моисеем данном, / И о Благодати и истине / В Иисусе Христе явившихся; / О том, как закон отошел, / А Благодать и истина всю землю исполнили, / И вера наша на все языки простерлась, / И на наш народ русский. / Похвала государю нашему Владимиру, Им мы крещены были» [Митрополит Иларион, с. 37].

Здесь представлена *бинарная оппозиция «закона» и «благодати»*, которая, с одной стороны, соотносится с религиозной идеей противостояния Нового и Ветхого заветов, христианства и иудаизма, христианства и язычества, символизируемых, соответственно, с помощью образов солнца и луны свободной Сарры и рабыни Агари, а с другой стороны – в проекции на философскую плоскость с идеей соотношения *свободы и необходимости*. Где *благодать*, там и *свобода*, а значит, *истина*. По сути дела, Иларион устанавливает тождество таких понятий как «благодать», «истина», «свобода», что проявляется в духовном равенстве всех народов. Это равенство предполагает и единство, то духовное родство, которое связывает все человечество. До этого человечество было разъединено на «языки» и подчинено действию закона, то есть необходимости, которая держит людей в духовном рабстве.

Христианство тем самым приносит в мир, совершенно новую *идею индетерминизма*, выражаясь современным языком, идея, которая значима и для физики, и для богословия, и для философии. В этом контексте значимость «Слова» митрополита Илариона для русской духовной и философской культуры огромна: впервые вопрос детерминизма/индетерминизма переведет в историософскую плоскость. Поэтому не случайно огромное внимание именно к историософской проблематике в контексте всей русской философии, которую В.В. Зеньковский назвал «сплошь историософской».

Особенно важное значение имеет бытование в контексте древнерусской книжной культуры слова и понятия «закон», которое, по словам известного ученого-филолога, исследователя «Слова» В.Я. Дерягина, «не православное слово». В обосновании своей позиции он пишет: «Историк русского права не может не обратить внимания на то, что в дошедших до нас дохристианских юридических документах, договорах русских князей с греками 911 и 944 годов многократно упоминается «закон русский», «закон греческий», а в Правде Русской термина *закон* нет вообще – только «правда» и «суд». Термин *закон* ушел из светского законодательства Руси на несколько столетий, почти до Петра, – его нет в судебниках и ранних уставных грамотах. Само слово, конечно, из языка не исчезло, оно сохранялось как термин богословия и церковного строительства: Закон и Завет в православной литературе часто выступают как синонимы, «Закон судный людям» был широко известным на Руси сводом внутрицерковных установлений. Идеологическое объяснение этому языковому факту – исчезновению из светской юридической терминологии слова *закон* – находим только в «Слове о Законе и Благодати» Илариона». Вот поэтому, заключает исследователь, «Закон – не православное слово» [Дерягин, с. 14].

Соответственно, в духовном плане Закону противостоит Вера и Правда. Поэтому и в светском законодательстве Правда Русская пришла на смену дохристианскому Закону Русскому. Нужно обратить внимание на семантику и этимологию слов «правда», которое означает – «суд справедливый», «суд правый» (правосудие), истинный, «прямой». Здесь имеет место совпадение исконных значений слов *правый* и *править* – «прямой» и «прямить, делать прямым». Стоит отметить большой интерес русской философии именно к прояснению этих базовых понятий нравственной философии – *истина* и *правда*. Здесь оставили свой след многие русские выдающиеся мыслители, среди которых Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Флоренский и др.

Нужно отметить, что в других европейских философских языках нет такого различия, как и его нет (за исключением немецкого, да и то с большими оговорками) между поня-

тиями «этика», «мораль» и «нравственность». Богатство русской этической терминологии является отражением глубины и своеобразия отечественных нравственных исканий, которые отличаются остротой и напряженностью, непрестанной устремленностью к высшим идеям и ценностям жизни.

Примечательно то, что многие русские юристы XIX века обратились к философии, поскольку требовалось философски осмыслить «Слово о законе и благодати», которое стало программным для русского национального самосознания и правосознания. Поскольку главное в нем то, что основой национального самосознания должен быть не *формализм закона*, а *благо бытия*, то есть благодать, исходящая от Бога. Как отмечают современные авторы: «Неслучайно и то, что в качестве главной проблемы русской философии права выступила проблема отношения права и нравственности, проблематика отношения закона и добра. Русская мысль явно стремилась вернуться к древней традиции благодати, о которой говорил митрополит Иларион, пыталась найти формы государства и права, воплощающие в жизнь начала бытия, понятого как бытие свободы и абсолютного добра» [Альбов, с. 17].

Здесь необходимо упомянуть имена крупнейших русских мыслителей в области права, как юристов, так и философов. Среди юристов, обращавшихся к философии – Л.П. Козельский, С.Е. Десницкий, А.П. Куницын, К.А. Неволин, Б.Н. Чичерин, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Алексеев и другие. Среди философов, осмысливавших правовую проблематику – В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин.

В заключение хотелось бы привести слова, сказанные П.И. Новгородцевым, о своеобразии русской духовной и, соответственно, правовой культуры на фоне западноевропейской: «...именно в том факте, что у нас нет *и быть не может* «Духа законов» и «Общественного договора», непосредственно проступает своеобразие нашего положения, и что отсутствие апологии права и государства в русской литературе имеет свою основу именно в том, что русский дух выражает себя в вечном стремлении к чему-то высшему, чем право и государство» [Новгородцев, с. 212].

Эти слова никоим образом нельзя понимать в духе правового нигилизма, в котором иногда обвиняют русскую религиозную философию за ее устремленность к высшим метафизическим и нравственным идеалам, за которыми якобы следует небрежение к социальной реальности. Как раз наоборот, русская мысль всегда стремилась к устройению земной реальности на вечных законах добра и справедливости, к построению «Царство Божье» на земле, к тому идеалу, который одухотворяет и преображает реальность, направляя ее к высшим духовным целям. В этом единство духовно-нравственного и правового идеала, которым отмечены высшие проявления русской философской культуры.

Список литературы References

1. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: Алетей, 1997. 399 с.
Al'bov A.P., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Russkaja filosofija prava – filosofija bytija, very i npravstvennosti // Russkaja filosofija prava: filosofija very i npravstvennosti. SPb.: Aletejja, 1997. 399 s.
2. Богодельникова Л.А. Мораль, право, закон, права человека // Евроазиатское сотрудничество Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2017. С. 23–29.
Bogodel'nikova L.A. Moral', pravo, zakon, prava cheloveka // Evroaziatskoe sotrudnichestvo Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Irkutsk, 2017. S. 23–29.
3. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. Проблема Закона и Благодати. М.: Республика, 1994. 368 с.
Vysheslavcev B.P. Jetika preobrazhennogo Jerosa. Problema Zakona i Blagodati. M.: Respublika, 1994. 368 s.
4. Гирько А.А. Перспективы развития правосознания в России [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1874
Gir'ko A.A. Perspektivy razvitiya pravosoznaniya v Rossii [Jelektronnyj resurs]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1874



5. Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
Gromov M.N., Kozlov N.S. Russkaja filosofskaja mysl' X–XVII vekov. M.: Izd-vo MGU, 1990. 288 s.
6. Дерягин В.Я. Иларион. Жизнь и «Слово» // Митрополит Иларион.
Derjagin V.Ja. Ilarion. Zhizn' i «Slovo» // Mitropolit Ilarion.
7. Караваев Е.А. Мораль и право в русской философии права // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 1 (21). С. 45–51.
Karavaev E.A. Moral' i pravo v russkoj filosofii prava // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2017. № 1 (21). S. 45–51.
8. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: Алетейя, 1997. С. 5–8.
Korol'kov A.A. Oduhotvorennaja nauka o prave // Russkaja filosofija prava: filosofija very i npravstvennosti. SPb.: Aletejja, 1997. S. 5–8.
9. Корольков А.А. Правда есть истина в действии // Корольков А. Русская духовная философия. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. С. 211–223.
Korol'kov A.A. Pravda est' istina v dejstvii // Korol'kov A. Russkaja duhovnaja filosofija. SPb.: Izd-vo RHHGI, 1998. S. 211–223.
10. Корольков А.А. Философия права как компонент русской культуры // Корольков А.А. Органика культуры. Бийск: Бия, 2011. С. 68–78.
Korol'kov A.A. Filosofija prava kak komponent russkoj kul'tury // Korol'kov A.A. Organika kul'tury. Bijsk: Bija, 2011. S. 68–78.
11. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма, 2011. 477 с.
Kroche B. Antologija sochinenij po filosofii. SPb.: Pnevma, 2011. 477 s.
12. Неретина С.С. О понятиях государства, управления и общества // Государство. Общество. Управление: Сборник статей. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 125–147.
Neretina S.S. O ponjatijah gosudarstva, upravlenija i obshhestva // Gosudarstvo. Obshhestvo. Upravlenie: Sbornik statej. M.: AL'PINA PABLISHER, 2013. S. 125–147.
13. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: Алетейя, 1997. С. 211–227.
Novgorodcev P.I. O svoeobraznyh jelementah russkoj filosofii prava // Russkaja filosofija prava: filosofija very i npravstvennosti. SPb.: Aletejja, 1997. S. 211–227.
14. Пашин С.А. Отечественный суд и государство // Государство. Общество. Управление: Сборник статей. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 285–313.
Pashin S.A. Otechestvennyj sud i gosudarstvo // Gosudarstvo. Obshhestvo. Upravlenie: Sbornik statej. M.: AL'PINA PABLISHER, 2013. S. 285–313.
15. Полушкин А.В. Мораль и право в современной России: пути разрешения спорных вопросов (на примере института интеллектуальных прав) // Вопросы российской юстиции. 2015. № 1 (1). С. 68–72.
Polushkin A.V. Moral' i pravo v sovremennoj Rossii: puti razreshenija spornyh voprosov (na primere instituta intellektual'nyh prav) // Voprosy rossijskoj justicii. 2015. № 1 (1). S. 68–72.
16. Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.
Radbruh G. Filosofija prava. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2004. 240 s.
17. Сербиненко В.В., Гребешев И.В. Русская метафизика XIX – XX веков. М.: Руниверс, 2016. 800 с.
Serbinenko V.V., Grebeshev I.V. Russkaja metafizika XIX – XX vekov. M.: Runivers, 2016. 800 s.
18. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. 169 с.
Mitropolit Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2011. 169 s.
19. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1980. Т. II. 352 с.
Tjutchev F.I. Sochinenija v dvuh tomah. M.: Pravda, 1980. T. II. 352 s.
20. Фролов А.Н. Особенности трансформации правосознания в современной России // Вестник ВЭГУ № 1 (93) 2018. С. 150–158.
Frolov A.N. Osobennosti transformacii pravosoznanija v sovremennoj Rossii // Vestnik VJEGU № 1 (93) 2018. S. 150–158.
21. Фролова Е.А. Право и мораль. Критическая философия права и современность // Государство и право. 2013. № 1. С. 13–23.
Frolova E.A. Pravo i moral'. Kriticheskaja filosofija prava i sovremennost' // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 1. S. 13–23.
22. Харт Г. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
Hart G. Filosofija i jazyk prava. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2017. 384 s.
23. Hart G. Filosofija i jazyk prava. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2017. 384 s.

УДК 101.1

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-465-469

Н.А. БЕРДЯЕВ: ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ**N.A. BERDYAEV: THE PHENOMENON OF CREATIVITY IN CULTURE****М.В. Ковалева, А.А. Телегин****M.V. Kovaleva, A.A. Telegin**Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Kursk state University, Radischeva St., 33, Kursk, 305000, Russia

Аннотация

Статья посвящена одной из самых загадочных и волнующих проблем – проблеме творчества, которая стала предметом специального изучения только в XX веке в связи с мощным ростом массовой культуры. Культура лишь тогда соответствует своему назначению, когда она постоянно творится, когда появляются новые культурные ценности, когда она осмысливает самое себя и пути своего развития. В статье раскрываются особенности понимания творчества во взглядах русского религиозного философа Н.А. Бердяева.

Abstract

Culture is not only traditions, not only the memory of the past, not only the cult of ancestors. Culture only corresponds to its purpose when it is constantly created, when new cultural values appear, when it comprehends itself and the ways of its development. What place in the cultural and philosophical views of the Russian religious philosopher devoted to the phenomenon of creativity? What aspects of the understanding of creativity put forward and justified one of the representatives of this direction?

The article is devoted to one of the most mysterious and exciting problems – the problem of creativity, which became the subject of special study only in the twentieth century in connection with the powerful growth of mass culture. Culture only corresponds to its purpose when it is constantly created, when new cultural values appear, when it comprehends itself and the ways of its development. The article reveals the features of the understanding of creativity in the views of the Russian religious philosopher N. Ah. Berdyayev.

Ключевые слова: творчество, абсолютные ценности, русская религиозная философия, феномен, трансцендентное начало, культура, творческий акт, культурные ценности.

Keywords: creativity, absolute values, Russian religious philosophy, phenomenon, transcendent principle, culture, creative act, cultural values.

Понимание культуры как воплощения абсолютных ценностей, их действенности и значимости является следствием признания русским религиозным философом Н.А. Бердяевым трансцендентного начала в человеке. Отрицание абсолютных ценностей, по его мнению, ведет к нигилизму. Однако быть абсолютно добрым – непосильная задача, абсолютно мудрым – бесконечная, а человек – существо конечное. Понимание человека как наделенного божественной потенциальностью, вера в реальность и творческую силу должного, идеалопологающее мышление подводят философа к осмыслению пути приобщения человека к абсолютным ценностям, это связано с попыткой понять и описать феномен творчества. Следует сказать о том, что в русле исследования проблемы творчества культурно-философская проблематика обретает нравственно-антропологический характер. Истоком понимания феномена творчества является идея Вл. Соловьева о том, что перед человеком стоит теургическая задача творения мира и творческий акт есть продолжение дела творца. Осмысление феномена



творчества – эта еще одна линия исследовательского поиска, которая составляет проблемное поле анализа культуры в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века.

Проблема творчества одна из самых загадочных и волнующих. Предметом специального изучения эта проблема стала только в XX веке, когда в связи с мощным ростом массовой культуры миллионы людей живут за счет творческого труда десятков тысяч людей, то есть за счет чужого творчества [См.: Губин, 1987].

Культура – это не только традиции, не только память о прошлом, не только культ предков. Культура лишь тогда соответствует своему назначению, когда она постоянно творится, когда появляются новые культурные ценности, когда она осмысливает самое себя и пути своего развития. Какое место в культурно-философских взглядах русского религиозного философа отведено феномену творчества? Какие аспекты понимания творчества выдвинул и обосновал один из представителей данного направления?

Идеологом творчества можно назвать Н.А. Бердяева. Его основополагающая позиция состоит в том, человек призван к творчеству. Творчество – это нравственный долг, назначение человека на земле, его задача и миссия. Творчество «всегда прирост, прибавление, создание нового, не бывшего в мире» [Бердяев, 1991]. Известное противостояние Н.А. Бердяева философии объективации, обоснованное в работе «О назначении человека» подводит его к утверждению о том, что, с одной стороны, в условиях объективации, «которая закрывает тайну жизни человека, мира и Бога», происходит исчезновение экзистенции. Но, с другой стороны, в мире объективации творчество – это актуализация, направленная на реализацию свободы.

Итак, творчество, по мнению Н.А. Бердяева, – есть возникновение новизны. Оно включает три элемента. Первый – свобода, которая существует от Бога, свобода как потенциал новизны, но не определяемая как новизна. Второй элемент творчества – дар, гений. Он дан человеку и не связан с его нравственным усилием достигнуть совершенства, преобразить себя. Творец не властен над собой в творчестве. Третьим элементом выступает уже сотворенный мир, в котором творчество разворачивается и из которого черпает свой материал.

Проблематика книги «Смысл творчества» – это прорыв за грани здешнего, «принудительно-данного», уродливого бытия к «миру иному», это освобождение от «тяжести необходимости», просветление и преображение мира; наконец, это творение «нового бытия», просветленного и свободного. «Творческий порыв» должен служить противовесом от мира. С точки зрения философа, от «жизни» исходит тоска и без творческого подъема нельзя вынести всего этого мещанства, в которое погружен мир. Н.А. Бердяев обосновывает идею отказа, отрыва от мира, что делает возможным самотворчество. Когда культура доходит, согласно Н.А. Бердяеву, до своих пределов, до последних уточнений и усложнений своих проблем, то появляется сознание того, что высшие продукты культуры несоизмеримы с творческим порывом. Это происходит потому, что творческий порыв, направленный вверх, пресекается тяжестью этого мира и направляется вниз. Культурные ценности создаются творческим актом человека. Но, важно отметить, что всегда есть несоответствие между творческим замыслом, творческим актом и творческим продуктом. Творчество – это огонь, а культура – охлаждение огня. Творческий акт – это взлет, победа над тяжестью объективированного мира, продукт творчества в культуре есть уже притяжение вниз. В культуре происходит как бы отчуждение, экстерииоризация человеческой природы.

В работе «Опыт эсхатологической метафизики» Н.А. Бердяев определяет человека как существо, преодолевающее мир, в этом основная его сущность. Философ исследует глубинные истоки раздвоения духа и находит в его способности обращаться на самое себя и порождать внешние объективации. Результат интериоризации – рождение духовного царства подлинной свободы, результат экстерииоризации – порождение неподлинного мира объективаций, мира необходимостей [Поляков, с. 3–8]. Чтобы действительно выйти за пределы культуры к высшему творческому бытию, нужно изжить пути культуры, нужно дойти до ее вершин, и лишь там творец может, согласно позиции Н.А. Бердяева, разбить цепи, приковывающие к этому миру. Два явления способны вывести за пределы канонических форм культуры – это святость и гениальность. Великие творцы создают великие произведения. И это возвышает

творчество над миром. Но мир требует от творящего соответствия себе, он хочет воспользоваться творческими актами. Поэтому всякий творческий прорыв есть одновременно и неудача творчества. Совершенство творческих созданий есть нечто иное, чем творческое горение. Гениальным называют творца, который создал совершенное произведение. Но и самое совершенное произведение оказывается не на высоте того, что было в гениальном творце. Философ говорит о роковой неудаче всех воплощений творческого огня, ибо он осуществляется в мире культуры, должен к ней приспособляться, должен использовать материал культуры, современные каноны, должен быть кем-то понят.

Итак, творчество есть трансцендирование, есть постоянный выход за пределы сложившегося наличного мира, за пределы культуры. Можно сказать, что Н.А. Бердяев не занимался разъяснением и систематизацией своих взглядов к данной проблеме. Его понимание творчества скорее не анализ вопроса, а своеобразный гимн в честь *homo creativus*.

В работе «О рабстве и свободе человека» Н.А. Бердяев отмечает, что культура – это не последнее, а предпоследнее. Последним основанием человеческой жизни является бытие, и поэтому перед творцами всегда стояла задача претворения культуры в новое бытие, задача изначально обреченная на поражение, поскольку новое бытие, новое прозрение, новая вещь сейчас же окультивируется, становится культурой. «За идеальными ценностями в свое время стояли пророки и гении, творческое вдохновение и горение. Но когда пророкам и гениям поставлены памятники и их именами названы улицы, образуется охлажденная серединная культура, которая уже не терпит нового пророчества и новой гениальности. Всегда образуется законничество и фарисейство культуры, и всегда неизбежно восстание профетического духа» [Бердяев 1991, с. 77–78].

Таким образом, творчество реализуется, по установке Н.А. Бердяева, двумя путями – путем трансцендирования и путем объективации. На пути трансцендирования творчество направлено за рамки культуры, к вечному, к тому, что не имеет аналогов в культуре, является совершенно новым, чего не было ранее. На пути объективации творческий акт приспособляется к существующей культуре, расширяет ее границы. На самом деле это две стороны одного и того же процесса. Человек стремится к вечности, а создает ценности данного времени, стремится выразить невыразимое, а создает продукт, произведение, которое лишь условно, однобоко и односторонне выражает это невыразимое, поскольку иначе оно не получило бы статуса культурной ценности. Но в истинно великом произведении культуры все равно просвечивает его ноуменальная сущность, его трансцендентная природа.

Сравнивая творчество и его результаты, Н.А. Бердяев полагает, что творчество всегда неадекватно творению, что творчество в творении остывает, кристаллизуется, в нем пропадает творческий огонь. В этой связи культура есть всегда нечто ставшее, омертвевшее в сравнении с творческим вдохновением. Но культура – это не только продукты творчества – книги, машины, идеи, но это также сложившиеся формы мышления, стили искусства и т. д. Форма культуры – это атмосфера духовности, существующая в данную эпоху. Она подобна явлению природы, ее нельзя поломать, она может только сама себя изжить, когда кончается ее историческое время.

Важно отметить, что помимо антагонизма между творчеством и культурой Н.А. Бердяев выявляет антагонизм творчества и личного совершенства. На вершинах культуры человека мучит противоположность между тем, чтобы создавать что-то и тем, чтобы быть чем-то. Гении творили, считает Н.А. Бердяев, но недостаточно были; святые были, но мало творили. Творчество рождается из несовершенства и из недостатка. Слишком совершенные перестают творить. «Есть трагический антагонизм между человеком совершенным как делом Божьего творчества и человеческим совершенным творчеством как делом активности самого человека. Вступите на путь йоги, или православной святости, или толстовства, на путь собственного совершенствования – и вы перестанете творить. Существует двоякая трагедия творчества, двусторонняя, раскрывающая ту истину, что в мире не было еще религиозной эпохи творчества. Творчество антагонистично, с одной стороны, совершенству человека, а с другой – совершенству культуры» [2, с. 357].



В этом вопросе можно возразить Н.А. Бердяеву, так как самосовершенствование, т. е. творчество человеком самого себя и есть в чистом виде трансцендентное творчество, поскольку никаких культурных продуктов здесь не творится. Но зато творится главное условие культуры – творческий человек. Только совершенный человек и творит, так как только он и является человеком в подлинном смысле этого слова, и творчество является его естественным состоянием.

Определяя творчество как свободу, культ которой на экзистенциалистский манер установлен в мире, Н.А. Бердяев хочет избежать возможных неприятностей: пустотелости этой свободы и ее «безбожности». Философ делит свободу на две части: на свободу негативную, пустую и положительную, творческую – дает здесь свою знаменитую (опирающуюся на дистинкцию, введенную Кантом) формулировку о свободе «от» и свободе «для». Первая свобода – это свобода в грехе, это дьявольская свобода отрицания, вторая – божественная свобода в творчестве. Содержанием положительной творческой свободы должны быть любовь, добро и истина, воплощенные в образе Христа. Однако провозглашенная независимость творческого акта, от какого бы то ни было содержания («Творческий акт есть самооткровение... не знающее над собой внешнего суда») сводит вторую свободу к первой. Философ утверждает, что подлинное творчество – это творчество религиозное, однако божественную истину его критерием он не признает, поскольку в христианской этике нравственная жизнь подчинена общеобязательному закону, а задача творчества – творение нового бытия, свободного и просветленного. Мощь творить из ничего – это свобода. В положительном своем утверждении свобода и есть творчество.

В философии творчества Н.А. Бердяева разворачивается, как мы видим, ожесточенная борьба между романтически-экзистенциалистским бунтарем и христианским аксиологом. Здесь решается непосильная задача согласования абсолютного императива творчества с добром. Философ не хочет, чтобы под его пером пострадал нравственный закон. Он обосновывает «мораль творчества», которая якобы не противоречит морали как таковой, покоящейся на «этике закона», но и является как бы еще более нравственной. Таким образом, человечество, по Н.А. Бердяеву, не должно жить идеей нравственного исправления, а должно «оправдываться» взлетом творческих сил.

Для русской религиозной философии начала XX века характерно противопоставление этики закона и этики творчества [См.: Назаров 1991, с. 51–54]. Этика закона не дает гарантии нравственного усовершенствования человека, закон принуждает ему подчиняться, но он не вырабатывает нравственного иммунитета личности. Когда закон отменяют, личность оказывается способной на любые зверства и подлости. Истинная этика может быть только творческой. Только этика творчества преодолевает кошмар конечного, кошмар порядка жизни, из которого никуда нельзя вырваться. Только в этой этике становится ясным, что злые страсти нельзя победить через отрицание, через запрет. Их можно пробудить только через пробуждение творческой духовной силы. По поводу задач, поставленных жизнью, человек должен постоянно делать нравственные изобретения и открытия. Не просто принимать закон добра, а индивидуально творить его. В каждом неповторимом индивидуальном акте творится новое добро, не бывшее еще в мире, которое является изобретением совершающего творческий акт. Не существует статического застывшего нравственного порядка, подчиненного единому, общеобязательному нравственному закону. Таким образом, для этики творчества борьба со злом – это не столько пресечение и уничтожение сил зла, сколько творческое осуществление добра и творческое преображение злого в доброе. Например, любовь к врагам, непротivление злу возможны не от слабости, а от творческой силы духа. Только она преодолевает дурную бесконечность зла, перерезает цепь зла, переводя людей в другой план бытия.

Личность, по мнению Н.А. Бердяева, должна вести постоянную борьбу за первородность, чистоту нравственной совести и нравственной мысли при постоянном сопротивлении духа времени, уже застывшей, омертвевшей коллективной нравственной совести и мысли. Только этика творчества может победить искалечение и иссушение человеческой души отвлеченной добродетелью, превращенной в норму и правило. Нравственная жизнь, говорит

Н.А. Бердяев, должна быть вечным творчеством, свободным и огненным, то есть вечной юностью и девственностью духа. Она должна покоиться на первородных интуициях, в которых человек свободен от окружений и наслоений жизни, парализующих свободу его нравственных суждений.

Н.А. Бердяев в своих поисках и утверждениях смысла жизни, человеческого призвания более радикален, чем другие представители русской религиозной философии. С его точки зрения, в христианстве должна быть преодолена детская младенческая религиозность, которая видела основной долг человека в послушании. Но послушание не есть последнее в религиозном опыте, грех будет окончательно побежден и преодолен подвигом творчества. Церковность закрывает для человека героический, горный, жертвенный путь самого Христа, снимает с человека бремя ответственности и обеспечивает духовную жизнь, в которой «минует чаша сия». Это покупается смирением и послушанием, но смирение в христианском мире переродилось уже давно в холопство. Преодоление религиозного сервилизма есть первая задача христианского возрождения. Ее выполнение подведет человека к осознанию себя не рабом Божьим, а свободным участником Божественного процесса.

Систематизируя выдвинутые положения, характеристики творчества Н.А. Бердяевым, выстроим с учетом особенностей его взглядов на понимание данного феномена.

- Творчество – это нравственный долг, императив, обязанность и, в конечном итоге, – назначение человека. Творчество – это победа над объективированным миром.
- Творческим усилием человек осуществляет свой предвечный образ, творя из божественной полноты. Человек, следовательно, со-творец мира, он раскрывает божественный замысел в себе. Этика творчества утверждает ценность индивидуального, единичного, она профетическая, обращена к будущему.
- Подлинное творчество – это свобода. Творчество всегда трансцендирование, выход за пределы наличного мира. Выйти за пределы культуры, к высшему бытию способен только творческий человек.
- На пути трансцендирования происходит обогащение культуры. Задача культуры – очеловечивание мира. Задача творчества – творение «нового бытия». Смысл творчества – преображение мира.
- Подлинное творчество – творчество религиозное. Культура, следовательно, вводит человека через творчество в актуальное общение с божественным миром.

Список литературы

References

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – М., 1991.
Berdyayev N.A. On slavery and human freedom. – М., 1991.
2. Бердяев Н.А. Собраний сочинений. – Париж: ИМКА_ПРЕСС, 1991. – Т. 2 (Смысл творчества. 3-е изд.).
Berdyayev N. A. Collected works. – Paris: IMCAS, 1991. – Vol. 2 (the Meaning of creativity. 3rd ed.).
3. Губин В.Д. Культура и творческая деятельность. – М., 1987.
Gubin V. D. Culture and creative activities. – М., 1987.
4. Назаров В.Н. Нравственная мудрость как творчество жизни // Философские науки. – М., 1991. – № 11. – С. 51-64.
Nazarov V. N. Moral wisdom as creativity of life // Philosophical Sciences. – М., 1991. – № 11. - P. 51–64.
5. Поляков Л.В. Философия творчества Николая Бердяева // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989.
Polyakov L.V. The philosophy of Nikolai Berdyayev // Berdyayev N.. The philosophy of freedom. The meaning of creativity. – М., 1989.



УДК 141.2

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-470-476

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ
В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ****SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE ROLE OF EDUCATION
IN KNOWLEDGE ECONOMY****Т.В. Мордовцева¹, С.А. Петрушенко²
T.V. Mordovtseva¹, S.A. Petrushenko²**¹Таганрогский институт управления и экономики,
Россия, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 47²Таганрогский институт имени А.П. Чехова,
Россия, 347936, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48¹Taganrog Institute of management and economics, Russia,
47 Petrovskaya St, Taganrog, 347900, Russia²Taganrog Institute of A.P. Chekhov, Russia,
48 Initiative St, Taganrog, 347936, Russia

E-mail: t.mordovtseva@tmei.ru

Аннотация

В статье предложено философское обоснование стратегий будущего развития образования и науки в условиях перехода к информационной экономике и распространения нового типа учреждений высшего образования, созданных на основе модели «треугольника знаний». Авторы доказывают связь моделей образования с социальным заказом информационного общества на вытеснение субъекта как агента экономического действия, делают вывод о неизбежности дегерсонификации знаний, распространяемых в условиях подмены академической науки коммерческими услугами научного проектирования. В результате научное знание как базис фундаментального академического образования превращается в технологию научного менеджмента, обеспечивающего бизнесу стабильный доход и гарантированное будущее.

Abstract

The article proposes a philosophical substantiation of strategies for the future development of education and science in the context of transition to an information economy. A new type of institutions of higher education, created on the basis of the «triangle of knowledge» model, is spreading. The authors prove the connection between the models of education and the social order of the information society to oust the subject as an agent of economic action. They conclude that the substitution of academic science by commercial services for scientific planning inevitably leads to the depersonalization of knowledge. As a result, scientific knowledge, as the basis of fundamental academic education, turns into a technology of scientific management that provides the business with a stable income and a guaranteed future.

Ключевые слова: социальные трансформации, треугольник знаний, экономика знаний, трансфер знаний, учреждения высшего образования.

Keywords: social transformation, the triangle of knowledge, knowledge economy, knowledge transfer, institutions of higher education.

Одной из актуальных задач современной социальной философии является разрешение комплекса проблем о перспективах развития научного знания, вызывающего сопутствующие ему социальные изменения. Очевидно, что глобальный мир, в котором жи-

вет теперь общество, является продуктом новейших научных знаний и технологий, задающих вектор будущего движения основным отраслям мирового хозяйства, культуры и духа. В поисках терминологической точности определения актуального состояния общества философы прибегают к разным понятиям, в той или иной мере характеризующим сущность социально-экономического статуса цивилизации в целом. В данном исследовании ставится основная задача философского обоснования стратегий будущего развития образования и науки в условиях перехода к информационной экономике.

Не отказываясь от классических принципов деления экономических систем на традиционные, рыночные и плановые и вместе с тем опираясь на формационный подход, исследователи постулировали переход к дефинициям индустриальной и постиндустриальной (информационной) стадии развития общества, на которой главным экономическим ресурсом становятся знания, что получило и соответствующее название «экономики знаний» [Тюкавкин, 2014]. В трактовке специалистов Всемирного банка экономика знаний ориентирована на создание, распространение и применение знаний в целях ускорения собственного роста и повышения конкурентоспособности. Ее фундаментальные признаки: 1) наличие институциональной структуры, обеспечивающей проникновение знаний на всех уровнях экономической жизни и регулирующей социальные изменения, порождаемые «революцией знаний»; 2) развитие инновационной системы, в которой знания производятся с целью коммерциализации в процессе совместной деятельности науки, бизнеса и власти, что способствует овладению исследователями (учеными) предпринимательской культурой в ходе выполнения таких совместных проектов; 3) создание системы непрерывного, пожизненного образования и обучения при подготовке квалифицированных кадров, отличающихся повышенными способностями к мобильности и динамичности; 4) внедрение информационной инфраструктуры экономического пространства, поддерживающего продвижение и конкуренцию услуг в различных сферах жизнедеятельности общества.

Основными предпосылками для перехода экономики отдельных стран на уровень экономики знаний являются: «позиционирование знаний в качестве важнейшего ресурса наряду с природными ресурсами, трудовыми ресурсами и различными формами существования капитала; повышение удельного веса сферы услуг и высокий рост информационно-емких услуг для бизнес-структур; высокая значимость человеческого капитала и инвестиций в образование и профессиональную подготовку рабочих кадров; развитие и широкое применение новых форм информационно-коммуникационных технологий; трансформация роли инноваций в первоочередной источник экономического роста и конкурентоспособности фирм, регионов и национальных экономик» [Гаврилова и др., 2016]. Оценивая совокупность таких предпосылок, исследователи [Треугольник знаний, 2016] пришли к выводу о необходимости изменения общей модели и концепции образования на уровне высших учебных заведений, что послужило отправной точкой в поиске новых путей организации и создания «университетов» экономики знаний [Панькова, 2013].

Учреждения высшего образования, прежде всего университеты, играют ключевую роль в экономике знаний, поскольку образуют связь между трудовыми и иными ресурсами, «формируют продуктивный человеческий капитал» как основную движущую силу экономического развития. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования М. Сервантеса, одного из лидеров Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), который отмечает, что «образование остается первичным каналом для аккумуляции человеческого капитала, особенно в странах с развивающейся и возникающей экономикой. В свою очередь в развитых государствах, обладающих передовыми технологическими разработками, инвестиции в высшее образование обеспечивают высокую социальную отдачу от аккумуляции капитала знаний и его перетока в экономику» [Cervantes, 2017]. По мнению М. Сервантеса, именно университеты занимают лидирующее положение в обеспечении фундаментальных и прикладных научных исследований, становясь



«производителями знаний», поэтому от правильности их организации зависит степень эффективности и увеличения знаний-ресурсов, выступающих основной технологического прогресса.

Одной из таких концепций «университетов» экономики знаний является модель «треугольника знаний» (Triangle of Knowledge), получившая признание в рамках Лиссабонской стратегии Европейского Союза (2000 г.), призванной решить комплекс таких задач, как стимулирование инноваций и развитие предпринимательской культуры в научном и образовательном секторах, усиление инвестирования в исследовательские разработки, обеспечение коммерческого эффекта от исследовательских разработок. «Треугольник знаний» как модель создания учреждений высшего образования нового типа включает в себе интегрированный подход к политике в сфере науки, образования и инноваций с акцентом на роль университетов как субъекта производства знаний. Поэтому очевидно, что все более популярными становятся исследования стратегий будущего развития общества на основе совместной деятельности высокотехнологичных корпораций и научно-образовательных учреждений в рамках модели «треугольника знаний», которая и должна обеспечить технологию экспоненциального развития общества, т. е. подготовить переход к экономике знаний.

В исследовании М. Унгер и В. Полт данная модель рассматривается как объединяющая основа нескольких других концепций, имеющих распространение в стратегии инновационной политики стран ОЭСР, в частности, концепций «третьей миссии» (third mission), «тройной спирали» (triple helix) (или, в расширенной трактовке, «четырёхзвенной спирали» (quadruple helix)), «предпринимательского» (entrepreneurial) или «социально ориентированного» (civic) университета и «умной специализации» (smart specialisation) [Unger, Polt, 2017]. Исходная модель «треугольника знаний» связывает между собой три основные сферы: образовательную, научную, инновационную, что следует из самого наименования. В этих трех сферах, по мнению авторов, заключены системно-коммуникационные ресурсы для трансфера знаний [Намазова, 2016], обогащения их инновационным коммерческим эффектом и превращением знаний в мощный ресурс управления социальными процессами.

Графическая семантика «треугольника» в данном случае объясняет особенности функционирования и управления системой, в которой ни одна из вершин не имеет преимущества в сравнении с другой, а грани в свою очередь предполагают закрепление и расширение связей этих вершин [Грудзинский, Бедный, 2012]. Так, по отдельности можно рассматривать процессы, происходящие при взаимодействии «образование – наука», «наука – инновации», «инновации – образование», и давать им объяснение с точки зрения оптимизации работы системы в целом. Не оспаривая значимость описательных характеристик «треугольника знаний» в производстве когнитивных продуктов информационной экономики, остановимся на философских выводах, следующих из самой программы будущего развития образования в «оркестровке» [Unger, Polt, 2017] новой социальной реальности и сопутствующих ей изменений.

В сфере совместного действия акторов «наука – образование» осуществляется подготовка высококвалифицированных кадров с максимальным соответствием их компетенций требованиям инновационной отрасли экономики. В сфере взаимодействия «наука – инновации», покрывающей связи государственно-частного партнерства, прорабатываются и получают финансирование проекты академических исследований, имеющих коммерческий потенциал. В третьей сфере «образование – инновации» формируется среда предпринимательской культуры поведения академических исследователей, участвующих в совместных бизнес-проектах и работающих в компаниях. Роль университетов в «треугольнике знаний» расширяется в пределах государственной научно-технологической и инновационной политики, за счет чего «треугольник» замыкает в себе науку, бизнес и власть. Как объясняют М. Унгер и В. Полт: «Университеты в качестве фундамента «тре-

угольника знаний» вносят ключевой вклад в наполнение всех его составляющих. В зависимости от комбинирования видов деятельности, включая образовательную, научную и инновационную, они часто используют «треугольник знаний» как институциональный базис для имплементации основных миссий и формирования внутренней организационной структуры» [Unger, Polt, 2017]. По своей организационно-правовой форме и выдвинутой миссии крупное образовательное учреждение превращается в «предпринимательский университет», обеспечивающий партнерство между государством, бизнесом и академической сферой. Соответственно, предпринимательство становится и главным принципом организации университетов, которые от своих выпускников требуют умения превращать полученные знания в инновации, т. е. способности практического воплощения научных результатов [Etzkowitz, Leydesdorff, 2000].

Если имеющая в настоящее время широкое распространение в России и за рубежом инновационная модель образования рассчитана на подготовку высококвалифицированных кадров, обладающих необходимым компетентностным арсеналом трудовых полномочий, то стратегия «треугольника знаний» определяется нуждами общества в интеллектуальных ресурсах субъекта, умеющего планировать и предвидеть последствия своего управления для последующих социальных изменений. Факт того, что общество встало на путь экспоненциального роста технологий, стремительно изменяющих наш привычный мир, обусловил разработку программ опережающего действия. Очевидно, что получающий в настоящее время образование будущий специалист и одновременно субъект экономического действия [Логинова, 2009] должен быть подготовлен к реализации профессиональных задач в той ситуации, которая еще не наступила. В свою очередь тот, кто осуществляет подготовку такого кадра в условиях актуального времени, потенциально исключен из ситуации будущего экономического действия, поскольку занимает соответствующий социально-экономический статус в то время, которое стремительно «устаревает». Можно предположить, что в компетентностной модели образования оба субъекта – обучающийся и обучаемый – наделяются равноправным социально-экономическим статусом агентов социальных изменений, тогда как в стратегии «треугольника знаний» правом обладать статусом субъекта может только тот, кто еще не занял своего места в будущем. Поэтому «треугольник знаний» сущностно обезличен, его вершины институционализируют схему-модель распределительных функций и назначений акторов-технологий: инновационных, когнитивных, научных. То общество, которое нам предлагает «треугольник знаний», управляется технологиями изменений без субъекта, поскольку даже абстрактный субъект экономического действия в нем заведомо лишен определенной качественной специфики. Эта лишенность субъекта быть субъектом экономического действия обусловлена логикой будущего времени, которое еще не наступило – это экономика и общества, которых нет в актуальной действительности.

Терминологически «треугольник знаний» наделяет полномочиями субъекта социальные институты и, прежде всего, университеты на том основании, что последние обладают реальными возможностями интеграции знаний – науки, практики, экономики. Такая субъектная институция закрепляется и в сходных рассуждениях специалистов по форсайту: «Университет становится ведущим участником и организационным посредником интеграции образовательных и научных структур с производством, культурными учреждениями, властными структурами. Целью этой интеграции является решение междисциплинарных задач образования и науки, а также внедренческая инновационная деятельность» [Калиновская и др., 2010]. В этом качестве университеты должны организовать и возглавить временные творческие коллективы, состоящие из научных кадров, специалистов производственных объединений и представителей властных структур, способных решать конкретную экономическую задачу. Причем сами творческие коллективы не рассматриваются в качестве субъекта, поскольку, во-первых, они функционально зависят от стратегического центра принятия управленческих решений, во-вторых, ни один член этого кол-



лектива не создает готовый, цельный продукт и не принимает единоличного решения. «Будущих претендентов на глобальную конкурентоспособность уже не достаточно снабжать информацией, дать им освоить учебный материал, а затем предоставить их самим себе. Приобретение и реализация на практике полученных знаний требует объединенных усилий, интеграции образования, науки и экономики. Хотя все три компонента инновационного процесса в «треугольнике знаний» остаются автономными, они в тоже время дополняют друг друга при взаимодействиях» [Калиновская и др., 2010]. По сути, такие временные творческие коллективы обеспечивают работу организационного механизма управления интеллектуальными резервами общества.

Командный принцип, в конечном итоге, реализуется с помощью особых гуманитарных технологий, изменяющих социальную реальность. Эта особенность была подчеркнута Г. Бехманн: «Накопление капитала знания предполагает, что результаты работы со знанием являются и остаются доступными не только для индивидуального когнитивного работника, но передаются на правах собственности компании – работодателю. Таким образом, капитал знания – это интеллектуальный продукт, находящийся в корпоративной собственности и независимый от его индивидуального производителя» [Бехманн, 2010]. Соответственно, индивидуальные компетенции когнитивных работников обеспечивают корпоративный капитал знания, который в отличие от академического научного знания лишен субъектности и полноценности.

Средства же коммуникации, обеспечивающие продвижение знания-информации как услуги по обогащению общества новым знанием, возвышают роль машины (искусственного интеллекта) над человеком – субъектом «производства» знаний-символов. Мышление человека является предметно-образным, тогда как искусственный интеллект оперирует знаками, заменяющими предмет и образ в материальном «теле» единицы информации. В «обществе знания», каким видел его Д. Белл [Bell D, 1973], человек и машина становятся производителями продукта их совместного «творчества». И чем дольше продолжается это со-творчество, тем больше функций человек с естественным интеллектом передает своему искусственному заместителю.

Несмотря на то, что знание и информация одновременно наделяются статусом стратегического экономического ресурса наравне с природными ресурсами, отождествлять эти концепты нельзя. Общество, основанное на знании, не исключает антропоцентрической картины мира, оставляя за ней прерогативу наполненности смыслами, ценностями, идеалами продуктов человеческого гения. Общество же, основанное на информации как результат экономики знаний, вместо прерогативы антропоцентризма ставит в основание техно-когнитивизм, в перспективах которого без малого рисуется и замена человеческой телесности на биоволокно.

Как утверждает К.Х. Делокаров, «научное знание погружено в культуру и оно сложнейшим образом взаимодействует с другими формами сознания и предметно-практической деятельностью человека, что не может не отразиться на интерпретации как научного знания, так и знания вообще» [Делокаров, 2010]. В этом плане знания всегда обуславливали прогресс человечества, в том числе и в век научно-технических революций, однако знания-информации, передаваемые с помощью самовоспроизводящихся коммуникативных каналов, открыли совершенно другую реальность, в которой привилегированное положение заняла именно информация, утратившая субъектную конкретность.

Вот и академические знания, выстроенные предметом и методом частной науки, постепенно сменяются знаниями-практиками, обуславливая изменения образа, роли и статуса исследователя, который от интуитивных суждений, узких теоретических спекуляций переходит к построению алгоритмов, подлежащих обработке новейшими средствами информации и обеспечивающих сциентификацию всех жизненно важных сфер общественного развития. Ученый в условиях экономики знаний превращается «логикой» производства знаний из преподавателя (транслятора знаний) в эксперта, чья оценка и решение вли-

яют на социальные изменения, за которые он уже несет социальную ответственность. Одновременно исследователь выступает менеджером корпоративных идей, служащих цели тех или иных социальных изменений, спланированных властью, бизнес-структурами, администрациями. Не случайно экономика знаний избирает университеты базой инновационной политики власти, превращая академического профессора в успешного менеджера науки, предлагающего свой интеллектуальный продукт на рынке услуг. Чтобы спланировать, подготовить и реализовать интеллектуальный продукт, ученому уже недостаточно быть просто исследователем, владеющим фундаментальными знаниями, он вынужден осваивать знания-практики и создавать агрегированный продукт, продвигаемый средствами телекоммуникационных систем.

Таким образом, экономика знаний обуславливает рождение социальных изменений, при которых обезличенность связей и отношений достигает своего предела. Такая экономика не просто не нуждается в субъекте, в человеке, в естественном интеллекте, она вырабатывает технологии их элиминирования и полной замены автоматизированными системами управления. Чтобы достичь своей цели, экономика знаний, прежде всего, пропагандирует отказ от субъекта «производства» знаний, что и демонстрирует нам образование в модели «треугольника знаний», после которого возникает общество деперсонализированных потребителей.

Список литературы

References

1. Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. - 944 с. (Bell D. 1973. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books)
Bell D. 2004. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. M.: Academia. - 944 s. (Bell D. 1973. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books)
2. Бехманн Г. 2010. Общество знания – трансформация современных обществ / Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д.В. Ефременко – М.: 39–54.
Bekmann G. 2010. Obshchestvo znaniya – transformaciya sovremennyh obshchestv / Konceptsiya «obshchestva znaniya» v sovremennoj social'noj teorii: Sb.nauch.tr. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. sociologii i social. psihologii; Otv. red. D.V. Efremenko – M.: 39–54. (in Russian)
3. Гаврилова И.В., Захарова К.В., Малащенко Т.А. 2016. Понятие и характеристика экономики знаний, необходимые условия ее формирования // Молодой ученый. № 10: 655–659. – URL <https://moluch.ru/archive/114/29877/> (дата обращения: 22.02.2018).
Gavrilova I.V., Zaharova K.V., Malashchenkova T.A. 2016. Ponyatie i harakteristika ehkonomiki znaniy, neobhodimye usloviya ee formirovaniya // Molodoj uchenyj. № 10: 655–659. – URL <https://moluch.ru/archive/114/29877/> (accessed 22 February 2018). (in Russian)
4. Грудзинский А.О., Бедный А.Б. 2012. Концепция конкурентоспособного университета: модель тетраэдра // Высшее образование в России. № 12: 29–36.
Grudzinskij A.O., Bednyj A.B. 2012. Konceptsiya konkurentosposobnogo universiteta: model' tetraehdra // Vysshee obrazovanie v Rossii. № 12: 29–36. (in Russian)
5. Делокаров К.Х. 2010. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества? / Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д.В. Ефременко – М.: 11–27.
Delokarov K.H. 2010. YAvlyayetsya li «obshchestvo, osnovannoe na znaniyah», novym tipom obshchestva? / Konceptsiya «obshchestva znaniya» v sovremennoj social'noj teorii: Sb.nauch.tr. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. sociologii i social. psihologii; Otv. red. D.V. Efremenko – M.: 11–27. (in Russian)



6. Калиновская Т.Г., Косолапова С.А., Прошкин А.В. 2010. Треугольник знаний как фактор инновационного развития // Современные наукоемкие технологии. № 10: 118–120; URL: <https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=26048> (дата обращения: 22.02.2018)

Kalinovskaya T.G., Kosolapova S.A., Proshkin A.V. 2010. Treugol'nik znaniy kak faktor innovacionnogo razvitiya // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. № 10: 118–120; URL: <https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=26048> (accessed 22 February 2018). (in Russian)

7. Логинова Л.В. 2009. Методологические подходы к определению сущности субъекта экономического действия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 7 (75): 94–102.

Loginova L.V. 2009. Metodologicheskie podhody k opredeleniyu sushchnosti sub"ekta ehkonomiecheskogo dejstviya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. №7 (75): 94–102. (in Russian)

8. Намазова Н. 2016. Роль современного вуза в трансфере знаний // Научни трудове на русенския университет - 2016, том 55, серия 12.: 75–83. (Nodira Namazova. 2016. The role of the modern University in the knowledge transfer // Proceedings of university of ruse - 2016, volume 55, book 12: 75–83).

Namazova N. 2016. Rol' sovremennogo vuza v transfere znaniy // Nauchni trudove na rusenskiya universitet - 2016, tom 55, seriya 12.: 75–83. (Nodira Namazova. 2016. The role of the modern University in the knowledge transfer // Proceedings of university of ruse - 2016, volume 55, book 12: 75–83).

9. Панькова Н.М. 2013. Миссия университета // Перспективы науки и образования. № 1: 4–12.

Pan'kova N.M. 2013. Missiya universiteta // Perspektivy nauki i obrazovaniya. № 1: 4–12. (in Russian)

10. Сервантес М. 2017. Институты высшего образования в «треугольнике знаний» // Форсайт. № 2. Т.11: 27–42. (Cervantes M. (2017) Higher Education Institutions in the Knowledge Triangle. Foresight and STI Governance, vol. 11, no 2, pp. 27–42. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.27.42)

Servantes M. 2017. Instituty vysshego obrazovaniya v «treugol'nike znaniy» // Forsajt. № 2. Т.11: 27–42. (Cervantes M. (2017) Higher Education Institutions in the Knowledge Triangle. Foresight and STI Governance, vol. 11, no 2, pp. 27–42. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.27.42)

11. Треугольник знаний: образование – наука – инновации : материалы международной научно-практической конференции, Минск, 20–21 апреля 2016 г. - Минск : БНТУ, 2016. - 230 с. – URL: <http://rep.bntu.by/handle/data/24095>. (дата обращения: 02.02.2018)

Treugol'nik znaniy: obrazovanie – nauka – innovacii : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 20-21 aprelya 2016 g. - Minsk : BNTU, 2016. - 230 s. – URL: <http://rep.bntu.by/handle/data/24095>. (accessed 22 February 2018). (in Russian)

12. Тюкавкин И.Н. 2014. Экономика знаний // Вестник СамГУ. № 6 (117): 145–150.

Tyukavkin I.N. 2014. Ekonomika znaniy // Vestnik SamGU. № 6 (117): 145–150. (in Russian)

13. Унгер М., Полт В. 2017. «Треугольник знаний» между сферами науки, образования и инноваций: концептуальная дискуссия // Форсайт. № 2. Т.11: 10–26. (Unger M., Polt W. (2017) The Knowledge Triangle between Research, Education and Innovation – A Conceptual Discussion. Foresight and STI Governance, vol. 11, no 2, pp. 10–26. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.10.26).

Unger M., Polt V. 2017. «Treugol'nik znaniy» mezhdru sferami nauki, obrazovaniya i innovacij: konceptual'naya diskussiya // Forsajt. № 2. Т.11: 10–26. (Unger M., Polt W. (2017) The Knowledge Triangle between Research, Education and Innovation – A Conceptual Discussion. Foresight and STI Governance, vol. 11, no 2, pp. 10–26. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.10.26).

14. Etzkowitz H., Leydesdorff L. 2000. The dynamics of innovation: From National Systems and 'Mode 2' to a Triple Helix of university-industry-government relations // Research Policy. 2000. Vol. 29. P. 109–123.

УДК 171

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-477-484

ДОГОВОРНАЯ ЭТИКА В МЕЖВИДОВОМ КОНТЕКСТЕ**CONTRACTUALIST ETHICS IN AN INTERSPECIES CONTEXT****А.В. Прокофьев****A.V. Prokofyev**Институт философии РАН,
109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1RAS Institute of Philosophy,
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia

E-mail: avprok2006@mail.ru

Аннотация

Цель данной статьи – выявление трудностей договорной этики в области обоснования нормативных ограничений поведения человека в отношении животных. В исследовании использована методология, совмещающая вывод частных принципов на основе общих ценностно-нормативных посылок и соотнесение нормативной теории с живым нравственным опытом с целью достижения «рефлексивного равновесия». Первым шагом исследования является реконструкция двух моделей договорной этики: ролзианского и скэнлонианского понимания гипотетического соглашения. В своем исходном виде ни одна из этих моделей не может использоваться в межвидовом контексте, однако в современной этической мысли предложены различные варианты их приспособления к особенностям экологической этики. Модель Дж. Ролза допускает изменение условий соглашения и уплотнение занавеса неведения, модель Т. Скэнлона – введение фигуры представителя нечеловеческих живых существ. В статье продемонстрирована слабость этих способов преобразования договорной этики.

Abstract

The paper demonstrates fatal difficulties of the contractualist normative theory in the sphere of animal ethics. The research rests upon a methodology that combines the top-down moral deduction with some elements of the Rawlsian reflective equilibrium. The author reconstructs two major models of the contractualist ethics: Rawlsian and Scanlonian understandings of the hypothetical contract. In their original form, they can not be used in an interspecies context. Though there are modifications of the original contractualism that supposedly can solve this problem. In the case of the Rawlsian model, it is possible to change circumstances of the hypothetical choice and to thicken the veil of ignorance. In the case of the Scanlonian model, it is possible to introduce the figure of the representative of non-humans' interests. The author tries to show that every strategy of extending contractualism to provide the basis for non-anthropocentric ethics is doomed to fail and should be replaced by the search for an alternative theoretical foundation.

Ключевые слова: мораль, этика, этика отношения к животным, договорная этика, модель Дж. Ролза, модель Т. Скэнлона.

Keywords: morality, ethics, contractualist ethics, animal ethics, Rawlsian model, Scanlonian model.

Постановка проблемы, объект исследования, методология

Нормативная этика ставит перед собой задачу определить набор и порядок приоритетности нравственных требований. Она пытается выявить общие ценностно-нормативные посылки, которые мог бы принять любой разумный человек, а затем – вывести из них частные нормы, определяющие поведение моральных деятелей в конкретных практических кон-



текстах. Осуществляя эту задачу, она вынуждена постоянно соотносить результаты своего рассуждения с системой общераспространенных моральных убеждений – тех оценок, которые интуитивно очевидны для среднестатистического обладателя морального чувства. Существенные отклонения нормативных выводов этической теории от этой системы требуют специального обоснования и демонстрации причин, по которым живой опыт нравственной оценки оказался искаженным, отклонился от моральной рациональности. То, что в этической традиции, использующей наследие Дж. Ролза, называется «поиском рефлексивного равновесия» [Ролз, 1995, с. 33, 54–55], в той или иной мере используется любой нормативной этикой даже в тех случаях, когда не превращается в формальный исследовательский метод [Daniels 1996]. В данном исследовании будет использоваться именно такая методология, совмещающая рассуждение от общих ценностно-нормативных посылок к выводным частным принципам и соотнесение нормативной теории с живым нравственным опытом.

На пути к установлению набора и порядка приоритетности нравственных требований нормативная этика сталкивается с необходимостью переносить свои теоретические подходы из одного практического контекста в другой. Это порождает существенные трудности, поскольку теоретическая модель, дающая приемлемые для моральной интуиции выводы в одном контексте, может приводить к разнообразным контринтуитивным выводам в других. Именно такую ситуацию я и хотел бы проанализировать в данной статье. Она возникает в связи с переносом из одного практического контекста в другой одной из наиболее популярных в западной этической традиции теоретических моделей – договорной этики. Одним из главных камней преткновения для договорной этики оказывается нравственное отношение к нечеловеческим живым существам. Структура статьи определяется последовательным переходом от общей характеристики договорной этики к ее затруднениям в области обоснования нормативных ограничений поведения человека в отношении животных.

Результаты и их обсуждение

а) договорная этика

Договорная этика исходит из глубоко укорененного в моральном сознании подхода к разграничению допустимых и недопустимых действий, опирающегося на желание или согласие затронутых действием лиц. Действие имеет большую вероятность оказаться недопустимым в том случае, когда оно нежеланно для того, кто испытывает на себе его последствия, когда реципиент последствий действия не хочет того, чтобы с ним обращались определенным образом. Связь недопустимости действия с несогласием реципиента на его совершение присутствует, например, в Золотом правиле нравственности. Золотое правило требует прислушаться к мнению другого о действиях, затрагивающих его потребности и интересы. Оно предписывает моральному субъекту выбирать действия, исходя из мнения того, кто от них зависит. Мысленная смена мест деятеля и реципиента актуализирует это предписание. В этой связи можно сказать, что Золотое правило констатирует общеэтический принцип согласия [Прокофьев, 2014, с. 36]. Ту же роль играет артикулированное Кантом требование относиться к другим людям не только как к средству, но всегда также как цели. Кант прямо указывает на то, что ни один разумный человек не мог бы согласиться на отношение к нему только как к средству. Он не мог бы дать согласие на то, чтобы стать жертвой мошенничества, обмана, воровства, несправедливого применения силы [Hill, 2001].

В договорной этике принцип согласия находит свое систематическое выражение и дальнейшее развитие. Он превращается в процедуру отбора не действий самих по себе, а общих нормативных принципов, разграничивающих допустимое и недопустимое, обязательное и морально нейтральное поведение. В рамках данного подхода принципы можно считать обоснованными в том случае, если все разумные люди одобряют их исполнение или, по крайней мере, никто из разумных людей не сможет отклонить необходимость их исполнения. То же самое касается и порядка приоритетности исполнения моральных

принципов. Он получает моральную санкцию в случае одобрения всеми разумными людьми. Всеобщее одобрение принципов проще всего мыслить как своего рода общественный договор об их повсеместном применении, поэтому в центральную задачу этической теории превращается моделирование такого воображаемого договора – его условий, свойств его участников и т. д.

Ярким примером договорной этики является теория справедливости Дж. Ролза. Отправной точкой его рассуждения служит тезис о том, что никто из реально существующих членов общества из-за особенного характера своего социального опыта не способен выбирать нормативные принципы беспристрастно. В силу этого этическая теория вынуждена конструировать специальный мысленный эксперимент, в результате которого возникает аутентичное видение справедливости, представляющей собой «первую добродетель общественных институтов». Основные составляющие этого эксперимента, получившего название «исходное положение», – характеристика участников договора и наложенные на них информационные ограничения. В эксперименте участвуют способные к созданию жизненных планов индивиды, находящиеся на одной территории, нуждающиеся в кооперации и способные к ней, а также имеющие возможность препятствовать воплощению планов своих *vis-à-vis*. Они не являются альтруистами или благожелательными людьми, однако готовы строго следовать правилам, которые будут избраны в итоге соглашения. Принимая решение о выборе принципов, участники «исходного положения» находятся за «занавесом неведения», то есть не знают своих индивидуальных характеристик, включая природные дарования, концепцию полноценной человеческой жизни и способность к риску, а также своего места в том обществе, которое будет функционировать по избранным принципам [Ролз, 1995, с. 113–177].

Стремясь обеспечить себе наибольшее количество основных благ при наименее удачном для них исходе жизненной лотереи, участники соглашения, по мнению Дж. Ролза, выберут два принципа справедливости. «Первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например, в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека и, в частности, для менее преуспевающих членов общества» [Ролз, 1995, с. 29]. Условия мысленного эксперимента таковы, что участники исходного положения не только идентифицируют именно эти принципы, но и признают определенный порядок их исполнения в тех случаях, когда возникает нормативный конфликт. Ролзовы принципы находятся в отношении так называемого «лексического приоритета». Как буква «а» в алфавите идет перед буквой «б», так и меры по исполнению второго принципа могут применяться только тогда, когда полноценно реализован первый. Таким образом, с точки зрения Дж. Ролза, нарушение фундаментальных прав недопустимо не только ради увеличения общего благосостояния, но и для увеличения благосостояния наименее преуспевших [Ролз, 1995, с. 50].

Проясняя замысел работы «Теория справедливости», Дж. Ролз замечал, что в случае успеха своего теоретического проекта он попытается построить на той же основе более общую теорию, относящуюся уже не к справедливости, а к моральной правильности в целом [Ролз, 1995, с. 30]. В некоторых историко-этических трудах Дж. Ролз продолжил эту линию [Rawls, 2000, p. 175–176]. Однако в целом развитие его взглядов пошло в ином направлении. Задача построения договорной теории морали была реализована другими исследователями, прежде всего Т. Скэнлоном. Т. Скэнлон предположил, что занавес неведения превращает согласие участников мысленного эксперимента в не имеющее обязывающей силы для реальных людей. Поэтому в качестве критерия разграничения допустимых и недопустимых с моральной точки зрения поступков он использует выбор людей, которые знают все свои основополагающие свойства, но являются при этом разумными. Разумный индивид (деятель), по Т. Скэнлону, во-первых, эффективно регулирует свое поведение на основе доводов, во-вторых, стремится обосновать свои действия перед теми, кто так или иначе затронут ими (то есть предъявляет им доводы в пользу своего поступка



с целью убедить в его допустимости), в-третьих, отказывается действовать по тем принципам, которые не удастся обосновать каждому затронутому его поступками лицу, предполагая при этом, что каждый из его *vis-à-vis* имеет установку на поиск принципов, которые никто не мог бы на основе убедительных доводов отклонить [Scanlon, 1998, p. 195].

Другими словами, разумный деятель может принять лишь тот принцип поведения, который другие разумные люди не могли бы отвергнуть, беспристрастно взвесив получаемые деятелем преимущества и свои потери от признания такого принципа. Доводы на основе преимуществ деятеля Т. Скэнлон называет «возражениями против запрета», доводы на основе потерь окружающих – «возражениями против разрешения». Можно сказать, что процедура выбора принципов, разработанная Т. Скэнлоном, гарантирует всем затронутым лицам равное положение за счет предоставления каждому из них права вето в отношении тех действий других людей, которые он не может принять на разумном основании (метаэтическое обоснование этой позиции см.: [Scanlon, 2014]). Таковы две модели договорной этики, которые будут рассматриваться в данной статье. Третья модель, связанная с именем Д. Готтиера, выпадает из обсуждения, поскольку не подвергается переносу в межвидовой контекст ([Gauthier, 1986], реконструкция на русском языке: [Кашников, 2006]).

б) распространение договорной этики в область
отношения к нечеловеческим живым существам

Договорная теория за последние полвека продемонстрировала большой потенциал в решении разнообразных метаэтических и нормативных проблем. Она стала одной из точек опоры критики утилитаризма, которая устранила монополию утилитаристского подхода, длительное время господствовавшего в нормативной этике. За ней стоит имя Дж. Ролза, едва ли не самого известного современного социального этика. Все это делает договорную этику очень притягательной теоретической моделью для значительного количества теоретиков (подборку репрезентативных текстов см.: [Contractarianism/Contractualism, 2003]). Однако она, как и другие нормативно-этические теории, подвержена проблемам, возникающим в связи со сменой базового практического контекста. Базовым практическим контекстом договорной этики являются отношения между людьми, выстраивающими совместное существование в качестве членов организованного сообщества. Здесь она проявляет себя наиболее эффективно, дает внятные нормативные ориентиры, позволяет корректировать итуитивные моральные суждения без создания тупиковых конфликтов с моральной интуицией. При переходе к иным контекстам, среди которых отношения между людьми в глобальной перспективе, отношение к людям с ограниченными возможностями, к будущим поколениям, к нечеловеческим живым существам и природе в целом, договорная этика испытывает существенные трудности. Она вынуждена модифицировать некоторые свои отправные посылы и теоретические инструменты. Где-то такая модификация оказывается более успешной, где-то выглядит как способ прикрыть неразрешимые внутренние противоречия. Как уже было сказано во введении к данной статье, ее задача – проанализировать трудности договорной теории в одном из самых проблемных для нее контекстов, связанном с отношением к нечеловеческим живым существам.

Проблемность этого контекста определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, нечеловеческие живые существа не образуют с человеком единой упорядоченной системы сосуществования, члены которой могли бы нанести друг другу ущерб, но воздерживаются от этого, и единой системы взаимовыгодной кооперации, все члены которой получают преимущества от ее наличия. Используя язык теории Дж. Ролза, эту мысль можно выразить двумя способами.

С одной стороны, человек и нечеловеческие живые существа не находятся в ситуации, характеризующейся обстоятельствами справедливости. Набор таких обстоятельств Ролз заимствовал у Д. Юма. Д. Юм вел речь о четырех факторах, делающих уместным применение понятия справедливость: 1) умеренная нехватка благ и ресурсов;

2) ограниченная благожелательность человека; 3) равная уязвимость субъектов друг для друга; 4) взаимная зависимость субъектов друг от друга (наличие кооперативных отношений между ними). Ролз немного модифицировал этот список, указывая на: 1) сталкивающиеся между собой жизненные планы и концепции блага, 2) неспособность людей гарантированно доминировать друг над другом, 3) их потребность во взаимовыгодной кооперации ([Ролз, 1995, с. 120], анализ концепции обстоятельств справедливости см.: [Прокофьев, 2015; Прокофьев, 2017]). Очевидно, что отношения между человеком и нечеловеческими живыми существами реализуются в иных условиях.

С другой стороны, человек и иные живые существа не принадлежат к единой «базисной структуре общества». Это понятие Дж. Ролз также использовал, описывая условия, в которых действуют принципы справедливости. Базисная структура, в его понимании, «это публичная система правил, определяющих схему деятельности, которая приводит людей к совместным усилиям для произведения большей суммы выгод и приписывания каждому признаваемых требований в дележе продукта» [Ролз, 1995, с. 85]. Только при наличии «базисной структуры» оказывается возможна фундаментальная посылка честных отношений, которую Дж. Ролз формулирует следующим образом: «благополучие каждого зависит от схемы социальной кооперации, без которой никто не мог бы иметь удовлетворительной жизни» [Ролз, 1995, с. 97]. Достаточно подставить в Ролзовы формулировки, характеризующие базисную структуру, вместо слова «люди» сочетание слов «люди и другие живые существа», чтобы обнаружить, что эти формулировки лишаются смысла.

Во-вторых, нечеловеческие живые существа трудно представить себе субъектами договора, соглашающимися на определенные правила и берущими на себя обязательство их соблюдать. Они не обладают ни одним из двух свойств ролзовских участников исходной ситуации. Животные, а тем более растения, не имеют явно выраженных жизненных планов, реализующихся на основе рационального выбора средств, и какой-либо концепции, полной и достойной жизни. Они не обладают способностью выполнять принятые всеми участниками исходного положения принципы, несмотря на то, что при снятии занавеса неведения нарушение этих принципов будет для них очень выгодным.

Выводом из этих затруднений могли бы стать тезисы об этической незначимости животных, или об их вторично-вспомогательной значимости в духе кантовского предположения, что негуманное отношение к животным разрушает условия возможности гуманного отношения к людям, и поэтому мы должны воздерживаться от жестокости или безразличия к нечеловеческим живым существам. Однако оба этих тезиса существенным образом противоречат общераспространенной моральной интуиции, в рамках которой причинение вреда животным (по крайней мере, сложноорганизованным животным, обладающим высокой способностью к переживанию страданий) является предосудительным, и не в порядке прохождения школы гуманного отношения к человеку, а в связи с самой их способностью страдать и нести потери. Еще большее противоречие наблюдается при сопоставлении нормативных выводов договорной этики и тенденции к росту экологической чувствительности, характеризующей современное западное общество. С преодолением этих противоречий связаны постоянно возобновляющиеся попытки приспособить договорную этику к контексту межвидовых отношений, модифицировать ее в соответствии с экологической и зоозащитной системой ценностей.

Первый способ добиться этого состоит в том, чтобы преобразовать представление об условиях, в которых реципиент последствий действия превращается в существо, достойное честного отношения и заботы. Акцент при формулировании этих условий может падать не на способность к сознательному причинению вреда или способность к сознательному участию в кооперации, как это было у Ролза, а на роль существа во взаимодействии, в ходе которого стороны получают некие блага и несут определенные потери. Отсюда следует, что моральные обязанности, выявляемые с помощью договорной методоло-



гии, имеют место не только там, где есть вся полнота выделенных Дж. Ролзом обстоятельств, а уже там, где одна сторона извлекает выгоду из взаимодействия с другой, в особенности если другая сторона при этом несет определенные потери или испытывает определенные ограничения (прецеденты такой трансформации см.: [Barry, 1978; Beitz, 1999; Kittay, 1999]). При таком понимании условий договорного мысленного эксперимента результаты его проведения можно распространить на отношения человека и животных. Раз человек использует животных, он входит с ними в морально обязывающие отношения и попадает под нормативные ограничения [Coeckelbergh, 2009].

Однако эта модификация договорной этики имеет существенные недостатки. Во-первых, в ее перспективе под защитой моральных принципов оказываются лишь те живые существа, которые напрямую используются человеком, а не все те, которые в результате человеческой деятельности испытывают страдания и сталкиваются с препятствиями к разворачиванию своего жизненного цикла. Во-вторых, право человека на использование других живых существ в данном случае принимается как аксиоматическая посылка, хотя теоретическая честность требует предъявить его обоснование. Описанная выше трансформация договорной этики, доведенная до своего логического конца, преобразует вопрос о том, какие нормативные ограничения наложены на использование человеком других живых существ в рамках «биосферной кооперативной схемы», в вопрос о том, вправе ли вообще человек, вносящий довольно сомнительный вклад в эту схему, использовать других ее представителей в своих целях. В перспективе договорной этики трудно и даже фактически невозможно найти доводы в пользу положительного ответа на него. Радикальность практических выводов, вытекающих из этого обстоятельства, превращает проект расширения договорной этики на область отношений человека и животных в интуитивно неприемлемый. В-третьих, описанная выше трансформация подчеркивает связь моральной ценности какого-то существа и возможности его использования. При обратном переносе этой связи в контекст межчеловеческих отношений приходится признать, что моральная ценность людей с ограниченными возможностями или людей, находящихся в коме, имеет место только тогда, когда они каким-то образом используются другими людьми или обществом в целом. Это также противоречит моральной интуиции.

Второй способ переноса договорной методологии в контекст отношений человека и нечеловеческих живых существ состоит в том, чтобы преобразовать характеристики участников воображаемой договорной процедуры. В результате этого преобразования иные представители биосферы должны оказаться участниками гипотетического соглашения, санкционирующего моральные принципы. В рамках ролзианской теоретической схемы этого можно достичь с помощью уплотнения занавеса неведения, то есть с помощью уменьшения объема той информации, которая доступна участникам исходного положения. Этот теоретический ход использовался реформаторами теории Дж. Ролза в гендерном и интернациональном контекстах [Okin, 1989; Beitz, 1999]. Он же применяется в контексте экологическом.

Занавес неведения у Дж. Ролза напоминает участникам договора, что каждый мог бы оказаться на месте человека, стоящего на более низкой социальной позиции, обладающего меньшими природными дарованиями, имеющего ограниченные физические возможности или маргинальную концепцию блага. С учетом этого участники и выбирают моральные принципы. Однако само по себе рождение именно человеком также можно рассматривать в качестве независимой от нашей воли благоприятной случайности. У того, кто родился именно человеком, нет морального права на преимущества, связанные с наличием у него человеческих способностей и принадлежности к виду, который стал доминирующим на Земле. Поэтому участники исходного положения должны быть лишены знания о своей видовой принадлежности и, выбирая принципы, вынуждены пытаться застраховать себя на случай рождения не человеком, а животным [Vanderveer, 1979; Singer, 1988; Rowlands, 2009].

У теоретической стратегии уплотнения занавеса неведения имеется очень существенное слабое место. Оно связано с тем, что упоминаемые Ролзом неблагоприятные исходы жизненной лотереи вполне реалистичны. Они уместаются в единый биографический нарратив. Люди могут менять концепции блага, открывать в себе природные дарования или терять их, утрачивать общественный статус и здоровье. Каждый человек при отсутствии трагических случайностей проходит путь от младенца до старика. На долю каждого может выпасть смена гражданства или жесточайший политический и экономический кризис, предельно истощающий возможности его национального сообщества и заставляющий эмигрировать и ожидать иностранной помощи. Даже смена сексуальной ориентации и биологического пола выглядит как вполне возможная траектория жизни. В этой реалистичности сценариев состоит сила ролзовской теоретической модели. А изменение видовой принадлежности является откровенно фантастическим сценарием. У рационального участника исходного положения вряд ли возникнет потребность застраховать себя на случай его реализации.

Скэнлонианский вариант этики общественного договора не имеет двух особенностей ролзовского ее варианта, ставших основой для попыток приспособить этику общественного договора к межвидовому контексту. В теории Скэнлона отсутствуют идеи базовой социальной структуры и занавеса неведения. Находящийся в ее центре образ обладателя разума, накладывающего обоснованное вето на негодные в моральном отношении принципы, никак не соотносится с нечеловеческими живыми существами. В итоге мораль предстает как сугубо межчеловеческое дело. Однако скэнлонианский общественный договор может быть дополнен тезисом о том, что в нем участвуют не только те существа, чьи интересы затрагиваются всеобщим принятием тех или иных принципов поведения, но и их представители. Именно разумные представители наделенных разумом живых существ могли бы отвергать те принципы, опора на которые приводит к нечестному распределению потерь и преимуществ между человеком и представителями других биологических видов [Baхter, 2004, p. 119–121].

Этот теоретический ход, к сожалению, также не выдерживает критики. Его успешность зависит от убедительности ответа на вопрос, кто мог бы считаться законным представителем нечеловеческих живых существ? Напрашивающийся ответ: экологические активисты, руководители и члены зоозащитных организаций. Но для того, чтобы рассматривать их в этом качестве, их убеждения надо признать выражением незаинтересованной разумной позиции, а не одной из частных идеологий или одной из многих, произвольно выбранных ценностных установок. Доказать это утверждение можно лишь выйдя за пределы договорной методологии. И если такое доказательство будет получено, то оно одновременно будет полноценным обоснованием морального статуса нечеловеческих живых существ. В этой связи складывается следующая ситуация. Без доказательства объективной значимости зоозащитных убеждений идея гипотетического соглашения в межвидовом контексте не работает. А имея такое доказательство, теоретик не нуждается в обращении к договорной методологии.

Заключение

Подводя итог этого небольшого исследования, можно сказать, что договорной этике не удастся обеспечить убедительное расширение своих теоретических построений для решения вопроса о моральном статусе нечеловеческих живых существ и обязанностях человека перед ними. Все три ключевых способа такого расширения: 1) трансформация условий гипотетического договора, 2) уплотнение занавеса неведения, 3) введение в число участников договора фигуры представителя интересов нечеловеческих живых существ оказываются неэффективными. Соответственно, можно сделать вывод о том, что решая проблему поиска моральных принципов для межвидового контекста, нормативным этикам следует искать иные теоретические модели.



Список литературы

References

1. Кашников Б.Н. 2006. «Мораль по соглашению» Давида Готьера как теория российского либерализма. Вопросы философии, 4:32–43.
Kashnikov B.N. 2006. «Moral' po soglasheniyu» Davida Gotiera kak teoriya rossiyskogo liberalizma [‘Morals by Agreement’ of David Gauthier as a Theory of Russian Liberalism] // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy], 4:32–43. (in Russian)
2. Прокофьев А.В. 2015. Обстоятельства справедливости: Аристотель и Юм. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 4:115–125.
Prokofeyv A.V. 2015. Obstoyatel'stva spravedlivosti: Aristotel' i Yum [Circumstances of Justice: Aristotle and Hume] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Tula State University. Humanities], 4:115–125. (in Russian)
3. Прокофьев А.В. 2014. Принцип согласия и применение силы. Вопросы философии, 12:35–44.
Prokofyev A.V. 2014. Printsip soglasiya i primenenie sily [Consent-Principle and the Use of Force] // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy], 12: 35–44. (in Russian)
4. Прокофьев А.В. Современное осмысление юмовских обстоятельств справедливости // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 2 (22). С. 30–38.
Prokofyev A.V. Sovremennoe osmyslenie yumovskikh obstoyatel'stv spravedlivosti [The Contemporary Reception of the Humean Circumstances of Justice]. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University's Bulletin of Humanities], 2 (22):30–38. (in Russian)
5. Ролз Дж. 1995. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995, 536 (Rawls J. 1971. A Theory of Justice . Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 607).
Rawls J. 1995. Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995, 536 (Rawls J. 1971. A Theory of Justice . Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 607).
6. Barry B. 1978. Circumstances of Justice and Future Generations. Obligations to Future Generations. B. Barry and I. Sikora (eds.) Philadelphia, Temple University Press, pp: 204–248.
7. Baxter B. 2004. A Theory of Ecological Justice. New York, Routledge, 206.
8. Beitz Ch. 1999. Political Theory and International Relations. Princeton, Princeton University Press, 264.
9. Coeckelbergh M. 2009. Distributive Justice and Co-Operation in a World of Humans and Non-Humans: A Contractarian Argument for Drawing Non-Humans into the Sphere of Justice. Res Publica. 2009, 15: 75–76.
10. Contractarianism/Contractualism. 2003. S. Darwall (Ed.) Malden, Blackwell, 286.
11. Daniels N. 1996. Justice and Justification: Reflective Equilibrium in Theory and Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 365.
12. Gauthier D. 1986. Morals by Agreement. Oxford, Clarendon Press, 378.
13. Hill T. 2001. Hypothetical Consent in Kantian Constructivism. Social Philosophy and Policy, 2 (18): 300–329.
14. Kittay E.F. 1999. Love's Labor: Essays on Women, Equality, and Dependency. New York, Routledge, 238.
15. Okin S.M. 1989. Justice, Gender and the Family. New York, Basic Books, 224.
16. Rawls J. 2000. Lectures on the History of Moral Philosophy. Cambridge, Harvard University Press, 416.
17. Rowlands M. 2009. Animal Rights: Moral Theory and Practice. New York, Palgrave Macmillan, 234.
18. Scanlon T.M. 2014. Being Realistic about Reasons. Oxford, Oxford University Press, 132.
19. Scanlon T.M. 1998. What We Owe to Each Other. Cambridge: Belknap Press, 420.
20. Singer B.A. 1988. An Extension of Rawls's Theory of Justice to Environmental Ethics. Environmental Ethics, 10:223–224.
21. Vandevier D. 1979. Of Beasts, Persons and the Original Position. Monist, 62:368–377.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 291.5: 94(470.315)

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-485-490

ЭТИКА ГОНИТЕЛЕЙ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ СОЦИУМ И АНТИЦЕРКОВНАЯ ПРАКТИКА (1918–1941)

THE ETHICS OF PERSECUTORS: THE PROVINCIAL SOCIUM AND ANTI-CHURCH PRACTICE (1918–1941)

И.И. Булычев, Ю.А. Иванов

I.I. Bulychev, Yu.A. Ivanov

Ивановский государственный университет, Шуйский филиал,
Россия, 155908, Шуя, ул. Кооперативная, 24

Shuya Branch of Ivanovo State University
Russia, 155908, Shuya, Kooperativnaya st, 24

E-mail: iv_shuya@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности антицерковной практики в российской провинции в 1918–1941 гг. В качестве примера рассматривается ситуация в г. Шуя Ивановской области. События в городе в 1922 г. положили начало государственным гонениям на церковь в XX в. Изучается хронология антицерковных мероприятий, включая деятельность властей, реакцию населения и этические аспекты проблемы.

Abstract. Manifestations of the Soviet "militant atheism" of the 1920–1930s are usually characterized as the disintegration of ethics, the abolition of ideas about good and evil and the total penetration of anti-religious practices in everyday life. The reality was more complex and varied than ideological attitudes and sociological schemes. The specifics of the Russian province of that time explains a lot in the "scientific atheism" of the second half of the twentieth century, and the subsequent mass "churching" of the provincial inhabitant in the early XXI century. The article reveals the features of anti-church practice in the Russian province in 1918–1941. As an example, the situation in Shuya, Ivanovo region, is considered. Events in the city in 1922 marked the beginning of state persecution of the church in the twentieth century. The chronology of anti-church activities is studied, including the activities of the authorities, the reaction of the population and the ethical aspects of the problem.

Ключевые слова: этические проблемы, пропаганда, антицерковное законодательство, провинциальный социум, закрытие храмов, верующие и безбожники.

Key words: ethical problems, propaganda, anti-church legislation, provincial society, churches closing, religious and atheists.

Проявления советского «воинствующего безбожия» 1920–1930-х гг. обычно характеризуются как распад этики, отмены представлений о добре и зле и тотальное проникновение антирелигиозной практики в обыденную жизнь. Действительность была сложнее и многообразнее идеологических установок и социологических схем. Конкретика российской провинции того времени многое объясняет как в «научном атеизме» второй половины XX в., так и последующем массовом «воцерковлении» провинциального обывателя в начале XXI в.



В 2007 г. в центре г. Шуя (Ивановская область) по благословлению патриарха Алексия II был открыт первый в России памятник «святым-новомученикам и исповедальникам российским». Место выбрано не случайно. Именно с шуйских событий марта 1922 г. начинается история государственных гонений на РПЦ в XX в. Поэтому особый интерес представляет местный опыт антицерковной практики 1920–1930-х гг.

Шуя в начале XX в. была не только городом с развитой текстильной промышленностью. Знаменитая далеко за пределами округа чудотворная икона Шуйской-Смоленской Божьей Матери в Воскресенском соборе, собиравшая на крестный ход тысячи богомольцев, 20 храмов, население с прочными православными традициями после октября 1917 г. оказались явно диссонансными с центром «красной» губернии, родиной первого Совета – Иваново-Вознесенском – еще недавно заштатным городом Шуйского уезда Владимирской губернии.

Трагические события в Шуе 4–15 марта 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей и последовавшее вслед за ним печально знаменитое секретное «шуйское» письмо В.И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП (б) от 19 марта 1922 г. не только особой строкой вошли в российскую историю XX в., но и в определенной мере затмили реальные отношения властей и церкви в Шуе в 1920–1930-е гг.

Можно предположить, что у центральных властей существовало преувеличенное представление о «контрреволюционной» религиозности и «черносотенстве» шуйского социума, связанное с протестными событиями марта 1922 г. и показательным «расстрельным» политическим процессом, последовавшим за ним. В реальной антицерковной практике местных властей это не отразилось – предпринимаемые действия не выходили за рамки обычных мероприятий. А хлесткая фраза о крае как «русском Ватикане» осталась фигурой речи штатного «атеиста» [Ефанов, с. 5].

Прежде всего нужно отметить, что после показательного процесса по делу «шуйских церковников», проходившего в Иваново-Вознесенске в апреле 1922 г., и расстрела по приговору суда 10 мая трех «зачинщиков», включая настоятеля Воскресенского собора П. Светозарова, не последовало, как можно было ожидать, немедленного закрытия шуйских храмов, в том числе и главного – Воскресенского собора. Для представления о динамике процесса приведем хронологию закрытия храмов в Шуе – она сама по себе красноречива.

Первыми были закрыты бесприходные церкви – Никольская тюремная (1918) и Никольская гимназическая (1919). В 1923 г. закрыты 3 церкви, «имеющие характер домовых»: Александро-Невская (училищная) и больничные Алексеевская и Васильевская; в 1924 г. – Ильинская; в 1929 г. – Спасская (взорвана 1 мая 1930 г.). Успенский единоверческий собор взорван летом 1932 г.; Троицкая кладбищенская закрыта в 1934 г.; старообрядческая Никольская – в 1935 г. Шесть храмов закрыты одновременно на излете «безбожной пятилетки» 2 октября 1937 г. – Воскресенский и Покровский соборы, Крестовоздвиженская, Георгиевская церкви, Никольский зимний храм у Воскресенского собора, Всехсвятская единоверческая церковь. Начиная с 1938 г., закрывали по одной церкви в год: Петропавловская, Никольская во Взорнове, Вознесенская кладбищенская. Последняя – Никольская (Преображенская в Мельничном) – закрыта перед началом войны в июне 1941 г. и была открыта первой в январе 1946 г., до 1991 г. была единственной в городе. Таким образом, процесс закрытия церквей, оживлявшийся только в период официальных антирелигиозных кампаний, растянулся на два десятилетия и во многом носил рутинный характер.

Рутинность практики закрытия и «перепрофилирования» храмов в провинции, как городской, так и сельской, лучше всего демонстрирует советское делопроизводство, отложившееся в архивах [Иванов, с. 90–94]. Закрытие храмов часто предшествовала передача их общинам обновленцев (Воскресенский собор, Спасская и Петропавловская церкви), что в силу их малочисленности и отсутствия поддержки среди прихожан вело к запустению храмов, их закрытию с типичной формулировкой облисполкома «ввиду того, что религиозная община своим заявлением отказалась от пользования зданием церкви».

Хотя провинциальное священство дало массу примеров новомученичества (среди канонизированных в 2000 г. новомучеников не менее 19 непосредственно связаны с шуйской

округой), нельзя не признать далеко не единичных случаев перехода в обновленчество (кстати, совершенно не принятого провинциальным социумом) или сложения сана. В Шуе последний случай публичного сложения сана произошел в 1939 г., о чем сообщала всесоюзная газета «Безбожник». Этому «расстриге» власти предложили служить в первом вновь открытом храме в Шуе в 1946 г., но его не приняли сами прихожане.

В 1920–1930 гг. происходит смена локальных культов. На смену культу почитаемой в Шуе чудотворной иконы Шуйской-Смоленской Божией Матери и запрета крестных ходов в ее честь (по его маршруту до 1940-х гг. проходили демонстрации) приходит местный культ М.В. Фрунзе, революционная молодость которого была связана с городом: памятник, площадь, завод, типография, восемь улиц, носящих его имя, 22 мемориальные доски, неосуществленное «предложение трудящихся» переименовать город во Фрунзеград [Серп и молот, с. 10].

На этом фоне происходят первые «перепрофилирования» храмов. В апреле 1924 г. в шуйской газете «Серп и Молот» были напечатаны заметки о собраниях рабочих на местных фабриках, выносивших постановления об изъятии Ильинской церкви у общины верующих для использования под «аудиторию-театр». Несмотря на то, что община была зарегистрирована только в июле 1923 г., а протест против закрытия подписали 134 верующих, церковь была закрыта в октябре 1924 г. и переделана в фабричный клуб, получивший название «Безбожник». При этом новому клубу для переделки и использования не по назначению оставили аналои, ризы, орари, поручи-попояса, а также «покровы для жертвенников и мертвецов».

Закрытие храмов и передача их новым «хозяевам» сопровождалась своеобразной, стихийно складывающейся новой эстетикой освоения храмового пространства, особенно наглядное, в силу своей наивности, в провинции. Открытие культурных учреждений (клубы, залы и т. д.) в храмах чаще всего сопровождалось уничтожением не только церковной утвари и иконостасов, но и ликвидацией фресок. Их место занимала новая «иконография». Так, в Ильинской церкви-клубе «Безбожник» на алтарной стене разместили большую копию (6×2,5 м) картины «Расстрел 26 бакинских комиссаров». В физкультурном зале Шуйского учительского института – бывшей Александро-Невской церкви – на западной стене поверх фрески поместили копию картины Ф. Шурпина «Утро нашей Родины» со Сталиным. В то же время при использовании церковью как складских помещений (Воскресенский собор, Покровская церковь) фрески чаще всего не нарушались и даже не закрашивались. Вряд ли как целенаправленное и осознанное «осквернение» следует рассматривать размещение в алтарях котельных (Ильинская, Никольская старообрядческая церкви) или подсобных помещений (Никольский зимний храм), размещение дезинфекционной камеры больницы в Алексеевской церкви. Не ведали, что творят, подтверждая «банальность зла» по Х. Арендт.

«За кадром» оставались обыденные отношения церкви и властей, наступление на права верующих, где часто не «рука» ОГПУ-НКВД (хотя не обходилось и без нее: массовые аресты священников и церковных активистов 9–17 сентября 1937 г. можно рассматривать как месть за провал «безбожной пятилетки»), а финансовые отделы уездных исполкомов «правили бал». Материалы финотделов, культовых комиссий и протоколы заседаний исполкомов местных Советов однозначно свидетельствуют об этом.

В начале 1920-х гг. местные власти по указанию «сверху» провели регистрацию общин верующих («религиозных обществ»). Начиная с 1923 г., исполкомы городских и уездных Советов заключили с ними типовые соглашения, по которым здания церквей и все имущество сдавались «в пользование». Верующие обязаны были их «хранить и беречь как ... народное достояние», производить ремонт и нести расходы «по отоплению, страхованию, охранению, оплате долгов, местных налогов, сборов и проч.», возмещать все убытки и отвечать за сохранность имущества «солидарно (по круговой поруке)». В любое время представители власти могли проводить его проверку и осмотр и в случае обнаружения «злоупотреблений и растрат» потребовать «немедленной сдачи ... по первому требованию». К соглашению прилагался инвентарный список имущества, передаваемого в пользование. Так, например, список по Троицкой церкви в Шуе включил 65 названий от «пятиглавого каменного храма» до «склад-



ной лестницы» и «старого сундука для свеч». После изъятия ценностей из культовых серебряных предметов в этом храме оставили только один напрестольный крест, дароносицу и дарохранительницу.

К концу 1920-х гг. наряду с Троицкой общиной верующих в 50-тысячной Шуе были зарегистрированы еще 8 общин (включая единоверческую и старообрядческую), но только в этой кладбищенской церкви, окраинной и по дореволюционным меркам бедной, власти разрешили служить в редкие приезды в Шую Иваново-Вознесенскому епископу Августину.

Не довольствуясь прямым надзором, власти прибегли к помощи местных организаций созданного в 1925 г. «Союза безбожников». Комсомольская молодежь была наиболее активной частью «воинствующих безбожников». О морали молодых «борцов с религией» свидетельствует социологический опрос начала 1920-х гг., в ходе которого, по данным Н.Б. Лебиной, выяснилось, что в Шуе 60 % комсомольцев имели одновременно 2–3 интимных партнеров [Аргументы и факты, с. 9].

В 1928 г. представители «Союза безбожников» совместно с комиссией губернского общества краеведов разработали и разослали на места «Вопросник по собиранию сведений о религиозных группах Иваново-Вознесенской губернии». Краеведам предлагалось «доставать» «тезисы, резолюции, планы, программы, листовки, сметы религиозных групп», сигнализировать о формах и методах религиозной пропаганды, которые трактовались весьма широко: от проповеди до благотворительности и особенно – о формах «пропаганды против безбожия» со стороны верующих. По сути это был целенаправленный сбор материала для готовившегося властями церковного законодательства – постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и инструкции НКВД от 1 октября 1929 г. № 328 «О правах и обязанностях религиозных объединений», определивших на десятилетия отношения местных властей и церкви.

Запреты на создание кооперативов, обучение Закону Божьему, религиозную пропаганду, благотворительность сопровождалась непомерным налоговым гнетом. По подоходному налогу, земельной ренте, налогу на строения общины верующих были приравнены к государственным и кооперативным предприятиям. В 1930 г. земельный налог с Крестовоздвиженской церкви составлял 384 р., Воскресенского собора – 365, а с крупного предприятия – Шуйского спиртзавода – 660 р. [ГАИО, Ф. 155. Оп. 1. Д.3. Л. 107].

За недоимки госналогов верующим отвечать приходилось «солидарно». Ценности по недоимкам безжалостно изымались «рабочими бригадами горфо» и переправлялись в иностранный отдел Государственного банка. Для изъятия ценностей привлекался и окружной отдел ОГПУ, который передавал их по акту в горфинотдел. Следует отметить, что в Шуйском районе, согласно сохранившимся описям, при добровольном погашении недоимок ценностями чрезвычайно редко сдавали предметы культа (нательные кресты, ризы с икон). Зато при насильственном изъятии счет шел на сотни золотых и серебряных нательных крестов, других религиозных предметов, находившихся в личном пользовании [ГАИО, Ф.155. Оп.1. Д. 11. Л. 22, 24, 130].

К 1931 г. в стране была создана законодательная база, направленная на максимальное ограничение роли и влияния церкви в духовной жизни народа, что позволило властям 15 мая 1932 г. провозгласить «безбожную пятилетку». Цель ставилась четко: к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на территории страны». «Воинствующие безбожники» взяли на вооружение глумление над верой и репрессии против священнослужителей, объявление Библии и Нового Завета «антисоветской литературой» и массовое закрытие и разорение храмов. Тем не менее в провинции не получили распространения антирелигиозные мистерии «красных крестин» и «красной Пасхи» соратников Емельяна Ярославского, этимологически восходящие к «всепьянейшим» соборам петровского времени. Даже в 1929–1930-х гг. на пике антирелигиозной кампании в антипасхальных мероприятиях присутствовал формальный подход, что проявлялось как в тематике субботних лекций накануне Пасхи («Борьба за новый быт, Пасха и безбожники», «Происхождение классовой сущности Пасхи», «Нужно ли печь куличи и готовиться к Пасхе»), так и в тревогах губернской печати главным образом из-за прогулов и

пьянства в связи с праздниками [Рабочий край, с. 11]. Сами активисты сетовали, что «попы действуют, а безбожники дремлют, ... антирелигиозная работа стоит на точке замерзания» [Рабочий край, с. 10]. Неслучайно и результат «безбожной пятилетки» оказался во многом неожиданным. В 1937 г. на 5-й партконференции в Иванове сообщалось, что в ходе только что состоявшейся переписи населения (итоги ее позднее были аннулированы) 54% жителей края, отвечая на вопрос: «Ваше отношение к религии?», написали «верующий» (37% в городе и 74% на селе), 45% – «крестили детей».

Однако размывание христианских этических ценностей под воздействием государственной пропаганды давало о себе знать. Это наглядно проявилось в «перерегистрации» памятников на городском кладбище и решении горсовета 8 июня 1930 г. о сносе бесхозных памятников. Практически никто из «бывших» не заявил о своем родстве: из нескольких сотен дореволюционных надгробий купцов, дворян, интеллигенции сохранилось только 7 [Ставровский, с. 5]. Впрочем, отказывались от перерегистрации и простые обыватели. Гранитными памятниками мостили дорогу к вновь открывавшейся больнице, мраморные, превращенные в крошку, пошли на лавки в городской бане.

Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК запретил трезвон (звон во все колокола). Началась кампания по снятию колоколов с целью переплавки колокольной меди. В Шуйском районе кампания проходила в несколько этапов: самый большой колокол с колокольни Воскресенского собора был сброшен летом 1933 г. Кампания по сбору «церковной меди» доходила до абсурда – из пола Воскресенского собора попытались выковыривать вставки из медной проволоки. Вплоть до начала войны продолжались «эксперименты» по извлечению золота из позолоты икон и иконостасов путем ... их сжигания [Зимин, Кульков, с. 205–206].

Для провинции было характерно со стороны власти отсутствие идеологической «злонамеренности» многих антицерковных мероприятий и полное равнодушие основной массы обывателя к кощунственности происходящего. Утилитарный подход к церковному имуществу сглаживал циничность и аморальность происходящего и в какой-то мере примирял исполнителей и пассивных свидетелей.

Важным этапом наступления властей на церковь стали создание при местных Советах культовых комиссий и активизация работы по передаче церковных помещений под хозяйственные нужды. Утилизация начиналась со снятия крестов – обычная практика в провинции с 1929 г.

В октябре 1939 г. президиум Шуйского горсовета разработал порядок передачи церковных зданий. В феврале 1940 г. хлебозаводу была передана Покровская церковь, в феврале 1941 г. горпромкомбинату – Крестовоздвиженская церковь, в мае того же года горкомхозу разрешили сломать «на кирпич» Троицкую церковь.

Провинция не заметила указания сталинского политбюро от 11 ноября 1939 г. «Отменить директиву Ульянова (Ленина) от 21 мая 1919 г. «О борьбе против попов и религии». Это указание ряд исследователей считают началом ослабления давления на православие [Кожин, с. 49]. Закрытие храмов в Шуе продолжалось вплоть до начала войны.

К концу 1939 г. в самой Шуе не осталось ни одного действующего храма, но в пригородных поселках Мельничное, Взорново, Маремьяновка еще сохранились церковные общины. Включение поселков в городскую черту в 1939 – первой половине 1940 г. стимулировало новую волну «богоборчества» местных властей. В октябре 1939 г. была закрыта «для переоборудования под школу» Никольская церковь во Взорново.

Не всегда решение о закрытии и передаче удавалось провести одним решением исполкома, требовалась идеологическая подготовка. Так было с Вознесенской кладбищенской церковью в Маремьяновке. Договор с верующими расторгли в сентябре 1939 г. После этого в октябре 1939 г. – марте 1940 г. состоялись шесть собраний общественности: жителей близлежащих улиц, родителей школьников, общины слепых, рабочих строительного участка с требованием закрыть «очаг мракобесия» и открыть пионерский клуб. Победил все же «здравый смысл» – в мае 1940 г. церковь передали под склад зерна.



Единственный действующий храм остался в поселке Мельничное. Здесь у властей случилась редкая по тем суровым временам осечка: прихожане (около 250 человек) попытались не подчиниться, опираясь на законодательство 1929 г. Первая попытка закрытия была предпринята в 1940 г., но верующие провели довыборы церковной «двадцатки», пригласили нового священника и опротестовали решение местных властей перед Ивановским облисполкомом. Тогда культовая комиссия горисполкома в марте 1941 г. организовала в храме ревизию (первая с 1930 г.), в ходе которой выявилась недостача нескольких серебряных вещей. На этом основании договор расторгли, а новым членам «двадцатки» предъявили иск на недостающие ценности. В апреле Никольская церковь была закрыта и позднее передана под «ватное производство» горпромкомбинату. Последний действующий храм в городе и районе прекратил деятельность.

1930-е гг. дают примеры пассивного, в рамках существующего законодательства сопротивления прихожан закрытию храмов, которые чаще всего вели только к отсрочке неизбежного. В рутинности и инерции антицерковной практики в провинции налицо было отсутствие богоборческой сакральности, которую подменила хозяйственная повседневность и утилитарный подход, вроде просьб «забронировать за нашей фабрикой одну церковь для разборки» [Зимин, Кульков, с. 203]. Кошунственность происходящего совершенно не рефлексировалась исполнителями и, вероятно, не осознавалась как таковая, будь то сжигание икон и иконостасов для получения золота из позолоты (совершенно алхимический опыт) или изготовление банных лавок из могильных плит...

Хронологически растянутый процесс закрытия храмов в провинции, вопреки громким заявлениям и шумным антирелигиозным кампаниям в печати, оставляет открытым вопрос: был ли это «базовый» сценарий наступления на церковь со стороны власти с учетом местной специфики или сказалась традиционная заторможенность жизни уездного «захолустья» и ментальность обывателя, доставшаяся большевикам от дореволюционных времен.

Список литературы References

1. Аргументы и факты. 1995. № 51.
Argumenty i fakty. 1995. № 51.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
The State Archives of the Ivanovo Region.
3. Ефанов Э. Забытый участок // Рабочий край. 1934. 21 ноября.
Yefanov E. Zabytyy uchastok // Rabochiy kray. 21.11. 1934.
4. Зимин Д.И., Кульков А.П. Благословенный Шуйский край. Иваново, 2015.
Zimin D.I., Kul'kov A.P. Blagoslovennyy Shuyskiy kray. Ivanovo, 2015.
5. Иванов Ю.А. Местные власти и церковь в 1922–1941 годах (по материалам архивов Ивановской области // Отечественные архивы. 1996. № 4.
Ivanov YU.A. Mestnyye vlasti i tserkov' v 1922–1941 (po materialam arkhivov Ivanovskoy oblasti // Otechestvennyye arkhivy. 1996. № 4.
6. Кожин В. Победы и беды России: русская культура как порождение истории. М., 2000.
Kozhinov V. Pobedy i bedy Rossii: russkaya kul'tura kak porozhdeniye istorii. M., 2000.
7. Рабочий край. 1929. 25 апреля, 1 мая.
Rabochiy kray. 1929. 25/04, 1/05.
8. Рабочий край. 1929. 13 июля.
Rabochiy kray. 1929. 13/07.
8. Серп и молот. 1924. 30 мая.
Serp i molot. 1924. 30/05.
9. Ставровский Е.С. Шуйский некрополь. Шуя, 2009.
Stavrovskiy Ye.S. Shuyskiy nekropol'. Shuya, 2009.

УДК. 294.38

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-491-497

**ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕСТАХ
КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ В УСЛОВИЯХ
ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА**

**APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF RELIGIOUS EDUCATION
IN PLACES OF COMPACT RESIDENCE OF OLD BELIEVERS
IN A MULTI-CONFESSIONAL REGION**

**С.В. Васильева¹, О.В. Доржигушаева²
S.V. Vasilyeva¹, O.V. Dorjigushaeva²**

¹Бурятский государственный университет, Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А

²Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Россия, 670013, Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, строение 1

¹Buryat State University, 24a Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia

²East Siberia State University of Technology and Management,
40V Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, 670013, Russia

E-mail: sv_vasilieva@mail.ru; oyuna79@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках проекта проведения научных исследований («"Образ" религии в России: образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности»), проект № 15-23-06002

Аннотация. Современное образование находится в состоянии интенсивного развития и вместе с тем пристального внимания со стороны социума, педагогической и родительской общественности. Одной из составляющих инновационной деятельности организаций общего и дополнительного образования детей выступает реализация этнокультурного воспитания. Данное направление призвано отражать национальные и региональные особенности Республики Бурятия и предусматривает возможность введения в образовательный процесс предметного содержания, связанного с историей и культурой своего народа. Одним из уникальных пластов традиционной русской культуры является субкультура семейских Бурятии.

В статье представлен опыт организации этнокультурного образования русских школьников на примере районов компактного проживания потомков старообрядцев – семейских Бурятии. Особое внимание уделяется вопросам методического обеспечения уроков по истории культуры семейских Бурятии на разных уровнях общего среднего образования. Анализируется развернутый учебно-методический комплект для начальной, средней и старшей школы.

В заключении авторы приходят к выводу о том, что внедрение в образовательный процесс материалов по истории и культуре семейских в местах их компактного проживания в условиях поликонфессионального региона удовлетворит запросы общества и будет способствовать воспитанию детей в духе согласия, мира и уважения к культуре своего народа и, как следствие, истории и культуре других народов.

Abstract. Modern education is in a state of intensive development and, at the same time, close attention on the part of society, the pedagogical and parental community. One of the components of innovative activity of organizations of general and additional education of children is the implementation of ethno-cultural education. This direction is intended to reflect the national and regional peculiarities of the Republic of Buryatia and provides for the possibility of introducing into the educational process a substantive content related to the history and culture of its people. One of the unique layers of traditional Russian culture is the subculture of the "semeiskie" Buryatia.



The article presents the experience of the organization of ethnocultural education of Russian schoolchildren on the example of areas of compact residence of the descendants of the Old Believers - the "semeiskie" of Buryatia. Particular attention is paid to the methodological support of lessons on the history of culture of the family Buryatia at different levels of general secondary education. An extensive training and methodological kit for primary, secondary and high school is analyzed.

In conclusion, the authors come to the conclusion that the introduction of materials on the history and culture of "semeiskie" in the places of their compact residence in the conditions of a multi-confessional region will satisfy the demands of the society and will promote the upbringing of children in the spirit of harmony, peace and respect for the culture of their people and, as a consequence, the history and culture of other nations.

Ключевые слова: старообрядцы, семейские, религиозное образование, этнокультурное воспитание, традиция.

Keywords: Old Believers, "semeiskie", religious education, ethnocultural education, tradition.

Актуальность. Одной из насущных проблем мирового сообщества является необходимость сохранения, возрождения, трансляции и популяризации традиционной этнической культуры. Решение проблемы для таких полиэтнических стран, как Россия, видится в организации этнокультурного образования, предполагающего освоение традиционной культуры в межнациональном культурном контексте «Восток – Запад». Современное этнокультурное образование представляет собой синтез традиций, исторического опыта и новых веяний в областях жизнедеятельности россиян. Примером может служить изучение истории старообрядцев – семейских, в которой непрерывность и преемственность многих составляющих элементов старообрядческой культуры всегда сочетались с региональными особенностями, сформировавшимися в результате исторических миграций старообрядцев и контактов с другими народами, их жизни в иноконфессиональном и иноэтническом окружении.

1. Старообрядцы – семейские Бурятии

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, государство способствовало в первую очередь заселению стратегически важных территорий (трактов и пограничных линий), укомплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов. В отличие от приверженцев официальной церкви старообрядцы на местах водворения создавали чрезвычайно прочную неформальную общность, которая являлась основой традиционных институтов самоуправления. И именно это обстоятельство наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей способствовало тому, что старообрядцы стихийно закладывали основу российской государственности на окраинах империи.

В результате масштабного переселения старообрядцев в Сибирь (XVIII в.) оформился территориальный центр старообрядцев (семейских), расположенный в Забайкалье. Носители древнего православия проникали в регион двумя путями: в качестве ссыльных и вольных колонистов, представляя собой часть русского субэтноса, неравномерно распределенного по территории региона.

Прибывшие в Забайкалье в 1765 первые переселенцы, а в 1766–1767 гг. – многочисленные партии «новопоселенные из поляков с их семьями», были поселены в русских деревнях по Чикою, Хилку, в селах Тарбагатайской слободы. Сегодня это Тарбагатайский, Мухоршибирский, Бичурский, Заиграевский районы республики Бурятия, в которых компактно проживают потомки старообрядцев-семейских. Несмотря на то, что «семейские» были выходцами из разных районов и областей России, разных территорий польских пределов, в Забайкалье они стремились преодолеть этнокультурные различия.

Объединяло их в этом случае этноконфессиональное самосознание и специфический этноним – «семейские» [3].

В XIX в. староверы нашего региона оказывали активное сопротивление насаждению единоверия, организовано протестовали против притеснений, арестов священников, опечатывания часовен и нелегально поддерживали устои и правила староверия.

Политика Советской России в первой половине XX в. затронула все социальные слои старообрядчества, в том числе объединения, наиболее замкнутые и закрытые для окружающего мира. Старообрядческие общины различными способами были вынуждены реагировать на меняющуюся действительность. Общины старообрядцев-семейских Забайкалья продолжали оставаться многофункциональными системами с централизованной на различных уровнях структурой, способной самостоятельно (без помощи государства и даже в условиях прессинга со стороны властей) выполнять культовые, хозяйственные, образовательные и другие функции, и долгое время могли противостоять идеологическому и экономическому давлению.

Послевоенное развитие забайкальского старообрядчества связано с нарастающей интеграцией в советское общество и попытками сохранить «старую веру» в этих условиях. Тем не менее постепенный уход традиционного общества вёл к вымыванию традиционной старообрядческой культуры, и религиозный её компонент в большей мере оказывался востребован людьми старшего возраста.

В конце XX века, несмотря на противоречивость правовых основ вероисповедной политики государства и трудности ее реализации, произошло серьезное изменение положения Древлеправославной церкви в постсоветской России и Бурятии в частности. Возобновлена традиционная структура управления (восстановлено патриаршество), возрождена система научно-богословских и духовно-учебных заведений, расширена издательская деятельность; упорядочена система налогообложения организаций, духовенство и старообрядческие общества получили права юридических лиц и возможность официально защищать свои интересы.

Особенностью старообрядчества в Бурятии является то, что оно функционирует в условиях поли- и этноконфессиональности. Возрождение Древлеправославия в республике Бурятия приходится на самые кризисные годы – 1993–2001 гг. Этот период характеризуется ростом числа верующих, наибольшей активностью прихожан. «Этап развития общественно-научной мысли в Бурятии можно определить как этап исторической ретроспективы...» [7].

Либерализация всех сторон жизни привела к ренессансу религиозной традиции. В 1990-е годы во многих семейских сёлах отстроены и открыты церкви, появились священники, религиозная жизнь заметно активизировалась. Также на качественно новый уровень вышла фольклорная деятельность, в рамках которой развиваются семейские ансамбли и хоры, проводятся этнографические праздники. Может быть, впервые в истории перед старообрядцами открылись такие большие возможности сохранения и развития всего культурного комплекса «старой веры».

Надо отметить и тот факт, что в начале XXI века старообрядцы-семейские стали заметным явлением общественной жизни Республики Бурятия, представляя собой не только культурно-исторический феномен, но пример активного сотрудничества с органами государственной власти. Примером этого можно считать проведение I съезда семейских (1993 г.), где были сформулированы основные концептуальные подходы, приняты основополагающие документы, избран на демократической основе руководящий орган – вече. Правительством Республики Бурятия в 2001 г. была разработана и утверждена республиканская целевая программа «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001–2006 гг.)».

За период с 2007 г. до настоящего времени в республике проведена большая работа по изучению и сохранению традиционной культуры семейских в дошкольных, школьных



и высших учебных заведениях. «Диалог выступает единственной альтернативой нетерпимости, фанатизму и конфронтации любого рода. Возможность диалога основывается на единстве человечества, на понимании традиций как уникальных символических систем, обеспечивающих идентификацию и социализацию индивидов, и на воле к преодолению веками складывавшихся предрассудков и конфронтационных стереотипов» [1]. Впервые благодаря усилению педагогов и научного сообщества республики по вопросам изучения и сохранения традиционной культуры семейных стало возможно издание и внедрение учебно-методического комплекта по истории и культуре семейных Бурятии в образовательный процесс районов компактного проживания потомков старообрядцев-семейных.

2. Проблемы введения ОРКСЭ в республики

Как и во многих субъектах Российской Федерации в школах Бурятии с 2012 года были введены четыре модуля курса ОРКСЭ.

Опираясь на данные сайта министерства образования Республики Бурятия, мы провели анализ, в котором выявили, что в школах районов компактного проживания потомков старообрядцев данный курс был введен на общих основаниях. Большая часть родителей выбрала модуль «Основы православной культуры». Например, по данным Заиграевского управления образования выявлено, что данный курс ведется в 28 школах, в 35 классах района. Организовано преподавание следующих модулей: «Основы светской этики» – 16 ОУ; «Основы мировых религиозных культур» – 7 ОУ; «Основы буддийской культуры» – 3 ОУ; «Основы православной культуры» – 2 ОУ.

Учащиеся – 504 человека, из которых 435 (86%) отмечают: «интересно на уроках ОРКСЭ», хотели бы продолжить изучать курс – 422 (84%). Ребятам нравится:

- беседовать о хороших и плохих поступках детей – 55%;
- изучение праздников и традиций – 43%;
- беседы о нравственных качествах человека – 56%;
- знакомство с памятниками культуры – 19%;
- игры и театральные инсценировки – 20%.

Несмотря на то, что уроки были проведены на высоком методическом уровне с использованием информационных технологий, с приглашением родителей и общественности, тема истории Древлеправославной церкви в Забайкалье не затрагивалась. Лишь в Ташеланской СОШ на внеклассные мероприятия приглашены были представители Русской Православной церкви и Центра буддийской религии и культуры «Арья Бала».

Анализ отчетов Заиграевского управления образования позволил выявить, что при выборе модуля испытывали трудность 158 человек (30%), это связано с недоверием к нововведению в школе (19%), с недостаточной информацией о курсе (24%). Половина родителей высказались за обучение ОРКСЭ без выставления оценок (57%). Для учителей трудности составили в методике преподавания 25%, в терминологии – 25%.

В рамках нашего исследования необходимо отметить, что тематика и содержание модуля «Основы православной культуры» не включает материал по истории Древлеправославной церкви и не имеет даже обзорной информации по истории старообрядчества. В Республике Бурятия, в которой этноконфессиональная группа семейных составляет около 200 тысяч, или 20% населения республики, данный факт неоднократно обсуждался в учительском сообществе. Особенно остро эта проблема переживается в районах Бурятии, где потомки старообрядцев семейных проживают компактно (Бичурский, Заиграевский, Мухоршибирский, Тарбагатайский, Селенгинский, Кижингинский, Хоринский, Кяхтинский сельские районы республики Бурятия). Вышеизложенная ситуация заставила обратиться к имеющемуся опыту. В 2001–2006 гг. в Бурятии действовала республиканская целевая программа «Изучение, сохранение и развитие культуры семейных», в рамках которой Министерством образования и науки Республики Бурятия 8 декабря 2005 г. был подписан приказ № 963 «О введении в образовательное-воспитательное пространство шко-

лы программного курса этнического образования «История и культура семейских Забайкалья» как часть национально-регионального компонента государственного стандарта образования». Опираясь на этот опыт, в 2015 г. по распоряжению Народного Хурала Республики Бурятия была создана рабочая группа, в которую вошли педагоги, ученые Бурятского государственного университета, специалисты республиканского института образовательной политики. «Актуальным представляется анализ образовательных практик вовлечения как «верующих», так и «неверующих» (студентов, школьников и их родителей) в процессы преодоления существующих конфликтов на почве конфессионального эксклюзивизма и утверждения толерантных моделей функционирования религии в современном обществе» [9].

Создание этой группы позволило провести анализ современного состояния этнокультурного образования детей семейских, по результатам которого было выяснено, что в 25 общеобразовательных школах Республики Бурятия в рамках школьного компонента преподается история и культура семейских. Основная проблема заключается в отсутствии доступной литературы, отсутствии единых требований к разработке программ, учебных пособий. Результаты проделанной работы рабочей группы были отражены в сборнике материалов «Образовательные программы педагогов дошкольного и дополнительного образования детей по истории и культуре семейских Бичурского района Республики Бурятия» [8].

3. Основные направления и противоречия в организации духовно-нравственного воспитания детей и молодежи на основе культурно-исторических традиций старообрядцев

Публичные слушания, проведение круглых столов на тему «Изучение и сохранение культуры семейских Бурятии», привело всех заинтересованных лиц к выводу о том, что решение проблемы трансляции традиционной культуры семейских возможно только на основе комплексного подхода, взаимодействия властных и общественных структур на региональном уровне государственной власти.

В этой связи возникает необходимость организации этнокультурного образования семейских на всех ступенях обучения от дошкольного и до уровня среднего и среднего профессионального образования.

Для продвижения этой идеи на заседании Комитета по образованию Общественной палаты Республики Бурятия был утвержден проект Концепции государственной политики по поддержке развития этнокультурного образования семейских. Концепция стала рамочным документом, в соответствии с которым не только государство, но и все заинтересованные общественные объединения, культурно-интеллектуальная элита, бизнес-сообщество, семейские сообщества приняли на себя определенные обязательства по участию в программах и мероприятиях по реализации Концепции. На основе утвержденной Концепции была разработана республиканская целевая программы «Сохранение и развитие этнокультурного образования семейских Республики Бурятия» как часть федеральной государственной программы «Укрепление единства и этнокультурного развития народов Российской Федерации в Республике Бурятия на 2015–2020 гг.» с финансовым обеспечением ее в бюджете Республики Бурятии на 2017–2020 гг.

Программой были предусмотрены следующие мероприятия по созданию Учебно-методического комплекта, а именно:

1. Разработка концепции учебно-методического комплекта.
2. Разработка рабочей программы с учетом индивидуальных особенности школьников и заданиями разного типа (репродуктивные и творческие) и разного уровня сложности.
3. Разработка линейки учебников, имеющих современный аппарат (словарь, краткая хронология событий, извлечения из исторических источников, оригинальный иллю-



стративный ряд; личностно-ориентированный методический аппарат, рекомендуемая литература, интернет-ресурсы);

4. Разработка электронного приложения к учебнику, которое представляет собой современное учебное иллюстрированное картографическое издание.

5. Разработка книги (практикум) для воспитателя и учителя включающая сборник нормативных документов.

6. Разработка поурочных рекомендаций на основе поурочного тематического планирования, которое знакомит воспитателя и учителя с концепцией курса, логикой построения учебника, программой, тематическим планированием и технологией проведения уроков.

7. Создание хрестоматий на тему: «Музыкальная культура семейских», «Книжная культура и духовная литература семейских», «Декоративно-прикладное искусство и ремесла семейских».

Начальным этапом осуществления утвержденной программы стало проведение 9 ноября 2017 года I Республиканского Форума «Лучшие образовательные практики приобщения детей младшего школьного возраста к культуре семейских Забайкалья», который был организован и проведен ГАУ ДПО РБ «Бурятский республиканский институт образовательной политики». Основной целью форма стало выявление, обобщение и диссеминации программного, учебно-методического, технологического обеспечения образовательной деятельности дошкольных образовательных организаций по приобщению детей младшего школьного возраста к историческим, культурным и духовным ценностям семейских Забайкалья.

На Форуме были проведены презентации опыта включения этнокультурного компонента «История и культура семейских Забайкалья» в процесс обучения в начальной школе, презентации инновационных форм, методов, средств и технологий реализации этнокультурного компонента «История и культура семейских Забайкалья», мастер-классы педагогических работников ДОО по приобщению детей младшего школьного возраста к истории и культуре семейских Забайкалья, создан банк учебно-методических материалов по приобщению к культуре семейских (программ, методических разработок, дидактических материалов и др.).

Массовость этих мероприятий говорит об интересе к предмету, о том, что его введение не стало ни для кого неожиданностью. Были подготовлены и учителя, и родители, и общественность. Разработка учебно-методического комплекса для всех уровней дошкольного и основного общего образования по изучению культурно-исторических традиций семейских, проживающих на территории Республики Бурятия позволит вовлечь 20% населения республики в религиозно-культурное образование. Внедрение в образовательный процесс материалов по истории и культуре семейских в местах их компактного проживания в условиях поликонфессионального региона удовлетворит запросы общества и будет способствовать воспитанию детей в духе согласия, мира и уважения к культуре своего народа и, как следствие, истории и культуре других народов.

Список литературы:

References

1. Аринин Е.И. Философия религии. Принципы сущностного анализа: Монография. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М.В.Ломоносова, 1998. – 279 с.

Arinin Ye.I. Filosofiya religii. Printsipy sushchnostnogo analiza: Monografiya. – Arkhangel'sk: Izd-vo Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V.Lomonosova, 1998. – 279 s.

2. Васильева С.В. Восстановление церковной соборности старообрядчества в контексте институциональных трансформаций XX–XXI вв. // Вестник Бурятского государственного универ-

ситета / Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. Гос.ун-та, 2010. Вып. 7: История. С. 41–44.

Vasil'yeva S.V. Vosstanovleniye tserkovnoy sobornosti staroobryadchestva v kontekste institutional'nykh transformatsiy XX–XXI vv. // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta / Feder. agentstvo po obrazovaniyu, Buryat. gos. un-t. - Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. Gos.un-ta, 2010. Вып. 7: Istoriya. S. 41–44.

3. Васильева С.В. Власть и старообрядцы Забайкалья. Улан-Удэ, 2007. 233 с.

Vasil'yeva S.V. Vlast' i staroobryadtsy Zabaykal'ya. Ulan-Ude, 2007. 233 s.

4. Васильева С.В. Конфессиональный корпоративизм и соборность старообрядцев в Байкальском регионе // Гуманитарный вектор. Чита, 2011. № 3(27). С.74–79.

Vasil'yeva S. V. Konfessional'nyy korporativizm i sobornost' staroobryadtsev v Baykal'skom regione // Gumanitarnyy vektor. Chita, 2011. № 3(27). S.74–79.

5. Васильева, С.В. Интеграция религиозного образования в научно-информационное пространство высшей школы / С.В. Васильева // Achievement of high school - 2013: материалы за IX международна научна практична конференция (17–25 november 2013). - София: "Бял ГРАД-БГ" ООД, 2013. - Т. 16: История. - С. 67–73.

Vasil'yeva, S.V. Integratsiya religioznogo obrazovaniya v nauchno-informatsionnoye prostranstvo vysshey shkoly / S.V. Vasil'yeva // Achievement of high school - 2013: materiali za IX mezhduнародna научna praktichna konferentsiya (17–25 november 2013). - Sofiya: "Byal GRAD-BG" OOD, 2013. - T. 16: Istoriya. - S. 67–73.

6. Васильева С.В. Старообрядцы (семейские) Бурятии: историко-культурный энциклопедический справочник. // Отв.редактор - С.В. Васильева – Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. – 260 с.

Vasil'yeva S.V. Staroobryadtsy (semeyskiye) Buryatii: istoriko-kul'turnyy entsiklopedicheskiy spravochnik. // Otv.redaktor - S.V. Vasil'yeva – Ulan-Ude: EKOS, 2015. – 260 s.

7. Доржигушаева О.В. Некоторые аспекты буддийского религиозного образования в России. В сб. Религия, религиоведение и религиозность в локальном и глобальном измерении. ; Владимир. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир : Аркаим, 2016. – 142 с.

Dorzhiqushayeva O.V. Nekotoryye aspekty buddiyskogo religioznogo obrazovaniya v Rossii. V sb. Religiya, religiovedeniye i religioznost' v lokal'nom i global'nom izmerenii. ; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovykh. – Vladimir : Arkaim, 2016. – 142 s.

8. Образовательные программы педагогов дошкольного и дополнительного образования детей по истории и культуре семейских Бичурского района Республики Бурятия Улан-Удэ. 2015. 87 с.

Obrazovatel'nyye programmy pedagogov doshkol'nogo i dopolnitel'nogo obrazovaniya detey po istorii i kul'ture semeyskikh Bichurskogo rayona Respubliki Buryatiya Ulan-Ude. 2015. 87 s.

9. Образовательные проекты и конструирование религиозной толерантности в регионах России: монография / под ред. доц. Н.М. Марковой ; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир : Аркаим, 2016. – 268 с.

Obrazovatel'nyye proyekty i konstruirovaniye religioznoy tolerantnosti v regionakh Rossii: monografiya / pod red. dots. N.M. Markovoy ; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovykh. – Vladimir : Arkaim, 2016. – 268 s.



УДК 316.722

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-498-503

КОНЦЕПТЫ НАСИЛИЯ И НЕНАСИЛИЯ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**THE CONCEPTS OF VIOLENCE AND NONVIOLENCE IN IDEOLOGY AND CULTURAL PRACTICES OF WORLD RELIGIONS (PROBLEM STATEMENT)****С.В. Резник
S.V. Reznik**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: reznik@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблемы насилия и ненасилия в идеологии и культурных практиках мировых религий. На основе анализа священных текстов буддизма, христианства, ислама дано философско-антропологическое определение концептов насилия и ненасилия в идеологии и культурных практиках мировых религий. Проводя обзор концепций ненасилия в мировых религиях, автор рассматривает данное понятие в следующих основных смыслах. Во-первых, ненасилие как внутреннее состояние или установка на мирное поведение и почитание жизни. Данный смысл непосредственно реализуется в джайнизме, буддизме и индуизме в понятии ахимсы. Во-вторых, ненасилие как идеал социальной гармонии и мирного существования. В данном понимании ненасилие реализуется в иудаизме и исламе и христианстве в образах прекрасного будущего. В-третьих, ненасилие реализуется как способ реакции на конфликтную ситуацию. Данный смысл реализуется в христианской концепции жертвенной любви («агапэ») и методе ненасильственного сопротивления М. Ганди. Автор приходит к выводу, что великие мировые религиозные традиции роднит ряд общих черт, главной из которых является их стремление к ненасилию, любовь, альтруизм и сострадание по отношению ко всему живому.

Abstract

The article deals with the problems of violence and nonviolence in the ideology and cultural practices of world religions. On the basis of the analysis of sacred texts of Buddhism, Christianity, Islam the philosophical and anthropological definition of concepts of violence and nonviolence in ideology and cultural practices of world religions is given. Reviewing the concepts of nonviolence in world religions, the author considers this concept in the following basic meanings. First, nonviolence as an internal state or an attitude towards peaceful behavior and reverence for life. This sense is directly realized in Jainism, Buddhism and Hinduism in the concept of Ahimsa. Secondly, non-violence as an ideal of social harmony and peaceful co-existence. In this sense, nonviolence is realized in Judaism and Islam and Christianity in the images of a beautiful future. Thirdly, nonviolence is being realized as a way of responding to a conflict situation. This meaning is realized in the Christian concept of sacrificial love ("Agape") and the method of nonviolent resistance of M. Gandhi. The author comes to the conclusion that the great world religious traditions have a number of common features, the main of which is their desire for nonviolence, love, altruism and compassion for all living things.

Ключевые слова: концепты насилия и ненасилия, джайнизм, буддизм, православие, ислам, агапэ, ахимса, джихад.

Keywords: concepts of violence and nonviolence, Jainism, Buddhism, Christianity, Islam, Agape, Ahimsa, Jihad.

Практически все религиозные традиции проповедуют ценность человеческой жизни и запрещают убийство. В авраамических религиях (иудаизм, христианство, ислам) заповедь «Не убий» (Исх. 20:13) является непреложной. Подобные призывы содержатся в текстах религий Древней Индии: джайнизма (Сутра-кританга), буддизма (Трипитака), индуизма (Законы Ману). Однако, несмотря на согласие религиозных традиций относительно аморальности убийства, существует ряд значительных как внутренних, так и внешних разногласий по поводу нескольких ключевых моментов. Во-первых, как именно оправдывается запрет на убийство. Во-вторых, при каких обстоятельствах данный запрет может быть отменен. В-третьих, должен ли применяться данный запрет в отношении любого живого существа. И, наконец, в-четвертых, насколько существенным и важным этот запрет считается в каждой конкретной традиции.

Сравнительное исследование представлений о насилии и ненасилии в мировых религиях затрудняется тем обстоятельством, что в каждой культуре и в каждой исторической эпохе используются разные понятия для обозначения насилия и ненасильственных поступков и установок. Следует отметить, что термины «*пацифизм*» (pacifism) и «*ненасилие*» (nonviolence) – неологизмы в английском языке. Термин «*ненасилие*», являющийся переводом санскритского «*ахимса*» (букв. «непричинение вреда»), прочно вошел в разговорный английский только в XX столетии в связи с популярностью идей М. Ганди. Данная концепция имеет соответствия в религиозных традициях всего мира.

Понятие «ненасилие» в концепциях религий мира можно рассматривать в трех основных смыслах. Во-первых, ненасилие как установка на мирное поведение и почитание жизни. Данный смысл непосредственно реализуется в джайнизме, буддизме и индуизме в понятии ахимсы. Схожие установки можно обнаружить в некоторых христианских общинах (например, у квакеров). Во-вторых, ненасилие как идеал социальной гармонии и мирного существования. В данном смысле принцип ненасилия реализуется в древнееврейском термине «*шалом*» и исламском «*салам*». Тот же смысл заложен в образах прекрасного будущего в христианской традиции. В-третьих, ненасилие как способ реакции на конфликтную ситуацию, т. е. ненасильственное отношение к своим противникам, даже если они находятся в положении угнетателей. Этот смысл подразумевался в христианской концепции жертвенной любви, примерах мученичества в иудаизме и методе ненасильственного сопротивления М. Ганди.

Культура Древней Индии Ведического периода основывалась на ценностях общества воинов (кшатриев), поэтому представления о ненасилии не существовало. Ведические повествования о богах и великие эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна» изобилуют описаниями сцен насилия и битв. Первое упоминание о ненасилии как моральной добродетели содержится в «Чхандогья-упанишаде»: «Далее подвижничество, подаяние, честность, ненасилие, правдивость – это его дары [жрецам]» (3.17.4) [3, 81]. Слово «*ахимса*» используется здесь в значении самопожертвования и самоограничения. В другом, более позднем тексте, «Йога-сутре» [4, 201], соблюдение принципа «ахимса» является обязательным требованием к каждому, желающему быть допущенным к практике йоги. В дальнейшем представление о ненасилии связывается с концепцией *кармы*, предполагающей, что совершенные человеком действия и установки, направленные на уничтожение чужой жизни, оказывают особенно отрицательное влияние на статус и форму его следующего рождения. В VI в. до н. э. концепция ахимсы становится важной составной частью учений оппозиционных официальному брахманизму.

Специфической особенностью джайнского понимания принципа ненасилия является положение о том, что убийство, в том числе случайное, препятствует достижению благой кармы. Джайнские монахи, соблюдающие большее количество запретов, нежели миряне, доводят идеал ахимсы до логического конца: они завершают свою жизнь, отказываясь от любой пищи. Буддийский идеал ахимсы не столь суров, как джайнский. В буддизме намерение важно в той же степени, что и деяние. Поэтому традиционные буддийские учения говорят о пяти необходимых условиях, каждое из которых должно наличествовать, чтобы человек был признан виновным в отнятии чужой жизни: 1) объект деяния непременно должен быть живым; 2) убийца должен знать, что объект действительно является таковым; 3) убийца должен иметь



намерение убить; 4) должен произойти сам факт убийства; 5) объект деяния обязательно должен умереть.

В буддизме запрет на убийство может быть смягчен, если совершенное действие можно охарактеризовать в соответствии со всеми условиями, кроме третьего. Например, использование оружия для защиты (даже на войне) оправдывается на том основании, что данный вид насилия считается реакцией на чужое деяние, а не происходит из личного намерения. Буддизм запрещает насильственные действия в целях военно-политической экспансии. Величайший правитель древности, принявший буддизм, Ашока, после завершения серии кровопролитных войн и расширения границ своего царства (территория современного штата Бихар) за счет завоевания большей части полуострова Индостан превращает принцип ненасилия в одну из основ своего правления.

И в современных «буддийских» странах, как например, в Таиланде, где монархия является одновременно религиозным и политическим институтом, существуют определенные расхождения между необходимостью подчиняться требованиям политической власти и следованием принципу ненасилия. В Китае и Японии, где буддизм входил в тесное соприкосновение с местными религиозными традициями, самые строгие предписания соблюдаются только монахами, в политической же практике для оправдания насильственных методов можно прибегнуть к другим учениям (конфуцианству или синтоизму). Тот факт, что китайская культура оказалась восприимчивой к буддистскому идеалу ненасилия, во многом объясняется тем, что местные философские традиции разрабатывали схожие идеи. Даосская концепция «у-вэй» (букв. «недеяние») созвучна идеалу «ахимса».

В исламе концепция ненасилия не разрабатывалась так же тщательно, как в джайнизме и буддизме, однако и здесь можно провести определенные параллели. В определённых обстоятельствах ислам допускает использование насилия: внутри общины это применение суровых наказаний (вплоть до смертной казни), за ее пределами – борьба с врагами веры. Здесь мы подходим к одной из самых сложных проблем – концепции джихада. Сложность заключается в том, что понятие джихад находится в зависимости от субъективного восприятия отдельного человека, лидера. Наиболее важный смысл понятия «джихад» выражается в следующих значениях: «джихад сердца» – борьба с собственными дурными наклонностями; «джихад языка» – действия мусульманина, направленные на словесное предостережение и просвещение других людей; «джихад руки» – действия верующего, направленные к препятствованию совершения другим верующим греховного деяния; «джихад меча» или «малый джихад» – вооруженная борьба за веру, которую ведут верующие с напавшими на них агрессорами.

С точки зрения мусульманского права, *джихад* не предполагает и не оправдывает насильственного обращения в ислам. Правомерными признаются только те случаи принятия ислама, которые произошли ненасильственно, т. е. вследствие разумного убеждения или «перемены сердца». По этой причине к немусульманскому населению в исламских странах всегда относились терпимо. Предписывая возмездие за убийство, Коран принимает последнее как правовую реальность и тем самым ограничивает насилие. Сура «Трапеза» гласит: «По этой причине предписали Мы сынам Исраила: кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех, А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех» (5: 35 (32)) [1]. Таким образом, признавая справедливость равного воздаяния, ислам осуждает насилие и вводит его в контролируемые рамки.

В суфизме термин «джихад» применялся главным образом для обозначения внутренней борьбы («великий джихад») добра и зла, идущей внутри каждого человека. Более того, в исламе существовали чисто пацифистские направления – Мазийария и Ахмадия [10]. В XX в. проживающие на северо-западе Индии мусульмане-пуштуны, направляемые соратником Ганди Абдулом Гаффар-ханом, предприняли ненасильственную кампанию за независимость от британского владычества. При подобных обстоятельствах мусульмане предпочитали использовать методы ненасильственного несотрудничества и свидетельства веры даже под угрозой смерти. Термин джихад имеет реальное историческое развитие, зависящее от контекста места и времени. Призывы Корана к войне отражают конкретную ситуацию жизни Про-

рока в мединский период. Призывы сражаться против язычников Мекки не применимы в наши дни в качестве принципа, оправдывающего применение силы.

Лишь незначительное количество стихов Корана посвящено войне и насилию, слова «милосердие» и «мир» встречаются там значительно чаще, чем «джихад». Аллах – не бог войны, напротив, как гласит открывающая сура Корана: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» (1: 1–2). Среди 99 имен Аллаха упоминаются «Мягкий», «Кроткий», «Любящий», «Прощающий». Кроме того, слово «ислам» означает подчинение, покорность, которые человек должен проявлять по отношению к Богу. Этимологически слово «ислам» происходит от того же корня, что и «салам» (мир). Отсюда и мусульманское приветствие «Салам алейкум» («Мир вам»). «О вы, которые уверовали! Поистине, среди ваших жен и ваших детей есть враги вам, берегитесь же их! А если пропустите, и извините, и простите..., то Аллах – прощающ, милосерд!» (64: 14). В Коране даже есть некое золотое правило: «Не равны доброе и злое. Отклоняй же тем, что лучше, и вот – тот, с которым у тебя вражда, точно он горячий друг» (41: 34(34)). Добиваться мира следует не только между мусульманами, но следует заключать его и с врагами: «А если они склонятся к миру, то склонись и ты к нему и полагайся на Аллаха: ведь Он – слышащий, знающий!» (8: 63(61)). Таким образом, в традиционном исламе содержится значительный потенциал для поддержания мира, который необходимо активизировать, учитывая события последнего времени.

Одной их характерных черт раннего христианства являлась идея мученичества. Акт мученичества уподоблялся искупительной жертве Христа. Сторонники идеала жертвенной любви Христа (*агапэ*) буквально воспринимали призыв Иисуса к ненасильственному решению конфликтов: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5:44). Ранние отцы церкви Тертуллиан, Ориген и другие утверждали запрет на отнятие человеческой жизни. По этой причине христиане отказывались служить в римской армии, кроме того, legionеры должны были приносить обязательную присягу перед императорскими богами, что христиане рассматривали как идолопоклонство.

После того как в IV в. император Константин фактически превращает христианство в государственную религию, представления о ненасилии претерпевают серьезные изменения и, кроме того, начинает создаваться концепция справедливой войны. Данная концепция, предложенная Цицероном и спустя много времени развитая Амвросием Медиоланским и Августином, оказала огромное влияние на социальную мысль христианства. Однако довольно быстро она морально дискредитировала себя, поскольку ей оправдывались сомнительные военные авантюры и жестокие преследования религиозных меньшинств. В конце концов, в XIII в. Фома Аквинский утверждает о том, что любая война греховна, независимо от того, по какой причине она ведется [2, 497–500].

Первые годы существования христианской империи характеризуются жестокими битвами как с внешними, так и внутренними врагами: тридцатилетняя война против саксонских варваров первого христианского императора, короля франков Карла Великого, сопровождалась тысячами казней еретиков и приверженцев других религий. В период классического средневековья римско-католическая церковь Западной Европы восприняла учение Августина о законности использования силы для достижения духовных целей, и в итоге санкционировала применение силы для распространения христианства. В отличие от традиций раннего христианства, войны велись для обращения язычников, распространения Евангелия и борьбы с ересью. Крестовые походы же ознаменовали собой полный отход от истинного значения идеи мученичества Христа.

Высшие иерархи церкви папа Урбан II и Бернар Клервосский объявили войну во имя освобождения «святой земли» из рук «неверных» мусульман. Крестовые походы рассматривались как общее дело для всех христиан Западной Европы. Папа, выступая от имени Христа, призывал людей взяться за оружие. Папа Иннокентий III, инициировавший Четвертый крестовый поход, первым на западе объявил Крестовый поход против христиан, во время которого был захвачен и разграблен Константинополь, его население истреблено во имя утверждения главенства Рима. В дальнейшем это привело к альбигойским войнам на юге Франции,



в ходе которых в течение двухсот лет в результате действий противоборствующих сторон была истреблена значительная часть населения.

Уже в эти времена многие задавались вопросом, позволил бы Иисус, призвавший в Нагорной проповеди отказаться от насилия и возмездия, возлюбить врага своего, проводить военные кампании подобного рода, и не искажается ли таким образом смысл Назарейского креста. Вместо того чтобы вдохновлять христиан нести свой крест, он украшал доспехи крестоносцев, придавая законность их кровавым войнам. В средневековом христианстве «мир от Бога» был мерой, применявшейся для ограничения насилия, но она носила местный и временный характер. Важно подчеркнуть, что миссионерские войны и крестовые походы возникли в рамках идеологии римско-католической церкви раннего и классического средневековья и не могут быть перенесены на всю христианскую традицию. Кроме того, следует помнить, что христианская традиция берет свое начало не от воинственных пророков (Моисей, Иисус Навин) или агрессивных царей (Давид), а от проповедника ненасилия и церкви периода раннего христианства. В древнеримский период христианство распространялось ненасильственным путем, но через проповедь справедливости, любви и обещание вечной жизни. Ранним христианам запрещалась не только военная служба, но и работа мясником. Римские папы, вдохновлявшие Крестовые походы, могли ссылаться, вероятно, на концепцию «священной войны» в духе Второзакония, на слова и деяния ветхозаветных пророков. Христианин же, прибегающий к насилию и ведущий войну, не может сослаться на Христа для оправдания своих действий.

Протестантизмом также были разработаны идеологемы насилия и ненасилия. Концепт «ненасилия» был заложен в систему протестантской культуры трудами протестантских реформаторов М. Лютера [5] и Ж. Кальвина [6]. Представления о собственной избранности, как у пуритан, так и у квакеров привели к выстраиванию их взаимоотношений с другими сообществами по особому типу, не характерному для католических сообществ.

Самым известным протестантским пацифистским движением стало общество Друзей (квакеры), основанное в Англии в 1649 г. Джорджем Фоксом. Ненасильственная этика этого движения была основана на представлении о том, что в каждом человеке есть искра божественной природы, что является доказательством священности любой жизни. По этой же причине колониальный лидер Уильям Пенн (квакер по исповеданию) отказался использовать оружие против американских индейцев, что в итоге позволило ему основать мирное поселение, поддерживавшее добрые отношения с автохтонным населением. Концепты ненасилия закладываются именно в квакерской традиции. В выстраивании квакерами отношений по типу «свой – другой», формировании отношения к «другому», как равному, т. е. способному приобщиться к «свету истины», а не как «чужому», можно увидеть предпосылки для формирования светской культуры с ведущей ценностью ненасилия [9].

Итак, все три великие мировые религиозные традиции роднит ряд общих черт, главной из которых является их стремление к ненасилию. Так, например, в буддизме считается, что человек, спасающий другого от смерти, пусть даже с применением насилия против насильника, на самом деле совершает ненасильственный поступок. По нашему мнению такой взгляд наиболее близок русской православной традиции. Любовь, жертвенность, желание спасти ближнего пусть даже ценой своей собственной жизни стали важнейшей частью понятия о ненасилии в русской православной традиции («Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Иоанн, 15: 13)). Эта же черта свойственна и традиционному исламу. Достигнуть абсолютного ненасилия невозможно, однако есть возможность уменьшить насилие в мире с помощью любви к ближнему и нравственному самосовершенствованию отдельной личности. Кроме того, абсолютный пацифизм, считающий мир величайшим благом, которому все должно быть принесено в жертву, в политическом плане вряд ли достигим, а как политический принцип может являться даже безответственным. В отечественной религиозной традиции дихотомия насилия и ненасилия раскрывается через вербальное и физическое противопоставление данных начал. Следует подчеркнуть, что данное понимание основывается на глубокой духовной основе и подтверждено историческим опытом нашей страны. Все три религиозные традиции объединяет этический идеал, направляющий людей к мирному сосуществованию и противостоянию жестокости.

Список литературы References

1. Коран. / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М.: МПО «ВОЛОКНОР»; СП «ТРЕКИНГТУР», 1990. – 727 с.
Koran. / Per. and comments. I. Yu. Krachkovsky. – M.: NGO "VOLOKNO"; SP "TREKKINGTOUR", 1990. – 727 p.
2. Фома Аквинский Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. / Фома Аквинский. – К.: Ника-Центр, 2011. – 576 с.
Thomas Aquinas Sum of theology. Part II-II. Questions 1–46. / Thomas Aquinas. – K.: Nika-Center, 2011. – 576 p.
3. Упанишады в 3-х книгах. Кн. 3-я. Пер. предисл. и комм. А.Я. Сыркина. – М.: Наука, Ладомир, 1992. – 256 с.
Upanishads in 3 books. kN. 3rd. Per. Preface. and comms. A. Ya. Syrkina. – Moscow: Science, Ladomir, 1992. – 256 p.
4. Йога-сутра Патанджали. Комментарии – Минск: Изд-во «Ведантамала», 2006 г. – 388 с.
Yoga Sutra of Patanjali. Comments – Minsk: Publishing house "Vedantasara", 2006. – 388 p.
5. Лютер М. Избранные произведения. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – 433 с.
Luther M. Selected works. – SPb.: Andreev and consent, 1994. – 433 p.
6. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Пер. с фр. А. Д. Бакулова / Под ред. Ю.Ф. Кимилева / Пред. А.Д. Бакулова / Комм. Г.В. Вдовина. Т. 1–3. Кн. 1–4. М.: Изд-во РГГУ, 1997. – 582 С.
Calvin J. Instruction in the Christian faith / Per. with FR. A. D. Bacula-VA / Under the editorship of J. F. Kisileva / prev. A. D. Bakalova / Comm. G. V. Vdovin. Vol. 1-3. kN. 1-4. M.: Izd-vo RGGU, 1997. – 582 P.
7. Bradford, W. History Of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001 – 470 p.
Bradford, W. History Of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001 – 470 p.
8. Говорит сам Джордж Фокс. Перевод и вступительная статья Т.А. Павловой. М., ИВИ РАН, 2000. -192 с.
Says George Fox himself. Translation and introductory article by T.A. Pavlova. M., IVI RAN, 2000. - 192 p.
9. Павлова Т.А. Принцип ненасилия в учении ранних квакеров: документальное оформление доктрины / Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). – М., ИВИ РАН, 2000. – С. 60–78.
Pavlova T. A. the Principle of non-violence in the teachings of the early Quakers: the documentary doctrine / Non-violence as a worldview and way of life (historical view). – M., EVIE Russian Academy of Sciences, 2000. - P. 60–78.
10. Рощин М.Ю. Шейх Абдульвахид из Хабши (реальный опыт суфизма как миротворческой ветви ислама) / Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). – М., ИВИ РАН, 2000. – С. 188 – 192.
. Roschin M. Y. Sheikh Abdulwahid of Habshi (real experience of Sufism as a peacekeeping branch of Islam) // Non-violence as a worldview and way of life (historical view). – M., EVIE Russian Academy of Sciences, 2000. - P. 188–192.
11. Законы Ману. – М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2002. – 496 с.
The laws of Manu. – M.: publishing house EKSMO-Press, 2002. – 496 p.
12. Традиции ненасилия в истории культуры / О. Ю. Шахова; науч. ред. Б. В. Емельянов. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар, ун-та, 2008. – 160 с.
The traditions of nonviolence in the history of culture / O. Y. Shahova. ed. by B. V. Yemelyanov. Nizhnevartovsk: publishing house of Nizhnevartovsk state humanitarian University, 2008. – 160 p.
13. Ганди М. Революция без насилия. / Махатма Ганди. - М.: Алгоритм, 2012. – 480 с.
Gandhi M. Revolution without violence. / Mahatma Gandhi. - M.: Algorithm, 2012. – 480 p.
14. Ненасилие: философия, этика, политика. - М.: Наука, 1993. – 188 с.
Nonviolence: philosophy, ethics, politics. M.: Nauka, 1993. – 188 p.
15. Жигальцова Т.В. Оппозиция «свой-чужой» в квакерском религиозном сообществе раннего колониального периода Северной Америки. // Вопросы Культурологии. - 2009. - № 10. – С. 25–28.
Zhigaltsova T. V. opposition "friend-foe" in the Quaker religious community of the early colonial period of North America. // Questions Of Cultural Studies. - 2009. - № 10. - P. 25–28.



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 343.6

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-504-508

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

FEATURES OF THE SUBJECTIVE SIDE OF CRIMES COMMITTED BY MINORS IN THE BELGOROD REGION

А.Н. Александров, И.Н. Архипцев
A.N. Aleksandrov, I.N. Arhiptsev

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod law Institute of the Russian interior Ministry named after I. D. Putilin,
71 Gorkogo st, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: alexander788@mail.ru, ArhiptsevIN@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования особенностей субъективной стороны преступлений, совершенных несовершеннолетними (на примере судебно-следственной практики Белгородской области). Рассмотренные особенности в совокупности с практикой позволили сделать вывод не только о характере и степени общественной опасности заявленных преступлений, но также о характеристике самих подростков. Анализ психических процессов, происходящих в организме несовершеннолетнего преступника, способствовал отграничению преступного деяния от неприступного, выявлению различий между преступлениями, которые совпадают по объективной стороне, но отличаются по субъективной стороне.

Abstract

The article presents the results of the study of the features of the subjective side of crimes committed by minors (on the example of judicial and investigative practice of the Belgorod region). The choice of the subjective side is not accidental, since it occupies an important place among other elements of the crime, affects the correct qualification of the act and is taken into account when imposing punishment.

The subjective side of the crimes committed by them has its own distinctive features associated with the flow of physiological and mental processes in adolescence, as well as the influence of the immediate environment on its subsequent criminal behavior.

The considered features in conjunction with the practice allowed to draw a conclusion not only about the nature and degree of social danger of the alleged crimes, but also about the characteristics of adolescents themselves. Analysis of mental processes occurring in the body of a juvenile offender, contributed to the delineation of the criminal act from the unapproachable, identify differences between crimes that coincide on the objective side, but differ in the subjective side.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетний, субъективная сторона, умысел, неосторожность, мотив, цель,

Key words: the crime of minors, the subjective aspect, the intention, negligence, motive, goal.

В предлагаемой вниманию читателя статье авторы обратились к такому важнейшему элементу состава преступления, как субъективная сторона преступлений, которые совершены несовершеннолетними в Белгородской области. Данный выбор не случаен, поскольку субъективная сторона занимает важное место среди других элементов состава преступления, влияет на правильную квалификацию содеянного и учитывается при назначении наказания. Применимо к несовершеннолетним субъективная сторона совершаемых ими преступлений имеет свои отличительные признаки, связанные как с протеканием в подростковом возрасте физиологических и психических процессов, так и влиянием ближайшего окружения на его последующее криминальное поведение.

Сразу отметим, что исследованию подверглись особенности субъективной стороны преступлений против личности и против собственности как наиболее часто совершаемые несовершеннолетними.

Прежде чем мы непосредственно обратимся к анализу субъективной стороны преступлений, совершенных несовершеннолетними, приведем данные официальной статистики.

Так, в Белгородской области несовершеннолетними за 2017 г. совершено 218 преступлений (-19,9 % к уровню 2016 году), из которых ранее совершавшими преступления – 44, в состоянии алкогольного опьянения – 20, в составе группы лиц – 67 преступлений. Следует заметить, что в структуре преступности несовершеннолетних в Белгородской области преобладает кража. Краж было совершено 149 преступлений, далее следует грабеж – 15 преступлений, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения – 14 преступлений, преступления связанных с незаконным оборотом наркотиков – 8, убийств – 1, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 4 преступления.

В свою очередь, за январь-март 2018 г. несовершеннолетними совершено 37 преступлений (-11,9 % в сравнении с таким же периодом 2017 г.), из них краж – 24 преступления, грабежей – 3, в сфере НОН – 2 [2].

В юридической литературе сложилось общепринятое мнение, что субъективная сторона – это элемент состава преступления, который характеризует внутреннюю сторону общественно опасного посягательства, где обязательным признаком выступает вина, а факкультативными признаками являются мотив, цель, эмоции [1, с. 215].

Согласно принципу вины, который закреплен в Уголовном кодексе РФ (ч. 1 ст. 5, далее – УК РФ), лицо подлежит уголовной ответственности только за те противоправные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Основываясь на теоретических положениях дефиниции «вина» сформулируем её определение применимо к деяниям, совершаемым несовершеннолетними. Итак, вина – это психическое восприятие несовершеннолетним совершаемого им общественно опасного посягательства и наступивших последствий, которое характеризуется интеллектуальным и волевыми моментами. Интеллектуальный момент образуют осознание несовершеннолетним общественной опасности деяния и предвидение общественно опасных последствий, а волевой момент отражает отношение подростка к последствиям его общественно опасного поведения [7, с. 350].

В соответствии с ч.1 ст. 24 УК РФ, виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Для несовершеннолетних, также как и для взрослых, характерно разное сочетание волевых и интеллектуальных признаков вины, которое, в свою очередь, влияет на определение формы и вида вины в конкретном преступлении, совершенном несовершеннолетним.

Умысел – это наиболее распространенная форма вины среди несовершеннолетних, что подтверждается судебной практикой Белгородской области, согласно которой подростками в основном совершались умышленные преступления [7, с. 18]. Причем умысел у



несовершеннолетних характеризуется тем, что они осознанно нарушают уголовный закон, тем самым противопоставляя себя обществу, его ценностям и благам.

Как известно, согласно ч. 1 ст. 25 УК РФ выделяют умысел прямой и косвенный.

Прямой умысел есть тогда, когда несовершеннолетний осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Интеллектуальный момент прямого умысла характеризуется здесь осознанием несовершеннолетним того факта, что он совершает общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, а также предвидением тех последствий, которые могут наступить в результате его совершения. В свою очередь, волевой момент прямого умысла заключается в желании у несовершеннолетнего в наступлении общественно опасных последствий, стремлении к достижению преступного результата.

В качестве примеров общественно опасных деяний, характеризующихся умышленной формой вины в виде прямого умысла, приведем следующие ситуации из числа преступлений, совершенных несовершеннолетними в Белгородской области.

Так, С. осужден по приговору Губкинского городского суда Белгородской области по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ за незаконное проникновение в помещение и совершение тайного хищения чужого имущества (кражу) с прямым умыслом и корыстной целью [6, с. 15].

Приговором Губкинского городского суда Белгородской области Б. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, за совершение краж группой лиц по предварительному сговору (5 эпизодов), с применением ч. 2 ст. 69 УК РФ к обязательным работам на срок 240 часов [9, с. 12].

Косвенный умысел в действиях несовершеннолетнего имеется тогда, когда он осознает противоправный характер своего деяния, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает данные последствия либо относится к ним безразлично. Основное отличие от прямого умысла выражается в отсутствии желания наступления общественно опасных последствий, которые он сознательно допускал или относился к ним безразлично. Например, несовершеннолетний, находясь в состоянии алкогольного опьянения, открывает в квартире беспорядочную стрельбу и убивает одного из потерпевших.

Следует иметь в виду, что для несовершеннолетних характерно как совершение преступлений с прямым, так и с косвенным умыслом, причем последний возможен лишь в материальных составах. Например, это убийство, убийство матерью новорожденного ребенка, убийство, совершенное в состоянии аффекта, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление [3, с. 93].

Подросток, совершая, например, убийство потерпевшего, четко осознает последствия своих действий, стремится к достижению определенного результата. В этом случае у него будет определенный умысел. В свою очередь, неопределенный умысел характеризуется тем, что несовершеннолетний, предвидя наступление общественно опасных последствий, не конкретизирует их, имеет лишь общее представление о тех последствиях, которые могут возникнуть в результате его действий. Уголовная ответственность несовершеннолетнего наступает в этом случае за фактически причиненный вред.

В теории уголовного права неосторожность – это форма вины, которая состоит в психическом отношении лица к преступным последствиям своего деяния [4, с. 327]. Приведенное определение полностью применимо и к несовершеннолетним лицам.

Изучение судебной практики показало, что неосторожная форма вины присутствует в составах таких преступлений против личности и против собственности, как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

Как видно из законодательного определения, сформулированного в ч.1 ст. 26 УК РФ, преступлением, совершенным по неосторожности, понимается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности.

Так, легкомыслие в действиях несовершеннолетнего будет в том случае, когда он предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных на то оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. Интеллектуальный момент вины в виде легкомыслия заключается в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий, а волевой момент состоит в неосновательном и самонадеянном расчете на предотвращение этих последствий, при этом подросток рассчитывает на какие-либо обстоятельства, например, силу, ловкость и т. д. Следует отметить, что по интеллектуальному моменту имеются сходные черты легкомыслия и косвенного умысла [3, с. 97–98].

Примером легкомыслия может служить ситуация, при которой несовершеннолетний при неосторожном обращении с огнем, желая показать перед приятелями свои физические возможности, по неосторожности уничтожает или повреждает чужое имущество в крупном размере, тем самым совершает деяние, предусмотренное ст. 168 УК РФ.

Принимая во внимание сформулированное законодателем в ч. 3 ст. 26 УК РФ определение небрежности, мы приходим к выводу, что подросток, совершая деяние, не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя, при необходимой внимательности и предусмотрительности, должен был и мог предвидеть эти последствия. Интеллектуальный момент небрежности заключается в том, что несовершеннолетний не осознает общественную опасность своих действий (бездействия) и не предвидит возможности наступления преступных последствий. Волевой момент небрежности связан с отсутствием усилий воли несовершеннолетнего, которое направлено на предвидение и предотвращение вреда, причиняемого в результате общественно опасного деяния [3, с. 100].

Так, небрежность в действиях несовершеннолетнего будет, например, в ситуации, когда он, не соблюдая закрепленные за ним обязанности по соблюдению требований охраны труда, нарушает их, в результате чего причиняет по неосторожности тяжкий вред здоровью человека (ч. 1 ст. 143 УК РФ).

Как мы уже указывали ранее, факультативными признаками субъективной стороны являются цель, мотив и эмоции.

Мотив – это внутренние побуждения несовершеннолетнего, которые вызывают у него решимость совершить преступление [1, с. 230].

Цель – это представляемый в сознании несовершеннолетнего будущий результат, к которому он стремится при совершении преступления [8].

Мотивы и цели преступлений, совершаемых несовершеннолетними, могут быть различными: низменные (корыстные, хулиганские, мести, ненависти или вражды, сокрытие преступления или облегчение его совершения) и лишенные низменного содержания (мотив сострадания, цель задержать другого человека) [3, с. 106–107].

Помимо мотивов и целей порой существенную роль при совершении несовершеннолетним преступления играют эмоции, что связано, в первую очередь, с неустойчивой психикой несовершеннолетнего, обусловленной возрастом и окружающей обстановкой. Примером может служить убийство несовершеннолетним родителя, совершенное в состоянии внезапного возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством и тяжким оскорблением подростка со стороны последнего (ст. 107 УК РФ).

Подводя итог нашего исследования субъективной стороны преступлений, совершенных несовершеннолетними в Белгородской области, следует указать, что она представляет собой внутреннюю сторону преступления, то есть психическую деятельность



несовершеннолетних, которая непосредственно связана с посягательствами на такие родовые объекты уголовно-правовой охраны, как личность и собственность.

Рассмотренные нами в статье особенности субъективной стороны деяний, совершенных подростками и подкрепленные примерами судебной практики Белгородской области показывают характер и степень общественной опасности их преступлений, а также непосредственно характеризуют самих подростков. Тем самым исследование психических процессов, происходящих в организме несовершеннолетнего преступника, позволяет отграничить преступное деяние от неприступного, выявить различия между преступлениями, которые совпадают по объективной стороне, однако отличаются по субъективной стороне, например, по форме вины, мотивам и целям совершения преступления.

Список литературы

References

1. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2014. 560 с.
Russian criminal law. General part: textbook for universities / ed. by V.P. Konyakhin M.L. Prokhorova. M.: CONTRACT, 2014. 560 p.
2. Сведения информационного центра УМВД России по Белгородской области за 2017–2018 гг.
Information center of the Ministry of internal Affairs of Russia in the Belgorod region for 2017–2018
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рагога. М.: Проспект, 2010. 704 с.
Russian criminal law. Parts General and Special / ed. by A.I. Rarog. M.: Prospect, 2010. 704 p.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
Criminal law of the Russian Federation. General part / ed. by V.S. Komissarova, N.E. Krylova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Statute, 2012. 879 p.
5. Информационный бюллетень Белгородского областного суда № 8. Август, 2011, г. Белгород, 2011. 48 с.
Information Bulletin of the Belgorod regional court №8. August, 2011, Belgorod, 2011. 48 p.
6. Информационный бюллетень Белгородского областного суда №10. Октябрь, 2012, г. Белгород, 2012. 41 с.
Information Bulletin of the Belgorod regional court №10. October, 2012 Belgorod, 2012. 41 p.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 1184 с.
Russian criminal law. Parts General and Special / ed. by A.V. Brilliantov. M.: Prospect, 2015. 1184 p.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: «Юриспруденция», 2013.
Comment to the Criminal code of the Russian Federation: Scientific and practical (article) [Electronic resource] / ed. by S. V. Dyakov, N. D. Kadnikova. M.: Jurisprudence, 2013.
9. Информационный бюллетень Белгородского областного суда № 1. Январь, 2017, г. Белгород, 2017. 42 с.
Information Bulletin of the Belgorod regional court №1. January, 2017. Belgorod, 2017. 42 p.

УДК 342.7

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-509-518

**КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТА СОЦИАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****THE CONCEPT OF THE PROJECT SOCIAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION****Е.В. Аристов****E.V. Aristov**

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614000, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корпус 5

Perm State University, Perm, 15 Bukireva St, 614000, Russia

E-mail: welfarestate1@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу законопроектной работы в Российской Федерации, референтной теме социальности государства. Анализ данной работы, отсутствие норм права на уровне Российской Федерации во исполнение конституционного принципа социальности государства, наличие данных норм в законодательстве субъектов РФ, законодательстве ряда зарубежных стран позволил автору представить свою концепцию проекта Социального кодекса Российской Федерации. Наряду с указанием предпосылок для принятия Социального кодекса Российской Федерации автор статьи описывает его инструментальный каркас, а также обосновывает необходимость принятия Социального кодекса Российской Федерации многообразием нормативных правовых актов на уровне Российской Федерации, принимаемых исключительно для разрешения определенных ситуаций, поддержания определенных социальных слоев граждан и отсутствия систематизированных норм права.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legislative work in the Russian Federation on the reference theme of the social state. The analysis of this work, the lack of legal norms at the level of the Russian Federation in pursuance of the constitutional principle of the social state, the presence of these norms in the legislation of the subjects of the Russian Federation, the legislation of a number of foreign countries allowed the author to present his concept of the draft Social code of the Russian Federation. Along with the indication of the prerequisites for the adoption of the Social code of the Russian Federation, the author describes its instrumental framework, and also substantiates the need for the adoption of the Social code of the Russian Federation by a variety of normative legal acts at the level of the Russian Federation, adopted exclusively for the resolution of certain situations, maintenance of certain social.

Ключевые слова: социальный кодекс, социальное государство, социальность государства, достойный уровень жизни, минимальные гарантии.

Keywords: social code, social state, sociality of the state, decent standard of living, minimum guarantees.

Обосновывая собственную концепцию нормативного акта, регулирующего социальность государства и социальное государство, мы должны разграничить два данных термина «социальность государства» и «социальное государство». Социальность государства, на наш взгляд – это конституционная характеристика, это конституционный принцип социальности государства, это одна из основ конституционного строя. Соответственно, социальное государство – это, с одной стороны, идеал. Если рассматривать правовое государство, то в мире нет ни одного образцового правового государства. Везде мы мо-



жем встретить нарушение прав человека, свои проблемы. Поэтому это одна из интерпретаций, это идеальное состояние, объяснение, к чему стремиться. То же самое и здесь. Идеальное состояние и в другом значении социальное государство – это государство, подпадающее под определенные, минимальные императивы социальности государства, и имеющее основание, чтобы его называли социальным государством. То есть это то социальное государство, которое отвечает установленным императивным требованиям. Мы предлагаем сложную структуру объяснений. Еще раз социальность государства – это характеристика, это признак, это требование, а социальное государство – это состояние и это данность наличия в государстве, отражаемая в чертах его основ конституционного строя, государственного устройства, его текущего состояния государственной политики, все то, что подпадает под данную характеристику.

Анализ законопроектной работы последних лет, референтной теме социальности государства, тенденций и перспектив развития законодательства Российской Федерации во исполнение конституционного принципа социальности государства дает необходимые и достаточные основания для вывода о том, что с концептуально-доктринальной точки зрения наличествует преимущественно косметический характер проводившихся в жизнь в последние годы и предлагаемых на текущий момент к принятию изменений в законодательство Российской Федерации, а также системная деятельность по некоторому снятию (реальных или ожидаемых) коллизий и иных дефектов нормативно-правового обеспечения, детерминированного конституционным принципом социальности государства.

Акценты много более расставлялись (или их предполагалось расставлять) на направлениях обеспечения потенциалов стабильности и устойчивости социально-экономической сферы в целом в Российской Федерации, но, к сожалению, почему-то принципиально, без решения основных «родовых болезней» отечественной модели социального государства.

Так и не были приняты (да и не предложены субъектами законодательной инициативы) так ожидаемые и весьма логичные:

- пакет минимальных социальных стандартов (стандартов достойной жизни человека);
- профильный закон о снижении социальной проблемы бедности;
- адекватная ставка минимального размера оплаты труда (в привязке не к неадекватным, а реальным условиям, к действительному, реальному размеру прожиточного минимума);
- минимальная ставка часовой (или дневной) оплаты труда с адекватной привязкой к экономическим реалиям;
- жесткие требования к бюджетной политике, направленной на обеспечение социальности государства;
- нормы, обеспечивающие большее согласование законодательства в социальной сфере федерального уровня и социальных кодексов субъектов Российской Федерации (вообще полагаем, что такая региональная практика вообще достойна поддержки и значительного развития);
- пакет изменений, «излечивающих» явную дефектность социальной политики в Российской Федерации, выводящих гарантии ряда ключевых прав из разряда (качества) фиктивных в разряд (качество) реальных и действенных (размеры пособий на детей, по беременности и родам и мн. др.);
- пакет изменений, «излечивающих» явную дефектность пенсионной политики в Российской Федерации.

Так и не был преодолен очевидно дефектный, провально зарекомендовавший себя ультралиберальный подход к проектированию, формированию, функционированию, обеспечению и развитию модели социального государства в России.

В целях снижения социальной напряженности, устранения вышеуказанных пробелов и коллизий предлагается для дискуссии обсуждения авторская концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации.

Структура представленной концепции проектируемого Социального кодекса Российской Федерации (здесь приводится краткое извлечение из нашей концепции) соотнесена с Основными требованиями к концепции и разработке проектов федеральных законов, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 02.08.2001 № 576 (ред. от 13.03.2015) [1].

Сама идея Социального кодекса Российской Федерации имеет уже множество авторов, будучи отраженной во многих исследованиях [2], и сыскать изначальных авторов этой идеи уже не представляется возможным. Но даже если бы и отыскался таковой автор, его идеи также не были бы оригинальны, учитывая, что в ряду зарубежных государств такие акты действуют уже достаточно давно.

Не претендуя на изначальное авторство абстрактной идеи о таком кодексе, нами представляется конкретная авторская концепция Социального кодекса Российской Федерации, основанная на проведенных исследованиях.

Настоящая концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации учитывает идеи, концептуальные подходы и решения, сформулированные с начала 1990-х гг. по настоящее время специалистами в области конституционного и социального права, в том числе при обсуждении принимавшихся в рассматриваемой сфере федеральных и региональных нормативных правовых актов.

Авторская концепция Социального кодекса Российской Федерации принимает во внимание (соотнесена) и учитывает:

1) представлявшийся и рассматривавшийся ранее проект Социального кодекса Российской Федерации [3] и причины его не принятия;

2) опыт принятия и (по нашей оценке – положительного) функционирования ряда социальных кодексов субъектов Российской Федерации:

– Социальный кодекс Волгоградской области от 31.12.2015 № 65-з (ред. от 15.06.2017),

– Социальный кодекс Ярославской области от 16.12.2008 № 246-ОД (ред. от 15.06.2017),

– Социальный кодекс Санкт-Петербурга от 22.11.2011 № 728-132 (ред. от 20.06.2017),

– Социальный кодекс Белгородской области от 28.12.2004 № 165 (ред. от 26.12.2016),

– Кодекс Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан от 04.07.2008 № 1061-ОЗ (ред. от 12.07.2017);

3) обсуждавшиеся и ныне обсуждаемые в других субъектах Российской Федерации проекты социальных кодексов;

4) массив референтных теме исследования обсуждавшихся проектов федеральных законов [4];

5) исследованные социальные кодексы ряда зарубежных демократических, правовых и, согласно их конституциям, социальных государств:

– Кодекс социального обеспечения Франции (ред. от 01.10.2017) [5];

– Кодекс социального страхования Швеции от 2010 года (ред. от 2017 года) [6];

– Кодекс социального обеспечения Германии от 2003 года (ред. от 17.08.2017) [7];

– Кодекс социального обеспечения Люксембурга [8];

– Кодекс составных режимов системы социального обеспечения Португалии (ред. от сентября 2017 года) [9];

6) социальные кодексы ряда зарубежных развивающихся государств:



- Кодекс социального обеспечения Буркина-Фасо от 2006 года (с послед. изменениями) [10];
- Кодекс социального обеспечения Сенегала от 31.07.1993 (с послед. изменениями) [11];
- Кодекс социального обеспечения Боливии от 14.09.1956 (с послед. изменениями) [12];
- Кодекс социального обеспечения Гвинеи от 14.02.1994 (с послед. изменениями) [13];
- Процессуальный кодекс труда и социального обеспечения Колумбии от 24.06.1948 (с послед. изменениями) [14];
- Кодекс Туркменистана о социальной защите населения от 19.10.2012 № 340-IV (ред. от 18.06.2016) [15];

7) законопроекты социальных кодексов зарубежных государств (к примеру, Аргентина, Казахстан, Украина)

8) референтные международные акты:

- Европейский кодекс социального обеспечения [16];
- Иberoамериканский кодекс социального обеспечения [17];
- Европейская социальная хартия.

Инструментально (юридико-технически) Социальный кодекс Российской Федерации, согласно нашей концепции:

- должен содержать общую и специальную части;
- не вторгаясь в сферы пенсионных и трудовых отношений и в сферу принятия бюджетов (во всяком случае, на первом этапе), полностью (омологированно) замещает и вытесняет своими нормами имеющее сегодня место чрезмерно избыточно многообразное и обширно распределённое законодательное подзаконное регулирование в этой сфере (даже нижеперечисленных позиций достаточно для самоочевидности вывода о дезупорядоченности, несбалансированности, некоторой хаотичности и нестабильности российского законодательства в социальной сфере), вбирает в себя регулирование, осуществляемое сегодня Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О государственной социальной помощи», Федеральным законом от 08.06.2015 № 139-ФЗ «О гарантиях социальной защиты отдельных категорий граждан», Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 05.04.2003 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи», Федеральным законом от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», Федеральным законом от 07.08.2000 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации», Федеральным законом от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О минимальном размере оплаты труда», Законом РФ от 15.01.1993 № 4301-1 (ред. от 01.07.2017) «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы», Федеральным законом от 09.01.1997 № 5-ФЗ (ред. от 28.12.2013, с изм. от 19.12.2016) «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным кавалерам ордена Трудовой Славы», Федеральным законом от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральным законом от 19.12.2016 № 422-ФЗ «О нормативе финансовых затрат в месяц на одного гражданина, получающего государственную социальную помощь в виде социальной услуги по обеспечению лекарственными препаратами, медицинскими изделиями, а также специализированными продуктами лечебного питания для детей-инвалидов, на 2017 год», Федеральным законом от

12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О ветеранах», Федеральным законом от 22.12.2014 № 421-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», Федеральным законом от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 01.06.2017) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральным законом от 07.11.2000 № 136-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О социальной защите граждан, занятых на работах с химическим оружием», Федеральным законом от 30.12.2006 № 284-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О социальных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу в воинских формированиях Российской Федерации, дислоцированных на территориях Республики Беларусь, Республики Казахстан и Киргизской Республики, а также лицам, работающим в этих формированиях», Федеральным законом от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», Федеральным законом от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», Федеральным законом от 10.05.2010 № 84-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О дополнительном социальном обеспечении отдельных категорий работников организаций угольной промышленности», Федеральным законом от 27.11.2001 № 155-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О дополнительном социальном обеспечении членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации», Федеральным законом от 31.07.1998 № 137-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О материальном обеспечении членов семьи умершего члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Законом РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 28.12.2016) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», Федеральным законом от 10.01.1996 № 6-ФЗ (ред. от 22.10.2014) «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации», Федеральным законом от 10.01.2002 № 2-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне», Федеральным законом от 26.11.1998 № 175-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении “Маяк” и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» и мн. др. – полностью или частично (примеры последнего – Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О наркотических средствах и психотропных веществах» – в части социальной реабилитации больных наркоманией; Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 (ред. от 09.03.2016) «О реабилитации жертв политических репрессий» – в части социальной поддержки соответствующих лиц; Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 28.12.2016) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» – в части социальной поддержки работников уголовно-исполнительной системы), но при этом не ограничиваться «простым суммированным воспроизведением в одном источнике действующего законодательства»;

– должен полностью заместить и вытеснить своими нормами имеющее сегодня место «квазинормативное регулирование» в виде разнообразных инструкций, разъяснений, писем, не являющихся нормативными правовыми актами;

– должен максимально возможно уйти от избыточной декларативности в регулировании отношений по социальному обеспечению;



– должен максимально возможно сократить число бланкетных и других отсылочных норм;

– должен содержать исчерпывающие перечни документов, представляемых бенефициарами для получения государственной социальной помощи и поддержки (для редуцирования коррупциогенности сферы).

В основу проектируемого, согласно нашей авторской концепции, Социального кодекса Российской Федерации закладываются следующие ключевые (приоритетные – *primus inter pares*) идеи (концепты) и логика:

– исчерпывающе чёткое обозначение ценностных оснований, общей стратегии, целей, задач, приоритетных направлений и ориентиров социальной политики для достижения, поддержания и обеспечения благополучной и достойной жизни российских граждан (в том числе государственной политики в отношении снижения социальной проблемы бедности) в Российской Федерации на общегосударственном уровне в текущий период и стратегию развития этой политики на ближайшие 20–30 лет;

– установление комплекса гарантированных минимальных социальных стандартов (стандартов достойной жизни человека) и обеспечение императивной связанности государственной социальной политики указанными стандартами, а равно социальными запросами, ожиданиями и требованиями, полностью исключая всякую возможность «социальных экспериментов»;

– обеспечение и реализованность ухода от суммативного принципа в основе государственной социальной политики, реализуемой сильно фрагментированной малосистемной совокупностью государственных органов различного подчинения, к синергетическим принципам (принцип эмерджентности, ряд других); иными словами – уход от принципа, предусматривающего просто выделение средств бенефициару, к подходу, предусматривающему основанное на оценке образа жизни (социального бытия) корректирование такового за счёт интерсекционального применения разнообразных мер социальной поддержки с доводкой этого образа жизни до минимально гарантированного, обеспечивающего достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции Российской Федерации), а также семьи, их благополучие;

– при сведении воедино и систематизации (в форме кодификации) всех правовых норм о социальных гарантиях, поддержке и обеспечении в Российской Федерации, уточнении и детализации этих интегрированных массивов норм, основная доминанта в проектировании и создании Социального кодекса должна состоять в создании существенно омологированного (усовершенствованного под конкретные задачи и параметры) нормативного правового порядка в этой сфере общественных отношений, позволяющего, с одной стороны, не просто скорректировать, а существенно оптимизировать и омологировать всю (сегодня явно неэффективную) инфраструктуру социального обеспечения в России и обеспечить более релевантную и разумную социальную политику в Российской Федерации, а с другой стороны – устранить явную дефектность социальной политики в Российской Федерации последних 26 лет, должным образом решить связанный проистекающими из Конституции РФ нравственными императивами обеспечения достойной жизни и свободного развития человека;

– отход от принципа массового («высокого») охвата населения мерами социальной помощи, повышение доли адресной (направленной на поддержку конкретных категорий нуждающихся) социальной поддержки и помощи с одновременным существенным увеличением ее объемов в численном выражении (чтобы добиться соответствия размеров таких пособий существенному их значению и релевантному доктринальному толкованию понятия «пособие/помощь для нуждающихся лиц, удовлетворяющее их потребности и обеспечивающее их достойную жизнь», вывести гарантии ряда ключевых прав из разряда фиктивных в разряд (качество) реальных и действенных – размеры пособий на детей, по временности и родам и мн. др.) и с существенной диверсификацией таких мер поддержки и

помощи (с частичным отходом от принципа «монетизации льгот») и с обеспечением возможностей расширения сфер охвата организации социального обеспечения новым категориям бенефициаров (повторимся – с общим сокращением численности бенефициаров);

- разработка (с учетом лучшего зарубежного опыта) и внедрение реалистичных обязательных схем социального страхования, присоединение к которым гарантирует работникам социальное редуцирование и страхование существенных социальных рисков (которые могут критически снизить доходы лица или лишить его доходов, исключить его из социальной среды) и не допускает исключения граждан из полноценной жизни;

- расширение условий и гарантий привлечения благотворительности и меценатства в сферу оказания социальной поддержки и помощи (не снимая функций и обязанностей основного субъекта в этой сфере с государства);

- закрепление предельно четкой топологии (логики, логистики, функциональной структуры) структуры действительно единой и системной государственной системы социального обеспечения;

- устранение фиктивности и придание содержательной реалистичности категории «прожиточный минимум», повышение ее правового значения и положения;

- обеспечение исчерпывающе четкого референцирования конкретных механизмов и мер социальной поддержки конкретных групп бенефициаров с источниками и механизмами финансирования, предусматривая механизмы замещения и перекрестной поддержки в кризисных ситуациях, с установлением жестких требований к бюджетной политике в социальной сфере, направленной на обеспечение социальности государства, в том числе привлечение механизмов дифференциальной общенациональной природной ренты (нефтегазовой, алмазной, драгоценных металлов) в процессы финансового обеспечения такой политики и таких гарантий;

- обеспечение комплементарного (добраивающего) согласования законодательства Социального кодекса Российской Федерации и социальных кодексов субъектов Российской Федерации в рамках единой, хотя и децентрализованной системы;

- представление значительно развёрнутого (с глубинной детализацией) дефинитивного аппарата в регулируемой сфере;

- обеспечение гармонизации законодательства Российской Федерации с международными актами в сфере социального права при условии защиты национальных интересов и с учетом российской специфики;

- поскольку законодательство в социальной сфере является наиболее часто востребованным (в сравнении с другими отраслями законодательства) населением, обеспечение упрощения и повышения эргономики (удобства пользования) правового регулирования.

Предпосылки принятия Социального кодекса Российской Федерации:

- достаточный накопленный положительный опыт действия ряда социальных кодексов субъектов Российской Федерации, в том числе определяющий тенденцию и подтверждаемый тенденцией расширения числа субъектов Российской Федерации, где принят такой кодекс (обсуждается ряд законопроектов);

- достаточный накопленный (и весьма длительный) положительный опыт действия ряда социальных кодексов ряда зарубежных государств, а также тенденция расширения числа государств, где принят такой кодекс (обсуждается ряд законопроектов);

- достаточный накопленный объем интерпретаций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, концептуально детерминирующих возможность формулирования надлежащих ценностных оснований, функционально-логического каркаса и приоритетов проектируемого Социального кодекса Российской Федерации;

- наличие тенденции расширения числа кодифицированных актов в законодательстве Российской Федерации;



– достаточно глубокая научная проработанность вопроса о кодификации законодательства о социальном обеспечении (этот вопрос прорабатывается и обосновывается юридической наукой с 1970-х годов;

– значительная противоречивость, пробельность и иная дефектность нормативного правового регулирования, в целом дезупорядоченность, несбалансированность, хаотичность и нестабильность российского законодательства в социальной сфере, явно чрезмерная избыточность численности уже не только подзаконных актов, но и федеральных законов в этой сфере – всё это существенно понижает качество российского законодательства в социальной сфере, определяет его дисфункциональность и невозможность его надлежащего использования.

Список литературы

References

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2001 № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3335.

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 02.08.2001 № 576 «Ob utverzhenii Osnovnyh trebovanij k koncepcii i razrabotke proektov federal'nyh zakonov» // SZ RF. 2001. № 32. St. 3335.

2. Усс А.В., Толоконский В.А., Иванков В.И., Лисица В.Н. Социальный кодекс Российской Федерации: Проблемы кодификации законодательства о социальном обеспечении / ред. Т.В. Бородина; Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение», Российская академия наук. Сибирское отделение. Институт философии и права. Новосибирск, 2004. 460 с.

Uss A.V., Tolokonskij V.A., Ivankov V.I., Lisica V.N. Social'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Problemy kodifikacii zakonodatel'stva o social'nom obespechenii / red. T.V. Borodina; Mezhregional'naya associaciya ehkonomicheskogo vzaimodejstviya sub"ektov RF «Sibirskoe soglashenie», Rossijskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie. Institut filosofii i prava. Novosibirsk, 2004. 460 s.

3. Проект Социального кодекса Российской Федерации от 06.02.2004 // <http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/13D83CFA838E4AF9432571BB0058CD0D?OpenDocument>. Пояснительная записка к проекту Социального кодекса Российской Федерации // <http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/D838CBE48312CBEC432571BB0058CDF3?OpenDocument>.

Proekt Social'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 06.02.2004 // <http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/13D83CFA838E4AF9432571BB0058CD0D?OpenDocument>. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Social'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii // <http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/D838CBE48312CBEC432571BB0058CDF3?OpenDocument>.

4. Аристов Е.В. Тенденции и перспективы развития законодательства Российской Федерации во исполнение конституционного принципа социальности государства // Образование. Наука. Научные кадры. 2016. № 3. С. 16–19.

Aristov E.V. Tendencii i perspektivy razvitiya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii vo ispolnenie konstitucionnogo principa social'nosti gosudarstva // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2016. № 3. S. 16–19.

5. Кодекс социального обеспечения Франции (ред. от 01.10.2017) [Code de la sécurité sociale (Dernière modification: 1 octobre 2017)] // <<https://www.legifrance.gouv.fr>>.

Kodeks social'nogo obespecheniya Francii (red. ot 01.10.2017) [Code de la sécurité sociale (Dernière modification: 1 octobre 2017)] // <<https://www.legifrance.gouv.fr>>.

6. Кодекс социального страхования Швеции от 2010 года [Socialförsäkringsbalk № 110 (2010)] // <https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svenskforfattningssamling/socialforsakringsbalk-2010110_sfs-2010-110>.

Kodeks social'nogo strahovaniya SHvecii ot 2010 goda [Socialförsäkringsbalk № 110 (2010)] // <https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/socialforsakringsbalk-2010110_sfs-2010-110>.

7. Кодекс социального обеспечения Германии от 2003 года (ред. от 17.08.2017) [Sozialgesetzbuch] // <https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_12/BJNR302300003.html>; <<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de>>.

Kodeks social'nogo obespecheniya Germanii ot 2003 goda (red. ot 17.08.2017) [Sozialgesetzbuch] // <https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_12/BJNR302300003.html>; <<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de>>.

8. Кодекс социального обеспечения Люксембурга [Code de la sécurité sociale du Luxembourg] // <http://data.legilux.public.lu/file/eli-etat-leg-code-securite_sociale-20160101-fr-pdf.pdf>.

Kodeks social'nogo obespecheniya Lyuksemburga [Code de la sécurité sociale du Luxembourg] // <http://data.legilux.public.lu/file/eli-etat-leg-code-securite_sociale-20160101-fr-pdf.pdf>.

9. Кодекс составных режимов системы социального обеспечения Португалии (ред. от сентября 2017 года) [Código dos Regimes Contributivos do Sistema Previdencial de Segurança Social] // <http://www.seg-social.pt/documents/10152/15009350/C%C3%B3digo_Contributivo/1e56fad5-0e2a-42c2-b94c-194c4aa64f74>; <<http://www.seg-social.pt/legislacao?bundleId=1062045>>.

Kodeks sostavnyh rezhimov sistemy social'nogo obespecheniya Portugalii (red. ot sentyabrya 2017 goda) [Código dos Regimes Contributivos do Sistema Previdencial de Segurança Social] // <http://www.seg-social.pt/documents/10152/15009350/C%C3%B3digo_Contributivo/1e56fad5-0e2a-42c2-b94c-194c4aa64f74>; <<http://www.seg-social.pt/legislacao?bundleId=1062045>>.

10. Кодекс социального обеспечения Буркина-Фасо от 2006 года (с послед. изменениями) [Code de securite sociale du Burkina Faso / Loi du Burkina Faso № 15-2006 du 11 mai 2006] // <<http://www.droit-afrique.com/upload/doc/burkina/Burkina-Code-securite-sociale-2006.pdf>>.

Kodeks social'nogo obespecheniya Burkina-Faso ot 2006 goda (s posled. izmeneniyami) [Code de securite sociale du Burkina Faso / Loi du Burkina Faso № 15-2006 du 11 mai 2006] // <<http://www.droit-afrique.com/upload/doc/burkina/Burkina-Code-securite-sociale-2006.pdf>>.

11. Кодекс социального обеспечения Сенегала от 31.07.1993 (с послед. изменениями) [Loi du Sénégal № 1973-37 du 31 juillet 1973 portant Code de la sécurité sociale] // <[https://senegal.eregulations.org/media/senegal_recueil_textes_securite_sociale\[1\].pdf](https://senegal.eregulations.org/media/senegal_recueil_textes_securite_sociale[1].pdf)>; <<http://www.droit-afrique.com/upload/doc/senegal/Senegal-Code-1973-securite-sociale-MAJ-1997.pdf>>.

Kodeks social'nogo obespecheniya Senegala ot 31.07.1993 (s posled. izmeneniyami) [Loi du Sénégal № 1973-37 du 31 juillet 1973 portant Code de la sécurité sociale] // <[https://senegal.eregulations.org/media/senegal_recueil_textes_securite_sociale\[1\].pdf](https://senegal.eregulations.org/media/senegal_recueil_textes_securite_sociale[1].pdf)>; <<http://www.droit-afrique.com/upload/doc/senegal/Senegal-Code-1973-securite-sociale-MAJ-1997.pdf>>.

12. Кодекс социального обеспечения Боливии от 14.09.1956 (с послед. изменениями) [Código de Seguridad Social de Bolivia / Ley de 14 de diciembre de 1956] // <<http://www.ilo.org/dyn/travail/docs/1440/CODIGO%20DE%20SEGURIDAD%20SOCIAL.pdf>>; <<https://bolivia.infoleyes.com/norma/1097/codigo-de-seguridad-social-css>>.

Kodeks social'nogo obespecheniya Bolivii ot 14.09.1956 (s posled. izmeneniyami) [Código de Seguridad Social de Bolivia / Ley de 14 de diciembre de 1956] // <<http://www.ilo.org/dyn/travail/docs/1440/CODIGO%20DE%20SEGURIDAD%20SOCIAL.pdf>>; <<https://bolivia.infoleyes.com/norma/1097/codigo-de-seguridad-social-css>>.

13. Кодекс социального обеспечения Гвинеи от 14.02.1994 (с послед. изменениями) [Code de la sécurité sociale de la Republique de Guinee / Loi № L/94/006/CTRN du 14 fevrier 1994] // <<https://www.a-mla.org/masteract/download/488>>.

Kodeks social'nogo obespecheniya Gvinei ot 14.02.1994 (s posled. izmeneniyami) [Code de la sécurité sociale de la Republique de Guinee / Loi № L/94/006/CTRN du 14 fevrier 1994] // <<https://www.a-mla.org/masteract/download/488>>.

14. Процессуальный кодекс труда и социального обеспечения Колумбии от 24.06.1948 (с послед. изменениями) [Código procesal del trabajo y de la seguridad social / Decreto-ley № 2158 de 24 junio de 1948] // <<http://akane.udenar.edu.co/derechopublico/CPT.pdf>>.

Processual'nyj kodeks truda i social'nogo obespecheniya Kolumbii ot 24.06.1948 (s posled. izmeneniyami) [Código procesal del trabajo y de la seguridad social / Decreto-ley № 2158 de 24 junio de 1948] // <<http://akane.udenar.edu.co/derechopublico/CPT.pdf>>.



15. Закон Туркменистана от 19.10.2012 № 340-IV (ред. от 18.06.2016) – Кодекс Туркменистана «О социальной защите населения» // <http://www.minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8388>.

Zakon Turkmenistana ot 19.10.2012 № 340-IV (red. ot 18.06.2016) – Kodeks Turkmenistana «O social'noj zashchite naseleniya» // <http://www.minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=8388>.

16. Европейский кодекс социального обеспечения [Code européen de sécurité sociale, 16.IV.1964] // <<https://rm.coe.int/168006b6f3>>.

Evropejskij kodeks social'nogo obespecheniya [Code européen de sécurité sociale, 16.IV.1964] // <<https://rm.coe.int/168006b6f3>>.

17. Иberoамериканский кодекс социального обеспечения [Código iberoamericano de seguridad social / Organización iberoamericana de seguridad social, Secretaría general] // <http://www.oiss.org/IMG/pdf/CODIGO_IBEROAMERICANO2.pdf>.

Iberoamerikanskij kodeks social'nogo obespecheniya [Código iberoamericano de seguridad social / Organización iberoamericana de seguridad social, Secretaría general] // <http://www.oiss.org/IMG/pdf/CODIGO_IBEROAMERICANO2.pdf>.

УДК 342.1

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-519-524

ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА КАК ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SPECIAL ECONOMIC ZONE AS A LEGAL EXPERIMENT IN THE DEVELOPMENT OF TERRITORIES IN RUSSIAN FEDERATION

Г.Г. Загайнова

G.G. Zagaynova

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 350002, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187/1

Severo-Kavkazskiy branch of the «Russian state University of justice»,
187/1 Levanevskogo str., Krasnodar, 350002, Russia

E-mail: goarikk@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты анализа нормативных правовых актов, регулирующих функционирование особых экономических зон в Российской Федерации. Автором на основе указанных норм представлены положения, доказывающие экспериментальный характер правоотношений, возникающих в связи с созданием особых экономических зон. Одним из выводов явился тезис о формировании некоторой модели правового эксперимента в регулировании особых экономических зон, составные элементы которой при достижении конкретных результатов, выраженных в количественном эквиваленте, могут подвергаться сравнению с учетом хронологического критерия или иных качественных характеристик.

В статье также представлены предложения, направленные на совершенствование законодательной и подзаконной базы, определяющей особые экономические зоны в России.

Abstract

The article presents the results of the analysis of normative legal acts regulating the functioning of special economic zones in the Russian Federation. The author on the basis of these rules presents the provisions proving the experimental nature of legal relations arising in connection with the creation of special economic zones. One of the conclusions was the thesis about the formation of a certain model of legal experiment in the regulation of special economic zones, the constituent elements of which, when achieving specific results expressed in quantitative terms, can be compared with the chronological criterion or other qualitative characteristics.

The article also presents proposals aimed at improving the legislative and regulatory framework that defines special economic zones in Russia.

Based on the positive and negative results of the development of the experimental territories, it is necessary to follow the substantive additions and clarifications of legal science, as well as proposals aimed at improving the Russian legislation on the territories.

Ключевые слова: государственная территория, особая экономическая зона, свободная экономическая зона, эксперимент, правовой режим.

Keywords: state territory, special economic zone, free economic zone, experiment, legal regime.

В структуре современной государственной территории выделена особая экономическая зона, для которой характерно установление особых таможенных и налоговых режимов, финансовых и административных льготных режимов по сравнению с общим ре-



жимом инвестиций и предпринимательской деятельности, в том числе внешнеэкономической и инвестиционной [Территория в публичном праве, 2013].

Уточним, что в современный период особые экономические зоны действуют в четырех субъектах Российской Федерации (Республика Крым, город федерального значения Севастополь, Калининградская и Магаданская области) на основании трех федеральных законов [СЗ РФ. 1999. № 23. Ст. 2807; 2014. № 52 (часть I). Ст. 7534; СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 280; 2017. № 50 (Часть III). Ст. 7564; СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6658; 2018. № 1 (Часть I). Ст. 39]. При этом, особая экономическая зона в Магаданской области была создана в 1999 г. до принятия рамочного федерального закона 2005 г. об особых экономических зонах [СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127; 2017. № 30. Ст. 4457]. Полагаем, данный факт следует расценивать в качестве положительно зарекомендовавшего себя правового эксперимента развития различных территорий, который привел к разработке и принятию рамочных установлений, а в последующем востребованных документов о создании особых экономических зон в Калининградской области (2006 г.), Республике Крым и городе федерального значения Севастополь (2014 г.).

Заметим, что рассматриваемые современные законодательные акты являются позитивным результатом ранее неоднократно предпринимавшихся попыток создания в России особых экономических зон: Находка (1994 г.) [СЗ РФ. 1994. № 20. Ст. 2279; 2007. № 34. Ст. 4251] и Калининградская область (1996 г.) [СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 224]. Даже был принят указ Президента РФ от 4 июня 1992 г. № 548, консолидировавший некоторые меры по развитию свободных экономических зон на территории Российской Федерации [Российская газета. 1992, 9 июня; СЗ РФ. 2001. № 36. Ст. 3543].

Современные особые экономические зоны были созданы:

с учетом специфического географического положения Магаданской области и значения для геополитических интересов Российской Федерации (ст. 1 федерального закона от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ);

с учетом геополитического положения Калининградской области в целях ускорения ее социально-экономического развития (ст. 1 федерального закона от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ).

Принятие в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополь потребовало от государства, помимо прочего, объединения правотворческих усилий в целях адаптации новых территорий к условиям единого социально-экономического, правового и политического пространства [СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1529; 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4789; СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7532; 2017. № 50 (Часть III). Ст. 7543; СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945; 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815]. В этой связи также был принят федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ, обусловивший введение особого правового режима на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развития транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, а также повышения уровня и качества жизни граждан (ст. 1).

Далее, опираясь на нормы федеральных законов о существующих в России особых экономических зонах, представим положения, свидетельствующие в пользу экспериментального характера заявленных правоотношений.

Во-первых, установленные сроки правовых явлений. Так, на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополь сроком на 25 лет создается свободная экономическая зона. В то же время ее функционирование может быть прекращено досрочно, если это вызвано необходимостью защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Срок функционирования Особой экономической зоны в Магаданской области ограничен 31 декабря 2025 г.

Функционирование Особой экономической зоны может быть прекращено досрочно на основании федерального закона в случаях введения на всей территории Российской Федерации военного положения или введения на всей территории нашего государства на срок более чем три месяца чрезвычайного положения.

Возможна и досрочная ликвидация Особой экономической зоны в Магаданской области (на основании федерального закона).

Что касается Особой экономической зоны в Калининградской области, то она функционирует до 31 декабря 2045 г. Федеральным законом предусмотрены идентичные приведенным основания прекращения ее функционирования.

Во-вторых, последовательное использование в отношении правового режима характеристики «особый», что уже само по себе является отличием от стандартных процедур, применяемых к аналогичным правоотношениям. При этом в ст. 2 федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ дано определение особого правового режима на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Он включает в себя особенности правового регулирования отношений в сферах привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, регулирования въезда в Республику Крым и город федерального значения Севастополь и выезда за пределы Республики Крым и города федерального значения Севастополя иностранных граждан, а также осуществления деятельности в области морского транспорта.

Таким образом, обобщенная характеристика правового режима в качестве «особого» опосредовала появление в законе смежного понятия «особенности», которое включено практически в каждую статью (к примеру, ст.ст. 4–6, 17, 22 и др.) и позволяет демонстрировать законодателю нетипичный подход в отношении правового регулирования заявленных территорий.

Обратим внимание на использование в рассматриваемой группе законов характеристик экономической зоны в качестве особой или свободной. Применительно к Калининградской и Магаданской областям в наименованиях сформулирована «особая экономическая зона». При этом, в основных понятиях, представленных в федеральном законе от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ, особая экономическая зона в Магаданской области дефинирована территорией, которая расположена в административных границах города Магадана и на которой в соответствии федеральным законом устанавливается особый правовой режим хозяйственной деятельности и применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны. Таким образом, особая экономическая зона предполагает особый правовой режим.

Если мы обратимся к основным понятиям в федеральном законе от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ, то увидим, что в соответствии с ним особая экономическая зона в Калининградской области предполагает действие специального правового режима. Очевидны разночтения, раскрывающие особую экономическую зону как особый и специальный правовой режим.

Согласно п. 1 ст. 2 федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ особая экономическая зона является частью территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны. Таким образом, рамочно в российском законодательстве особая экономическая зона сопоставлена с особым правовым режимом. Полагаем, специальные законодательные установления должны соответствовать общим.

Также заметим, что федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ в отличие от федеральных законов от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ и от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ в наименовании использует формулировку свободной экономической зоны. А при определении в



текстах законов свободной экономической зоны и особой экономической зоны в Калининградской области даны идентичные определения с разницей в аспектах особого и специального режимов. Вместе с тем понятие специального режима далее в законодательстве не имеет пояснения. Также возникает вопрос о целесообразности поименования экономической зоны в Крыму и Севастополе в качестве «свободной», поскольку законодатель дает тождественные определения для свободной и особой экономической зоны.

Таким образом, считаем целесообразным при принятии в дальнейшем федеральных законов об экономических зонах использовать характеристику «особых», что соответствует рамочному законодательству. В этом ключе целесообразно изменить и наименование федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ.

В-третьих, постановка цели реализации особого (специального правового режима) на соответствующих территориях (были раскрыты выше в тексте статьи).

В-четвертых, утверждены правила, устанавливающие порядок ежегодной оценки эффективности функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополь, а также подготовки отчета о результатах функционирования свободной экономической зоны [СЗ РФ. 2015. № 51 (часть III). Ст. 7350; 2017. № 24. Ст. 3531].

Для осуществления оценки эффективности используются и установлены показатели и критерии оценки эффективности.

Отчетность также предусмотрена на уровне Приказа Минэкономразвития России от 15 июня 2016 г. № 374 [Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.07.2016 г.].

Применительно к иным зонам таких подзаконных актов нет, но представляется необходимой разработка вопроса о принятии аналогичных документов для иных особых экономических зон с целью мониторинга реализуемого эксперимента.

Как видим, законодательно, а также с включением норм подзаконного характера определена некоторая модель, составные элементы которой при достижении конкретных результатов, выраженных в количественном эквиваленте, могут подвергаться сравнению с учетом хронологического критерия или иных качественных характеристик.

Полагаем, в перспективе опыт реализации федеральных законов о свободных экономических зонах будет иметь важное практическое значение как для территорий советующих субъектов, так и его распространения на территории с аналогичными условиями. Сами территории рассмотренных субъектов России будут являться экспериментальными по отношению к последующим правоотношениям однородного характера с иными территориями. На основе положительных и отрицательных результатов развития экспериментальных территорий необходимо следуют содержательные дополнения и уточнения юридической науки, а также предложения, направленные совершенствования российского законодательства о территориях.

Список литературы References

1. Территория в публичном праве / И.А. Алебастрова, И.А. Исаев, С.В. Нарутто и др. М.: Норма, Инфра-М, 2013.

Territoriya v publichnom prave / I.A. Alebastrova, I.A. Isaev, S.V. Narutto i dr. M.: Norma, Infra-M, 2013.

2. Федеральный закон от 22 января 1996 г. № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области». Документ утратил силу с 1 июля 2006 г. в связи с принятием Федерального закона от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 224.

Federal'nyj zakon ot 22 yanvaryaya 1996 g. № 13-FZ «Ob Osoboj ehkonomicheskoy zone v Kaliningradskoj oblasti». Dokument utratil silu s 1 iyulya 2006 g. v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona ot 10.01.2006 g. № 16-FZ // SZ RF. 1996. № 4. St. 224.



3. Федеральный закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» (ред. от 22.12.2014 г.) // СЗ РФ. 1999. № 23. Ст. 2807; 2014. № 52 (часть I). Ст. 7534.

Federal'nyj zakon ot 31 maya 1999 g. № 104-FZ «Ob Osoboj ehkonomicheskoy zone v Magadanskoj oblasti» (red. ot 22.12.2014 g.) // SZ RF. 1999. № 23. St. 2807; 2014. № 52 (chast' I). St. 7534.

4. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (ред. от 18.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127; 2017. № 30. Ст. 4457.

Federal'nyj zakon ot 22 iyulya 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ehkonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» (red. ot 18.07.2017 g.) // SZ RF. 2005. № 30 (ch. II). St. 3127; 2017. № 30. St. 4457.

5. Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 05.12.2017 г.) // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 280; 2017. № 50 (Часть III). Ст. 7564.

Federal'nyj zakon ot 10 yanvarya 2006 g. № 16-FZ «Ob Osoboj ehkonomicheskoy zone v Kaliningradskoj oblasti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (red. ot 05.12.2017 g.) // SZ RF. 2006. № 3. St. 280; 2017. № 50 (Chast' III). St. 7564.

6. Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 37-ФЗ «Об особенностях функционирования финансовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя на переходный период» (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1529; 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4789.

Federal'nyj zakon ot 2 aprelya 2014 g. № 37-FZ «Ob osobennostyah funkcionirovaniya finansovoj sistemy Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya na perekhodnyj period» (red. ot 29.07.2017 g.) // SZ RF. 2014. № 14. St. 1529; 2017. № 31 (Chast' I). St. 4789.

7. Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ред. от 29.12.2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6658; 2018. № 1 (Часть I). Ст. 39.

Federal'nyj zakon ot 29 noyabrya 2014 g. № 377-FZ «O razvitii Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya i svobodnoj ehkonomicheskoy zone na territoriyah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» (red. ot 29.12.2017 g.) // SZ RF. 2014. № 48. St. 6658; 2018. № 1 (Chast' I). St. 39.

8. Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 421-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ред. от 05.12.2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7532; 2017. № 50 (Часть III). Ст. 7543.

9. Federal'nyj zakon ot 22 dekabrya 2014 g. № 421-FZ «Ob osobennostyah pravovogo regulirovaniya otnoshenij, svyazannyh s predostavleniem mer social'noj zashchity (podderzhki), a takzhe vyplat po obyazatel'nomu social'nomu strahovaniyu otdel'nym kategoriyam grazhdan, prozhivayushchih na territoriyah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» (red. ot 05.12.2017 g.) // SZ RF. 2014. № 52 (chast' I). St. 7532; 2017. № 50 (Chast' III). St. 7543.

10. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945; 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.

Federal'nyj zakon ot 29 iyunya 2015 g. № 154-FZ «Ob uregulirovanii osobennostej nesostoyatel'nosti (bankrotstva) na territoriyah Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (red. ot 29.07.2017 g.) // SZ RF. 2015. № 27. St. 3945; 2017. № 31 (Chast' I). St. 4815.

11. Указ Президента РФ от 4 июня 1992 г. № 548 «О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации» (ред. от 29.08.2001 г.) // Российская газета. 1992, 9 июня; СЗ РФ. 2001. № 36. Ст. 3543.

Ukaz Prezidenta RF ot 4 iyunya 1992 g. № 548 «O nekotoryh merah po razvitiyu svobodnyh ehkonomicheskikh zon (SEHZ) na territorii Rossijskoj Federacii» (red. ot 29.08.2001 g.) // Rossijskaya gazeta. 1992, 9 iyunya; SZ RF. 2001. № 36. St. 3543.



12. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1033 «О некоторых мерах по развитию свободной экономической зоны «Находка»» (ред. от 14.08.2007 г.) // СЗ РФ. 1994. № 20. Ст. 2279; 2007. № 34. Ст. 4251.

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 sentyabrya 1994 g. № 1033 «O nekotoryh merah po razvitiyu svobodnoj ehkonomicheskoy zony «Nahodka»» (red. ot 14.08.2007 g.) // SZ RF. 1994. № 20. St. 2279; 2007. № 34. St. 4251.

13. Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. № 1368 «Об утверждении Правил ежегодной оценки эффективности функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя и подготовки отчета о результатах функционирования свободной экономической зоны» (ред. от 03.06.2017 г.) // СЗ РФ. 2015. № 51 (часть III). Ст. 7350; 2017. № 24. Ст. 3531.

14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12 dekabrya 2015 g. № 1368 «Ob utverzhenii Pravil ezhegodnoj ocenki ehffektivnosti funkcionirovaniya svobodnoj ehkonomicheskoy zony na territoriyah Respubliki Krym i g. Sevastopolya i podgotovki otcheta o rezul'tatah funkcionirovaniya svobodnoj ehkonomicheskoy zony» (red. ot 03.06.2017 g.) // SZ RF. 2015. № 51 (chast' III). St. 7350; 2017. № 24. St. 3531.

15. Приказ Минэкономразвития России от 15 июня 2016 г. № 374 «Об утверждении формы отчета о результатах функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя, представляемого высшим исполнительным органом государственной власти Республики Крым и высшим исполнительным органом государственной власти г. Севастополя» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.07.2016 г.

Prikaz Minehkonmrazvitiya Rossii ot 15 iyunya 2016 g. № 374 «Ob utverzhenii formy otcheta o rezul'tatah funkcionirovaniya svobodnoj ehkonomicheskoy zony na territoriyah Respubliki Krym i g. Sevastopolya, predstavlyaemogo vysshim ispolnitel'nym organom gosudarstvennoj vlasti Respubliki Krym i vysshim ispolnitel'nym organom gosudarstvennoj vlasti g. Sevastopolya» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 14.07.2016 g.

УДК 343.21

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-525-531

**НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ****SOME HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF CAUSATION
IN DOMESTIC CRIMINAL LAW****М.Е. Игнатьев****M.E. Ignatiev**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119992, Москва, ГСП-2 Ленинские горы

Lomonosov Moscow State University, GSP-2, Leninskiye Gory, Moscow, 119992, Russia

E-mail: 89166810785@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы истории развития отдельных проблем причинности и причинно-следственных связей в отечественном уголовном праве, которые были актуальны в и советский период его развития. Автор представляет научный анализ вопросов, связанных с уголовно-правовой причинностью, тщательно анализирует позиции известных русских правоведов, обосновавших объективный характер причинной связи, возможности ее рассмотрения с материалистических диалектических позиций. В анализе взглядов на причинность в уголовном праве ученых советского периода отмечается значение развитых ими теорий эквивалентности, необходимости, степеней причинения, информационной причинности, делаются выводы о том, что это научное наследие сформировало несколько проблемных блоков и направлений их исследования, связанных с установлением причинной связи в уголовном праве на основе общеметодологических подходов; причинности при преступном бездействии; установления на основе причинной связи вины субъекта преступления и соучастия в преступлении.

Abstract

The article deals with the history of the development of individual problems of causality and cause-effect relations in the domestic criminal law, which were relevant in the Soviet period of its development. The author presents a scientific analysis of issues related to criminal law causality, carefully analyzes the positions of well-known Russian jurists who have substantiated the objective nature of causation, the possibility of its consideration from materialistic dialectical positions. In the analysis of views on causality in the criminal law of scientists of the Soviet period, the importance of their developed theories of equivalence, necessity, degrees of infliction, information causality, conclusions are drawn that this scientific heritage has formed several problem blocks and directions of their research related to the establishment of causation in criminal law on the basis of General methodological approaches; causality in criminal inaction; establishment on the basis of causal link of guilt of the subject of the crime and complicity in the crime.

Ключевые слова: причинность, причинно-следственная связь, уголовное право, история причинности в уголовном праве, теории причинности в уголовном праве.

Keywords: causality, causation, criminal law, history of causality in criminal law, theory of causality in criminal law.

Ни одно исследование проблем причинности не обходится без упоминания такого труда Аристотеля как «Метафизика», где, пожалуй, впервые были системно изложены как учение положения о четырех причинах. Они были усвоены средневековой схоластикой, но до сих пор не исчерпали себя средствами философского мышления. Автор «Метафизики»



утверждал, что при поиске причин явлений, предметов или процессов следует ставить не один, а сразу несколько вопросов, ответив на которые есть возможность получить полное представление о явлении, предмете или процессе. Во-первых, следует установить сущность данного факта, то есть его *материальную* причину; затем действиями какого субъекта данный факт инициирован (*производящая* причина); что представляет его сущность относительно идеи (понятия) и формы, а также цели существования, то есть вопросы *формальной* и *конечной* причин. На взгляд Аристотеля подобный методологический подход позволяет исследователю объективно объяснять мир.

В отечественном уголовном праве эта методология была воспринята положительно, и, начиная практически с середины XIX столетия, российскими учеными были продолжены теоретические изыскания, связанные с развитием теории причинности в уголовном праве, которые давно занимали умы западноевропейских правоведов.

В этой связи была обоснована и предложена новая теория – теория равноценности (эквивалентности) условий. Основным ее положением было то, что вопросы причинной связи отделялись от вопросов вины. Один из ее авторов, В. Круг, отмечал, что в «уголовном праве должны быть разделены вопросы виновности и вопросы факта, внутренняя причинная связь и внешняя...» [1, с. 52–53]. Он предлагал рассматривать отдельно факт преступления и виновность в нем лица. Основное положение этой теории – действие человека должно быть необходимым и предшествующим условием наступившего результата, а для решения этого вопроса предлагалось использовать формально-логический прием – «метод остатков».

Существенный вклад в развитие этой теории внес российский правовед Г. Колоколов [2, с. 211]. Подчеркивая объективный характер причинной связи, он считал, что для вменения последствий с объективной стороны должно быть только одно основание, чтобы деяние лица являлось фактором наступления результата.

Проявляя интерес к проблеме причинности в уголовном праве, П.П. Пусторослев предложил дополнить теорию равноценности условий включением в состав причины бездействия [3], что было в определенном смысле правовым новаторством.

Однако в этой теории были явные недостатки, главным среди которых следует считать тот факт, что она не содержала четкого разграничения причины и условий, в которых могла быть реализована.

Известный российский правовед С.В. Познышев, утверждая, что причинная связь – это общеправовая категория, разъяснял, что в уголовном праве не может быть «общей» и «особой» причинности. На его взгляд, понятия и их определения должны одинаково трактоваться во всех науках, иначе получится неразбериха и путаница. «Уголовно-правовая наука должна лишь применять к своим построениям общее понятие причины, не допуская никаких отступлений и никаких искажений его» [4, с. 316]. Условия возникновения явления С.В. Познышев делил на три категории: первая – материя (субстанция) явления; вторая – воздействие на эту материю (собственно причина), третья – условия, в которых действует причина. Этот подход отвечает современным требованиям причинности.

Имели место предложения делить причины в уголовном праве на главную и второстепенные, что, по существу, предоставляло право судье самостоятельно решать вопрос о наличии причинной связи в деянии.

Особого внимания относительно проблемы причинности в уголовном праве заслуживает позиция Н.С. Таганцева.

Он рассматривал причинную связь как действительно происшедшую, а не одну только возможность возникновения таковой [5, с. 315], что существенно приближало отечественную правовую мысль к рассмотрению причинности с материалистических диалектических позиций.

Заслугой Н.С. Таганцева является и то, что он своими взглядами развил теорию немецкого ученого А. Гейера о «присоединяющихся» силах (силы, которые подсоединяются к действиям виновного лица и действуют вместе с ним).

Рассматривая наиболее сложные случаи «присоединившихся» сил, когда это были действия третьих лиц, Н.С. Таганцев различал следующие возможные результаты следствия действий с указанием вида и формы ответственности: 1. Умышленные действия первого и неосторожные – второго (за результат отвечает первый, второй – только за неосторожность); 2. Неосторожные действия первого и умышленные второго (первый вообще не отвечает, за результат отвечает второй); 3. Умышленные действия обоих лиц (первый отвечает за покушение, второй – за результат); 4. Неосторожные действия обоих лиц (отвечает первый и второй).

В итоге своих рассуждений он пришел к выводу, что умышленные действия второго лица прерывают причинную связь действий виновного с наступившими последствиями.

Приведенный краткий исторический анализ отдельных аспектов научной мысли в области причинности в уголовном праве свидетельствует о том, что было сделано достаточно для того, чтобы сложились неплохие предпосылки для серьезного исследования проблемы. При всех успехах и недостатках, истинных научных исследованиях и исследованиях, обоснованных неким «социальным» заказом, проблема только обрела контуры решения и правильный вектор его отыскания, основанный на положениях античной и современной философии, а также данных уголовной практики.

Серьезный научный вклад в исследование причинности в уголовном праве был внесен в советский период развития российской государственности. Советские правоведы в полной мере использовали знания как отечественных ученых, так и западноевропейских специалистов в области уголовного права.

Первый советский учебник уголовного права («Уголовное право. Очерки основных начал Общей и Особенной части», 1923 г.) принадлежит перу С.В. Познышева, о котором мы уже упоминали выше. В нем он продолжил развивать свою теорию, основанную на разграничении причины и условия. В этой связи он отводит условиям очень важную роль, полагая, что их действие способно существенно влиять на процесс причинности в системе: причина – следствие. Как и ранее, он делит все условия на три категории: первая – материал – объект – воздействие; вторая – действие (сама причина); третья – условия действия причины (воздействие ее на объект – материал) [6, с. 220]. По мнению С.В. Познышева, объективное основание ответственности можно считать установленным, когда поведение лица было одним из условий-причин наступившего результата, хотя бы оно и выразилось в представлении объекта посягательства (объект – материал – воздействие), тем более это касается самого действия-причины или создания благоприятных условий до действия виновного.

Подобное уравнивание условий-причин не могло не вызвать возражений с позиции принятого в советский период детерминизма, как одного из главных принципов любого научного исследования. Значение каждой из обозначенных им трех категорий далеко не одинаково.

Рассматривая в учебнике «Уголовное право. Общая часть» (1929 г.) проблему причинных связей А.Н. Трайнин считал, что причиной следует считать любое поведение (действие или бездействие) лица, которое было необходимым условием наступления общественно опасного результата, если со стороны лица было умышленное или неосторожное отношение к этому результату. Он следующим образом определял причинную связь: «Рассматривая последствие, возникшее из действия различных сил, мы найдем, что если представить себе хотя бы одно из этих действий не происходившим или выделить какую-нибудь из этих сил, то и само последствие в конкретной его обстановке изменится. Это значит, что для последствия, возникшего из совокупности действия различных сил, есть *conditiosinequanon*. Поэтому всякая отдельная сила, в том числе и деятельность человека,



хотя бы изолировано от других, она не могла произвести последствия, должна быть признана ответственной за последствия в полном объеме ввиду ее неделимости» [7, с. 319].

Налицо теория эквивалентности, отрицание главных и второстепенных причин, равенство всех условий, предшествовавших наступившему результату.

Здесь опять мы сталкиваемся с реализацией формально-логического приема исключения и различия в толковании общеправовых основ причинности и «специальной» причинной связи в уголовном праве. По мнению А.Н. Трайнина, причиной является действие лица в момент совершения преступления и его возможность предвидеть наступивший результат.

Рассуждая так, этот уважаемый автор, по существу, подменяет вопрос о причинной связи в уголовном праве вопросом о субъективных условиях вменения лицу причиненного преступного результата. Тем самым в одно понятие причинения «сливаются» и причинность, и виновность, так как причинной связью он считал только ту, которая охватывалась или могла охватываться предвидением лица.

Другой известный советский правовед А.А. Пионтковский, рассматривая причинность в уголовном праве, обращал внимание на два диаметрально противоположных взгляда на эту уголовно-правовую категорию: материалистический (объективная реальность) и идеалистический (отражение в сознании людей для удобства ориентации). В учебнике уголовного права (коллектив авторов ВИЮН, 1938 г.) он рассматривает причинную связь в уголовном праве, оперируя такими категориями, как причина и следствие; возможность и действительность; случайность и необходимость. При этом его исходным постулатом является то, что уголовная ответственность может наступить только за такое виновное поведение, которое с необходимостью повлекло за собой преступный результат [8, с. 253].

Следует отметить, что в 30-е годы в СССР было уделено недостаточно внимания исследованию теоретических положений причинности в уголовном праве. Отчасти это было связано с «остановленными» криминологическими исследованиями.

Однако концепция А.А. Пионтковского о разграничении причинных связей на необходимые и случайные получила дальнейшее развитие, став основой *теории необходимости* в уголовном праве, которую поддерживали такие известные ученые, как М.Д. Шаргородский, Н.Д. Дурманов и др. В гражданском праве эту позицию разделяли Л.А. Лунц, Б.С. Антимонов, Г.И. Матвеев и др.

Немаловажное значение для оживления дискуссии по проблемам уголовно-правовой причинности имела статья Н.Д. Дурманова, посвященная общим основаниям учения о причинной связи в уголовном праве, опубликованная в 1944 году [9, с. 45]. Поддерживая А.А. Пионтковского, Н.Д. Дурманов делит все условия на действия-причины, причинно связанные с наступившими преступными результатами (виновность лица) и действия-условия, не находящиеся в причинной связи с преступными результатами (отсутствие вины).

В уголовном праве вопрос о причинной связи возникает непременно тогда, когда предусмотрено наступление вредных последствий, тогда и возникает проблема выявления специфических признаков причинной связи. Это очевидный факт. Но как быть с проблемой бездействия и наступления преступного результата? Заслужено Н.Д. Дурманова как раз и было то, что он первым поднял этот вопрос – вопрос о причинной связи бездействия и преступного результата (на него до сих пор не дан сколько-нибудь однозначный ответ). Н.Д. Дурманов отмечал, что для установления причинной связи в этом случае необходимо: а) установить, что на виновное лицо возлагались определенные обязанности, б) что невыполнение этих обязанностей повлекло наступление преступного результата.

Однако подобный подход вызвал определенную критику. Так, М.Д. Шаргородский считал, что при бездействии причинная связь вообще отсутствует, и лицо должно отвечать только за бездействие [10, с. 47]. Его позиция не получила поддержки у большинства уче-

ных, а Н.Д. Дурманов развил свои взгляды на этот предмет в фундаментальном труде, которое назвал «Понятие преступления» (1948 г.) [11].

В 1949 г. появилась первая докторская диссертация, в которой вопрос причинной связи в уголовном праве был тщательно исследован. В ней Т.В. Церетели, поддерживая позиции Н.Д. Дурманова, ввела тезис о неравноценности причинных факторов и активного производящего характера. Причиной следует считать лишь такое действие, считала она, которое не только было необходимым условием возникновения результата, но и имело активный производящий характер [12, с. 11]. Свою позицию по данному вопросу определил и В.Н. Кудрявцев, который считал, что если поступок лица был необходимым условием наступления преступных последствий, то этого вполне достаточно для признания причинной связи в уголовном праве [13, с. 50].

В начале 50-х годов А.Н. Трайнин выдвигает новую теорию причинности в уголовном праве – «теорию степеней причинения». Указывая на возможность альтернатив любого фактора из состава преступления (умысел – неосторожность, ущерб большой – ущерб малый и т. д.), он развивает идею о возможности снижения любого элемента состава преступления до ничтожного. То же относит он и к причинности результата. Снижение степени любого элемента может понизить степень всего состава и привести к освобождению лица от уголовной ответственности [14].

Данная точка зрения была сразу же подвергнута острой критике.

В этой связи В.Н. Кудрявцев писал: «Нельзя согласиться с тем, что признаки состава преступления всегда допускают степенение» [15, с. 78]. Отражая позицию этого известного советского юриста относительно рассматриваемого предмета, следует упомянуть его работу «Объективная сторона преступления», опубликованную в 1960 г. Автор признает за причинной связью право восприниматься в качестве элемента состава преступления, его объективной стороны, а как юридическая категория причинная связь, на взгляд В.Н. Кудрявцева, должна обладать соответствующими признаками. Он полагает, что главным из них является то, что действие наступившего преступного результата должно быть опасно в момент его совершения. Параметры причинной связи видятся ему в трех характеристиках: характер действия, характер последствия, протяженность причинной связи между действием и последствием. Реализуемое действие должно быть общественно опасным в момент его проявления. Если оно не опасно, то причинная связь (между действием и последствием) не является элементом состава преступления. Причинная связь должна быть результатом анализа всех факторов преступления, а не только действия и последствия.

Позднее (1961 г.) А.А. Пионтковский введет элемент случайности в теорию причинной связи, что означает – всякое закономерное явление в процессе своего развития не застраховано от воздействия случайностей, а такое случайное вмешательство может и менять, и не менять характер причинной связи.

С опубликованием В.Н. Кудрявцевым работы «Причинность в криминологии» спор о причинной связи при преступном бездействии вспыхнул с новой силой. Он выдвинул тезис, что и в бездействии может быть активный момент, а причину нельзя связывать только с активным действием. В.Н. Кудрявцев призывал глубже раскрывать механизм взаимодействия факторов при совершении преступления, опираясь на общеправовые категории, но помня об их общем характере. Для этого следует конкретизировать и унифицировать все понятийные категории причинности в уголовном праве.

В этой же работе была обоснована теория «информационной причинности» в связи с энергетической причинностью. Отмечено, что информационно-психологическое воздействие нельзя исключать из усмотрения, равно как и его плачевных последствий в виде негативного влияния на человека и стресса, и его последствий.

Советский период развития теории российского уголовного права был весьма плодотворным в части обоснования научных и отдельных практических положений объек-



тивной стороны преступления и его элемента – причинно-следственной связи. Фактически каждый специалист в различных аспектах затронул эту тему в своих публикациях: общетеоретических вопросов, касающихся причинной связи в уголовном праве [16, с. 7–9], проблем причинной связи при бездействии [17], анализа последствий как конечного результата действия причины [18, с. 11], вероятностей причины [19, с. 47] и пр.

Это теоретическое научное наследие закономерно отразилось на формировании тенденции практической ориентации теоретических исследований вопросов причинности в уголовном праве, что сформировало несколько проблемных блоков и направлений их исследования. Так, в частности, а) установление причинной связи в уголовном праве на основе общеметодологических подходов; б) установление причинности при преступном бездействии; в) причинная связь и установление вины субъекта преступления; г) причинная связь при соучастии в преступлении.

Эти проблемы не утратили актуальности и в настоящее время в связи с тем, что в современных условиях развития российского общества, когда процесс расследования преступлений многократно усложнен, существенно востребованы грамотные действия субъектов, представляющих правоохранительные органы в доказывании криминальности действий каждого, заподозренного в противоправной деятельности.

В этой связи исследование проблем причинности в уголовном праве имеет хорошие перспективы.

Список литературы References

1. Krug V. Ober Cansalzysammenbang Alnandlungen. 1855.
Krug V. Ober Cansalzysammenbang Alnandlungen. 1855.
2. Колоколов Г. О соучастии в преступлении / Дисс...магистра. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1881. – [2], IV.
Bells G. complicity in the crime / Diss...master. - M.: University printing (M. Katkov), 1881. – [2], IV.
3. Пусторослев П.П. Причинность и обусловленность в уголовном праве // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 8.
Pustovlev P.P. Causality and conditionality in criminal law // Journal of the Ministry of justice. 1906. № 8.
4. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издание А.А. Карцева, 1912.
Poznyshhev S.V. Basic principles of science of criminal law. The General part of criminal law. 2nd ed., ISPR. and additional M.: A.A. Kartsev's Edition, 1912.
5. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. СПб: Типография М.М. Стасюлевича. 1878.
Tagantsev N. S. Russian criminal law course. St. Petersburg: Printing House Of M.M. Stasyulevich. 1878.
6. Познышев С.В. Учебник уголовного права. Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права». М.: Изд. Наркомюста, 1923.
Poznyshhev, S. V., Textbook of criminal law. Essay of the main principles of General and special part of the science of criminal law". M.: Izd. People's commissary, 1923.
7. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. -М., 1929.
Traynin A. N. Criminal law. Common part. -M., 1929.
8. Уголовное право. Общая часть / Учебник / Герцензон А.А., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Пионтковский А.А. и др.-М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР. 1938.
Criminal law. General part / Tutorial / Gartenzaun A. A. Durmanov N. D., Isayev M. M., Piontkovsky A. A. and others-M.: Yurid. publishing house NKJU of the USSR. 1938.
9. Дурманов Н.Д. Понятие преступления / Дурманов Н.Д.; Отв. ред. Шаргородский М.Д., М., Л.: АН СССР. 1948.

Durmanov N. D. The concept of crime / Durmanov N. D.; Resp. Shargorodsky M. D. ed., Moscow, Leningrad: an SSSR. 1948.

10. Шаргородский М.Д. Вопросы уголовного права в практике Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. -М., 1947. № 9.

Shargorodsky M. D. questions of criminal law in the practice of the Supreme Court of the USSR / / socialist legality. -М., 1947. № 9.

11. Курляндский В.И. Рецензия на книгу А.Н. Трайнина «Состав преступления по советскому уголовному праву // Советское государство и право. 1952. № 8. // Вопросы уголовного права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. Сб. 1.

Kurlyandsky V. I. Review of the book by A. N. Trainin " Corpus delicti under Soviet criminal law // the Soviet state and law. 1952. № 8. // Criminal law issues. М.: Yurid. publishing house NKJU of the USSR, 1944. Sat. 1.

12. Церетели Т.М. Причинная связь в уголовном праве // Автореф ... докт. юрид. наук. -М., 1949.

Tsereteli T. M. Causal relationship in criminal law. Avtoref ... Doc. the faculty of law. sciences'. - М., 1949.

13. Кудрявцев В.Н. К вопросу о причинной связи в уголовном праве // Советское государство и право. № 1. 1950.

Kudryavtsev, V. N. To the question of causation in criminal law // Soviet state and law. № 1. 1950.

14. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. -М.: Госюриздат. 1951.

Traynin A.N. The crime on the Soviet criminal law. -М.: Gosyurizdat. 1951.

15. См., например, Кудрявцев В.Н. Противоправное бездействие и причинная связь // Советское государство и право, - М.: Наука, 1967, № 5.

See, for example, Kudryavtsev V.N. Illegal inaction and causation // / Soviet state and law-М.: Science, 1967, № 5.

16. См., например, Кригер Г. Причинная связь в советском уголовном праве // Советская юстиция - М.: Юрид. лит., 1979, № 1.

See, for example, Krieger G. Causal relationship in Soviet criminal law // Soviet justice-М.: Jurid. lit., 1979, № 1.

17. См., например, Кудрявцев В.Н. Противоправное бездействие и причинная связь // Советское государство и право, - М.: Наука, 1967, № 5.

See, for example, Kudryavtsev V. N. Illegal inaction and causation // / Soviet state and law-М.: Science, 1967, № 5.

18. Церетели Т.М. Причинная связь в уголовном праве // Автореф ... докт. юрид. наук. -М., 1949.

Tsereteli T. M. Causal relationship in criminal law. Avtoref ... Doc. the faculty of law. sciences'. - М., 1949.

19. Шаргородский М.Д. Вопросы уголовного права в практике Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. -М., 1947. № 9.



УДК 342

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-532-538

**ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
ВЕРСИИ ДОКТРИНЫ И ДИНАМИЗМ ПРАКТИКИ****CAMPAIGNING ON THE INTERNET:
VERSION OF THE DOCTRINE AND DYNAMISM OF PRACTICE****М.В. Мархгейм, Л.И. Никонова
M.V. Markhgeym, L.I. Nikonova**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Markheim@bsu.edu.ru; Nikonova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье представлены доктринальные и практические подходы к исследованию предвыборной агитации в сети Интернет, в том числе в понятийном ключе, с позиции достоинств и недостатков, форм и технологий. На примере предвыборных кампаний последних лет, проводимых в России и за рубежом, рассмотрены характерные варианты использования различных способов предвыборной агитации в сети Интернет. Сделан вывод, что динамичность глобальной сети обуславливает увеличение используемых в ней способов агитации. Подчеркнуто, что это, с одной стороны, позволяет избирателю более точно определиться в своих политических предпочтениях, а с другой – в отсутствие должной законодательной регламентации создает риски противоправного распространения предвыборных агитационных материалов, применения различных технологий для манипуляции общественным мнением.

Abstract

The constitutional right of citizens to participate in the management of state Affairs through elections, which supports a General conceptual approach to the source of power – the people, on the one side, is provided by legislative, institutional, procedural, other guarantees, on the other, – gives citizens the status of an object for which candidates for the exercise of public power are zealously and not always correctly hunted. In this hunt serious networks, including global are placed. The article presents doctrinal and practical approaches to the study of election campaigning on the Internet, including in the conceptual way, from the standpoint of advantages and disadvantages, forms and technologies. On the example of election campaigns of recent years, held in Russia and abroad, the characteristic options of using different methods of election campaigning on the Internet. It is concluded that the dynamics of the global network causes an increase in the methods used in it agitation. It is emphasized that this, on the one hand, allows the voter to more accurately determine their political preferences, and on the other – in the absence of proper legislative regulation creates the risks of illegal distribution of election campaign materials, the use of various technologies to manipulate public opinion.

Ключевые слова: конституционные права граждан, политические права, выборы, предвыборная агитация в сети Интернет, кандидаты, политические партии, способы агитации.

Keywords: constitutional rights of citizens, political rights, elections, pre-election campaigning on the Internet, candidates, political parties, methods of agitation.

Конституционное право граждан России участвовать в управлении делами государства посредством выборов (ч. 2 ст. 32) [1], поддерживающее общий концептуальный

подход об источнике власти – многонациональном народе (ст. 3), с одной стороны, обеспечивается законодательными, институциональными, процессуальными, иными гарантиями, с другой – придает гражданам статус объекта, за которым в рамках предвыборной агитации рьяно и не всегда корректно охотятся претенденты на осуществление публичной власти. В этой охоте расставляются нешуточные сети, в том числе глобальная.

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет активно внедряется в предвыборные кампании, влияя на формирование общественного мнения, политических представлений и предпочтений граждан. Это актуализирует вопросы законодательного регулирования правил и норм поведения в глобальной сети в период организации и проведения выборов. Данная проблема находится в фокусе внимания законодателей, политиков, политтехнологов различных стран мира, ученых, правозащитников, избирателей. Интернет-агитация на выборах исследуется в понятийном ключе с позиции достоинств и недостатков, форм и технологий. Справедливо акцентируется внимание на «возрастающей роли Интернет-коммуникаций в процессе взаимодействия политических акторов с различными группами общественности» не только в повседневных текущих политических практиках, но и во время предвыборного периода [Зверев и др., с. 87].

Полагаем возможным в целом согласиться с трактовкой Интернет-агитации на выборах как деятельности, осуществляемой «в период избирательной кампании с применением современных информационно-коммуникационных технологий, основанных на возможностях сети Интернет, и побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)» [Борисов и др., с. 12]. При этом, полагаем, данное определение следует дополнить «правовой составляющей»: Интернет-агитация на выборах представляет собой «основанную на действующем законодательстве деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании...». При таком подходе, помимо прочего, будет устранена допущенная неточность расширительного указания на период проведения предвыборной агитации, поскольку она прекращается за сутки до дня голосования, а избирательная кампания при этом продолжается до официального подведения итогов выборов.

Интернет-агитация выгодно отличается от методов, перечисленных в п. 3 ст. 48 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2]. К положительным аспектам использования сети Интернет для проведения предвыборной агитации относят: сравнительную дешевизну агитационных материалов по сравнению с телевидением, радио и печатной прессой; влияние аудитории пользователей Интернета, представленной, как правило, людьми, занимающими активную жизненную позицию; наличие у Интернета уникальных преимуществ, выражающихся в передаче информации практически в любом (визуальном, аудиальном, текстовом и др.) формате; трансграничность, способствующая донесению информации о выборах до тех избирателей, которые не могут (например, находятся за пределами территории России) или не хотят (вследствие небезосновательного представления об ангажированности и непрофессионализме значительного большинства отечественных информационных каналов) получить доступ к традиционным СМИ [Долгова и др., с. 93]; бесперебойность функционирования (фактически 24 часа в сутки); онлайн-режим, способствующий получению информации, в том числе и агитационного характера, в режиме реального времени намного быстрее, чем официальные СМИ [Зверев и др.]; возможность выявлять политические предпочтения избирателей и корректировать проведение предвыборной агитации с учетом взглядов и мнения электората; интерактивность – возможность работать с «обратной связью» (проведение Интернет-конференций, дискуссий, голосований, переписка с избирателями и т. д.) [Шемелин и др., с. 31–33].

Указанные преимущества использования сети Интернет для проведения предвыборной агитации дополняются легкостью использования сетей, а также отсутствием ограничений по архитектуре и наполнению Интернет-ресурса [Хвалёв, с. 11–15]. При этом



верно подчеркиваются и существенные недостатки сети Интернет в части, касающейся его юридического сопровождения. Так, указывается на отсутствие единой, формализованной терминологии и принципов деятельности в Интернете; правового регулирования круга участников процесса управления Интернетом, их статуса, а также правил установления места и времени совершения юридически значимых действий при использовании в Интернете; механизмов привлечения к юридической ответственности за нарушение правил организации и проведения предвыборной агитации в Интернете [Хвалёв].

Законодательно определен широкий перечень способов проведения предвыборной агитации: через газеты, журналы, раздачу, расклейку листовок, рекламу на наружных носителях, теле- и радиовещание, путём проведения массовых мероприятий. Каталог способов Интернет-агитации еще более масштабен – публикации в Интернет СМИ; создание политическими партиями своих собственных Интернет-представительств; прямое общение с избирателями посредством электронной почты и Интернет-конференций [Дурнова, с. 54–56] – и постоянно дополняется, поскольку сама глобальная сеть невероятно динамична.

В последние годы в предвыборной агитации активно используются социальные сети. Интересна в данном контексте кампания по выборам Президента США 2016 г. Одной из наиболее эффективных агитационных технологий, способствовавших победе Д. Трампа, стало его личное ведение Твиттер-аккаунта, который на сегодняшний день читают почти 49 млн человек [3]. Такое общение с избирателями и журналистами, с одной стороны, стало альтернативой традиционным СМИ, с другой – способствовало сокращению затрат на предвыборную агитацию, хотя, полагаем, это не было целью Твиттер-общения кандидата в Президенты США и избирателями.

Получить преимущество на выборах позволило также использование социальной сети «Facebook», где командой Д. Трампа были апробированы новые информационные аналитические технологии типа «big data». Социальная сеть, обрабатывая огромные массивы информации практически в реальном масштабе времени, выявляла политические предпочтения избирателей и давала соответствующие рекомендации по проведению агитационной кампании [4].

Справедливости ради отметим, что воздействие сети «Facebook» на избирателей было опробовано ещё на выборах в Конгресс США в 2010 г. «Facebook» поставил эксперимент с опцией «I voted» (я проголосовал), которая была подключена более чем у 61 млн пользователей этой сети. Данная опция позволила в ходе голосования сделать доступным выбор уже проголосовавших граждан для тех, кто ещё не принял участия в голосовании. По результатам была прослежена тенденция повышения избирательной активности и увеличение количества проголосовавших граждан [Роговский, с. 107–122].

Сегодня в социальных сетях можно увидеть зарегистрированные аккаунты российских политиков. Помимо повышения узнаваемости последних они содействуют формированию предпочтений электората. Так, по данным Агентства «Интернет-агитации» лидером рейтинга по просмотрам публикаций в «ВКонтакте» является страница В.В. Жириновского, содержащая краткие видеоролики и новости о его работе, а также позицию по наиболее важным темам [12].

В Twitter, например, в ходе предвыборной кампании 2018 г. были созданы официальный аккаунт поддержки Президента России В.В. Путина [13], личные страницы П.Н. Грудина [14], Г.А. Явлинского [7] и др. в качестве кандидатов на пост Президента России. Создание страницы в социальных сетях, специализированных групп или сообществ, ведение блогов признается к самым распространенным способам агитации в Интернете. Наиболее эффективным является самостоятельное ведение страницы кандидатом, т. к. «люди зачастую чувствуют некую человеческую составляющую в аккаунте депутата» или кандидата, и такие страницы избиратели чаще читают или комментируют [Стативко].

Помимо персонифицированных форм предвыборной агитации в глобальной сети реализуются партийно-обусловленные, когда агитационные материалы размещаются на сайте партии. Например, сайт «Сильный Президент – сильная Россия» [16] был создан и успешно сработал в поддержку кандидата В.В. Путина на выборах 2018 г. На нем размещались информационные материалы, содержащие основные направления предвыборной программы, представлены биографические данные кандидата, велся дневник кампании и т. д. Отказ предвыборного штаба В.В. Путина от создания сообществ в социальных сетях обусловлен, полагаем, широким представительством инициативных групп в поддержку кандидата с огромной аудиторией. При этом сайт «Сильный Президент – сильная Россия», впрочем, как и иные, не избежал обезличенности, что в известной степени нивелировалось известностью личности кандидата.

Отметим, что использование цитат из официальных и иных выступлений удобно, но не дает эмоциональных ощущений. А именно они надолго задерживаются в памяти и позволяют составить избирателям личностную характеристику кандидата. Эмоциональный фон поддерживается комментированием постов, создается обратная связь с избирателем. Ее отсутствие негативно влияет на агитационную кампанию. В этом плане блог более интересен, т. к. дает возможность следить за откликами, поддерживать дискуссию и анализировать настроение избирателей, с учётом чего корректировать агитационную кампанию.

В качестве положительного примера ведения блога с агитационными материалами выступает блог известного итальянского актера и телеведущего Б. Грилла. С его помощью BlogGeneration вышел в политический офлайн в рядах Movimento 5 Stelle («Движение 5 звезд»), и кандидат получил на парламентских выборах 2013 г. 25,56% голосов. Одним из важнейших моментов здесь явилось то, что «Движение...» вышло в политический офлайн, первоначально зародившись в глобальной сети. Однако политическая реальность оказалась более сложной, чем виртуальная, о чем свидетельствует своеобразная «волатильность» позиций депутатов «Движения...» и не всегда удачные поиски компромиссов [Урина].

Возникновение отличий в политических представлениях, сформированных посредством современных интернет-коммуникаций, от политических представлений граждан, не вовлечённых в политическую коммуникацию посредством ее новых форм, объясняется тем, что виртуальная действительность, «отображаясь в нашем сознании, формирует разные формы политической активности граждан, а сложившиеся в социальной сети во многом симулякратические политические представления диктуют алгоритм политического поведения граждан, ставя их в зависимость от виртуальной реальности» [Зверев и др., с. 98].

Достаточно часто на сайтах политических партий реализуется функция, позволяющая пользователям разместить ссылку на понравившийся материал с сайта политической партии в социальной сети, в которой зарегистрирован пользователь; предоставляется возможность перейти на страницу партии в социальных сетях; выразить свое альтернативное видение перспектив развития страны и т. д. Использование электронной почты позволяет распространять пресс-релизы, заявления и другие агитационные материалы, причем весьма незатратно.

Нередко кандидаты и политические партии прибегают к традиционным способам использования глобальной сети, покупая, например, рекламные площади на наиболее популярных Интернет-ресурсах. Так, Консервативная партия Великобритании разместила свою рекламу на главной странице портала YouTube. Анализируя достоинства и недостатки данной разновидности предвыборной агитации, указывается, что «с одной стороны, возможен эффективный контроль со стороны избирательных органов (при условии, что оплата рекламной площади происходит из избирательного фонда), а с другой – затрагивается вопрос об участии в агитации иностранных граждан, ведь часто эти сервисы зарегистрированы за рубежом» [Вакунов, с. 49].



Сопричастность избирателя с таким политическим событием, как выборы позволяет почувствовать использование мобильных приложений для смартфонов. После скачивания приложения по желанию пользователя избиратель «становится потенциальным сторонником или, по крайней мере, лояльным потребителем информации, в том числе агитационного характера, распространяемой через приложение предвыборным штабом. Данное приложение позволяет пользователям получать новости о предвыборной кампании, о ближайших событиях, поддерживать связь с другими сторонниками кандидата, принимать непосредственное участие в самой кампании посредством волонтерской деятельности и др. [Борисов и др., с. 121].

В России в преддверии президентских выборов в марте 2018 г. появился ещё один интересный способ агитации, соединивший в себе печатную продукцию и Интернет. Так, в Южно-Сахалинске на остановках транспорта были расклеены плакаты со сценами из известных советских и российских художественных фильмов. На каждом изображении был напечатан QR-код, ведущий на сайт действующего Президента России. При этом доверенное лицо кандидата и сопредседатель его предвыборного штаба по Сахалину Б. Мисиков заявил, что к подобной агитации штаб отношения не имеет [Кириягин].

Способом предвыборной агитации можно считать и вирусные видеоролики. Так, в феврале 2018 г. в российском сегменте сети Интернет начал активно распространяться пропагандистский видеоролик, призывающий граждан голосовать в марте 2018 г. Указанный ролик под названием «Вставай на выборы, а то поздно будет!» описывает две ситуации в стране: первая из них характеризует жизнь граждан в настоящее время, а вторая – рассказывает об изменениях, произошедших в результате смены власти, а именно инфляции, повышении призывного возраста, введении закона, поддерживающего нетрадиционные меньшинства, и т. д. Согласно ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» такой ролик можно считать агитацией, поскольку в нем описываются возможные последствия в случае, если кандидат будет или не будет избран. Возникает закономерный вопрос об оплате затрат на съемку таких роликов, ведь законодательно установлено, что расходы на проведение предвыборной агитации осуществляются исключительно за счет средств соответствующих избирательных фондов.

Подытоживая, отметим, что перечень способов агитации в сети Интернет постоянно дополняется, чему, помимо прочего, способствует динамичность самой глобальной сети. С каждой новой предвыборной кампанией в ней появляются нетрадиционные способы агитации, что, с одной стороны, позволяет избирателю более точно определиться в своих политических предпочтениях, а с другой – в отсутствие должной законодательной регламентации создает риски противоправного распространения предвыборных агитационных материалов, применения различных технологий для манипуляции общественным мнением и т. д.

Список литературы References

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

Konstitucija Rossijskoj Federacii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dek-abrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 5.02.2014 g. № 2-FKZ) // SZ RF. 2014. № 9. St. 851.

2. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.02.2018 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

Federalnyy zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ (red. ot 05.02.2018 g.) «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastiye v referendumе grazhdan Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2002. № 24. St. 2253.

3. Donald J. Trump (@realDonaldTrump) | Твиттер. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump>

4. Exclusive Interview: How Jared Kushner Won Trump the White House // <http://www.forbes.com/sites/stevenbertoni/2016/11/22/exclusive-interview-how-jared-kushner-won-trump-the-white-house/#39cbb47c2f50>

5. Вакунов С. Агитация в Интернете: мировой опыт и перспективы законодательного регулирования // Журнал о выборах. 2011. № 3.

Vakunov S. Agitatsiya v Internetе: mirovoy opyt i perspektivy zakonodatelnogo regulirovaniya // Zhurnal o vyborah. 2011. № 3.

6. Выборы в мире: агитация в сети Интернет / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; Под общ. ред. И.Б. Борисова – М.: Российский общественный институт избирательного права, 2017.

Vybory v mire: agitatsiya v seti Internet / I.B. Borisov. A.G. Golovin. A.V. Ignatov; Pod obshch. red. I.B. Borisova – M.: Rossiyskiy obshchestvennyy institut izbiratelnogo prava. 2017.

7. Григорий Явлинский. Политик, экономист, кандидат в президенты России // URL: <https://twitter.com/yavlinsky/>

Grigoriy Yavlinskiy. Politik. ekonomist. kandidat v prezidenty Rossii// URL: <https://twitter.com/yavlinsky/>

8. Долгова Н.А., Алиев Ш.А. Агитация в сети Интернет: практика, правовое регулирование, перспектива // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. № 2 (155).

Dolgova N.A., Aliyev Sh.A. Agitatsiya v seti Internet: praktika. pravovoye regulirovaniye. perspektiva // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2015. № 2 (155).

9. Дурнова И.А. Предвыборная агитация в сети Интернет // Международная межвузовская научно-практическая конференция студентов и аспирантов. Традиции и новации в системе современного российского права. 2008. С. 54–56.

Durnova I.A. Predvybornaya agitatsiya v seti Internet // Mezhdunarodnaya mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov i aspirantov. Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiyskogo prava. 2008. S. 54–56.

10. Зверев А.Л., Башков А.В. Роль интернет-коммуникации в выработке политических представлений российских граждан // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23).

Zverev A.L., Bashkov A.V. Rol internet-kommunikatsii v vyrabotke politicheskikh predstavleniy rossiyskikh grazhdan // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2013. № 3 (23).

11. Кирягин К. Неизвестные «партизаны» придумали новый способ агитации к выборам-2018 г. // URL: <https://www.eg.ru/politics/474161/>

Kiryagin K. Neizvestnyye «partizany» pridumali novyy sposob agitatsii k vyboram-2018 g. // URL: <https://www.eg.ru/politics/474161/>

12. Кто из депутатов Госдумы лучше ведет страницу в социальной соцсети и сколько людей действительно читают посты депутатов в самой крупной российской социальной сети «VKонтакте» // Агентство «Интернет-агитация». URL: <https://i-agit.ru/raiting-deputaty-vkontakte/>

Kto iz deputatov Gosdumy luchshe vedet stranitsu v sotsialnoy sotsseti i skolko lyudey deystvitelno chitayut posty deputatov v samoy krupnoy rossiyskoy sotsialnoy seti «VKontakte» // Agentstvo «Internet-agitatsiya». URL: <https://i-agit.ru/raiting-deputaty-vkontakte/>

13. Официальный аккаунт поддержки Президента Российской Федерации Владимира Путина // URL: <https://twitter.com/putinrf>

Ofitsialnyy akkaunt podderzhki Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Vladimira Putina // URL: <https://twitter.com/putinrf>

14. Павел Грудинин. Кандидат на пост Президента Российской Федерации от КПРФ и Народно-патриотических сил России // URL: <https://twitter.com/Grudininkprf>

Pavel Grudinin. Kandidat na post Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot KPRF i Narodno-patrioticheskikh sil Rossii // URL: <https://twitter.com/Grudininkprf>



15. Роговский Е. Выборы в США: успех технологических инноваций // Международная жизнь. 2017. № 3. С. 107–122.
Rogovskiy E. Vyborny v SShA: uspekhn tekhnologicheskikh innovatsiy // Mezhdunarodnaya zhizn. 2017. № 3. S. 107–122.
16. Сильный Президент – сильная Россия // URL: <http://putin2018.ru/> (дата обращения 10.03.2018)
Silnyy Prezident – silnaya Rossiya // URL: <http://putin2018.ru/> (data obrashcheniya 10.03.2018)
17. Стативко М. Социальные сети как инструмент предвыборной агитации [Электронный ресурс] // URL: <http://клубпубличнойполитики.рф/news/analitika/sotsialnye-seti-kak-instrument-predvybornoy-agitatsii/>
Stativko M. Sotsialnyye seti kak instrument predvybornoy agitatsii [Elektronnyy resurs] // URL: <http://клубпубличноуполитики.рф/news/analitika/sotsialnye-seti-kak-instrument-predvybornoy-agitatsii/>
18. Урина Н.В. Интернет-СМИ Италии в контексте цифрового неравенства [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2016. Вып. 3; URL: <http://www.mediascope.ru>
Urina N.V. Internet-SMI Italii v kontekste tsifrovogo neravenstva [Elektronnyy resurs] // Mediaskop. 2016. Vyp. 3; URL: <http://www.mediascope.ru>
19. Хвалёв С.А. Предвыборная агитация в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Избирательное право. 2014. № 3.
Khvalev S.A. Predvybornaya agitatsiya v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti «Internet» // Izbiratelnoye pravo. 2014. № 3.
20. Шемелин А.В., Гаджиев Р.Д. Роль Интернет-ресурса в предвыборной агитации в России // Информационное право. 2008. № 4.
Shemelin A.V., Gadzhiyev R.D. Rol Internet-resursa v predvybornoy agitatsii v Rossii // Informatsionnoye pravo. 2008. № 4.

УДК 340.158

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-539-544

**ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ
ПРОКУРАТУРЫ (1917–1922 гг.)****HISTORY OF THE CREATION OF THE SOVIET MODEL
OF THE PUBLIC PROSECUTOR'S OFFICE (1917–1922)****Е.В. Сафронова¹, В.Н. Струков²
E.V. Safronova¹, V.N. Strukov²**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

² Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

¹ Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

² Belgorod law Institute of the Russian interior Ministry named after I. D. Putilin,
71 Gorkogo st, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: Elena_safronova_2010@mail.ru; str-v-n@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен историко-правовой анализ создания прокуратуры в советский период отечественной истории. В работе утверждается, что время зарождения советской прокуратуры (1917–1922 гг.) представляет особый интерес, т. к. в этот период определялась модель надзорных органов советского государства. Новая модель существенным образом отличалась от организации прокуратуры в дореволюционный период. Главной особенностью явилось сочетание двух функций в деятельности прокуратуры: общего надзора за соблюдением законности и поддержание государственного обвинения в уголовном процессе. Созданная модель тотального контроля соответствовала политической системе и форме советского государства 20-х гг. XX в.

Annotation

The article deals with a historical and legal analysis of the establishment of the public prosecutor's office during the period of the Soviet Union of Russian history. The paper contends that the period of the creation of the Soviet Prosecutor's Office (1917–1922) at a time when the old state system was breaking down, the history of setting up supervisory bodies is of special interest. During this period, the model of the supervisory bodies of the Soviet state was determined, various versions of the prosecutor's office were tested: as part of the judicial system, part of the supervisory and investigative apparatus, and as an independent state body.

The authors conclude that the new model differed significantly from the organization of the Russian Empire's prosecutor's office in the pre-revolutionary period. The main distinctive feature was the combination of two functions in the activities of the prosecutor's office: general supervision of compliance with the rule of law and the maintenance of public prosecution in criminal proceedings. This characteristic feature testified to the efforts of the Soviet government to take control of all aspects of the legal life of the state. The established model of total control corresponded to the political system and the form of the Soviet state of the 1920s.

Ключевые слова: советское государство, история прокуратуры, советская прокуратура, надзор, законность, правопорядок, декрет.

Keywords: The Soviet Union state, history of the public prosecutor's office, the public prosecutor's office of the Soviet Union, supervision, rule of law, law and order, decree.



Проблема определения сущности и социального назначения государства одна из самых дискуссионных, однако вряд ли кто будет спорить, что основное назначение государства – это обеспечение общественного правопорядка. Тема механизма охраны правопорядка и обеспечения законности в государственном управлении многоаспектна. Особый интерес вызывает история государственных органов, осуществляющих надзор за соблюдением законности и правопорядка. В отечественной историко-правовой науке немало работ, посвященных истории прокуратуры. Большинство из них обращено к этапу зарождения органа, а также становлению и развитию в дореволюционный период [С.М. Казанцев, Ю.М. Горячковская, Е.И. Шабалина и др.]. Существенным историографическим пробелом следует признать историю генезиса прокуратуры в советский период. Исследование истории развития органа, главное назначение которого – надзор за соблюдением и исполнением законов в период, когда ломался старый и строился новый государственный строй, позволяет постичь сущность государства и проследить механизмы создания и преобразования институтов сохранения присущей ему законности.

В истории советской прокуратуры можно выделить несколько периодов, особый интерес, на наш взгляд, представляет период зарождения (1917–1922 гг.), когда новая государственная власть отказалась от старой прокуратуры и ее ведомственной подчиненности. Именно в этот период методом проб и ошибок определялась модель надзорных органов советского государства, апробировались различные варианты прокуратуры: как части системы судопроизводства, части надзорно-следственного аппарата, самостоятельного государственного органа.

Главным следствием Октябрьской революции 1917 г. стало изменение государственного строя и слом механизма государства – целостной иерархической системы органов, осуществлявших государственную власть в Российской империи. В первый год строительства новой государственности доминировала идея местной автономии и демократизации управления. Отражением этой тенденции явился один из первых декретов советского правительства – Совета народных комиссаров (далее СНК) – декрет «О суде» 24 ноября (5 декабря) 1917 г., который упразднял «существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры» [ГАРФ, ф. 1235, оп. 17, д. 14, л. 11–14]. Местным советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предписывалось принять имущество и архивы государственных учреждений Российской империи, включая прокуратуру. Предварительное уголовное следствие возлагалось на судей единолично, роль обвинителей и защитников в уголовном процессе и поверенных в гражданском процессе могли выполнять «граждане обоюбого пола, пользующиеся гражданскими правами» [ГАРФ, ф. 1235, оп. 17, д. 14, л. 11–14]. Последовавшие декреты «О суде» № 2 (февраль 1918) и № 3 (июль 1918) вопросов о прокуратуре в системе судопроизводства не поднимали.

Функции контроля и надзора за законностью в советском государстве оказались рассредоточенными и осуществлялись различными органами. В первые месяцы после революции организованного контроля за соблюдением новой законности вообще не существовало. Но децентрализация власти, независимость органов местного самоуправления расходилась с практическими задачами формируемого государства диктатуры пролетариата. Начало формированию единого централизованного государственного аппарата управления было положено принятием в июле 1918 г. первой Конституции РСФСР. Однако идея общего надзора за законностью не нашла полного воплощения в Основном законе. Единственной статьей, посвященной контролю за соблюдением советских нормативно-правовых актов, стала ст. 32. В ней говорилось, что общий надзор за точным применением законов возлагался на Всесоюзный центральный исполнительный комитет (далее ВЦИК), который объединял и согласовывал работы по законодательству и управлению [Конституция (основной закон) РСФСР от 10 июля 1918 г.]].

Ряд надзорных функций был возложен на Народный комиссариат юстиции (далее НКЮ). Его задачей стала ликвидация прежних органов юстиции и суда. На местном уровне были созданы отделы НКЮ, которые курировали деятельность народных судов и трибуналов [Коржихина, 1994, с. 114]. Декретом ВЦИК и СНК от 10 марта 1921 г. было утверждено «Положение о высшем судебном контроле», в соответствии с которым общий надзор за деятельностью судебных органов, органов следствия, пенитенциарной системой возлагался на НКЮ.

Отсутствие централизации в сфере надзора за соблюдением законности осознавалось советским руководством. Важность проблемы была особо подчеркнута в Постановлении «О точном соблюдении законов» VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов, принятом 8 ноября 1918 года [Рекунов, 1982, с. 21]. Однако решения о создании централизованной системы надзора за соблюдением законности принято не было. Положение «О народном суде РСФСР», утвержденное ВЦИК в ноябре 1918 г., унифицировало судебную систему республики, но не вернуло в судопроизводство профессионального государственного обвинителя.

Знаковой чертой первых лет советской власти явилось создание системы карательно-репрессивных органов, направленных на подавление сопротивления введению нового порядка, в деятельности которых были элементы прокурорского надзора. Основную роль в репрессивной сфере играла Всероссийская чрезвычайная комиссия (далее ВЧК) и революционные трибуналы, создание которых предусматривалось еще Декретом «О суде» № 1 (п. 8) [ГАРФ, ф. 1235, оп. 17, д. 14., л. 11–14]. С мая 1918 по март 1920 гг. было принято несколько положений о революционных трибуналах. Несмотря на карательную направленность и политическую ангажированность данных органов, в их деятельности можно усмотреть зачатки прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве, которые проявлялись в деятельности коллегий обвинителей, учрежденных при каждом трибунале и Центральной коллегии государственных обвинителей при Революционном трибунале ВЦИК. На них возлагалось государственное обвинение и надзор за расследованием преступлений.

Таким образом, в 1917–1921 гг. обязанность контроля за исполнением социалистической законности органами государства, общественными объединениями и гражданами оказалась децентрализованной, осуществляемой различными государственными органами, выполнявшими функцию надзора как дополнительную среди прочих основных. Функции надзора и обвинения осуществлялись разными органами (ВЦИК, СНК, НКЮ и др.). Неразбериха в полномочиях, местничество, превышение властных полномочий, коллизии интересов на фоне гражданской войны привели к кризису государственной власти в 1921 г. и породили в числе прочего необходимость постановки вопроса о создании единой системы надзора за законностью. Формирующаяся правовая система, основанная на едином законодательстве, требовала создания специализированного центрального органа, призванного осуществлять контрольно-надзорные функции в различных сферах правовой жизни. Таким органом должна была стать советская прокуратура.

Вопрос о единой революционной законности был поставлен уже на XI Всероссийской конференции РКП (б) 1921 г. В принятой съездом резолюции говорилось о необходимости введения революционной законности на территории всей страны, во всех сферах общественной жизни, об ответственности всех советских граждан и органов власти в случае нарушения законов и об усилении гарантий прав личности [Рекунов, 1982, с. 22].

В конце 1921 г. было принято решение о подготовке проекта положения о прокуратуре. В процессе разработки проекта дискуссионными явились вопросы о системе ведомственной соподчиненности, о об объеме полномочий, о принципах деятельности нового органа.

Особо остро стоял вопрос о координации деятельности губернских исполнительных комитетов и прокуратуры.



В комиссии, выбранной ВЦИК, сразу обозначились две основные точки зрения на модель организации прокурорского надзора в советском государстве. Большинство настаивало на системе двойного подчинения местного прокурорского надзора, «с одной стороны, центру в лице соответствующего наркомата, с другой стороны – местному губисполкому» [Ленин, 1922]. Другим вариантом была модель единой централизованной прокуратуры, независимой от местной власти.

Важная роль в продвижении второй модели принадлежала В.И. Ленину, который настаивал на централизации надзорного органа и убеждал ЦК партии вмешаться в процесс обсуждения с целью отказа от идеи двойного подчинения. В письме на имя И.В. Сталина для Политбюро «О двойном подчинении и законности» В.И. Ленин определил основы организации и задачи прокуратуры: «установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений» и ее задачи [Ленин, 1922]. В.И. Ленин доказывал, что принцип законности не будет обеспечен должным образом при «двойном» подчинении, «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская», а значит, надзор за ее соблюдением должен быть независимым и централизованным [Ленин, 1922].

Обсуждение модели организации прокуратуры состоялось и IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции. «Идею создания единой централизованной и независимой от местных властей прокуратуры» отстаивал Н.В. Крыленко [Коржихина, 1994, с. 115], противниками централизации прокуратуры были Л.М. Каганович и Д.Б. Рязанов, настаивавшими на системе двойного подчинения местных органов прокуратуры губернским исполнительным комитетам и прокурору республики. Они выступали против прав прокуратуры на протесты в отношении решений местных органов власти [Рекунов, 1982, с. 23].

В мае 1922 г. работу по обсуждению проекта начал ВЦИК. В ходе заседания Н.В. Крыленко было предложено постатейное голосование за принятие проекта положения о прокуратуре. Голосование состоялось 26 мая 1922 г. было подписано председателем ВЦИК М.И. Калининым и секретарем ВЦИК А.С. Енукидзе 28 мая 1922 г. [Воронин, 2007, с. 57].

В соответствии с «Положением о прокурорском надзоре» учреждалась Государственная Прокуратура, на которую возлагались следующие основные функции: «а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений; б) непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов государственного политического управления; в) поддержание обвинения на суде; г) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей» [Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре», ст. 2].

Государственная прокуратура включалась в структуру НКЮ [Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре», ст. 1]. Руководство прокуратурой осуществлял Народный Комиссар Юстиции, который одновременно являлся Прокурором Республики [ст. 3]. В губерниях учреждались должности Прокурора, назначение которых осуществлял Прокурор Республики [Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре», ст. 6].

Сфера деятельности Прокурора Республики была достаточно широкой: наблюдение за законной деятельностью всех Народных Комиссариатов, предложение об отмене изданных ими незаконных нормативно-правовых актов; опротестование в СНК постановлений и распоряжений Народных Комиссариатов; осуществление общего руководства системой органов прокуратуры республики [Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре», ст. 9]. Отчеты о работе прокуратуры Прокурор Респуб-

лики был обязан ежегодно представлять в президиум ВЦИК [Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре», ст. 10].

Положением учреждалась и военная прокуратура, осуществлявшая прокурорские функции в отношении учреждений и должностных лиц военного ведомства. Военные прокуроры находились в подчинении помощника Прокурора Республики, состоящего при Верховном трибунале ВЦИК [Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре», ст. 7].

С принятием Положения началось формирование прокуратуры на местах. Одними из первых были образованы органы прокуратуры Белорусской ССР (26.06.1922 г.), Украинской ССР (28.06.1922 г.), Азербайджанской ССР (11.07.1922 г.).

Таким образом, период 1917–1922 г. явился временем рождения принципиально новой модели – советской прокуратуры. Новая модель существенным образом отличалась от организации прокуратуры в дореволюционный период. Главной особенностью явилось сочетание двух функций в деятельности прокуратуры: общего надзора за соблюдением законности и поддержание государственного обвинения в уголовном процессе. Такая характерная черта свидетельствует, на наш взгляд, о стремлении советской власти взять под контроль все сферы правовой жизни государства. Созданная модель тотального контроля соответствовала политической системе и форме молодого советского государства 20-х гг. XX века.

Список литературы References

1. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части. Томск: НТЛ, 2007.
Voronin O.V. Prokurorski nadsor v Rossiyskoy Federatsii: voprosi Obshchej chasti: Uchebnoe posobie. Tomsk, 2007.
2. Горячковская Ю.М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII – начале XX вв.: Историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001.
Goryachkovskaya YU.M. Prokuratura i prokurorskiy nadzor Rossii v XVIII – nachale XX vv.: Istoriko-pravovoe issledovanie : Dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2001. 195 s.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 17. Д. 14. Л. 11–14.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 1235. Op. 17. D. 14. L. 11–14.
4. История советской прокуратуры в важнейших документах / под ред. В.П. Ускова. М.: Юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1947.
Istoriya sovetskoj prokuratury v vazhneyshikh dokumentakh / pod red. V.P. Uskova. M.: Yuridicheskoye izdatelstvo ministerstva yustitsii SSSR, 1947.
5. Казанцев С.М. Прокуратура Российской Империи: Историко-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003.
Kazancev S.M. Prokuratura Rossijskoj Imperii: Istoriko-pravovoe issledovanie: Dis. ... dokt. Yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2003.
6. Конституция (основной закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // <http://constitution.garant.ru> (дата обращения 10 июня 2018).
Konstitutsiya (osnovnoy zakon) RSFSR (prinyata V Vserossiyskim Syezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) // <http://constitution.garant.ru> (data obrashcheniya: 10 iyunya 2018).
7. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: К 66 ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994.
Korzhihina T.P. Sovetskoye gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: K 66 noyabr 1917 g. – dekabr 1991 g. M.: RGGU, 1994.
8. Ленин В.И. О двойном подчинении и законности // <http://diletant.media/document/38308547/> (дата обращения 10 июня 2018).
Lenin V.I. O dvojnomy podchinenii i zakonnosti // <http://diletant.media/document/38308547/> (data obrashcheniya: 10 iyunya 2018).
9. Прокурорский надзор / под ред. Ю.Е. Винокурова. М.: Высшее образование, 2005.



Prokurorskiy nadzor: uchebn. dlya vuzov / pod red. Yu.E. Vinokurova. M.: Vyssheye obrazovaniye, 2005.

10. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10 июня 2018).

Postanovlenie VCIK ot 28.05.1922 g. «Polozhenie o prokurorskom nadzore» // <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 10 iyunya 2018).

11. Советская прокуратура / отв. ред. А.М. Рекункова, М.: Юрид. лит., 1982.

Sovetskaya prokuratura / otv. red. A.M. Rekunkova. M.: Yurid. lit., 1982.

12. Шабалина Е.И. Историко-правовое исследование места и роли органов прокуратуры в механизме Советского государства (20–30 гг. XX века): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Shabalina E.I. Istoriko-pravovoe issledovanie mesta i roli organov prokuratury v mekhanizme Sovetskogo gosudarstva (20–30 gg. XX veka): Dis. ... kand. Yurid. nauk. M., 2007.

УДК 342.7

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-545-552

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ
В СОЗИДАЮЩЕМ ГОСУДАРСТВЕ****CONSTITUTIONAL-LEGAL GUARANTEES OF THE DIGNITY
OF THE INDIVIDUAL IN THE CREATIVE STATE****Е.Е. Тонков, Л.А. Пожарова, С.С. Захаров****E.E. Tonkov, L.A. Pozharova, S.S. Zakharov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru; pozharova@bsu.edu.ru; info@bel-usd.ru

Аннотация

В статье показано, что государство созидательное базируется на юридически развитом гражданском обществе, которое характеризуется гуманистической идеологией. Основопологающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством созидательным достоинства личности в качестве главной ценности всех существующих правоотношений. В государстве созидательном используется диспозитивно-личностный подход, подразумевающий равные партнерские отношения государства и общества. Личность получает возможность выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство охраны человеческого достоинства и обеспечение уважительного отношения к населению. Равные возможности в обеспечении реализации прав человека служат показателем уважения государством созидательным достоинства личности. Сущность государства созидательного заключается не в превентивном характере правовых ограничений, а в возможности стимулирования социально-правовую активность населения в целях повышения благосостояния общества.

Abstract

The article shows that the creative state is based on a legally developed civil society, which is characterized by a humanistic ideology. The fundamental natural and legal ideas adapted to the modern structure of society contribute to the recognition of the state creating the dignity of the individual as the main value of all existing legal relations. In the state of creation, a dispositive personal approach is used, which implies equal partnership between the state and society. The individual has the opportunity to act as a full-fledged subject of law, and the state assumes the obligation to protect human dignity and ensure respect for the population. Equal opportunities to ensure the realization of human rights are an indicator of respect by the state for the dignity of the individual. The essence of the creative state is not in the preventive nature of legal restrictions, but in the possibility of stimulating the social and legal activity of the population in order to improve the welfare of society.

Ключевые слова: государство созидательное, достоинство личности, общество, диспозитивно-личностный подход, конституционное право, права человека, нравственность, закон.

Keywords: state of creation, dignity of the individual, society, dispositive-personal approach, constitutional law, human rights, morality, law.

Созидательная деятельность государства представляет собой одновременно и актуальную потребность общества, и качественную характеристику всей правовой системы. Если в конце XX века в России наблюдалось разрушение монополии государственной соб-



ственности и сопровождение этого хаотическим процессом приватизации на фоне ухудшения общего экономического положения страны и снижения уровня жизни значительной части населения, то в настоящее время осуществляется перераспределение прав собственности при очевидном государственном регулировании данного процесса.

В этой связи вопрос о взаимоотношениях государства и гражданского общества приобретает ключевое значение, что объясняется не только осложнением отношений с Западом, но и последующими неизбежными трансформациями внутренней политики. Анализируя содержательную сторону диалога между государством и личностью на протяжении последней четверти века, следует подчеркнуть, что причинами очевидного рассогласования стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка. К числу объективных причин можно отнести различные факторы, включая внешнеполитическую ситуацию и конкретные условия жизни социума, ощущающего все большее давление государственного пресса. Субъективные причины находят выражение в индивидуально-психологических особенностях граждан, их взаимоотношениях, в том числе состоянии психики отдельных лиц, пытающихся различными способами добиться справедливости, которую государство и гражданское общество понимают по-разному.

Характеризуя принцип справедливости, который он считал «государственным благом» [Аристотель, 1998, с. 521], Аристотель использовал метод классификации социальных страт по отношению к достоинству, подчеркивая, что «...мерило достоинства не все видят в одном и том же: граждане демократии видят его в свободе, олигархии – в богатстве, а аристократии – в добродетели» [Аристотель, 1998, с. 252].

Таким образом, в понимании Аристотеля, достоинство является комплексным понятием, складывающимся из таких элементов, как разумные суждения, добросовестное поведение, внутренние положительные качества, включая законопослушание, добродетельность и умеренность. Он доказывал, что добродетели – это социально-предписываемые и одобренные качества души, которые не даются человеку от природы, а воспитываются целенаправленным действием и упражнением.

В сознании жителей Древней Греции государство представляло такую организацию общественных отношений, где санкций законодателя опасались значительно меньше, чем порицания окружающих. Огромное, если не определяющее влияние по-прежнему имело мнение общества, которое не только выражало интересы своих членов, но и выполняло правотворческую функцию, вырабатывая собственные нормативные регуляторы общественных отношений, преобразовывавшиеся впоследствии в законы.

При этом важную миссию выполняло правовое общение, представляющее собой «практическое претворение навыков и форм справедливых индивидуальных и групповых взаимоотношений, которые обеспечены определенными гарантиями» [6: 76]. Понятие достоинства развивалось параллельно с представлениями о чести, связанной с локализованной принадлежностью к определенному социальному слою, отличающемуся внутренним благородством и корпоративными кодексами чести, присущими только избранным.

Как отмечал О.Г. Дробницкий, «в этом отношении понятие чести становится подчиненным категории более высокого порядка – достоинству личности, «самоценности» человека как такового» [Дробницкий, 1977, с. 65]. Он подчеркивал, что выразители умонастроений деклассированной интеллигенции Эллады (киники), а еще более отчетливо – стоики, с их идеей космополиса и градацией обязанностей по концентрическим кругам, «провозглашают сохранение личного достоинства первейшей обязанностью человека» [Дробницкий, 1977, с. 65].

Выступая регулятором поведения, достоинство не позволяет человеку совершать поступки «ниже своего достоинства». Имея мотивом поведения свое достоинство, личность ориентируется на определенный эталон, которому должно соответствовать поведение человека занимаемого им уровня. В произведениях Платона, Аристотеля, как и в трудах большинства других древних мыслителей, по справедливому замечанию И.Н. Штанько, право-

вые аспекты рассматриваемой категории и обусловленные ею свойства бытия личности практически не затрагивались» [Штанько, 2006, с. 4].

В большей степени достоинство анализировалось с точки зрения субъективного содержания исследуемого феномена как рефлексивное отношение человека к самооценке собственных качеств. Постепенно социальное неравенство, частнособственнические интересы, конкуренция индивидов и неравноправное положение людей в обществе все более способствовало развитию понимания достоинства в объективном смысле, его зависимости от положения человека в обществе. Уже в римском праве отчетливо проявляется выделение юридических норм из первоначально совокупной синкретичности обычно-традиционных регуляций первобытного общества, в связи с чем достоинство (*dignitas*) во многом определялось кастово-сословными привилегиями и ассоциировалось с определенными статусными группами.

Чем более почетную или престижную должность занимал гражданин, тем на более высокое достоинство он мог претендовать. Римский гражданин, как считалось, обладает теми или иными правами не от рождения, а в зависимости от того, какие права ему дает государство (или отказывает в них). Таким образом, право на достоинство рассматривалось в римской юриспруденции как одна из привилегий, которая могла быть утрачена по усмотрению государства. Это подразумевало разную ответственность разных лиц за одни и те же действия, то есть фактически легализовало избирательную юстицию. Рабы в римском праве рассматривались как вещи (*servus est res*), в связи с чем не могли претендовать на право достоинства, хотя с нравственной точки зрения, безусловно, им обладали. Достоинство у римлян не дает каких-либо готовых моделей и образцов поведения, а предлагает лишь общее основание существующим нормам поведения и критерии для применения правил и парадигм в различных обстоятельствах. Обладая тем или иным правом на достоинство, человек может поставить перед собой и обществом вопрос о том, почему он должен следовать установленным нормам и насколько они правомерны. Достоинство как бы фиксирует возросшую в условиях поздней античности автономию личности, поставленной в привилегированное положение по тем или иным основаниям.

В современных условиях юридические гарантии права на достоинство далеко не всегда обеспечивают их фактическую реализацию. Более того, в большинстве случаев это обусловлено не отказом гражданина от достижения своего законного интереса, но бездействием (если не активным противодействием) органов власти. В подобных случаях, весьма распространенных на территории нашей страны, совместная созидательная деятельность государства и населения, подразумевающая конструктивный диалог и эффективное сотрудничество, замещается конфликтной ситуацией. Хотя жизнь гражданского общества не существует вне государства, однако при фактической диффузии государства в российские общественные структуры становится все более иллюзорной граница, разделяющая государство и общество, в результате чего мифологический облик приобретает и само гражданское общество.

В разрабатываемой нами концепции государства созидающего [Государство созидающее: юридическая модель и современные риски, 2016] осуществляется исследовательский поиск предпосылок для формирования новых отношений, преодоления кризиса, стабилизации социально-экономического положения. Трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Государственная деятельность в условиях рыночной экономики, как убедительно показало время, не может осуществляться в тех же юридических формах и пределах, что и прежде. Поэтому одной из задач созидающего государства является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации. Совершенствование государственной деятельности должно придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению кризиса, стать одним из определяющих факторов развития демократии, становления гражданского общества, построения правового государства.



Британский теоретик либерализма Дж. Локк считал, что в основе государства находятся разнообразные личностные (частные) интересы, а целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. Он обуславливал достоинство неотчуждаемыми правами человека – на жизнь, свободу и собственность [Локк, 2008]. Свобода, по его словам, существует там, где каждый признается «владельцем собственной личности» [Локк, 2008, с. 28]. Знаменитая триада Дж. Локка (право на жизнь, свободу и собственность) стала впоследствии краеугольным камнем конституций многих государств.

Достоинство личности у Гегеля складывается из уважительного отношения как со стороны конкретного человека, так и со стороны государства. Он утверждал, что достоинство человека заключается в свободе, которая позволяет абстрагироваться от внешних и внутренних предрассудков и осознать свое истинное предназначение. По его мнению, именно нравы и законы являются основой для поддержания духа народа.

Уделяя особое внимание предназначению человека в государстве как одному из критериев социальной оценки личности окружающими, Гегель подчеркивал, что «в государстве гражданин получает подобающую ему честь благодаря должности, на которую он поставлен, благодаря профессии, которой он занимается, и благодаря любой другой трудовой деятельности. Его честь получает вследствие этого... объективное, от пустой субъективности уже не зависящее содержание» [Гегель, 2002, с. 222].

Слияние человека с обществом, которое имел в виду Гегель в своих взглядах на сущность достоинства, было представлено в его теории посредством романтизации и идеализации прошлого, общинных форм социальной жизни, ликвидируемых с наступлением цивилизации. Нравственность отождествлялась им с жизнью государства в целом, с функционированием сословий, корпораций и других социальных институтов. В этом смысле для того, чтобы иметь достоинство, означало для Гегеля просто быть «гражданином государства, в котором господствуют хорошие законы» [Гегель, 2002, с. 188].

Результатом анализа существующих подходов к оценке конституционно-правовых гарантий достоинства личности [Тонков, Пожарова, 2016] становится понимание того, что до настоящего времени в научной среде не сложилось однозначное представление о методологии исследования проблемы. Изменившиеся экономические, политические и социокультурные условия неизбежно обуславливают перенос акцентов с интересов общества на интересы личности. Это существенно влияет на саму парадигму управления обществом, инициируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют осмысления и обоснования на теоретико-методологическом уровне. Рассмотрение юридической модели *государства созидающего* означает, что методология совершенствования его деятельности выстраивается не только с позиции системности, но и функциональности, что дает нам веские основания оценивать эффективность рассматриваемого процесса в рамках конституционно-правового пространства.

Несмотря на то, что введение в область права категорий морали и нравственности многими юристами воспринимается критически, нам представляются вполне заслуживающим внимания слова немецкого правоведа Г. Радбруха, что «только мораль может служить обоснованием обязывающей силы права» [Радбрух, 2004, с. 55]. Определяя право как волю к справедливости, он подчеркивал приоритет и исключительную ценность личности в праве. Мы также считаем, что рассматривать достоинство в виде реализации субъективного права в чистом виде представляется не вполне корректным, так как основной смысл заключается не только в праве каждого на неприкосновенность достоинства, но и определенной возможности требовать от государства, физических и юридических лиц воздерживаться от нарушения этого права. Хотя фактическая реализация данного права возникает в случае непосредственного посягательства на него, однако само достоинство в конституционно-правовом смысле принадлежит лицу неотъемлемо.

Такой ракурс проблемы дает возможность рассматривать достоинство как определенные общественные отношения с очень разнообразным содержанием. В этой связи требует своего разрешения вопрос о возникновении субъективного права на достоинство. Мы склоняемся к выводу, что оно возникает одновременно с приобретением правоспособности и относится, следовательно, к личным неотчуждаемым правам.

В своем предположении мы основываемся на точном замечании немецкого ученого Ю. Хабермаса, который подчеркивает, что «если нормы сами по себе не определяют того, как они должны исполняться, то их применение делает необходимым определение ценности предусмотренных в них прав». При этом он исходит из понимания того, что «нет права (ценности), которое может претендовать на безусловный приоритет над другими правами» [Habermas, 1996, p. 258].

Мы не можем недооценивать тот факт, что нередко публичные и частные интересы не могут признаваться тождественными. Однако поиск баланса между ними и компромиссных решений, порождающих наименьшие негативные последствия, составляют одну из приоритетных задач конституционного государства. Процессы глобализации постепенно вовлекают в свою орбиту все цивилизованные страны. Именно поэтому концепция конституционных ценностей государства и отдельной личности может служить важным инструментом сохранения национальной идентичности, развития собственного суверенитета и конкурентоспособности и одновременно – надежным барьером на пути навязываемых взглядов на общественные институты (например, однополая семья и брак).

В данном контексте достоинство человека, по мнению О.В. Власовой, целесообразно рассматривать как основополагающий конституционный принцип, который не приведет к упадку в обществе, пренебрежению основными моральными принципами, гарантией от влияния ложного истолкования общепризнанных правовых институтов, так как только благодаря этому возможно сформировать ответственную перед народом власть, стабильное гражданское общество и достойный уровень жизни [Власова, 2011].

Права и свободы личности – это основные, первостепенные, неотчуждаемые ценности, которые государство в своей деятельности призвано привести в сбалансированное взаимодействие с собственными интересами. Такой подход дает основания рассматривать право на достоинство как возможность реализации нравственной сущности и предназначения с помощью арсенала юридических средств, также требующих воздержания от посягательств третьих лиц и при необходимости обеспечивающих государственную защиту [Власова, 2011].

Право на достоинство предполагает невмешательство государства в частные дела, уважение частной жизни лица, служит барьером на пути создания в государстве тотальной регламентации повседневной жизни граждан, запрещающей любое свободомыслие. Исторический опыт свидетельствует, что игнорирование права на достоинство очень быстро может привести к ситуации, когда вмешательство в сферу частной жизни станет нормой повседневной деятельности государственного аппарата, повлечет масштабные злоупотребления властью и должностным положением. Глобальный социально-экономический кризис показал, что самую большую тревогу вызывает в начале XXI века ситуация, складывающаяся вокруг прав человека. Процесс глобализации, который не может не коснуться России, должен непременно сопровождаться поддержанием на высоком уровне морального состояния общества и обеспечением в случае необходимости его реальной защиты и охраны. Идея достоинства личности, получившая развитие в демократических конституциях и международно-правовых договорах, способствует взаимодействию институтов морали и права. Уважение человеческого достоинства формируется в гражданском обществе, основанном на принципах законности, справедливости, взаимной ответственности между обществом и личностью.

К сожалению, в современной России сложился, на наш взгляд, существенный разрыв между уровнем развития правовой науки и уровнем развития отраслевого законода-



тельства, от которого в значительной мере зависит не только состояние государственных связей, но и состояние защищенности человека и гражданина. Несмотря на многие попытки, так и не принято на законодательном уровне решение о создании административных судов, в юрисдикции которых оказались бы многочисленные факты нарушений права личности на охрану достоинства. Конституционные основания для принятия федерального конституционного закона «Об административных судах в Российской Федерации» имеются, так как в соответствии с п. 2 ст. 118 Конституции РФ [1] судебная власть в нашей стране осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Еще в 2000 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении проект Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации», но затем дальнейшая работа над данным законопроектом была приостановлена и развития так и не получила.

Тем не менее понятие достоинства исторически сопряжено с понятием прав человека и поэтому в конституционно-правовом аспекте исследуется в неразрывной связи с ними. Достоинство, выступая в виде аксиологической детерминанты личности, формирует самооценку личности и одновременно – оценку ее со стороны общества. В достоинстве воплощаются представления человека о своих притязаниях и о признанности этих притязаний окружающими – отдельными лицами, социальной группой, обществом в целом, государством.

Конструкция диспозитивно-личностного подхода к пониманию созидательного аспекта государственной деятельности определяется тем, что возникающие правоотношения представляют собой единство объективного и субъективного, публичного и частного интересов, являясь как результатом осознанных действий участников, так и следствием объективного развития ситуации. Правовые ограничения не только устанавливают границы субъективных прав, но и определяют ту нишу, в пределах которой человек может свободно действовать и развиваться как личность в случае правомерного поведения.

При этом он самостоятельно избирает формы и методы достижения как лично значимых, так и социально полезных целей. Как известно, термин «диспозитивность» образован от латинского *dispositivus*, означающего право участников договора или процесса действовать по своему усмотрению. Диспозитивно-личностный подход не отрицает нормативного подхода к понятию права, а только дополняет его, расширяет его границы. Диспозитивно-личностное регулирование правоотношений предполагает, что участники находятся в равноправном положении, наделяются правом выстраивать свои взаимоотношения на взаимовыгодных (эквивалентных) условиях. Содержание института диспозитивности представляет свобода лиц и их объединений, определяемая уровнем демократизации общества, зафиксированным в соответствующей нормативной форме.

Гарантии права на достоинство личности составляют и определяют условия его нормальной жизнедеятельности, своеобразный каталог социальных, юридических и политических благ и возможностей, которыми он может свободно пользоваться. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

В юридической науке выделяют материальную диспозитивность и формальную диспозитивность. Материальная диспозитивность представляет собой юридическую свободу выбора варианта поведения, которая содержится в нормах материального права, то есть означает свободу распоряжаться материальными правами. Формальная диспозитивность предполагает возможность по своему усмотрению использовать средства защиты материальных прав, закрепленную в нормах процессуального права.

Государство и общество рассматриваются нами как равноправные партнеры и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений. Фактически каждая отрасль права использует оба метода (императивный и диспозитивный), то есть всегда, как замечает С.П. Маврин, «имеет место их сочетание, которое, правда, характеризуется преобладанием императивных или диспозитивных начал, обусловленных природой регулируемых отношений» [Маврин, 2003, с. 208].

Содержание феномена достоинства личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл достоинства обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание достоинства обуславливается как отношением государства созидающего к личности, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании достоинства характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой социально-правовой активности личности. Поэтому сущность государства созидающего заключается не в превентивном характере правовых ограничений, а в возможности с помощью метода правового регулирования стимулировать социально-правовую активность населения в целях повышения благосостояния общества.

Государство созидающее базируется на совершенном, организационно устроенном гражданском обществе, не только юридически развитом с точки зрения позитивного права, но и характеризующимся гуманистической идеологией. Основополагающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством созидающим достоинства личности как магистральной, стержневой ценности всех существующих правоотношений.

Личность наделяется возможностью выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство охраны человеческого достоинства от посягательств третьих лиц и обеспечение уважительного отношения к населению, в том числе и со своей стороны. Равные возможности в обеспечении реализации прав человека служат показателем уважения государством созидающим достоинства личности. При этом процесс конституционно-правового гарантирования охраны достоинства личности включает совокупность норм, способов, средств и процедур, обеспечивающих его реализацию с учетом объективных социально-экономических и политических условий государства и формирующих системную устойчивую мотивационно-правовую аргументацию личности и общества.

Список литературы References

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. № 31. 2014. Ст. 4398.
Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarod. golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. // SZ RF. № 31. 2014. St. 4398.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998. С. 521.
Aristotel. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii. Mn.: Literatura. 1998. S. 521.
3. Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 11.
Vlasova O.V. Dostoinstvo cheloveka kak нравstvenno-pravovaya tsennost: obshcheteoreticheskoye issledovaniye: Avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Saratov. 2011. S. 11.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб., 2002. С. 222–223.
Gegel G.V.F. Nauka logiki. SPb.. 2002. S. 222–223.
5. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски: монография / под ред. проф. О.Н. Полухина. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 142–210.



Gosudarstvo sozidayushcheye: yuridicheskaya model i sovremennyye riski: monografiya / pod red. prof. O.N. Polukhina. M.: Yurlitinform. 2016. S. 142–210.

6. Графский В.Г. Правовое общение в прошлом и настоящем // Право и политика. 2011. № 1. С. 76.

Grafskiy V.G. Pravovoye obshcheniye v proshlom i nastoyashchem // Pravo i politika. 2011. № 1. S. 76.

7. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М.: Наука, 1977. С. 65.

Drobnitskiy O.G. Problemy npravstvennosti. M.: Nauka. 1977. S. 65

8. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2-х т. Т. 2. С. 28.

Lokk Dzh. Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya. V 2-kh t. T. 2. S. 28.

9. Локк Дж. Сочинения. М.: Мысль, 2008. Т.3. С. 357.

Lokk Dzh. Sochineniya. M.: Mysl. 2008. T.3. S. 357.

10. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1. С. 208.

Mavrin S.P. O roli metoda pravovogo regulirovaniya v strukturirovanii i razvitii pozitivnogo prava // Pravovedeniye. 2003. № 1. S. 208.

11. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М., 2004. С. 55.

Radbrukh G. Filosofiya prava / per. s nem. Yu.M. Yumasheva. M.. 2004. S. 55.

12. Тонков Е.Е., Пожарова Л.А. Гарантии охраны достоинства личности в современной России. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 79–110.

Tonkov E.E., Pozharova L.A. Garantii okhrany dostoinstva lichnosti v sovremennoy Rossii. M.: Yurlitinform. 2016. S. 79–110.

13. Штанько И.Н. Достоинство личности как правовое явление: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 4.

Shtanko I.N. Dostoinstvo lichnosti kak pravovoye yavleniye: Avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. Vladimir. 2006. S. 4.

14. Habermas J. Between Facts and norms / trans. By W. Rehg. Cambridge, 1996. P. 258.

УДК 342.1

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-553-557

**ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ
РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ****ARBITRATION AS AN ALTERNATIVE METHOD OF DISPUTE RESOLUTION****А.П. Тресков****A.P. Treskov**

Кировский районный суд г. Ростова-на-Дону,
Россия, 344007, г. Ростов-на-Дону, переулок Газетный, д. 36

The Kirov district court of Rostov-on-don,
Russia, 344007, Rostov-on-don, Newspaper Lane, 36

E-mail: altreskov@yandex.ru**Аннотация**

В статье изложены доводы автора в пользу обеспечительного потенциала арбитража (третейской процедуры) как альтернативной суду инстанции, рассматривающей споры по существу. Современный статус арбитража в Российской Федерации претерпел существенную трансформацию. В этой связи представлен обзор законодательных изменений, статистических данных, а также практических взглядов.

Исследовательское внимание уделено принципам арбитража, (независимость и беспристрастность арбитров, диспозитивность, состязательность сторон и равное отношение к сторонам), призванным организовать функционирование указанной структуры. В статье сформулированы предложения, связанные с дальнейшим совершенствованием альтернативной процедуры третейского разбирательства.

Abstract

High workload of ships in conjunction with the need to implement the establishment of Part 2 of Art. 45 of the Constitution of the Russian Federation mediate the development of extrajudicial mechanisms for resolving disputes. One of the institutional guarantees of such an alternative instance considering disputes is arbitration (arbitration).

The article sets forth the author's arguments in favor of the security potential of arbitration (arbitration procedure) as an alternative to the court of law, which considers disputes on the merits. In this regard, we present an overview of legislative changes, statistical data, as well as practical views on the prospects for the further development of arbitration. The research attention is paid to the principles of arbitration, (independence and impartiality of the arbitrators, discretion, adversariality of parties and equal treatment of the parties), designed to organize the functioning of this structure.

The article formulates proposals related to the improvement of the alternative procedure of arbitration.

Ключевые слова: арбитраж, третейское разбирательство, третейский суд, суд, принципы, диспозитивность, беспристрастность, равенство сторон.

Keywords: arbitration, arbitral proceedings, arbitral Tribunal, court, principles, dispositivity, impartiality, equality of the parties.

Высокая загруженность судов в купе с необходимостью реализации установления ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации [СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851] опосредуют развитие внесудебных механизмов разрешения споров. Одной из институциональных гарантий такой альтернативной инстанции, рассматривающей споры, является арбитраж



(третейское разбирательство). Заметим, что его современный статус в Российской Федерации претерпел существенную трансформацию, начало которой было положено несколько лет назад.

Так, в декабре 2013 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин, обращаясь с ежегодным посланием к парламенту, упомянул о необходимости повысить авторитет третейских судов и предложил Правительству Российской Федерации совместно с Российским союзом промышленников и предпринимателей, а также Торгово-промышленной палатой разработать соответствующий законопроект [Российская газета. 2013, 13 декабря].

Разработка и обсуждение предложенного проекта не заставили себя ждать, и уже 1 сентября 2016 г. вступил в силу федеральный закон № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2]. Его установления существенно изменили правила организации и деятельности третейских судов; прекратили действие нормы Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», кроме положений об арбитраже в силу ч. 7 ст. 52 федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ.

Уточним, до проведения арбитражной реформы в России насчитывалось более 1 500 третейских судов. В настоящее время их осталось только четыре: АНО «Институт современного арбитража» и Общероссийская общественная организация «Российский союз промышленников и предпринимателей» (РСПП), которые получили разрешение Правительства Российской Федерации, а также Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате. Двум последним инстанциям правительственное одобрение не требуется в силу закона как арбитражным центрами с признанной международной репутацией.

Законодатель также сохранил возможность для бизнеса использовать третейские суды *ad hoc*.

Кроме того, Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ разграничил понятия «постоянно действующее арбитражное учреждение» (далее – ПДАУ) и «третейский суд», оставив за последним функцию разрешения споров по существу.

В качестве третейского суда выступают единоличный арбитр или коллегия арбитров, осуществляющие разрешение споров между сторонами гражданско-правовых отношений, переданных на рассмотрение третейского суда в соответствии с арбитражным соглашением.

ПДАУ является подразделением некоммерческой организации, выполняющим на постоянной основе функции по администрированию арбитража, а именно по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведению делопроизводства, организации сбора и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно функций третейского суда по разрешению спора.

Организовать функционирование указанных структур, тем самым оптимизировав эффективность деятельности альтернативной суду инстанции, призваны закрепленные в ст. 18 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ принципы арбитража. В их числе независимость и беспристрастность арбитров, диспозитивность, состязательность сторон и равное отношение к сторонам.

Независимость является требованием, адресованным в первую очередь арбитру, а для сторон арбитража независимость арбитра – это гарантия их прав. Независимость арбитра предполагает отсутствие таких отношений между ним и сторонами третейского разбирательства, их представителями, экспертами, консультантами, которые способны повлиять на позицию арбитра по существу спора [Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже...»].

Беспристрастность арбитра указывает на то, что он прямо или косвенно не заинтересован в исходе дела и не имеет заранее сложившихся предпочтений или иных

предубеждений в отношении определенной стороны, ее представителя, эксперта или свидетеля. Беспристрастность выражена двумя аспектами – непредвзятым отношением к сторонам и незаинтересованностью арбитра в исходе спора.

Субъективность понимания беспристрастности обусловила разработку и применение в юридическом сообществе профессиональных стандартов независимости и беспристрастности [<http://www.consultant.ru/>]. Мы солидарны во мнении, что подобного рода стандарты могут быть рекомендованы сторонам для определения требований к беспристрастности арбитров, обстоятельств, препятствующих осуществлению полномочий арбитра, и ситуаций вероятного конфликта интересов [Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже...»].

Принцип диспозитивность в арбитраже является основанной на нормах специального законодательства юридической свободой (возможностью) участников правоотношений, возникающих в связи с рассмотрением и разрешением дела в третейском суде, реализовывать свою процессуальную правосубъектность и свои субъективные процессуальные права по собственному усмотрению в целях оказания влияния на движение процесса [Курочкин С.А., 2017].

Отметим, что в решении Конституционного Суда РФ была интерпретирована диспозитивность в гражданском судопроизводстве. Она связана с тем, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом [Российская газета, 2011, 8 июня]. Представленная позиция по аналогии может быть применена к диспозитивности в арбитраже, обозначая, что в нем процессуальные по характеру отношения также возникают, изменяются и прекращаются по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью уже третейского суда (как юрисдикционного органа) распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом.

В настоящее время доля процедурных диспозитивных норм возросла. Свобода сторон арбитража реализовывать принадлежащие им субъективные процессуальные права по своему усмотрению преобладает над правилами арбитража и по многим позициям не может быть ими восполнена. В пользу этого свидетельствует, например, наличие прямого соглашения сторон, имеющего приоритет перед правилами арбитража [Курочкин С.А., 2017].

Разрешение спора в третейских судах осуществляется в условиях равного отношения к сторонам и означает, что каждой стороне должны быть предоставлены все возможности для изложения своей позиции и ознакомления с позицией оппонента и, в частности, предоставлен равный доступ к материалам дела и дано достаточное время для подготовки возражений по существу позиции оппонента [Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже...»].

Состязательность сторон предполагает, что третейский суд решает дело в объеме представленных сторонами доказательств, сам их не собирает, а лишь по ходатайству сторон оказывает содействие в истребовании доказательств, находящихся у других лиц. Каждой стороной должны быть доказаны те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование своих требований и возражений.

Несмотря на представленные правовые основы обновленной и отвечающей современным требованиям процедуры третейского разбирательства, на практике отмечается дихотомия мнений перспективы развития такого альтернативного механизма.

К примеру, арбитр Арбитражного центра Института современного арбитража Александр Молотников считает, что пока можно подводить лишь предварительные итоги третейской реформы: «Чтобы говорить о полноценных результатах, должно пройти несколько лет». Позиция старшего юриста международной юридической фирмы Norton Rose



Fulbright Андрея Панова более пессимистична, он не видит успехов от перечисленных правовых изменений. В числе ключевых проблем как была, так и осталась настороженность российских государственных судов к обсуждаемому институту. По экспертному мнению, третейский суд предполагает высокий уровень доверия между гражданами, предпринимателями и государством, которое в настоящее время отсутствует [<https://gulagy-net.ru/2018/01/08/hoteli-kak-luchshe-a-poluchilos-li-kak-idet-reforma-tretejskih-sudov/>].

С нашей точки зрения, процедура третейского разбирательства все-таки перспективна в развитии как в аспекте непосредственного предназначения для разрешения конфликтов, так и в качестве альтернативной суду инстанции. Кроме того, история и опыт функционирования третейских судов позволят сформулировать направления совершенствования аналогичных современных процедур. В этой связи, конечно, целесообразно опираться на конструктивные мнения специалистов-практиков, утверждающих, что у третейского суда большое количество преимуществ (гибкая процедура, отсутствие множества инстанций, возможность выбора профессиональных арбитров с определенной специализацией, конфиденциальность, возможность исполнить решение более чем в 150 странах мира) [<https://pravo.ru/news/view/145545/>]; создание авторитетных региональных институтов третейского разбирательства может способствовать развитию этого инструмента в России на более качественном уровне при допустимом контроле со стороны государства [<https://gulagy-net.ru/2018/01/08/hoteli-kak-luchshe-a-poluchilos-li-kak-idet-reforma-tretejskih-sudov/>].

Следует учитывать факт активного развития современных технологий в третейских судах – есть возможности проводить процессы с использованием видеоконференцсвязи; создаются специальные программы, позволяющие участвовать в процессе удаленно [Куликов В., 2017].

Важность совершенствования третейского разбирательства подчеркивается созданием одноименного Совета при Министерстве юстиции РФ [<http://minjust.ru/ru/ekspertnye-i-konsultativnye-organy-pri-ministrestve-yusticii-rossiyskoy-federacii/sovet-po/>].

В совокупности представленная правовая основа, конструктивные прикладные предложения, полагаем, будут способствовать развитию арбитража в Российской Федерации в оптимальном русле.

Список литературы References

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

Konstituciya Rossijskoj Federacii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 5.02.2014 g. № 2-FKZ) // SZ RF. 2014. № 9. St. 851.

2. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2015 g. № 382-FZ «Ob arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2016. № 1 (chast' I). St. 2.

3. Приказ Минюста России от 6 сентября 2016 г. № 201 «Об утверждении состава Совета по совершенствованию третейского разбирательства» // <http://minjust.ru/ru/ekspertnye-i-konsultativnye-organy-pri-ministrestve-yusticii-rossiyskoy-federacii/sovet-po> (дата обращения 01.08.2018 г.).

Prikaz Minyusta Rossii ot 6 sentyabrya 2016 g. № 201 «Ob utverzhdenii sostava Soveta po sovershenstvovaniyu tretejskogo razbiratel'stva» // <http://minjust.ru/ru/ekspertnye-i-konsultativnye-organy-pri-ministrestve-yusticii-rossiyskoy-federacii/sovet-po> (data obrashcheniya 01.08.2018 g.).

4. Приказ ТПП РФ от 27 августа 2010 г. № 39 «О Правилах о беспристрастности и независимости третейских судей» // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 01.08.2018 г.).

Prikaz TPP RF ot 27 avgusta 2010 g. № 39 «O Pravidah o bespristrastnosti i nezavisimosti tretejskih sudej» // Dokument opublikovan ne byl; <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya 01.08.2018 g.).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2011, 8 июня.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26 maya 2011 g. № 10-P «Po delu o proverka konstitucionnosti polozhenij punkta 1 stat'i 11 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, punkta 2 stat'i 1 Federal'nogo zakona «O tretejskih sudah v Rossijskoj Federacii», stat'i 28 Federal'nogo zakona «O gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim», punkta 1 stat'i 33 i stat'i 51 Federal'nogo zakona «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» v svyazi s zaprosom Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2011, 8 iyunya.

6. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016.

Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) v Rossijskoj Federacii» (postatejnyj, nauchno-prakticheskij) / pod red. O.YU. Skvorcova, M.YU. Savranskogo. M.: Statut, 2016.

7. Куликов В. Арбитры обновились // Российская газета – Столичный выпуск. 2017, 1 ноября.

Kulikov V. Arbitry obnovilis' // Rossijskaya gazeta – Stolichnyj vypusk. 2017, 1 noyabrya.

8. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017.

Kurochkin S.A. Tretejskoe razbiratel'stvo i mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh. M.: Statut, 2017.

9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013, 13 декабря.

Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrja 2013 g. // Rossijskaya gazeta. 2013, 13 dekabrya.

10. Хотели как лучше, а получилось ли: как идет реформа третейских судов // <https://gulagy-net.ru/2018/01/08/hoteli-kak-luchshe-a-poluchilos-li-kak-idet-reforma-tretejskih-sudov/> (дата обращения 01.08.2018 г.).

Hoteli kak luchshe, a poluchilos' li: kak idet reforma tretejskih sudov // <https://gulagy-net.ru/2018/01/08/hoteli-kak-luchshe-a-poluchilos-li-kak-idet-reforma-tretejskih-sudov/> (data obrashcheniya 01.08.2018 g.).

11. <https://pravo.ru/news/view/145545/> (дата обращения 01.08.2018 г.).

<https://pravo.ru/news/view/145545/> (data obrashcheniya 01.08.2018 g.).



УДК 343.985

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-558-565

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО И ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

TRIAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS

Е.И. Ян**E.I. Jan**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119992, Москва, ГСП-2 Ленинские горы

Lomonosov Moscow State University, GSP-2, Leninskiye Gory, Moscow, 119992, Russia

E-mail: elena.i.komarova@yandex.ru

Аннотация

В настоящей публикации рассмотрены актуальные вопросы, связанные с проблемами криминалистического обеспечения судебного разбирательства в процессе поддержания государственного обвинения прокурором, предложена структура криминалистической характеристики судебного разбирательства в качестве типовой прикладной модели деятельности прокурора в процессе слушаний по уголовному делу в суде первой инстанции, даны толкования элементов указанной типовой модели, в частности детально рассмотрены криминалистическая характеристика конкретного преступления как информационная база судебного разбирательства; версия досудебного производства по уголовному делу, соответствующая по форме требованиям обвинительного заключения как процессуальный источник криминалистической характеристики конкретного преступления; планирование судебного разбирательства в качестве метода организации деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде; ситуации судебного разбирательства (судебные ситуации); тактика поведения государственного обвинителя обусловленная конкретной структурой; прениях сторон.

Abstract

This publication deals with topical issues related to the problems of forensic support of the trial in the process of maintaining the state prosecution by the Prosecutor, the structure of the forensic characteristics of the trial as a typical application model of the Prosecutor's activities in the process of hearings in the criminal case in the court of first instance, the interpretation of the elements of this model, in particular, the forensic characteristics of a particular crime as an information base of the trial; version of the pre-trial proceedings in a criminal case, corresponding to the form of the indictment requirements, as a procedural source of forensic characteristics of a particular crime; planning of the trial, as a method of organization of activities to support the public prosecution in court; the situation of the trial (judicial situations); tactics of the public Prosecutor due to the specific structure; the debate of the parties.

Ключевые слова: судебное разбирательство, криминалистическая характеристика, государственное обвинение, прокурор.

Keywords: litigation, forensic characterization, the state prosecution, Prosecutor.

«Криминалистическая характеристика расследования» в качестве научно-практического понятия было введено в оборот В.К. Гавло [4, с. 109–118] и В.А. Образцовым [7, с. 59–61]. Это понятие получило свое развитие как компонент криминалистической методики расследования преступлений, данные которой в полной мере могут быть использованы в процессе судебного разбирательства по уголовному делу и не только

субъектами доказывания (дознавателем, следователем, государственным обвинителем, защитником и пр.), но и судом.

Наиболее активным пользователем криминалистических методик и рекомендаций в судебном разбирательстве является государственный обвинитель. Законом на него возложена обязанность уголовного преследования, с учетом которой он обязан принимать все предусмотренные действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством меры для отстаивания позиции досудебного производства по уголовному делу, выраженной следователем в обвинительном заключении.

Являясь сторонником точки зрения, что криминалистика своим предметом исследования охватывает и стадию уголовного судопроизводства – судебное разбирательство, попытаемся разобраться в его криминалистической характеристике и ее роли в качестве механизма, обеспечивающего государственному обвинителю возможность выполнения его процессуальной функции.

Данный вид деятельности государственного обвинителя должен быть криминалистически определен и структурирован. Рассмотрим это утверждение подробнее.

Структура системы криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений представляет собой теоретическое образование, состоящее из компонентов: криминалистической характеристики преступления и криминалистической характеристики его расследования, каждый из которых содержательно представлен системой определенных элементов. С учетом неполной аналогии с содержанием этих компонентов можно говорить о понятии и структуре криминалистической характеристики судебного разбирательства как части методики расследования отдельных видов преступлений, следующей после окончания досудебного производства по уголовному делу и направленной на его судебное разбирательство в суде первой инстанции.

В соответствии со сложившейся практикой судебного разбирательства по уголовным делам и неполной аналогией структуры указанных выше компонентов криминалистической методики, мы полагаем, что криминалистическая структура судебного разбирательства, содержание и реализация компонентов которой обеспечивают государственному обвинителю сопровождение досудебного производства по уголовному делу в суде, может быть представлена следующими семью элементами.

1. Криминалистическая характеристика конкретного преступления как информационная база судебного разбирательства. С учетом данного тезиса следует определиться с ее понятием и содержательной стороной. Их обоснование объяснит информационный характер криминалистической характеристики конкретного преступления для целей деятельности государственного обвинителя в процессе судебного разбирательства по уголовному делу.

Известные в криминалистике взгляды на понятие криминалистической характеристики вида (группы) преступлений позволяет выделить в нем основные элементы: 1) типизированную систему сведений о признаках преступлений (способ и обстановка совершения, личность преступника и пр.); 2) закономерные взаимосвязи между этими типизированными сведениями; 3) использование типизированной системы сведений о признаках преступлений при расследовании (судебном разбирательстве – Е.Я.) конкретных преступлений. Объективно они отражают теоретическую, а также прикладную функции криминалистической характеристики преступлений. Проецирование прикладной функции на конкретное досудебное производство по уголовному делу дает в обвинительном заключении обобщенное представление о содержательной стороне криминалистической характеристики конкретного преступления, то есть позволяет представить ее в качестве рабочего инструмента (информационной базы государственного обвинителя) в судебном разбирательстве по уголовному делу как системы собранных и обобщенных в обвинительном заключении данных о криминалистически значимых признаках конкретного противоправного деяния.



В этой связи следует уточнить содержание криминалистической характеристики конкретного преступления, так как только ее компоненты и, в первую очередь, предусмотренные ст. 220 УПК РФ, являются носителями тех фактических данных о признаках конкретного преступления, которые, будучи объединенными в систему и закономерно взаимосвязанными между собой в обвинительном заключении, могут быть информационной базой для планирования, организации и поддержания государственного обвинения по уголовному делу в процессе судебного разбирательства.

Количество этих компонентов весьма многообразно, и, как правильно отмечает И.Ф. Пантелеев, дать их исчерпывающий перечень для вида (группы) преступлений (также и конкретного преступления – Е.Я.) невозможно, ибо «он так же изменчив, как и сама криминалистическая практика» [8, с. 64]. Этот перечень может быть представлен лишь в обобщенном, типизированном виде по отдельным видам (группам) преступлений и носить рекомендательный характер для описания следователем криминалистической характеристики конкретного преступления в обвинительном заключении по уголовному делу, разумеется, с обязательным учетом требований ст. 220 УПК РФ, обращенных к составлению обвинительного заключения.

Ориентиром в этих обстоятельствах может служить предложение И.Ф. Герасимова о том, что криминалистическая характеристика преступлений может складываться из таких компонентов, которые бы определяли и способствовали «формированию алгоритма действий следователя на том или ином этапе расследования, избранию соответствующей линии его поведения, выбору наиболее эффективных тактических приемов проведения следственных действий, правильной оценке следственной ситуации, перспективно-прогностической оценке хода расследования» [5, с. 116].

Все сказанное этими учеными вполне соответствует деятельности государственного обвинителя на основе результатов досудебного производства и обвинительного заключения (с выраженной в нем информационной базой – криминалистической характеристикой конкретного преступления) по уголовному делу в процессе судебного разбирательства.

Однако, если говорить о криминалистической характеристике конкретного преступления как компоненте криминалистической характеристики судебного разбирательства, нас в большей степени должны интересовать не столько ее количественные, сколько содержательные характеристики. Достаточное по содержанию знание о криминалистической характеристике конкретного преступления (информационная база) возникает, если следователь, действуя в соответствии со ст. 220 УПК РФ, в обвинительном заключении по уголовному делу подробно отражает содержание диспозиции инкриминируемого обвиняемому состава преступления и описательно выражает его элементы с учетом познанных в процессе досудебного производства по уголовному делу закономерностей механизма преступления, возникновения информации о нем и его участниках, а также закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств об этом преступлении.

2. Следующим компонентом криминалистической характеристики судебного разбирательства является версия досудебного производства по уголовному делу, соответствующая по форме требованиям ч. 1 ст. 220 УПК РФ, и отвечающая по содержанию классификации следственных версий по признаку юридической значимости данной А.Н. Васильевым [2, с. 39–40].

Версия досудебного производства, изложенная следователем в обвинительном заключении по уголовному делу, должна включать данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, отдельных юридических признаках преступления и доказательственных фактах. Она по своим качествам является следственной, обвинительной, конкретной и ретроспективной. Фактически это «предмет судебного уголовно-процессуального познания, определенный соответствием между реальным событием прошлого – преступлением и его моделью в виде обвинения конкретного лица в совершении общественно-опасного и уго-

ловно-наказуемого деяния, сформулированного органами досудебного производства и утвержденного прокурором» [3, с. 20].

Сущностное выражение версии досудебного производства по уголовному делу, выраженное в обвинительном заключении близко определениям следственных версий А.Р. Ратинова [9, с. 128–133] и А.М. Ларина [6, с. 29]. По их мнению, версии – по сути идеальные информационно-логические модели. С нашим дополнением, информационно-логические модели, выраженные следователем в обвинительном заключении по уголовному делу, версии досудебного производства по уголовному делу можно принять как определение. Проверка такой модели в судебном разбирательстве, для государственного обвинителя в первую очередь, представляет собой решение судебно-следственной задачи и позволяет ему рекомендовать суду принять законное решение по уголовному делу.

3. Обвинительное заключение как процессуальный источник криминалистической характеристики конкретного преступления и версия досудебного производства по уголовному делу является еще и источником-носителем системы доказательств, подтверждающих обвинение, и на которые ссылается сторона защиты. То есть в нем изложена система доказательств, добытых следователем в процессе досудебного производства по уголовному делу на основе проведения следственных, организационно-технических, иных процессуальных действий, а также во взаимодействии с оперативными службами сопровождения предварительного расследования (п. 5, ч. 1 ст. 220 УПК РФ), в которых зафиксирована картина следов-последствий преступления.

Предназначение данной системы в криминалистической характеристике судебного разбирательства основано на том, что государственный обвинитель, другие участники судебного разбирательства и суд в процессе судебного следствия проверяют следственные доказательства, добытые в ходе досудебного производства по уголовному делу. В результате эти доказательства либо становятся судебными доказательствами, либо отвергаются судом по основаниям, предусмотренным действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

Системы следственных доказательств, подтверждающих обвинение, и на которые ссылается сторона защиты, в процессе их проверки судом находятся в корреляционных связях с криминалистической характеристикой конкретного преступления и версией досудебного производства по уголовному делу. Это означает, что изменение в системе следственных доказательств всегда влечет изменение криминалистической характеристикой конкретного преступления и версии досудебного производства по уголовному делу. Поэтому главной целью государственного обвинителя в судебном разбирательстве и, в первую очередь, когда в уголовном деле имеются ошибки следователя, всегда является относительное сохранение их корреляционных связей для вынесения подсудимому приговора в соответствии (полном, частичном) с обвинением, предъявленным ему в процессе досудебного производства по уголовному делу, а это всегда требует системного подхода к доказыванию по уголовному делу. Возникает вопрос: как добиться этой главной цели?

Разрешение проблемы, на наш взгляд, отчасти лежит в следующем механизме деятельности государственного обвинителя в судебном разбирательстве.

Досудебное производство, так же как и судебное разбирательство по уголовному делу, непосредственно связано с процессом доказывания. Установить факт преступления – значит доказать, что преступление действительно было совершено.

Доказательствами является фактический материал, которым досудебное производство и судебное разбирательство оперируют в процессе расследования и разрешения уголовных дел и на основании которых в указанных стадиях субъектами доказывания (дознатель, следователь, государственный обвинитель, защитник) решаются все вопросы сущности этих дел. Доказывание как познание истины по уголовному делу наряду с требованиями текущего законодательства подчиняется определенным логическим правилам и системным законам. Как всякий процесс познания, доказывание по делу – это мыслитель-



ная деятельность следователя (досудебное производство), государственного обвинителя и судьи (судебное разбирательство) над собранным доказательственным материалом и в то же время «деятельность, совокупность действий, совершаемых следователем и судьей, направленная на собирание и проверку доказательств» [10, с. 34].

Одним из важных способов и средств обеспечения этой деятельности, как отмечалось, являются версии. Именно их построение и проверка субъектами доказывания в процессе досудебного производства и судебного разбирательства обеспечивает принятие единственного в соответствии с процессуальной стадией окончательного процессуального решения, которое может быть выражено в обвинительном заключении и приговоре.

Проверка версий осуществляется следователем (государственным обвинителем, судьей) посредством собирания доказательств виновности (невиновности) лица привлеченного к уголовной ответственности на основе разрешенных уголовно-процессуальным законодательством способов и средств.

Фактически на указанных уголовно-процессуальных стадиях осуществляется один и тот же процесс доказывания, но в различных формах. Причем на стадии судебного разбирательства и государственный обвинитель, и суд в большей степени призваны проверить в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями объективность и качества доказательств виновности подсудимого, добытых в процессе досудебного производства по уголовному делу.

В конечном итоге эта деятельность должна отражать системную связь конечных результатов досудебного производства и судебного разбирательства. Установление системной связи доказательств виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, служит основанием для вынесения в отношении него судом окончательного процессуального решения – обвинительного приговора. В случае неустановления этой связи приговор должен быть оправдательным.

Данный процесс в судебном разбирательстве должен протекать в соответствии со сложившимися в науке положениями системного подхода, что способствует восприятию системы процесса доказывания как целостной и единой совокупности подсистем: доказательств добытых следователем в ходе производства предварительного расследования и доказательств, установленных судом первой инстанции в процессе судебного разбирательства, которые находятся в непротиворечивых отношениях и связях, чем обеспечивают принятие процессуально уполномоченными лицами правильных (промежуточных и окончательных) судебно-процессуальных решений по делу.

Такое понимание системы процесса доказывания по уголовному делу в практической деятельности государственного обвинителя в состоянии обеспечить принятие судом первой инстанции законных процессуальных решений.

4. Фактором, в значительной степени определяющим этот процесс, является планирование судебного разбирательства как метода организации деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде, который в качестве компонента криминалистической характеристики судебного разбирательства обеспечивает своим правильным применением объективное, полное и всестороннее рассмотрение судом уголовного дела.

Изучение судебно-следственной практики, к сожалению, свидетельствует о том, что государственные обвинители недостаточно активно используют этот метод, в большей степени полагаясь на данные обвинительного заключения и непосредственные результаты судебных действий, воспринимаемые в судебном разбирательстве.

Структура планирования государственным обвинителем судебного разбирательства, по нашему мнению, должна отличаться от планирования следователем досудебного производства по уголовному делу. Главное отличие состоит в том, что своим содержанием эта структура должна охватывать преимущественно результаты предварительного расследования и результаты судебного следствия с целью их последующего сравнения, анализа и синтеза.

В конечном итоге, основываясь на результатах планирования, государственный обвинитель строит свою обвинительную речь в прениях сторон. Планирование судебного разбирательства и обвинительная речь государственного обвинителя находятся в корреляционных связях, которые можно выразить тезисом: насколько точно организовано и проведено планирование судебного разбирательства, настолько аргументировано, а значит, и убедительно выступление и предложения государственного обвинителя для суда.

5. В современных условиях отправления правосудия судом ситуации судебного разбирательства (судебные ситуации) являются важным компонентом его криминалистической характеристики. Судебные ситуации, оцененные государственным обвинителем, позволяют своевременно выбрать алгоритм тактики поддержания государственного обвинения.

6. Как было отмечено выше, государственный обвинитель в процессе судебного разбирательства с учетом реализации плана поддержания государственного обвинения и складывающейся судебной ситуации должен придерживаться определенной тактики поведения. Ее структура содержит проверку следственных доказательств посредством судебных действий, заявления ходатайств о дополнительном производстве судебных действий их производстве, принятие технико-криминалистических и организационно-тактических мер, направленных к обеспечению информационной безопасности судебного разбирательства.

В этом наша позиция близка взглядам Ю.Л. Бойко, который определяет структуру судебного следствия на основе компонентов: а) тактика проведения отдельных судебно-следственных действий (особенности принятия решений, подготовки, проведения и оценки результатов); б) особенности использования тактических приемов, направленных на исследование и оценку доказательственной информации на стадии судебного следствия; в) специфика взаимодействия (взаимоотношений) участников судебного следствия [1, с. 22].

Государственный обвинитель является одним из самых активных участников судебного разбирательства, так как на нем лежит определенная уголовно-процессуальным законодательством функция уголовного преследования. В процессе судебного разбирательства он обязан всеми доступными уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами и способами подтвердить объективность и качества следственных доказательств, добытых следователем в процессе досудебного производства по уголовному делу и таким способом трансформировать их в судебные доказательства, достаточные суду для вынесения подсудимому обвинительного приговора. Определяющим фактором в этом процессе является правильно выбранная тактика государственного обвинения, то есть ситуационно-обусловленное поведение государственного обвинителя в процессе судебного разбирательства, основанное на действующем уголовно-процессуальном законодательстве и правильном выборе способов и средств доказывания вины подсудимого в инкриминируемом ему органами предварительного расследования преступлении.

Наряду с выбором тактических способов и средств поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве в структуре тактики государственного обвинения в целом значимым для всей криминалистической характеристики судебного разбирательства является такой компонент, как технико-криминалистические и организационно-тактические меры обеспечения его информационной безопасности. Этот компонент тактики судебного разбирательства для криминалистики является относительно новым и определенным в соответствии с изменившимися в последние десятилетия условиями уголовного судопроизводства.

Мы выделяем именно государственного обвинителя в качестве основного субъекта, обеспечивающего информационную безопасность судебного разбирательства по причине того, что именно на него государство возложило функцию уголовного преследования граждан за совершение преступлений. Функции других активных участников уголовного



судопроизводства имеют другое целевое предназначение. Но это не означает, что они не заинтересованы в обеспечении информационной безопасности производства в суде первой инстанции.

Слушание судом уголовного дела обычно связано с длительными временными периодами, которые в силу многообразия жизненных ситуаций приносят многообразие и в судебные ситуации, что государственному обвинителю следует учитывать в тактике своей судебной деятельности. Поэтому, определяя информационную безопасность, нельзя не учитывать такую важную криминалистическую категорию, как судебные ситуации.

Таким образом, информационная безопасность как компонент тактики государственного обвинения производства в суде первой инстанции представляет собой основанный на оценке судебной ситуации особый вид деятельности государственного обвинителя по обеспечению защиты любых сведений (доказательственной информации, ориентирующей информации, данных оперативного сопровождения производства в суде первой инстанции), на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе судебного разбирательства по уголовному делу, и принимает соответствующие процессуальные решения.

7. Результаты судебного разбирательства государственный обвинитель должен выразить в прениях сторон, этот компонент является последним в структуре системы криминалистической характеристики судебного разбирательства. Фактически речь государственного обвинителя для результатов судебного разбирательства имеет то же самое значение, что и обвинительное заключение для досудебного производства по уголовному делу. Отсюда ее значение для принятия судом окончательного процессуального решения – приговора подсудимому.

Можно выделить три этапа подготовки речи государственного обвинителя: до начала судебного разбирательства, в ходе судебного следствия, по окончании судебного следствия и открытия прений сторон. Криминалистическая тактика подготовки государственного обвинителя к прениям сторон основывается на том, что на первоначальном этапе он, опираясь на обвинительное заключение, составляет план речи, фиксирует ее основные положения, в том числе дает обоснование квалификации деяния. Однако только проверенные в суде доказательства позволяют сделать окончательные выводы о доказанности обвинения, квалификации преступления, виде и размере наказания, подлежащего, по мнению государственного обвинителя, назначению подсудимому. Поэтому с учетом результатов судебного следствия он вносит коррективы в подготовленные ранее разделы речи.

Прения сторон начинаются обвинительной речью государственного обвинителя (ч. 3 ст. 292 УПК РФ). В ней государственный обвинитель должен привести достаточные доказательства, изобличающие подсудимого. Важнейшее качество обвинительной речи может быть обеспечено, если обвинитель опирается на твердо установленные в судебном следствии факты. При этом он не должен ссылаться на доказательства, которые не были предметом рассмотрения в судебном следствии или были признаны судом недопустимыми (ч. 4 ст. 292 УПК РФ). В своей речи государственный обвинитель должен избегать ненужных повторений, подробного анализа несущественных обстоятельств дела, изложения общеизвестных положений.

Приведенная структура криминалистической характеристики судебного разбирательства по уголовному делу представляется нам оптимальной системой компонентов прикладного характера. Ее использование в практике поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции в состоянии обеспечить полноценное выполнение государственным обвинителем функции уголовного преследования.

Список литературы

References

1. Бойко Ю.Л. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Л. Бойко. – Барнаул, 2007.

Boyko Yu. I. Features of methods of investigation of selfish and violent crimes committed by employees of the internal Affairs bodies: autoref. dis. ... kand. the faculty of law. Sciences / J.L. Boyko. - Barnaul, 2007.

2. Васильев А.Н. Планирование расследования преступлений / А.Н. Васильев, Г.Н. Мудьюгин, Н.А. Якубович. – М., 1957.

Vasil'ev A. N. Planning crime investigation / A.N. Vasilev, G.N. Mougine, N.A. Yakubovich. - M., 1957.

3. Васин В.В. Уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Васин. – Томск, 2006.

Vasin V.V. Criminal procedural knowledge of the first instance of the circumstances of the criminal case: autoref. dis. ... kand. the faculty of law. Sciences / V. V. Vasin. - Tomsk, 2006.

4. Гавло В.К. О понятии, значении и задачах методики расследования отдельных видов преступлений / В.К. Гавло // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982.

Gavlo V.K. on the concept, meaning and objectives of the methodology of investigation of certain types of crimes / V. K. Gavlo // Combating crime at the present stage. - Barnaul, 1982.

5. Герасимов И.Ф. Вопросы развития и совершенствования методики расследования отдельных видов преступлений / И.Ф. Герасимов // Вопросы методики расследования преступлений: Научные труды. Вып. 50. – Свердловск, 1976.

Gerasimov I.F. Questions of development and improvement of methods of investigation of certain types of crimes / I.F. Gerasimov // Questions of methods of investigation of crimes: scientific works. Issue. 50. - Sverdlovsk, 1976.

6. Ларин А.М. От следственной версии к истине / А.М. Ларин. – М., 1976.

Larin A.M. from the investigative version to the truth / A. M. Larin. - M., 1976.

7. Образцов В.А. Криминалистический механизм преступления и его значение в расследовании / В.А. Образцов // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982.

V.A. Samples Criminal mechanism of the crime and its importance in the investigation / V.A. Samples // the Fight against crime at the present stage. - Barnaul, 1982.

8. Методология криминалистики. – М., 1982.

Methodology of criminology. - M., 1982.

9. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. - М., 1967.

Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators / A. R. Ratinov. - M., 1967.

10. Старченко А.А. Логика судебного исследования / А.А. Старченко. – М.: Госюриздат, 1958.

Starchenko A.A. Logic of forensic studies / A.A. Starchenko. - Moscow: Gosyurizdat, 1958.



НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 111; 130.3

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-566-570

ЧЕЛОВЕК КАК СУЩЕСТВО, ПРОЛАГАЮЩЕЕ ГРАНИЦЫ

MAN AS A CREATURE ESTABLISHING THE BOUNDARIES

Т.Ю. Денисова

T.Y. Denisova

Сургутский государственный университет,
Россия, 628412, г. Сургут, проспект Ленина, 1.

Surgut State University,
1 Lenina av., Surgut, 628412, Russia,

E-mail: denisovasever86@bk.ru

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является феномен границы в соотнесении с проблемой сущности человека. Цель данной работы – предложить модель объяснения решения человеком важнейших экзистенциальных задач самопознания и достижения самотождества. Показано, что эти задачи решаются индивидом в процессе установления своих наличных границ и своих пределов возможного. И установление, и разрушение или перемещение границ представляют собой творческие свободные акты личности в стремлении достичь единства с собой. Соответственно, экзистенция всегда сопряжена с трансцендентными актами, процессом установления и разрушения границ.

Abstract

The problem of achieving self-identity in the process of existence returns us to the well-known Sartre question of the relationship between the primacy of essence and existence in the being of a thing and a person. An important feature of existence is that this being is not within its predetermined, ready-made individual form, its monadic shell, but always outward, an attempt to exist outside of itself.

The focus of the following essay is a phenomenon of boundary considering within the perspectives of philosophical anthropology in correlation with the problem of human essence. The aim of this article is to offer a model of explanation of the human's solution of the important tasks of achievement the self-knowledge and the unity with himself. It is shown, that they can be solved in the process of establishment of present borders and limits of possible future. The establishment of boundaries and their destruction or displacement are free creative acts of any person in the effort to reach the unity with him. Thus, existence is always connected with transcendental acts, with the process of establishment and deconstruction of the borders.

Ключевые слова: граница, сущность, трансценденция, человек, экзистенция, энтелехия.

Keywords: border, substance, transcendence, human, existence, entelecheia.

Хотеть жить – это хотеть занимать еще точки пространства и времени,
то есть восполнять или дополнять себя тем, чем мы сами не обладаем.

М.К. Мамардашвили

Около двадцати пяти столетий отделяет нас от времени, когда были сформулированы две основополагающие задачи человеческого существования, не теряющие актуаль-

ности по сей день. Первая из них – «Γνῶθι σαυτόν» («Узнай себя»), известная по изречению на фронтоне храма Аполлона в Дельфах, стала свидетельством рождения личностного начала в человеке. Вторая, принадлежащая греческому поэту Пиндару, – «Γένοιό οἷός ἐσσι μαθών» – «Будь таким, каким ты себя познал» или «Будь, каков ты есть, а ты знаешь, каков ты есть» [6], стала восприниматься в контексте современной цивилизации как императив, направленный против тотального разлада с миром и собой.

Познай себя, чтобы познать мир как целое, в которое ты включен в качестве части. Стань тем, кто ты есть, чтобы обнаружить свое место и назначение в единстве целого. Но что значит стать, если ты уже есть, то есть уже обладаешь свойством «быть»? Можно ли уже быть, но еще не стать?

По мысли А.В. Ахутина, «каждое сущее *есть* в той мере, какая ему отмерена соразмерностью целого и в какой оно эту меру наполняет. Чрезмерность, неполная мера или несоразмерность существования – неуместность, несвоевременность, неподходящее усилие или негодное отношение – не позволяют сущему сбиться самим собой» [1, с.149]. Человеческое существование определено многими мерами, обуславливающими и определяющими его подлинность: мерой времени его жизни, места, сил, умений, событий, возможностей. Но даже в тех случаях, когда они задаются извне (как срок жизни, эпоха, события, физические возможности), они имеют значение только постольку, поскольку переживаются и осмысливаются самим индивидом, значит, участвуют в реализации его сущности, его целей и назначения не сами по себе, а в результате его собственного устремления и усилия. Усилия стать собой.

Проблема достижения самотождества в процессе существования возвращает нас к известному сартровскому вопросу о соотношении первичности сущности и существования в бытии вещи и человека. Важная черта экзистенции состоит в том, что это существование не внутри своей заданной, готовой индивидуальной формы, своего монадического панциря, а всегда выход вовне, попытка существования вне себя. Специфика человеческих границ – в отсутствии жесткой закреплённости. Они всегда есть – и всегда неокончательны, то есть обладают способностью трансформироваться, «растягиваться» новыми возможностями, потенциями, устремлениями, способами взаимодействия со средой. Специфика существования человека в границах не есть простое пребывание внутри своего, пусть даже динамическое пребывание (ведь жизнь всегда предполагает процесс) – это способ бытия, подразумевающий трансцендирование как его необходимое условие, то есть это способ бытия, диалектически соединяющий интенции к установлению и пересечению границ.

Подлинное отношение индивида с реальностью – не только отдельность, но и включенность; уникальность, выросшая из универсальности; частное, связанное с общим. Поэтому граница является необходимым условием и существования, и сущности. В любой момент своего существования индивид представляет собой некий смысловой топос, облеченный границами. Граница дает место и отделяет от тотальности, но она включает и соединяет. Она замыкает индивида, позволяя ему быть целостностью, но, будучи подвижной и проницаемой, дает возможность этой целостности расти и меняться. Экзистенция, таким образом, может быть сопоставима с «ничто» (понимаемым не как отрицание бытия, а как его условие). Она в этом смысле – пустота, в которой благодаря флуктуациям понимающего и творческого человеческого усилия, человеческой энергии и возникает субъект. Это усилие ничего не гарантирует, ничем не обеспечено, ни в чем не находит опоры и завершения.

В Книге Екклесиаста, где перечисляется все, чему «свое время» – время любить и ненавидеть, разбрасывать и собирать камни, содержится неожиданная мысль о том, что у человека нет времени собирать плоды своих трудов или хотя бы увидеть их: «Нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет посмотреть на то, что будет после него?» [4: Еккл. III, 22]. И человек, и труды



его, и пребывание на земле не достигают энтелехии, не бывают завершенными, законченными, совершенными. Человек никогда не может сказать, что он все исполнил, что был должен. Он, конечное существо, всегда имеет дело с чем-то таким, чему нет конца и завершения.

Ж.-П. Сартр говорил, что в этом смысле человек никогда не есть то, что есть, он всегда или позади, или впереди самого себя. То есть он никогда не есть, но в то же время всегда есть. Эта позиция Ж.-П. Сартра о никогда не достигаемой сущности человека ясна и убедительно обоснована и воспринимается часто как азбучная истина. При том, что человек, исходя из сущности собственного Я, осознает действительность, конструирует мир со всеми его границами и смыслами, строит отношения с ним, вынужденный – даже декларируя объективность как цель, – возвращаться к своему Я, это самое Я оказывается самой эфемерной вещью на свете. Но никакой другой опоры, кроме глубины собственного Я – этой «пустой химеры», «мертвой точки», «нежити», как выражается А.В. Ахутин [2], у человека нет. Я инородно всему в мире, не способно вмещаться ни в какое определенное место, неуместно, бездомно, – и эти его изгойство и неуместность, и их осознание, и вечные поиски «дома», причастности, соучастия, места (а значит – границ) составляют суть его экзистенции.

Отсюда закономерно возникает вопрос – обладает ли экзистирующий субъект сущностью, пусть иначе, чем вещь, но хоть каким-то образом?

Довольно часто случается услышать выражения «дело всей жизни», «любовь всей жизни», «смысл всей жизни». Все они как бы предполагают, что жизнь конкретного индивида имеет изначально цель, предназначение и способна достичь абсолютной завершенности и полноты. Однако это не так. Ни в один момент времени жизнь не дана целиком – не только в своих временных границах, но и смыслах. Она никогда не «вся». Быть «всей» – значит, быть замкнутой в границах, причем окончательных. Но жизнь, по сути, всегда разворачивание неясного, невидимого нечто, обретения им определенности, узнаваемости, возможности артикуляции. Но и ядро, сердцевина жизни личности, эта исходная точка разворачивания и ее будущие края тонут в неясности, позволяя лишь строить догадки, что было началом и насколько окончателен конец. «Границ души тебе не отыскать, так глубок ее Логос», – предупреждал Гераклит. Однако невозможность выполнения этой задачи не снимает ее как задачу. Во все времена в поисках согласия с собой, сбывания собой человек пытался обнаружить и маркировать границы «своего».

Как нам представляется, поиски себя происходят в двух противоположных процессах, направляемых центростремительной и центробежной силами. С одной стороны, человек пытается захватить, освоить, присвоить, вобрать в себя то, что попадает в поле зрения за пределами своего наличного, а с другой, будто следуя совету Марка Аврелия «Свернись в самого себя», вгрызается в собственную глубину, сердцевину, отыскивая то, без чего он – не он. То есть человеку в равной степени свойственно искать не только свои пределы в процессе разворачивания, но и свое средоточие, центр, сущность в попытках сворачивания. Трансценденция и желание овладеть всем есть выражение желания стать собой, и при этом бесконечное неостановимое движение от себя, во-первых, невозможно для конечного существа, а во-вторых, здесь начинает действовать логика создания и существования империи: процесс завоевания все новых рубежей не позволяет освоить, структурировать, осмыслить уже завоеванное. Человек, желающий быть везде, остается подвешенным в своей пустоте. Х.-Л. Борхес приводит пример из китайского эпоса о том, как демон замечает раненному им чародею, который обернулся четырьмя тысячами чародеев: «Умножиться не диво, ты попробуй воссоединиться» [5, с. 686].

Опыт Александра Великого – пример разворачивания, опыт его современника Диогена – пример сворачивания. Экспансия и аскеза – два пути установления границ: в первом случае границы там, где тебе уже ничего не принадлежит и не будет принадлежать, во втором – там, дальше чего тебе ничего не нужно, чтобы продолжать быть собой. Та же

проблема, но несколько иначе может быть представлена в ницшевском сравнении образов Диониса и Аполлона, двух символических начал, двух состояний человека. Дионисийский разгул – это попытка человека испытать свои пределы, достичь границ возможного и попытаться их перейти, превосходя в этом открытии границ самого себя. Аполлон, как символ разумности, рациональности, меры, дает человеку пример достижения не «всего», а лучшего, правильного, совершенного. И в том, и в другом образе задаются границы человека, но в первом это стихийная страсть первопроходца, испытателя, готового на все в неудержимом стремлении обнаружить границы возможного; во втором – просчитанная, рациональная попытка установления границ правильного, разумного бытия, завершенности, совершенства, максимального соответствия образцу. То есть в образе Диониса воплощена интенция достичь границ возможного, в образе Аполлона – границ образца, энтелехии.

В греческой мифологии и трагедии ярко представлена также и комбинация этих интенций. Она воплощена в понятии *ἕβρις*, являющемся, по сути этическим принципом поведения героев. Буквально оно может быть понято как «гордость», «дерзость» и означает поведение, выходящее за рамки принятого, дозволенного традицией и богами. Под *ἕβρις* понималось нечестивое отношение к богам, нарушение социальных правил, осуждаемое не только традицией, но и подлежащее наказанию в юридической практике. Однако *ἕβρις* являлся вместе с тем неотъемлемым элементом проведения героя, способом реализации его «героических» потенций и интенций, тем, без чего он не стал бы самим собой.

Что такое Одиссей без Итаки и драматического возвращения на Итаку? Антигона без нарушения запрета хоронить брата? Прометей без похищения огня? Сократ, покающийся по всем пунктам обвинений?

Получается, что, нарушая и пересекая границы наличного, человек решает парадоксальную задачу: двигаясь к краю и заглядывая за край, он держит в уме цель не уйти от себя подальше, а встретиться с собой, обрести себя. Выходя из себя, трансцендируя за границы привычного своего, он собирает себя. При этом внутреннее единство, целостность, собранность в своем существе и отличие себя от иного, интеграция своего и дезинтеграция с чужим в процессе не замыкания в своем, а именно трансцендирования осознаются им как сложнейшая, но жизненно важная задача. Разумеется, трансцендирование не представляет собой бесцельное бегство от себя, и нарушение границ – не самоцель. Этот процесс и не хаотичен, и не предзадан кем-то или чем-то изначально.

В процессе существования с субъектом могут происходить события, внешние по отношению к его личности, причины которых не связаны с ним смыслами. Однако, сталкиваясь с субъектом, эти события получают смысл внутри его личности, встраиваются в его наличное бытие и перспективы, исходя из целостности его натуры. Событие становится судьбоносным не в силу какой-то внешней телеологии, а потому что осмысливается с позиций определенного субъекта. Более того, нереализованные возможности, которые не осуществились именно в жизни этого субъекта, имеют к нему отношение, и потому они, хоть и остались вне его существования, все же не ничто. В.В. Бибихин приводит в связи с этим очень выразительный пример. В известном шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше о герое сказано: «В дальний путь ходил, но устал и вернулся». Какое отношение эта недостигнутая цель имеет к личности героя, выражает ли она его неполноту, ущербность? Нет, пишет В.В. Бибихин, в этой усталости нет никакого позора и слабости – это тоже достижение: «Это не отчаяние, а особенная полнота, которая, однако, не может показать себя, потому что она не в завладении миром, а наоборот, в трезвом отказе от завладения» [3, с. 63]. Устремленность за границы и попытки их пересечения – не просто осуществление разнореального будущего, где актуальное – условие потенциального. Это и сам процесс конструирования этого возможного будущего в мечтах и планах. Желание другого уже означает прораствание в это другое, присутствие в другом. Даже «прекрасное невозмож-



ное» не отделено от актуального непреодолимой стеной, поскольку связано с ядром личности: у каждого свое «прекрасное невозможное».

Фактически человек всегда находится на границе своего и иного, имманентного и трансцендентного, наличного и возможного. Нуждаясь в границах, прокладывая границы, пересекая их или упираясь в них, ностальгируя о за-граничном, ином, замыкаясь в «своем», он является не просто вечным обитателем границы: его можно назвать *Homo definiens ad terminus* – «человеком, прокладывающим границы».

Список литературы

References

1. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб. Наука. 2007. 783 с.
Akhtutin A.V. Ancient philosophy's origin. SPb. Nauka. 2007. 783 p.
2. Ахутин А.В. Записки из-под спуда // Архе-1. URL: <http://bibler.ru/arche1.html>
Akhtutin A.V. Notes from the stock. Arkhe-1. URL: <http://bibler.ru/arche1.html#zapiski>
3. Биbihин В.В. Мир. СПб. Наука. 2007. 431 с.
Bibikhin V.V. The world. SPb. Nauka, 2007. 431 p.
4. Библия. Кн. Екклесиаста. Любое издание.
Bible. Ecclesiast.
5. Борхес Х.-Л. Собр. соч. Т.2. Произв. 1942-1969. СПб. Амфора. 2011. 847с.
Borges J.-L. Collected works. V.2. Works of 1942-1969. SPb. Amfora. 2011. 847p.
6. Пиндар. Пифийские песни. 2. «Иксион», Гиерону Сиракузскому. 3, 71-72. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar04.htm>.
Pindar. Pithian songs. 2 "Iksion", To Hieron of Syracuse 3, 71-72.]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar04.htm>

УДК 341.01

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-571-574

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ
В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА****RELATION BETWEEN LAW AND MORALITY IN THE SOLOVYOV'S VISION****К.В. Кравец**
K.V. KravetsБелгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University, Russia, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: kravets_k@bsu.edu.ru**Аннотация**

В статье рассматривается актуальный вопрос юридической науки – соотношение права и морали. Упоминаются основные точки зрения ученых и философов по данной теме. Детально рассматривается идея взаимосвязи права и нравственности в трудах отечественного философа В.С. Соловьева.

Abstract

Theories of identification and demarcation of right and ethical norms, according to V.S. Solovyov, arose because of a wrong approach to understanding the relationship between morality and law. Since the requirements of morality are by their nature an absolute and unconditional ideal, they presuppose the presence in the moral field of relativity. That is, the requirements of perfection can be addressed only to the imperfect, urging him to strive for this perfection. And the existence of this relative or imperfect as distinct from absolute morality is a fact that can not be denied. In this case, V.S. Soloviev believes that, despite the difference between the perfect and the imperfect, they can not be opposed to each other as two completely different, having nothing in common with each other. Opposite these two areas form a close special relationship between each other.

The article deals with the particularly discussing question in legal science – law and morality. The article gives a detailed analysis of this problem in the treatises of Russian philosopher Vladimir Soloviev.

Ключевые слова: право, нравственность, Христианство, абсолютный идеал, прогресс права, совершенствование.

Keywords: law, morality, Christianity, absolute ideal, improvement, progress of law.

В настоящее время в условиях появления в ряде западных стран ряда законов, противоречащих представлениям христианской морали, проблема соотношения норм права и нравственности приобретает особую актуальность. Легализации права на «законное убийство», «запретные» удовольствия, любую модель супружества, то есть того, что однозначно не приемлется христианской цивилизацией, порождает необходимость исследования наблюдаемой в последнее время последовательной тенденции легализации греха.

Вопрос о приоритетных нормах в системе социального регулирования поднимался в отечественной политико-правовой доктрине со времени ее зарождения. При этом основная дискуссия всегда велась по вопросу соотношения этических и правовых норм. В дискуссии о соотношении права и нравственности можно выделить учение об отождествлении права и морали в системе социального регулирования (Г.В. Михайловский); доктрину разграничения этических и правовых норм (И. Фихте и А. Гумбольдт); теорию этического



минимума в праве (И. Еллинек, В.С. Соловьев, И.П. Новгородцев, А.Н. Яценко, В.Г. Щеглов, Е.Н. Трубецкой и др.) [1, с. 293–298; 2, с. 162–163].

В отечественной науке наибольшее распространение получила теория этического минимума Владимира Сергеевича Соловьева (1855–1900 гг.) – видного религиозного мыслителя, которого вполне справедливо называют одной из центральных фигур в российской философии XIX века.

В работах «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» [3], «Оправдание добра. Нравственная философия» [4] В.С. Соловьев дает комплексный анализ сущности связи между правом и нравственностью, воплотившийся в теорию этического минимума права. В предисловии к книге «Право и нравственность» ученый отмечает «внутреннюю существенную связь» между правом и моралью и полагает их «неразлучными и в прогрессе и в упадке своем» [3, с. 5].

Теории отождествления и разграничения правовых и этических норм, по мнению В.С. Соловьева, возникли из-за неправильного подхода к пониманию связи между нравственностью и правом. Поскольку требования нравственности являются по своему характеру абсолютным и безусловным идеалом, они предполагают наличие в нравственной области относительности. То есть требования совершенства могут быть обращены только к несовершенному, призывая его к этому совершенству стремиться [4, с. 400]. И существование этого относительного или несовершенного как отличного от абсолютной нравственности является фактом, который невозможно отрицать. При этом В.С. Соловьев считает, что, несмотря на отличие совершенного от несовершенного, их нельзя противопоставлять друг другу как две совершенно разные, не имеющие ничего общего между собой области. Напротив, эти две области образуют тесную особую взаимосвязь между собой.

В практической жизни человечества подобное видимое противопоставление возникает собственно между областью правовой и областью нравственной. И неправильное понимание этого противопоставления приводит либо к отрицанию во имя абсолютных требований идеи права, либо наоборот, к утверждению права как самодостаточной абсолютной истины. Но каждый из этих подходов является тупиковым. Для доказательства этого В.С. Соловьев приводит два примера. Первый пример – это эдикт прусского короля 1739 года, который гласит: «Ежели адвокат, или прокуратор, или нечто тому подобное осмелится сам или будет просить другого подать их королевскому величеству какую-нибудь докладную записку, то их королевскому величеству благоугодно, чтобы такое лицо было повешено без всякого милосердия, и чтобы рядом с ним была повешена собака» [4, с. 401]. Разумеется, что законность или правомерность такого акта не вызывает сомнений, однако столь же очевидно он не соотносится с требованиями нравственности. Напрашивающийся здесь вывод о том, что право необходимо отвергнуть как обязательную часть нашей жизни и отношения между людьми должны быть урегулированы исключительно нравственными законами несостоятелен. Поскольку по мысли философа, данный пример правовой нормы противоречит не только требованиям нравственности, но и сущности самого права. Аналогичную ситуацию можно увидеть и в нравственной области во втором примере, приведенном В.С. Соловьевым: «Недавно, как сообщали газеты, среди Москвы, на Никольской улице, около часовни св. Пантелеймона, толпа народа чуть не до смерти избил и искалечила женщину, заподозренную в наведении болезни на мальчика посредством заколдованного яблока» [4, с. 402]. В данном случае толпа не руководствовалась корыстными или иными побуждениями для собственной выгоды, они не испытывали личного интереса в её избии, а руководила этой толпой только мысль, что вопиющее злодеяние женщины должно получить справедливое возмездие. Иными словами поступок, формально нравственный, по существу своему явился совершенно безнравственным. На основании этих примеров философ приходит к выводу, что в данном случае в безнравственном поступке толпы виноват не сам нравственный принцип, а только недостаточная степень нравственного развития у безумной толпы. Точно также и с эдиктом прусского

короля. Не сама идея права или закона виновна в его нелепости, а только недостаточный уровень правового сознания у короля. То есть противоречие в реальности существует не между правом и нравственностью, а только между различными уровнями как правового так и нравственного сознания. При этом автор прослеживает в развитии права постоянное неуклонное тяготение правовых норм к развитию в сторону сообразности нравственным требованиям, и это также доказывает наличие положительной связи между этими двумя областями.

Сущность этой связи между правом и нравственностью также раскрывает связь между идеальным нравственным сознанием и реальной жизнью, так как право регулирует реальную жизнь общества и, по мысли В.С. Соловьева, является некой промежуточной областью между идеальной абсолютной нравственностью и злой действительностью [4, с. 404]. То есть только право через свое воплощение – государство – может обуславливать реальную организацию нравственной жизни во всем человечестве. Потеряв правовую опору, нравственность не могла бы реализовываться в реальном мире, но и право при утрате связи с нравственными ориентирами превратилось бы в произвол [4, с. 405].

Таким образом, в ходе своих рассуждений философ приходит к выводу, что между правом и нравственностью существует «положительное и тесное внутреннее отношение, не позволяющее отрицать одну из них во имя другой» [4, с. 406]. Но при этом автор выделяет три ключевых пункта различий между этими областями. Во-первых, каждое чисто нравственное требование является, по сути, неограниченным, абсолютным и для исполнения требует совершенства или по крайней мере стремления к совершенству. Какое-либо ограничение нравственного требования противоречит самой его природе. Право ограничено по своей сути, то есть применительно к нравственности оно требует не совершенства, а только определенного минимального нравственного состояния. В связи с этим оно выражается как «низший предел или определенный минимум нравственности» [4, с. 407]. Во-вторых, в силу своей неограниченности нравственные требования не могут быть исполнены каким-то определенным набором внешних проявлений. То есть человек хотя и может своими действиями выражать исполнение нравственного закона, но после этот закон не может считаться исполненным и не требующим ничего больше. Так как движение к абсолютному совершенству, выражаемому этим законом, должно продолжаться бесконечно. Собственно правовые нормы наоборот предписывают или запрещают вполне конкретные действия. И исполнение закона определяется совершением или не совершением тех или иных действий. В.С. Соловьев обращает внимание, что здесь также не возникает противоречия между нравственным и правовым законом, поскольку как нравственное состояние человека не только не исключает, а даже предполагает совершение определенных внешних поступков, доказывающих это состояние, так и юридические нормы не отрицают внутренних состояний, соответствующих предписанным поступкам, хотя и не требуют их обязательно [4, с. 408]. Таким образом, правовые и нравственные нормы обращены к человеку и его воле. Но если для нравственности важна воля человека в целом, то для права – только в своей реализации к вещам, составляющим предмет права. В-третьих, нравственный закон, требуя от человека внутреннего совершенства, определяет добровольность его исполнения. То есть никакое принуждение к его исполнению здесь невозможно. Обратная ситуация с требованиями правовыми. Для осуществления законного порядка право допускает определенную степень принуждения, так как в этом случае цель – реализация определенного общественного блага – может быть достигнута лишь при помощи силы принуждения. На основании этих трех различий автор формулирует определение права в его отношении к нравственности: «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [4, с. 409].

Подводя итог, можно заключить, что выводы, к которым приходил В.С. Соловьев, сегодня звучат особенно актуально. Право призвано реализовывать и защищать нрав-



ственные законы, источником которых выступает христианство. Главное назначение государства и права – бороться со злом в его социальном проявлении. Только в этом случае развитие властных институтов будет прогрессивным.

Список литературы References

1. Сафронова Е.В., Рутман В.Г. К вопросу о христианской философии права (из истории русской правовой мысли) // Право. Научные исследования и разработки. Т. 1, Вып. 6 (6). - С.293–298.

Safronova E.V., Rutman V.G. K voprosu o hristianskoj filosofii prava (iz istorii russkoj pravovoj mysli) // Pravo. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. T. 1, Vyp. 6 (6). - S.293–298.

2. Кравченко А.Е. Концепция права как этического минимума в отечественной правовой доктрине конца XIX - начала XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.- С. 162–164.

Kravchenko A.E. Konsepciya prava kak ehticheskogo minimuma v otechestvennoj pravovoj doktrine konca XIX - nachala XX vv. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo.- S. 162–164.

3. Соловьев В. С. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики // Соловьев В.С. – СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1897. – 187 с.

Solov'ev V. S. Pravo i npravstvennost': Ocherki iz prikladnoj ehtiki // Solov'ev V.S. – SPb.: Izd. YA. Kantorovicha, 1897. – 187 s.

4. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10 т. /под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. – СПб: Просвещение, 1911–1914. – Т. 2. 516 с.

Solov'ev V. S. Sobranie sochinenij: v 10 t. /pod red. i s primech. S.M. Solov'eva i E.L. Radlova. 2-e izd. – SPb: Prosveshchenie, 1911–1914. – T. 2. 516 s.

УДК 379.85:316.4.06

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-575-581

**ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ
РИСКАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА****THE USE OF SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE RISK MANAGEMENT PRACTICE
OF TOURISM INDUSTRY ENTERPRISES****С.Г. Стенюшкина
S.G. Stenyushkina**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: stenyushkina_s@bsu.edu.ru

Аннотация

В условиях современного динамично развивающегося мира ужесточаются требования и условия для развития бизнеса в России. На фоне турбулентной внешней среды, нестабильной политической обстановки и слабого рубля предприятия индустрии туризма вынуждены формировать и всемерно развивать конкурентную систему менеджмента, отвечающую требованиям мировых стандартов. В этой связи система управления рисками, которую так или иначе придется создавать предприятиям в рамках общей системы управления, может стать ресурсом привлекательности для инвесторов и фактором успеха на внешних и внутренних рынках. Таким образом, целью данной статьи является описание технологического подхода в процессе управления рисками предприятий индустрии туризма.

Abstract

In the conditions of the modern dynamically developing world, requirements and conditions for business development in Russia are tightened. Against the background of turbulent environment, unstable political situation and weak ruble, tourism industry enterprises are forced to form and fully develop a competitive management system that meets the requirements of international standards. In this regard, the risk management system, which will have to be created by enterprises within the framework of the management system, can become a resource of attractiveness for investors and a factor of success in foreign and domestic markets. The purpose of the article is to describe the technological approach in the process of managing the risks of the enterprises of the tourism industry. In this regard, this article introduces proposals for the application of risk management technology in the tourism industry, which is a set of methods and tools for identifying, assessing and analyzing risks, as well as developing strategies and tactics for influencing emerging risks with subsequent monitoring of their condition. The results of the research conducted by the author during the writing of the article and described in it have a certain theoretical and practical significance and can be used to improve the management mechanisms of the tourism industry enterprises.

Ключевые слова: риск, управление рисками, технология, индустрия туризма, модель.**Keywords:** risk, risk management, technology, tourism industry, model.**Введение**

Цифровая революция и бурное развитие технологий аутсорсинга затрагивают все без исключения отрасли. Условия деятельности предприятий трансформировались до неузнаваемости, компании вынуждены в корне пересматривать свои бизнес-модели, чтобы соответствовать требованиям современных стандартов. Вместе с тем существует целый ряд проблем в сфере управления рисками, организации и функционирования внутреннего контроля, кото-



рые не выносились на всеобщее обсуждение, но при этом требуют значительных средств и времени для своего решения.

Небывало высокие темпы преобразований не могли не коснуться системы управления предприятиями сферы туризма. Туркомпаниям приходится оперативно реагировать на постоянно изменяющиеся условия внешней среды, чтобы защитить свою репутацию и финансовую устойчивость. Таким образом, возникает реальная необходимость в создании современной развернутой системы управления рисками предприятий индустрии туризма.

Исключить риски полностью невозможно. Но каждый предприниматель, который заботится об успешности своего бизнеса, должен исследовать возможные неблагоприятные факторы, которые влияют на получение прибыли, и принимать меры для их снижения. Этому и служит процесс управления рисками, под которым предлагается понимать совокупность целенаправленных процедур по выявлению, оценке и уменьшению риска до установленных стратегическим выбором значений, предполагающая многоступенчатый процесс реализации [Юрлова, Скачок, 2014]. Целью управления служит уменьшение или компенсация ущерба для организации при возникновении неблагоприятных последствий решений.

Риск-менеджмент предприятий индустрии туризма содержит в себе как тактические действия, так и стратегические. Тактические действия можно описать как набор конкретных приемов и средств, направленных на получение конкретного результата в имеющихся условиях. Для каждой ситуации подходят свои управленческие методы, и главной целью тактического управления рисками является оптимальный выбор этих методов и обоснование данного выбора.

Основная часть

Решения по управлению рисками являются наиболее важными среди всей совокупности управленческих решений. Чтобы принять любое управленческое решение, необходимо обладать достоверной и актуальной информацией. На её основе управленец и будет рассматривать различные варианты и алгоритмы дальнейших действий и выбирать из них наиболее оптимальный.

Работа по управлению рисками на предприятиях индустрии туризма тесно связана с анализом информации и представляет собой последовательность этапов и процедур. В наиболее общем виде схему анализа туристских рисков можно представить так:

1. Установление правил и требований к анализу рисков, обозначение ограничений (если они есть).
2. Установление критериев анализа.
3. Непосредственно проведение анализа больших массивов информации и ресурсов и выявление потенциальных угроз (рисков).
4. Выявление критических точек и определение степени их возможной опасности.
5. Определение методов, которые будут направлены на коррекцию потенциальной опасности.
6. Установление мероприятий по контролю над рисками.
7. Установление мероприятий по оценке рисков.

Однако готового шаблона, по которому можно анализировать любые риски в любом варианте условий, не существует. Есть только общие формы и рекомендации к определенным случаям. Каждый управленец выбирает ту схему принятия решений, которая удобна именно ему и подходит к заданным условиям.

К сожалению, на отечественных предприятиях недостаточно реализуется принцип комплексности системы управления рисками. Вот некоторые из причин.

Первая и, пожалуй, главная причина кроется в слабом осознании владельцами изменившейся среды бизнеса. Отдача от проектов внедрения системы управления рисками ими не ощущается в полной мере. Но ситуация быстро меняется, нужно выходить на внешние рынки. Это означает, что без реально работающих систем риск-менеджмента наши предприятия

быстро проиграют конкуренцию. Владельцы бизнеса и топ-менеджмент уже начинают это понимать.

Вторая причина лежит в относительно высоких и длительных расходах на развитие систем управления рисками, которые имеют большой период окупаемости. Это в условиях продолжительной кризисной ситуации в экономике не способствует выделению соответствующих бюджетов [Султанов, электронный ресурс, 2018].

Управление рисками в сфере туризма имеет особую специфику, связанную прежде всего с высоким влиянием человеческого фактора и фактора непредсказуемости внешней среды функционирования бизнеса, вследствие чего возрастает роль использования социальных технологий в управлении рисками сферы туризма [Киселева, 2017].

Любой риск, в том числе характерный и для сферы туризма, характеризуется следующими факторами:

- событием, которое может произойти или не произойти, но которое будет иметь определенное влияние на планируемую или осуществляемую деятельность;
- вероятностью ожидаемого события, то есть мерой неопределенности;
- влиянием, которое событие, в случае его наступления, окажет на деятельность;
- точкой уязвимости, то есть наиболее «слабым местом», которое способствует тому, что рисковое событие может наступить.

В связи с этим в деятельности по управлению рисками необходимо выработать действенный механизм, охватывающий управление всеми вышеуказанными факторами. В данном аспекте применение именно социальных технологий в практике управления рисками сферы туризма позволяет избежать многочисленных непредвиденных обстоятельств.

В настоящий момент социальные технологии широко применяются в практике общего менеджмента, являясь своеобразным инновационным инструментом управления. Технология управления рисками также тесно связана с общей концепцией риск-менеджмента организации.

Если технология отражает инструментарий управления в контексте основных этапов: выявить, оценить, разработать, то организация риск-менеджмента предоставляет нам возможность выбрать вариант использования этого инструментария наилучшим с позиции регулярности способом (рис.1).



Рисунок 1. Технология управления рисками сферы туризма
 Figure 1. Technology of risk management of tourism industry enterprises



Фундаментом системы управления рисками служит ее информационная база. Содержательная часть состоит из технологии управления и его организации. Стратегия и тактика управления рисками формируются не сразу, а только после того, как выявленные угрозы прошли через процедуру оценки и анализа. Венчают систему цель и стратегия управления предприятием, сфокусированные на решение следующих задач по управлению рисками:

1. Повышение привлекательности бизнеса.
2. Поддержание и развитие высоких объемов оказанных услуг с учетом рискованных ограничений.
3. Обеспечение своевременного покрытия убытков, вызванных угрозами, собственными средствами.
4. Поддержание устойчивости предприятия относительно основных факторов риска.
5. Эффективное распределение ресурсов компании с учетом предполагаемых угроз.

Технологически система управления рисками предприятий индустрии туризма направлена на работу с конкретным риском. В то же время организация риск-менеджмента представляет собой конгломерат политики, положений, методик и других регламентов, функций и их исполнителей, формирующих инфраструктуру для борьбы со всеми возможными для предприятия рисками.

Первым процессом среди общего состава процедур работы с вероятными угрозами является планирование управления рисками. Оно позволяет уточнить выбранные методы, инструменты и уровень организации управления применительно к конкретному проекту. В данном процессе важная роль отводится для целей коммуникаций со всеми заинтересованными сторонами.

Следующим процессом рассматриваемого блока управления является идентификация рисков. В ходе ее реализации проектные риски выявляются и документируются. В результате должен возникнуть список рисков, ранжированный по степени их опасности. К идентификации рисков следует привлекать не только руководителя туркомпании, но и всех ее сотрудников.

Не существует риска без принятия соответствующего решения, которое может послужить, в свою очередь, фактором риска. Поэтому в ходе идентификации необходимо выявить и представить также список факторов риска и провести их первичный анализ.

Анализ и оценка рисков производятся с целью преобразования добытых в ходе идентификации сведений в информацию, позволяющую принимать ответственные решения. В ходе процесса качественного анализа производится ряд экспертных оценок возможных неблагоприятных последствий, обусловленных выявленными факторами. В процессе количественного анализа определяются и уточняются значения количественных показателей вероятности возникновения угрожающих событий. Количественный анализ значительно более трудоемкий, но и более точный. Он требует качества входных данных, использования развитых математических моделей и высокой компетентности от персонала [Майсигова, 2014].

После оценки и анализа вариантов риск по степени опасности представляется меньшим, чем риск идеи, замысла. Это происходит вследствие потенциальной готовности к появлению рисковому событию и понимания уровня его опасности. Перечисленные этапы завершаются выходом – «Проанализированный и оцененный уровень риска». Этот уровень также представляется достаточно значительным и требует новых действий.

На следующем этапе достигается уменьшение опасности и угроз. Стратегический подход может быть рассмотрен с нескольких точек зрения. Одна из них заключается в том, чтобы выбрать методы управления риском, например, передать ответственность за него. На данном этапе большое значение имеет психологический аспект отношения руководителя предприятия к риску. Психологический тип лидера как раз и проявляется через

отношение к угрозам: оно может быть либо очень осторожным, либо авантюристичным, либо демонстрировать способность идти на оправданный риск. Естественно, что крайние варианты не являются благоприятными. После разработки программы по снижению угроз на выходе достигается приемлемый уровень риска. На основе утвержденной программы осуществляются этапы выполнения, контроля и оценки итогов решения. Результаты завершающей оценки используются в новом технологическом цикле управления.

Планирование способов реагирования и разработка мероприятий по снижению рисков – это регламентированная процедура разработки плана минимизации угроз. В ходе этой работы выбираются наиболее подходящие меры, способные повысить вероятность успеха решения задач. Данные меры предусматривают реагирование на риски в порядке приоритетов.

Технология управления рисками сферы туризма обеспечивает следующее:

- 1) восприятие участниками туристского рынка неопределенностей и угроз, их источников и вероятных негативных событий вследствие проявления рисков;
- 2) поиск и расширение возможностей для результативного и эффективного решения поставленных задач с учетом выявленной неопределенности;
- 3) разработка путей снижения вероятных рисков;
- 4) доработка планов предприятия с учетом выявленных рисков и комплексом мер для их снижения [Султанов, электронный ресурс, 2018].

Современная методология управления рисками предполагает активный подход в работе с источниками и последствиями выявляемых угроз и опасностей в отличие от недавнего прошлого, когда реагирование носило пассивный характер.

Можно также выделить несколько благоприятных моментов для внедрения технологии управления рисками на предприятиях индустрии туризма:

1. Период изменений в организационной структуре или составе персонала организации. В процессе этих изменений нужно актуализировать распределение ролей и обязанностей по управлению рисками и убедиться, что используемые подходы известны новой управленческой команде.

2. Любые трансформации организации. В процессе масштабных изменений появляются подходящие возможности для запуска процессов управления рисками применительно к самому изменению.

3. Утверждение новых стандартов на уровне организации или страны. Если стандарты касаются управления рисками, должна быть запущена процедура актуализации процесса. Если стандарты затрагивают смежные процессы, должен быть обновлен интерфейс взаимодействия процесса управления рисками с этими смежными процессами.

4. Реализация непредвиденного негативного или позитивного для организации события. В этом случае запускается процесс определения причин, оценки влияния этого события на организацию и фиксации извлеченных уроков. Такой инцидент, особенно реализовавшийся повторно, может быть сигналом для принятия решения о внедрении формализованного процесса управления рисками [Шелухин, 2012].

С целью изучения проблем управления рисками предприятий индустрии туризма было проведено авторское социологическое исследование методом анкетного опроса респондентов. Исследование осуществлялось в Белгородской области в марте-июне 2017 года (выборочная совокупность – 700 человек). Анкетный опрос включал в себя:

- опрос населения;
- опрос руководителей и сотрудников туристических предприятий;
- экспертный опрос.

Проведенное авторское исследование позволяет сделать вывод, что далеко не на всех предприятиях индустрии туризма выполнение проектов по управлению рисками включает идентификацию, оценку рисков, планирование мероприятий по управлению ими, а зачастую система управления рисками не используется вовсе. Так, только 33,6%



опрошенных руководителей и сотрудников туристских предприятий частично используют систему управления рисками в общем управлении предприятием, 29,3% ответивших отметили, что система управления рисками не используется, а 28,4% сообщили, что в их компании и не задумывались о внедрении данной системы управления. Возможно, в силу этого мы часто наблюдаем картину исчезновения с мирового рынка крупных туристических предприятий и банкротства авиакомпаний.

Однако, как выяснилось, руководители многих предприятий индустрии туризма все же начинают осознавать необходимость выделения как трудовых, так и материальных ресурсов на разработку и внедрение системы управления рисками на своих предприятиях (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Считаете ли Вы целесообразными затраты на внедрение технологий по управлению рисками на предприятии?
Do you consider it appropriate to spend the costs of implementing technologies for risk management in the enterprise?

Значения	Частота	% от ответивших
1) да, на предприятии постоянно должна осуществляться деятельность по управлению рисками	22	19,5
2) да, периодически необходимо оценивать ситуацию по управлению рисками	59	52,2
3) нет, так как рисками невозможно управлять	5	4,4
4) затрудняюсь ответить	27	23,9
Итого ответивших:	113	100,0

Как показали результаты исследования, большую роль в вопросе о готовности к внедрению технологии управления рисками на предприятии играет практика ее успешного использования в других компаниях. Так, 38,5% руководителей туристских компаний считают, что готовы внедрить инновационную технологию управления рисками, удостоверившись в ее качестве, еще 33,3% ответивших респондентов внедрились бы, но только видя положительные результаты других компаний. В целом многие руководители опрошенных предприятий считают целесообразным наличие такой функции в системе общего управления предприятием.

Заключение

Таким образом, в ходе проведения исследования была подтверждена значимость комплексного изучения и использования инновационной технологии управления рисками предприятий индустрии туризма. Туристическим компаниям необходимо определить, насколько их система управления рисками соответствует требованиям времени и с учетом особенностей регулирования в тех странах, с которыми они ведут совместную деятельность. Поскольку темпы изменений в ближайшие годы будут только нарастать, пересмотреть и улучшить средства управления рисками нужно уже сейчас. Тщательный анализ системы управления рисками позволит предприятиям не только выявить области, требующие улучшения в результате изменения деловой и нормативно-правовой среды, но и найти способы повышения эффективности своей деятельности.

Организации могут более четко обозначить функции и обязанности лиц, ответственных за поддержание надлежащей контрольной среды, и наделить их более широкими полномочиями. При этом важно понимать, что конечную ответственность за внутренний контроль и управление рисками несет руководство.

Внедрение в деятельность технологии управления рисками обеспечивает предприятию социальную и экономическую стабильность, а не является простой формальностью. Надежные системы внутреннего контроля и управления рисками позволяют улучшить показатели деятельности и повысить эффективность работы компании сферы туризма в долгосрочной перспективе.

Список литературы References

1. Киселева И.А. 2017. Риски в деятельности туристической компании. NovaInfo.Ru. № 58 (2): 126–138.
Kiseleva I.A. 2017. Riski v dejatel'nosti turisticheskoy kompanii [Risks in the activity of the tourist enterprise]. NovaInfo.Ru. № 58 (2): 126–138. (In Russian)
2. Кузнецова Н.В. 2011. Управление рисками. Владивосток: Издательство дальневосточного университета, 168 с.
Kuznesova N.V. 2011. Upravlenie riskami [Risk management]. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 168. (In Russian)
3. Майсигова Л.А. 2014. Перспективы развития системы внутреннего контроля и аудита на основе риск-ориентированного подхода. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. №9-10: 306–311.
Majsigova L.A. 2014. Perspektivy razvitiya sistemy vnutrennego kontrolya i audita na osnove risk-orientirovannogo podhoda [Prospects of development of internal control and audit system based on risk-based approach]. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. № 9–10: 306–311. (In Russian)
4. Матвеева К.А. 2009. Особенности социологического изучения рисков. Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». № 1: 131–137.
Matveeva K.A. 2009. Osobennosti sociologicheskogo izuchenija riskov [Specifics of sociological study of risk]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Filosofija. Psihologija. Pedagogika» [Journal of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. № 1: 131–137. (In Russian)
5. Матвеев Ю.И. 2012. Современные подходы к изучению риска. Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. № 1–1: 165–173.
Matveenko Ju.I. 2012. Sovremennye podhody k izucheniju riska [Modern approaches to the study of risk]. Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki [Journal of TulSU. Humanitarian science]. № 1–1: 165–173. (In Russian)
6. Султанов И.А. 2017. План действий при управлении рисками проекта. Электронный ресурс. URL: <http://projectimo.ru/upravlenie-riskami/riski-proekta.html> (18 февраля 2018)
Sultanov I.A. 2017. Plan dejstvij pri upravlenii riskami proekta [Action plan for project management]. Available at: <http://projectimo.ru/upravlenie-riskami/riski-proekta.html> (accessed 18 February 2018). (In Russian)
7. Султанов И.А. 2017. Построение систем управления рисками. Электронный ресурс. URL: <http://projectimo.ru/upravlenie-riskami/sistema-upravleniya-riskami.html> (20 февраля.2018)
Sultanov I.A. 2017. Postroenie sistem upravlenija riskami [Building risk management systems]. Available at: <http://projectimo.ru/upravlenie-riskami/sistema-upravleniya-riskami.html> (accessed 20 February 2018). (In Russian)
8. Хмыров В.В. 2013. Управление рисками: современные международные стандарты. Социально-политические науки. № 2: 82–85.
Hmyrov V.V. 2013. Upravlenie riskami: sovremennye mezhdunarodnye standarty [Risk management: modern international standards]. Social'no-politicheskie nauki [Socio-political sciences]. № 2: 82–85. (In Russian)
9. Шелухин А.А. 2012. Анализ практики применения системы управления рисками. Kant. №3 (6): 35–38.
Sheluhin A.A. 2012. Analiz praktiki primeneniya sistemy upravlenija riskami [The analysis of practice of application of the risk management system]. Kant. №3 (6): 35–38. (In Russian)
10. Юрлова Н.С., Скачок, И.В. 2014. Управление рисками. Вестник НГИЭИ. №3 (34): 95–98.
Jurlova N.S., Skachok, I.V. 2014. Upravlenie riskami [Risk management]. Vestnik NGIIEI [Journal of NGIIEI]. № 3 (34): 95–98. (In Russian)



УДК 141.319.8

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-582-586

**МАГИСТРАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
ПОНИМАНИЯ ВЛАСТИ: МЕТАФИЗИКА VERSUS ДИАЛЕКТИКА****MAIN THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO
UNDERSTANDING POWER: DIALECTICS VERSUS METAPHYSICS****С.С. Черных
S.S. Chernykh**

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
Россия, 346428, г.Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russia

E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Аннотация

В статье представлен сравнительный философский анализ метафизического и диалектического подходов понимания власти в антропологической перспективе. Отмечается, что в эпоху Нового времени наметилась оппозиция между двумя подходами интерпретации власти, связанная во многом с изменением в культуре соотношения таких понятий, как «вечность» и «время», происшедшее на фоне качественного роста производительных сил человечества и классовой борьбы.

Abstract

Power as a special form of human activity, realized through a certain culture and specific knowledge and skills specific for its implementation, was already examined in detail in ancient philosophy, primarily in the writings of Plato and, in part, Aristotle. During the subsequent long historical period (several millennia), power was interpreted from the metaphysical position (*sub specie aeternitatis*), that is, as power, power and glory originating from the higher (eternal) transcendental source.

The article presents a comparative philosophical analysis of the metaphysical and dialectical approaches to understanding power in the anthropological perspective. It is noted that in the era of modern times there has been an opposition between the two approaches to the interpretation of power, which is connected in many respects with the change in the culture of the correlation of such concepts as "eternity" and "time" that occurred against the background of a qualitative growth of the productive forces of mankind and the class struggle.

Ключевые слова: метафизика власти, диалектика власти, расколдовывание мира, современность, антропология власти, отчужденный труд.

Keywords: the metaphysics of power, the dialectics of power, the disenchantment of the world, modernity, the anthropology of power, alienated labor.

Философские высказывания о власти во многом определяются общественно-историческим бытием, включенностью людей в процессы культурного развития и становления глобального научно-технического субъекта современной цивилизации. В данной связи можно говорить о различных способах и коллективных установках понимания и восприятия власти, которые преобладали в те или иные исторические эпохи и способствовали формированию различных, но вместе с тем взаимосвязанных дискурсов власти. В целом мы считаем вполне оправданным решением рассмотреть и провести в данной статье сравнительный анализ, прежде всего, *метафизический и диалектический подходы*

понимания власти, способных обеспечить теоретический каркас для последующих философско-антропологических исследований власти.

Власть как особая форма человеческой деятельности, реализуемая при посредстве определенной культуры и специфических для своего осуществления знаний и умений, подробно рассматривалась уже в античной философии, прежде всего в трудах Платона и отчасти Аристотеля. При этом в течение последующего длительного исторического периода (нескольких тысячелетий) власть интерпретировалась исходя из метафизической позиции (*sub specie aeternitatis*), то есть как мощь, сила и слава, берущая своё начало из высшего (вечного) трансцендентного источника. Интересно, что, согласно мысли Платона, само время представляет собой текучий образ вечности, оказывается, что «образец – это существующее везде вечность; а его образ – это непрестанно, в пределах всего времени, бывшее, сущее и имеющее быть» [8. С. 982]. Следовательно, само время существует лишь по причастию к вечности, как впрочем, и «земная» власть осуществляется в силу своей причастности к трансцендентному источнику.

Таким образом, метафизический способ понимания власти необходимо должен интегрировать в себя понятие «вечной власти», выражающей господство вечности над временем. Поэтому сторонники метафизического взгляда на власть будут, например, стремиться оперировать такими понятиями как вечные и неизменные ценности, а на практике зачастую проводить консервативную политику, во многом ориентированную на религиозный опыт и память культурных традиций прошлого. Этот же способ понимания власти будет также характерен для большинства теологических дискурсов, в которых вся реальная полнота власти всегда сохраняется за Богом.

«Средневековая» власть, рефлексия которой осуществлялась посредством христианской теологии, несмотря на то, что смогла в определенной степени изжить античное рабство, вместе с тем она *par excellence* оставалась патриархальной и понималась (мышлением своей эпохи) в качестве метафизической инстанции, настоятельно (через своих верных слугителей) рекомендуемой своим подданным подчиняться земному монарху как собственному отцу по аналогии с Отцом Небесным. В данной связи крупнейший представитель схоластики Дунс Скот писал, что «власть есть отцовское председательствование по отношению к детям [или власть государя над подданными]» [2. С. 529]. Следовательно, постулируемый метафизический и сакральный характер власти (*potestas spiritualis*) и здесь (в эпоху средневековья) не ставился под сомнение, но рассматривался как присутствие идеального порядка в (изменчивом) мире становления и в целом оценивался как залог непреходящей (как бы гарантированной сверху) социальной стабильности.

Таким образом, метафизический способ понимания власти свидетельствует в пользу существования традиции такой её интерпретации, в которой субъект власти воспринимался как Богом данный «царь», обладающий силой противодействовать впадению государства, всего (христианского) общества и мира в хаос. Государь должен был выступать хранителем традиции, стоять на страже вечных и неизменных (трансцендентных) ценностей. В данной связи показательной является эсхатологическая концепция власти, в которой правитель исполняет роль *kat-echon* (греч. *ὁ κατέχων* – удерживающий) – проводника божественных сил, то есть понимается как сакральный деятель, оберегающий государство от распада, а подвластный (вверенный) ему народ – от искушений и морального падения.

Вместе с тем по мере качественного роста производительных сил совокупного человечества, утверждения господства науки и техники над окружающим миром (повлекшее за собой «расколдовывание» природы) и обострения процессов классовой борьбы центр осмысления рассматриваемой проблематики смещается в сторону постижения исторической сущности власти. Таким образом, в период Возрождения и Нового времени власть уже в значительной степени десакрализуется, о чём можно судить по работам ведущих политических мыслителей, таких как Н. Макиавелли и Т. Гоббс, акценты смещаются в сторону стратегий и практик, позволяющих реализовывать власть (без особой оглядки на



трансцендентное), исходя из вполне земных (временных и естественных) эгоистических стремлений человека.

Поэтому собственно Н. Макиавелли и утверждает, что эффективный властитель, то есть «государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя» [7. С. 91]. Властитель, таким образом, должен брать пример с хищных зверей, совмещая в себе храбрость льва и хитрость лисицы. В данной связи власть, как право сильного, стала пониматься в качестве набора технологий управления, позволяющих властителю быть хитрым и жестоким (а порой и откровенно коварным) в отношении подвластных. Интересно в данной связи, что английский философ Т. Гоббс, во многом предвосхищая ницшеанские установки, считал, что человеком движет именно «вечное и беспристрастное желание всё большей и большей власти, желание, которое прекращается лишь со смертью ...» [5. С. 153]. Вместе с тем Т. Гоббс уже довольно отчетливо понимал власть в терминах рационального обмена, полагая, что подвластные индивиды расплачиваются за преодоление страха (перед «войной всех против всех») собственной («естественной») свободой.

Но пожалуй что только в XIX веке с рефлексии Г.Ф.В. Гегеля над противоборством антропологических фигур *господина* и *раба* открывается перспектива диалектического рассмотрения власти, схваченная в своём историческом и конкретно-всеобщем определении. В результате власть связывается с экзистенциальными темами признания и «отчужденного» труда, которые также способствовали переключению философско-антропологического дискурса с метафизики «потустороннего» на актуальные проблемы (вызовы «современности» и трудности модернизации), возникшие в условиях социально-экономической развития в первую очередь европейского культурного ареала.

Поэтому именно в философии Гегеля, несмотря на её артикулируемый идеализм, активное использование понятия «дух» можно было рассмотреть вопрос о модификации человеческой природы посредством труда и техники. Не случайно, что именно он указал на то обстоятельство, что «народы горды своими орудиями» [3. С. 306] (поскольку продукты труда исчезают в потреблении, орудия же, несмотря на износ, сохраняются), определив тем самым технологический аспект власти человека над природой. Поэтому в гегелевском славословии человеческой руки как главного органа «воплощения себя» можно вполне усмотреть будущие марксистские требования освобождения труда и трудящихся.

Согласно Гегелю, именно *рука* есть одушевленный кузнец человеческого счастья; поэтому «о ней можно сказать, что она *есть* то, что человек *делает*, ибо в ней как в деятельном органе своего самоосуществления человек наличествует как одушевляющее начало, и так как он первоначально является своей собственной судьбой, то, стало быть, рука выразит это “в-себе”» [4. С. 185]. Несомненно, что в русле именно гегелевской мысли диалектика власти приобретает свой классовый характер и получает дальнейшее развитие в сочинениях К. Маркса, Ф. Энгельса и их многочисленных идейных последователей.

Таким образом, в согласии с марксистской (классовой) теорией рассуждения метафизического характера стали рассматриваться как компоненты «ложного» сознания, которые были навязаны подвластным (пролетариату) представителями господствующих классов (главным образом клириками и аристократами). Следовательно, марксистам (как впрочем, и другим «левым» гегельянцам) надо было провести «деконструкцию» самого метафизического способа понимания власти, который, по их мнению, способствовал сохранению (уже отживших) «заскорузлых» порядков господства (например, монархии освященной мистическим авторитетом Церкви) и препятствовал социальному обновлению и эмансипации. Поэтому в век позитивизма метафизический способ восприятия и понимания власти зачастую стал обвиняться в антинаучности.

Конечно, метафизический способ постижения какой-либо реальности полностью не отрицался, но считался ограниченным и односторонним, в особенности применительно к рассмотрению природы возникновения и сущности власти. Как писал об этом Ф. Энгельс: «Метафизический способ понимания хотя и является правомерным и даже необходимым в

известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием – их возникновение и исчезновение, из-за их покоя забывает их движения, за деревьями не видит леса» [9. С. 17]. В связи с чем и метафизическое понимание власти в качестве «застывшего», неизменного, иерархического порядка (господ и их подвластных), данного людям от века, например, Богом, отрицалось, особенно на фоне имевших определенный успех буржуазных и пролетарских революций.

Таким образом, в результате стремительной секуляризации европейской культуры, научно-технической и политической модернизации сам метафизический способ понимания власти, осуществляемый сквозь призму вечности, стал активно отвергаться рядом ведущих течений философской мысли (марксизм, «позитивизм», «философия жизни», психоанализ З. Фрейда), тяготеющими к атеизму либо агностицизму, эволюционному материализму или психологическому феноменализму, как не соответствующий критериям познания «современности» (modernity). При том, что критика метафизического способа понимания власти протекала в условиях жёсткой идеологической (а порой и вооруженной) борьбы, направляемой желанием (социалистической) эгалитаризации культуры и общества. Более того, эмансипация человека от прежних традиций включала в себя вполне откровенный проект если не полного разрушения, то маргинализации дискурсов власти, основанных на метафизическом способе её понимания и интерпретации.

Как в данной связи отмечает Н. Луман, начиная уже с эпохи Просвещения произошёл существенный сдвиг в самоописании и самоинтерпретации процессов, происходящих в антропологической реальности и социальном бытии европейцев. Таким образом, сам концепт «Новое время» возник в целях демонстрации того, как «ориентационный центр тяжести временной диспозиции постепенно смещается в область будущего» [6. С. 152]. Данному «новому» видению грядущего, несомненно, способствовала секуляризация общественного сознания и значительное ослабление эсхатологических паттернов мышления предшествующей эпохи «Средневековья». Таким образом, если раньше перед религиозными умами маячила перспектива неизбежной деградации человечества под властью надвигающегося Антихриста, то в «Новое время», напротив, возникла вполне позитивная перспектива практически неограниченного как физического, так и морального самосовершенствования и улучшения человеческого рода посредством комплексного воздействия науки, техники и образования.

Очевидно, что коллективное сознание «современности» стало в значительной степени более историчным, отказываясь от концепта «вечность», что привело к переоценке ценности настоящего момента. «Настоящее – как писал Н. Луман, – это теперь уже не присутствие вечности во времени; как, впрочем, она уже не является и ситуацией, в которой можно было бы влиять на спасение души, принимая решение в пользу или против греха. *Настоящее как раз есть не что иное, как дифференциация прошлого и будущего*» [6. С. 152]. Таким образом, «современность» характеризуется тем, что лишь *новизна*, обращенная в будущее и связанная с ней позитивная оценка перспектив человеческого развития, а не система «вечных» (неизменных) данных от века истин способна выступать в качестве облагораживающей инстанции.

В заключение проведенного нами сравнительного анализа двух методов понимания власти мы выяснили, что первый из них (метафизический) способ связан с производством «традиционных» ценностей, ему присущ консерватизм в понимании власти, а также свойственно неприятие секуляризации. Второй (диалектический) способ во многом выступает источником модернизации и эгалитаризации культуры и общества; первый можно было бы определить как дискурс стабильности и неизменности, второй – прежде всего как дискурс борьбы и перемен. Вместе с тем выбор в пользу того или другого при рассмотрении



власти находится в зависимости от мировоззренческих позиций исследователей, но также они могут вполне применяться комплексно.

Список литературы

References

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ; АСТ Москва, 2010. 393 с.
Aristotel'. Politika. M.: AST; AST Moskva, 2010. 393 s.
2. Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное. М.: Издательство Францисканцев, 2001. 583 с.
Blazhennyu Ioann Duns Skot. Izbrannoye. M.: Izdatel'stvo Frantsiskantsev, 2001. 583 s.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х т. М.: Мысль, 1970. Т.1. 668 с.
Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let: v 2-kh t. M.: Mysl', 1970. T.1. 668 s.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii. M.: Eksmo, 2007. 880 s.
5. Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.
Gobbs T. Leviatan. M.: RIPOL klassik, 2016. 672 s.
6. Луман Н. Самоописания. М.: Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.
Luman N. Samoopisaniya. M.: Izdatel'stvo «Logos», ITDGK «Gnozis», 2009. 320 s.
7. Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве. М.: Издательство АСТ, 2016. 416 с.
Makiavelli N. Gosudar'. O voyennom iskusstve. M.: Izdatel'stvo AST, 2016. 416 s.
8. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013. 1311с.
Platon. Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome. M.: AL'FA-KNIGA, 2013. 1311s.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1977. 483 с.
Engel's F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyu gospodinom Yevgeniyem Dyuringom. M.: Politizdat, 1977. 483 s.

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-587-593

**КНИГА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ****THE BOOK AS A SUBJECT OF PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES****С.М. Шарабарин
S.M. Sharabarin**

Белгородский институт искусств и культуры, Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

Belgorod state institute of arts and culture, 7 Korolyova st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: mixailsharabarin@mail.ru

Аннотация

В статье дается обоснование общего философско-культурологического подхода к пониманию феномена книги в виде синтеза экзистенциального и семиотического методов, на основе концепции «мира как книги» Х.-Л. Борхеса и концепции полиморфизма семиосферы Ю.М. Лотмана. Показано, что выход за рамки тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции возможен в рамках понимания книги как «модели мира» и как динамического субъекта культуры, обладающего диалогическим статусом. Книга развивалась одновременно с развитием общества, воплощая в себе его основные достижения и отвечая требованиям той или иной исторической эпохи. Книга как продукт, созданный в сфере материального производства, имеет вещественную форму, отличающуюся индивидуальностью элементов, характерных для каждого исторического отрезка времени. Вместе с тем она оказывает воздействие на самую тонкую сферу человеческой личности – на его духовный мир.

Abstract

The article substantiates the General philosophical and cultural approach to understanding the phenomenon of the book in the form of synthesis of existential and semiotic methods, based on the concept of "the world as a book" by H.-L. Borges and the concept of polymorphism of the semiosphere by Y. M. Lotman. It is shown that going beyond the trivial ideas about the "ontology" of the book and its cultural function is possible within the framework of understanding the book as a "model of the world" and as a dynamic subject of culture, which has a dialogical status. The book developed simultaneously with the development of society, embodying its main achievements and meeting the requirements of a particular historical era. The book as a product created in the field of material production, has a real form, different personality elements characteristic of each historical period of time. At the same time, it affects the most delicate sphere of the human person – his spiritual world. Under the influence of the book, each individual has different ideas, images, thoughts, which in the process of existence form a cumulative knowledge, giving impetus to a new round in the development of social consciousness.

Ключевые слова: книга, мир, семиосфера, Х.-Л. Борхес, Ю.М. Лотман.**Keywords:** book, world, universe of the mind, H.-L. Borges, Y.M. Lotman.

Общеизвестный феномен книги содержит в себе ряд парадоксов философского характера, которые требуют специального анализа. В первую очередь, это парадокс передачи духовного содержания посредством материального носителя и парадокс передачи особого индивидуального содержания посредством массового и стандартизированного фено-



мена, каковым является книга в своей материальной форме. Вместе с тем до настоящего времени не существует такой специальной сферы философской рефлексии, которую можно определить как «философию книги», хотя ценные наработки в этом направлении имеются. Так, в теоретико-методологическом труде известного русского книговеда М.Н. Куфаева (1888–1948) «Проблемы философии книги» (1924) книга определялась как «психический» феномен и как особая форма общения [8, с. 65].

Среди работ современных авторов стоит выделить статью М.П. Ельникова «Феномен книги (теоретико-гносеологический аспект)», в которой автор рассматривает специфику познания реальности через книгу на основе герменевтического подхода [5]. В свою очередь, К.С. Загаров в статье «Книга как феномен культуры» предложил ее философско-культурологическое определение: «сущность книги как категории, как системы смыслов заключается в том, что книга – это способ отражения (авторской мысли и т. д.) и средство формирования индивидуального, общественного и группового сознания (восприятие ее читателями)... Отсюда книга – это не только материально-предметная ее оболочка (книжное издание), но и нечто идеальное, что существует умозрительно, в нашем сознании, т. е. после ее прочтения в нашем сознание остается некое отражение содержания книги, идея, образ, который будет храниться в нашей памяти вне зависимости от существования материальной конструкции книги. Сущность книги на протяжении веков остается неизменной, тогда как форма книги может меняться» [6]. Как видим, это автор просто констатирует парадоксы книги, но не дает им объяснения.

Т.А. Бруева в первой в России кандидатской диссертации, написанной на эту тему «Книга как феномен культуры: философский аспект» (2006) особое внимание уделила кризису книги в информационную эпоху. Согласно ее тезису, «антропологическая суть этого кризиса состоит в игнорировании аудиовизуальной культурой творческого воображения субъекта и его идеалов и ценностей» [4, с. 12]. В коллективной монографии «Общество и книги: от Гутенберга до Интернета» (2000) для нашей темы представляют интерес статьи известного философа В.М. Межуева «Феномен книги и национальное в культуре» [12] и П.Д. Тищенко «Книга как антропология» [13]. В первой из них книга рассматривается как феномен, конституирующий национальное бытие, создавая историческую память; во второй – выделен тот аспект книги, который связан с конституированием «образа человека».

Несмотря на разнообразие подходов, очевидно, что до сих пор не удалось выйти за рамки достаточно тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции. На наш взгляд, это можно сделать, если обратиться к двум важным интеллектуальным традициям в осмыслении бытия текстовой культуры и, соответственно, книги. Первая – это экзистенциальная рефлексия над книгой, особо ярко явленная в некоторых эссе Х.-Л. Борхеса; вторая – это концепция полиморфизма «семиосферы» Ю.М. Лотмана.

Целью данной статьи является обоснование и формулировка общего философско-культурологического подхода к пониманию феномена книги на «пересечении» экзистенциального и семиотического методов.

Сразу же стоит отметить, что изначальное единство экзистенциального и семиотического аспектов имеет место в тех случаях, в которых книга рассматривается как особый архетип культуры, пронизывающий все отдельные исторические культуры. Например, в таком определении:

«Символ вселенной, книги мира и книги жизни. Открытая книга означает книгу жизни, учение и дух мудрости, откровение и мудрость писаний. Книга связана с символизмом дерева, и дерево вместе с книгой могут олицетворять целый космос... Страницы жизни есть листья Космического Древа, символизирующие все существующее во вселен-

ной; Десять Тысяч Вещей. Книга – одна из Восьми Святых Вещей в китайском буддизме. В христианстве книги – это апостолы, просвещающие нации. Эмблема святых Августина и Киприана. Христа часто изображают держащим книгу. В исламе вселенная – это просторная книга (ибн Араби). Книга с ручкой – созидательная субстанция, статичное бытие; ручка – это созидательный принцип. Священная Книга – это Имя Божье, истина и милосердие» [7, с. 412].

В другом издании книга определяется как «самоочевидная эмблема мудрости, науки и учения, книга также широко применяется в иконографии как символ Божественного Откровения, особенно в христианской и исламской религиях. Для арабских мистиков книга была метафорой самой жизни, всего мироздания. В некоторых легендах о Граале рыцари ищут не чашу, а книгу и потерянное слово. В живописи с книгой в руках изображались пророки, апостолы (евангелист Иоанн изображен погруженным в Книгу Откровения), Христос, Дева Мария в сценах Благовещения и аллегорические фигуры Истории, Философии, а также Музы. Книга с крестом означает Веру. Сжигание книг символизирует отречение от старых верований и традиций» [14, с. 209].

Как видим, в приведенных примерах «архетипических» определений книги она рассматривается в связи с самыми общими символами культуры, имеющими экзистенциальный характер. Тем не менее, задача философской рефлексии в данном случае состоит в том, чтобы разделить эти аспекты и тем самым рассмотреть их по отдельности. Начнем с первого из них.

Хорхе Луи Борхес свое эссе «Книга» начинает с феноменологического определения: «Среди различных орудий, которыми располагает человек, самым удивительным, несомненно, является книга. Все остальное можно считать его физическим продолжением. Микроскоп и телескоп – продолжают глаз, телефон – голос, плуг и шпага – руки. Но книга – совсем другое дело, книга – продолжение памяти и воображения» [1, с. 501]. Тем самым книга выделяется в особую сферу проявления человеческих «сущностных сил», принципиально отличную от телесности и прагматических целей.

Далее Х.-Л. Борхес пишет о каббалистах, которые «полагали, что сила веления Господа исходила из букв в словах. В трактате «Сефер Йецира» («Книга Творения»), написанном в Сирии или в Палестине около VI века, говорится, что Иегова Сил, Бог Израиля и всемогущий Бог сотворил мир с помощью основных чисел от одного до десяти и с помощью двадцати двух букв алфавита. Что числа суть орудия или элементы Творения – это догмат Пифагора и Ямвлиха; но что буквы играют ту же роль – это ясное свидетельство нового культа письма» [2, с. 425].

«Но христиане пошли еще дальше, – продолжает Х.-Л. Борхес. – Идея, что Бог написал книгу, побудила их вообразить, что Он написал две книги, одна из которых – Вселенная. В начале XVII века Фрэнсис Бэкон в своем «Advancement of learning» заявил, что Бог, дабы мы избежали заблуждений, дает нам две книги: первая – это свиток Писания, открывающий нам Его волю; вторая – свиток творений, открывающий нам Его могущество, и вторая представляет собою ключ к первой. Бэкон имел в виду нечто гораздо большее, чем яркая метафора: он полагал, что мир можно свести к основным формам (температура, плотность, вес, цвет), ограниченное число которых составляет *abecedarium naturae*, или ряд букв, которыми записан универсальный текст Вселенной. Сэр Томас Брауд в 1642 году написал: «Есть две книги, по которым я изучаю богословие: Священное Писание и тот универсальный и всем доступный манускрипт, который всегда у всех перед глазами. Кто не увидел Его в первом, те обнаружили Его во втором» («Religio Medici», I, 16)» [2, с. 425]. Наконец, весь этот исторический перечень концепций книги как мира или даже Вселенной, содержащейся в замысле Божиим, концепций, имевших сакральный, эзотерический характер, находит свое продолжение и в секулярной культуре, прежде всего,



у поэтов. «Согласно Малларме, – пишет Х.-Л. Борхес, – мир существует ради книги; согласно Блуа, мы – строки, или слова, или буквы магической книги, и эта вечно пишущаяся книга – единственное, что есть в мире, вернее, она и есть мир» [2, с. 428]. А в эссе «Цветок Колриджа» он приводит слова Эмерсона: «Все книги на свете написаны, я бы сказал, одной рукой: по сути они так едины, словно составляют собрание сочинений одного странствующего и вездесущего автора» [3, с. 338].

Давая сжатую картину мышления о книге как бы всего целостного человечества, Х.-Л. Борхес осуществил рефлексию, которая основана не на абстрактных рассуждениях, а на совокупности общечеловеческого опыта. Этот опыт, в конечном счете можно свести к трем положениям: 1) книга есть модель Вселенной; 2) прообразом, «архетипом» книги является Слово Божие; 3) все разнообразие книг является проявлением единства человеческого духа всех времен и народов, и в этом смысле все они являются частями одной Книги.

Семиотический подход Ю.М. Лотмана позволяет рассмотреть феномен книги с прямо противоположной стороны – не с религиозно-мистической, а с сугубо приземленной, рассматривая ее в первую очередь как источник информации и средство ее передачи. Такое представление опирается на определенную модель культуры. Как пишет автор, «культура есть устройство, вырабатывающее информацию. Подобно тому как биосфера с помощью солнечной энергии перерабатывает неживое в живое (Вернадский), культура, опираясь на ресурсы окружающего мира, превращает не-информацию в информацию. Она есть антиэнтропийный механизм человечества). К ней можно применить слова Гераклита Эфесского: «Психее присущ самовозрастающий логос». Для того, чтобы культура могла выполнить эту задачу, ей необходима, прежде всего, сложная внутренняя организация» [9, с. 9].

Данное определение культуры затем конкретизируется у него в понятиях «семиотического универсума» или «семиосферы». Как пишет Ю.М. Лотман, «можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда все здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а “большая система”, именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса» [11, с. 13].

В статье «Динамическая модель семиотической системы» Ю.М. Лотман предлагает такую модель функционирования семиосферы, в рамках которой можно понять книгу как специфический семиотический феномен со своими особыми законами функционирования в рамках данной системы. «Поскольку описание, – пишет автор, – влечет за собой повышение меры организованности, самописание той или иной семиотической системы, создание грамматики самой себя является мощным средством самоорганизации системы. В такой момент исторического существования данного языка и – шире – данной культуры вообще в недрах семиотической системы выделяется некоторый подъязык (и подгруппа текстов), который рассматривается как метаязык для описания ее же самой» [10, с. 93]. Именно исторический момент появления «метаязыка для описания ее же самой» в рамках семиотической системы и становится тем моментом, когда в культуре появляется возможность и необходимость создания письменных текстов, которые чуть позже и создадут уже книгу как специальную форму организации этих текстов в относительно замкнутые целостности. Тем самым концепция Ю.М. Лотмана позволяет перейти от эмпирической фиксации появления письменных текстов и книги в культуре, к теоретическому объяснению этого момента.

В концепции Ю.М. Лотмана сформулирован и «механизм» этого процесса, суть которого состоит в том, что «создание определенной системы самоописания “доорганизовыв-

вает” и одновременно упрощает (отсекает «излишнее») не только в синхронном, но и в диахронном состоянии объекта, то есть создает его историю с точки зрения самого себя. Складывание новой культурной ситуации и новой системы самоописаний переорганизует предшествующие ее состояния, то есть создает новую концепцию истории. Это вызывает двойные последствия: с одной стороны, открываются забытые предшественники, культурные деятели, и историки более раннего периода обвиняются в слепоте. Предшествующие данной системе факты, описанные в ее терминах, естественно, могут привести только к ней и лишь в ней обрести единство и определенность» [10, с. 95]. Это описание общего семиотического процесса весьма четко соответствует историческому «механизму», который можно было бы назвать «книгопорождением». Действительно, именно такой процесс непрерывного самоописания и доорганизывания системы культуры как динамической семиотической системы требует создания своих жестко фиксированных форм, каковыми и становятся книги.

Этот процесс имеет свои особые закономерности и на уровне работы субъекта культуры – человека. Как пишет Ю.М. Лотман, «в памяти культуры (а также любого культурного коллектива, включая отдельного индивида) хранится не одна, а целый набор метасистем, регулирующих его поведение. Системы эти могут быть взаимно не связаны и обладать различной степенью актуальности. Это позволяет, меняя место той или иной системы на шкале актуализованности и обязательности, переводить текст из неправильного в правильный, из запрещенного в разрешенный. Однако смысл амбивалентности как динамического механизма культуры именно в том, что память о той системе, в свете которой текст был запрещен, не исчезает, сохраняясь на периферии системных регуляторов» [10, с. 98]. Действительно, усилия автора – субъекта, создающего книгу, в целом регулируются именно этой динамикой актуализации культурной периферии, перевода текста «из неправильного в правильный, из запрещенного в разрешенный», и поэтому все новое, что создается в этом сложном процессе, формируя уникальность содержания книги, становится возможным как индивидуализация этих изначальных условий.

Особенно значимый и тонкий момент в индивидуализации содержания книги определяется отношением автора со своим символическим Другим – то есть тем культурным полем, от которого он отталкивается, либо, наоборот, к которому притягивается или которое хочет создать впервые. Ю.М. Лотман описывает этот процесс как «перевод» одного содержания в другое и как преодоление «чужого» таким образом: «В более сложных коммуникативных ситуациях “я” заинтересован в том, чтобы контрагент был именно “другим”, поскольку неполнота информации может полезно восполняться лишь стереоскопичностью точек зрения сообщения. В этом случае полезным свойством оказывается не легкость, а трудность взаимопонимания, поскольку именно она связывается с наличием в сообщении “чужой” позиции. Таким образом, акт коммуникации уподобляется не простой передаче константного сообщения, а переводу, влекущему за собой преодоление некоторых – иногда весьма значительных – трудностей, определенные потери и одновременно обогащение “меня” текстами, несущими чужую точку зрения. В результате “я” получаю возможность стать для себя также “другим”» [10, с. 100].

В своей основе этот процесс носит диалогический характер взаимного дополнения и пересечения субъектов: «Коммуникация между неидентичными отправителем и получателем информации означает, что “личности” участников коммуникативного акта могут быть истолкованы как наборы неадекватных, но обладающих определенными чертами общности кодов. Область пересечения кодов обеспечивает некоторый необходимый уровень низшего понимания. Сфера непересечения вызывает потребность установления эквивалентностей между различными элементами и создает базу для перевода» [10, с. 100]. Этот диалогический механизм переводит понимание книги и ее постоянного и все время



нового возникновения в культуре уже в тот экзистенциальный ракурс, о котором говорилось относительно концепции Х.Л. Борхеса. Тем самым здесь находят точку соприкосновения эти два принципиально разные подхода.

В качестве более общего вывода из проведенного анализа поставленной проблемы можно утверждать, что выход за рамки тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции возможен в рамках понимания книги как «модели мира» и как динамического субъекта культуры, обладающего особым «диалогическим» статусом. Две выявленные модели, по сути, являются взаимодополнительными и позволяют сочетать при изучении книги как культурно-исторического феномена как ее особый «метафизические» аспекты, так и конкретные механизмы информационного функционирования.

Список литературы

References

1. Борхес Х.-Л. Книга // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. – СПб: Амфора, 2011. С. 501–510.
Borges J. L. the Book // Borges, J. L. collected works in 4 volumes. Vol.3. – SPb: The Amphora, 2011. S. 501–510.
2. Борхес Х.-Л. О культе книг // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. – СПб: Амфора, 2011. С. 424–429.
Borges J. L., On the cult of books // Borges, J. L. collected works in 4 volumes. Vol.2. – SPb: The Amphora, 2011. P. 424–429.
3. Борхес Х.-Л. Цветок Колриджа // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. – СПб: Амфора, 2011. С. 338–342.
Borges H.-L. Flower of Coleridge // Borges H.-L. collected works in 4 volumes. Vol.2. – SPb: The Amphora, 2011. С. 338–342.
4. Бруева Т.А. Книга как феномен культуры: философский аспект: дисс. на соиск уч. ст. кандидата философских наук: 24.00.01. – Москва, 2006. 170 с.
Brueva T. A. Book as a phenomenon of culture: philosophical aspect: Diss. for the candidate of philosophical Sciences: 24.00.01. – Moscow, 2006. 170 p.
5. Ельников М.П. Феномен книги (теоретико-гносеологический аспект) // Книга. Исследования и материалы. – М.: Книга, 1995. Сб. 71. С. 53–69.
Elnikov M. P. phenomenon of the book (theoretical and epistemological aspect) // Book. Research and materials. – М.: Kniga, 1995. Sat. 71. P. 53–69.
6. Загаров К.С. Книга как феномен культуры // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 8 [Эл. ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/08/16535> (дата обращения: 07.08.2018).
Zahgarov K.C. Book as a phenomenon of culture // Modern scientific researches and innovations. 2012. № 8
7. Крылов П.А. Словарь символов. 990 слов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.
Krylov P. A. Dictionary of symbols. 990 words. – SPb.: Polygraph services, 2005. 432 s.
8. Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – 192 с.
Kufayev M. N. Problems of philosophy of the book. The book is in the process of communication. – М.: Science, 2004. - 192 p.
9. Лотман Ю.М. Вместо предисловия // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. I Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. С. 9–11.
Lotman Yu. M. Instead of the Foreword // Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. I Articles on semiotics and typology of culture. – Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 9–11.
10. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. I Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. С. 90–102.

Lotman Yu. M. Dynamic model of a semiotic system // Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. I Articles on semiotics and typology of culture. – Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 90–102.

11. Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. I Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. С. 11–25.

Lotman, Y. M. On semiosphere // Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. I Articles on semiotics and typology of culture. – Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 11–25.

12. Межуев В. М. Феномен книги и национальное в культуре // Общество и книги: от Гутенберга до Интернета. – М.: Традиция, 2000. С. 95–110.

Mezhuyev V. M. the phenomenon of books and national in culture // Society and books: from Gutenberg to the Internet. – М.: Tradition, 2000. P. 95–110.

13. Тищенко П. Д. Книга как антропология // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М.: Традиция, 2000. С. 185–194.

Tishchenko P. D. the Book as anthropology, Society and book: from Gutenberg to the Internet. – М.: Tradition, 2000. P. 185–194.

14. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с. Tresidder J. The dictionary of symbols. – М.: fair-PRESS, 1999. 448 s.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ****INFORMATION ABOUT AUTHORS**

- Аббасов Р.Г.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Александров А.Н.** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, подполковник полиции
- Аристов Е.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета
- Архипцев И.Н.** – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, капитан полиции
- Бабинцев В.П.** – доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бобков А.И.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Иркутского государственного университета
- Борисов С.Н.** – доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Булычев И.И.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного политехнического университета
- Васильева С.В.** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета
- Давлетшина А.М.** – ассистент Института по переподготовке и повышению квалификации Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
- Денисова Т.Ю.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Сургутского государственного университета
- Доржигушаева О.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
- Загайнова Г.Г.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия
- Захаров С.С.** – соискатель кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Иванов Ю.А.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и права Ивановского государственного университета (Шуйский филиал)
- Игнатов М.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры

- Игнатъев М.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Киреев М.Н.** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Ковалева М.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Курского государственного университета
- Кравец К.В.** – юрисконсульт правового управления Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мархгейм М.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мордовцева Т.В.** – доктор культурологии, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики
- Никонова Л.И.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Петрушенко С.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры естествознания и безопасности жизнедеятельности Таганрогского института имени А.П. Чехова
- Погосян В.Г.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного социального университета
- Пожарова Л.А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Прокофьев А.В.** – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН
- Резник С.В.** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России, заведующий кафедрой философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сафронова Е.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сорокин О.В.** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела социологии молодежи Институт социально-политических исследований РАН
- Стенюшкина С.Г.** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Струков В.Н.** – преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина
- Телегин А.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Курского государственного университета



-
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тресков А.П.** – кандидат юридических наук, судья Кировского районного суда
- Ушамирский А.Э.** – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Волжского института экономики, педагогики и права
- Федчин В.С.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и управления социальными процессами Иркутского государственного университета
- Черкесова К.И.** – преподаватель кафедры информатики и информационно-аналитических Белгородского государственного института искусств и культуры
- Черных С.С.** – кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии и психологии Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова
- Ян Е.И.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Шарабарин С.М.** – аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры

Подписной купон

Прошу оформить подписку на журнал «Научные ведомости Белгородского государственного университета» Серия _____ на следующие номера за 201_ год

1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал

(Отметьте, пожалуйста, требуемые номера в таблице)

комплект(ов)

Стоимость редакционной подписки в 2017 г.

(включает стоимость почтовой доставки заказной бандеролью по России):
на 1 месяц (1 номер) – 1100 руб.; на 12 месяцев (4 номера) – 3800 руб.;

ФИО _____

Индекс _____

Республика/Край/Область _____

Город/Село _____

Улица _____ дом _____ кв. _____

Телефон _____ E-mail _____

Дата /

Квитанция

ИЗВЕЩЕНИЕ	Форма № ПД-4		
	НИУ «БелГУ»		
	Наименование получателя платежа ИНН 3123035312; КПП 312301001; ОКАТО 14401365000; Р/с 40503810207004000002 в Белгородском отделении № 8592 ПАО Сбербанк БИК 041403633 К/счет 30101810100000000633 Вид платежа КОД 07430201010010000130 за что Подписку на журнал «Научные ведомости БелГУ. Серия « » (наименование банка, другие банковские реквизиты)		
	(Фамилия, И.,О., адрес плательщика)		
		Вид платежа	Дата
Кассир	Подписка на журнал «Научные ведомости БелГУ» Серия _____ на _____ 20__ года		
Плательщик			
КВИТАНЦИЯ Кассир	Форма № ПД-4		
	НИУ «БелГУ»		
	Наименование получателя платежа ИНН 3123035312; КПП 312301001; ОКАТО 14401365000; Р/с 40503810207004000002 в Белгородском отделении № 8592 ПАО Сбербанк БИК 041403633 К/счет 30101810100000000633 Вид платежа КОД 07430201010010000130 за что Подписку на журнал «Научные ведомости БелГУ. Серия « » (наименование банка, другие банковские реквизиты)		
	(Фамилия, И.,О., адрес плательщика)		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Научные ведомости БелГУ» Серия _____ на _____ 20__ года		
Плательщик			